

Смерть на кресте

Данкан Хистер

The Death of the Cross (Russian edition) Duncan Heaster
Carelinks, PO Box 152 Menai NSW 2234 AUSTRALIA
www.carelinks.net email: info@carelinks.net

1. Смерть на кресте – хронологический анализ
 - 1-1-1 Причины распятия
 - 1-1-2 Хронология распятия
 - 1-1-3 Высшая духовность
 - 1-1-4 Бичевание и предание
 - 1-1-4-1 Бичевание
 - 1-1-4-2 Непрестанное распятие и смерть
 - 1-1-4-3 Истязание Христа
 - 1-1-4-4 "Как овца, веден был Он на заклание"
 - 1-1-5 Путь на Голгофу
 - 1-1-6 Распятие
 - 1-1-6-1 Распятие Христа
 - 1-1-6-2 Надпись на кресте
 - 1-1-7 "Отче! прости им"
 - 1-1-8 "Стерегли Его там"
 - 1-1-8-1 Обнаженное распятие?
 - 1-1-8-2 Издевательства над распятым Христом
 - 1-1-9 "Жено! се, сын твой"
 - 1-1-10 "Ныне же будешь со Мною в раю"
 - 1-1-11 "Для чего Ты Меня оставил?"
 - 1-1-12 "Жажду"
 - 1-1-13 "Совершилось!"
 - 1-1-14 "Отче! в руки Твои предаю дух Мой"
 - 1-1-15 Распяты Христос
2. Центральное место распятия в Евангелиях
 3. Принуждение креста
 - 3-1 Иосиф и Никодим
 - 3-2 Необходимость креста
 - 3-3 Узы любви Христовой
 4. Явление Бога на кресте
 5. Крест в притчах
 6. Очищение
 7. Хлебопреломление
 - 7-1 Пасха и хлебопреломление
 - 7-2 Хлебопреломление как мирная жертва
 - 7-3 Хлебопреломление в Послании к Евреям
 - 7-4 Крест и хлебопреломление, как предвкушение суда
 - 7-4-2 Крест и испытание самих себя
 - 7-4-3 Крест и суд
 - 7-4-4 Преломление хлеба и суд
 - 7-4-5 Чаша Иосифа для гадания
 - 7-4-6 Закон о ревновании

7-4-7 Хлебопреломление: практические советы

7-5 Важность преломления хлеба

8. Крест в Евангелии от Иоанна

9. Последующий камень

10. Взятие креста

11. Христианский экстремизм

12. Петр и крест

13. Отражение любви Христовой

14. Осуждение креста

4-1 Смерть на кресте – хронологический анализ

4-1-1 Причины распятия

Это изучение мы начнем с того момента, когда толпа выбрала Варавву, после чего Господь подвергся бичеванию и был предан на распятие. Четыре Евангелия описывают все детали одного и того же события по-разному. Это хорошо заметно на ниже приведенной таблице. Когда же все четыре Евангелия упоминают одно и то же событие, то это, похоже означает, что Дух придавал ему особое значение. То, что толпа предпочла Варавву Господу славы, является одной из составляющих Страстей Христовых, описанной всеми четырьмя евангелистами. О Варавве сказано достаточно, для того чтобы понять, каким он был злодеем (Мф 27,16; Мк 15,7; Лк 23,19; Ин 18,40). То, что люди отвергли Праведника, непорочного Агнца Божия и предпочли Ему такого человека, является трагедией всего рода человеческого, всего нашего естества. А ведь то была экклесия того времени, сделавшая свой подлый выбор, распяв Господа Иисуса.

Всё то же естество, всё та же слепота существует во всех нас. Душевное сопереживание всей процедуры суда и распятия, может перевернуть наше врожденное естество, почувствовать стыд за всю нашу человеческую породу. Впрочем, похоже, что сильное чувство стыда за род людской дано испытать очень и очень немногим.

На Господа Иисуса, возможно, произвело сильное впечатление желание Пилата освободить Его. И нам не стоит при изучении причин распятия выпускать это из вида. Любой обладатель человеческого естества, наверняка почувствовал слабое недовольство, если бы Пилат, вдруг, ни с того ни с сего, взял и отпустил бы Его. А это, в случае с Иисусом, было очень возможно, ибо все ветхозаветные образы указывают на спасение в самый последний момент. Очень может быть, что возглас, “Элои! Элои! ламма савахфани”, был намеком на овна, запутавшегося в чаще рогами своими (см. ниже). Как будто Он хотел сказать: “Зачем Ты запутал Меня, как овна, и не спас Меня в последний момент, как Ты спас Исаака?” Если Господь думал о спасении в последний момент (а Он думал о нем, по крайней мере, в Гефсимании), то напряжение, испытываемое Им, должно было быть очень большим. Вероятно во время страданий Он испытывал большое искушение снова и снова повторять: “Да минует Меня чаша сия...” Впрочем, Он также хорошо сознавал, что ответом на Его молитвы было совершение воли Отца. Но Господь также хорошо знал, что Пилат на Пасху, по обычаю Иудейскому, как Пасхального агнца, отпускал, в знамение освобождения Израиля из Египта, одного из пленников. Должно быть эта мысль не покидала Господа. Ведь это Он был Агнцем, а также образом всего освобождаемого народа. Буду ли Я освобожден, как были, и еще будут освобождены они? Однако, если Я Агнец, то перед освобождением Я должен умереть? “Боже Мой! для чего Ты Меня оставил (запутал)?” Его просьба, чтобы чаша минула Его... Всё это достаточно убедительно говорит о том, что Господь, хотя до этого и много говоривший о смерти, не был полностью готов к ней, когда она вплотную приблизилась к Нему. То, что Он обладал

исключительным даром в изучении Ветхого Завета (в одной Его фразе можно найти восемь, а то и больше, прямых ссылок на ВЗ), говорит о том, что Его мучило правильное толкование понимания приближающейся смерти. Он знал, что 21-й Псалом прорекал о Его страданиях, но Он также хорошо знал, что по всеобщему признанию Иудеев этот Псалом был мидрашем, или же комментарием на историю Есфири. [Когда, во времена Есфири евреев хотели повесить (распят), они воззвали к Богу вопрошая, почему Он их оставил, после чего они были спасены, да так, что вместо их были распяты их враги] . Не стоит принижать значение Его собственных размышлений по подобным вопросам. Дух Христов, сущий в пророках, “предвозвещал Христовы страдания” (1Пет 1,11), однако предвозвещал о них в образах. А это всегда дает возможность для сомнений, даже несмотря на то, что Он и знал, “что с Ним будет” (Ин 18,4). Сомнение не грех. Другой Псалом предвозвещает: “При умножении сомнений моих в сердце моем, утешения Твои улаживают душу мою” (Пс 93,19 – по одному из переводов). А потому, когда Он почувствовал Себя оставленным, подобные размышления должны были лишь увеличивать Его духовные страдания.

Всё Евангелие целиком говорит, что Христос отдал Свою душу, жизнь по Своему собственному желанию, и об этом не стоит забывать при нашем размышлении о причинах распятия. Его отказ отвечать Пилату означает то, что Пилат должен был осудить Его (Мк 15,4). Молчание Господа сильно удивляло Пилата, ибо выглядело так, как будто Христос Сам хотел, чтобы Он был осужден.

Мы часто говорим о том, что во время страданий сознание Господа было особенно ясным. Он был преисполнен словом Божиим, видя образность происходящего гораздо более отчетливее, чем то можем видеть мы. От издевательского венца из терна в самом начале, до иссопа в конце, всё было образами Его (иссоп был исполнением образов, описанных в Исх 12,8,22; Лев 14,4,6,49-52; Числ 19,6,18). Очень часто в Его словах видят семь, или восемь очень уместных ссылок на Ветхий Завет. Подумайте над Его ответом Пилату, “ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше” (Ин 19,11), который был ссылкой на пророчество из 8-й главы книги пророка Даниила об укреплении власти Рима, “хотя и не его силою”. Или то, что место Его распятия “было недалеко от города” (Ин 19,20), что подразумевало виновность Иерусалима в Его крови (Вт 21,3). Или же то, когда насмешливое, “се, Человек!”, напомнило Ему Зах 6,12, где о Нем говорится как о иерее великом, на голову Которого возлагаются венцы из серебра и золота, и о котором, когда Его представляют Израилю, говорится теми же словами: “Вот Муж...” (= “Се, Человек”). Должно быть Господа утешала и поддерживала мысль о том, что перед Отцом Он, по мере исполнения Им Своих священнических обязанностей, был увенчан славой. Однако для насмехавшихся над Ним людей, всё тогда выглядело совсем, совсем в ином свете. Иисус обладал ни с чем несравнимыми духовными способностями, которые Он целиком посвятил слову Отца, а потому Он должен был очень хорошо сознавать всю образность происходящего. До самой смерти. И это должно было сильно подкреплять Его. Точно так же Бог может следить и за нашими испытаниями, тогда как мы можем черпать свои силы для преодоления их в Его слове. Очевидно, что в Нем, как в Человеке являвшем Собой Сына Божия, с Его повышенным чувством справедливости и отличным знанием законов Иудеев, возгоралось резкое неприятие затянувшегося над Ним совершенно несправедливого судилища. Должно быть Им владело сильное чувство, что Его возненавидели без вины, что евреи преследуют Его несправедливо (Пс 68,5). “Как будто на разбойника вышли вы... каждый день с вами сидел Я, уча в храме, и вы не брали Меня” (Мф 26,55). “Что спрашиваешь Меня? спроси слышавших, что Я говорил им... если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня?” (Ин 18,21-23). Все это указывает на Его острое чувство несправедливости происходящего. Должно быть в Нем всё перевернулось, когда Он увидел, как Пилату принесли воду для показательного умывания

рук. И всё же Его слова являют сострадание Пилату, дабы тот ненароком не подумал, что причиной смерти Иисуса был *исключительно* он один (ср. Ин 19,11 с Ин 13,27, когда Он предоставлял Иуде шанс для покаяния). Господь не плыл по течению, полагая, пусть всё будет так, как будет. Он противостоял несправедливости. Похоже, из-за этого Он даже немного гневался. И это могло Его подталкивать к страшной пропасти греха. Обладание Им человеческого естества, а значит и возможности к грехопадению, говорит о том, что в Его жизни были минуты, когда Он был в опасной близости от греха. Однако Он не опасался приближаться к этой ужасной пропасти, как не опасался изнурительных испытаний толпой, во время которых возможность духовного падения многократно увеличивается. Он пришел явить славу Отца, а Его пищей и питием было творить волю Его. Всё это, в общей сложности, и являлось причиной, по которой Он был распят.

4-1-2 Хронология распятия

От Матфея, гл 27 От Марка, гл 15 От Луки, гл 23 От Иоанна, гл 19 Примечания

а Иисуса, бив, а Иисуса, бив, а Иисуса Тогда наконец он 1
 предал на предал на предал в их предал Его им на
 распятие (ст 26). распятие (ст 15). волю (ст 25). распятие (ст 16).

Тогда воины А воины отвели И взяли Иисуса и 2
 правителя, взяв Его внутрь двора, повели
 Иисуса в то есть в
 преторию, преторию, и
 собрали на Него собрали весь
 весь полк (ст 27). полк (ст 16).

и, раздев Его, и одели Его в 3
 надели на Него багряницу

и, сплетши венец и, сплетши 4
 из терна, терновый венец,
 возложили Ему возложили на
 на голову Него

и дали Ему в и начали 5
 правую руку приветствовать
 трость; и, Его: радуйся,
 становясь пред Царь Иудейский!
 Ним на колени, И били Его по
 насмехались над голове тростью, и
 Ним, говоря: плевали на Него
 радуйся, Царь
 Иудейский! и
 плевали на Него
 и, взяв трость,
 били Его по
 голове

“Начали” – а кон
 закончили?
 Плевки и битье
 голове, похож
 были неотъемлем
 частью эт
 процедуры.

	и, становясь на колени, кланялись Ему		6	Это бы повторением “становления колени”, о котором сказано Матфеем.
И	когда	Когда же	7	
насмеялись над	Ним, сняли с Него багряницу, и одели Его в одежды Его	насмеялись над Ним, сняли с Него багряницу, одели Его в собственные одежды Его		
и повели Его на распятие.		и повели Его, чтобы распять Его.	8	
				И взяли Иисуса и повели. И, неся крест Свой,
Выходя,		И когда повели Его,	10	
они встретили одного Кириянина, по имени Симона; сего заставили нести крест Его.	И заставили проходящего некоего Кириянина Симона, отца Александра и Руфова, идущего с поля, нести крест Его.	то, захватив некоего Симона Кириянина, шедшего с поля, возложили на него крест, чтобы нес за Иисусом.	11	
		И шло за Ним великое множество народа и женщин, которые плакали и рыдали о Нем. Иисус же, обратившись к ним, сказал: дочери Иерусалимские! не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и	12	

о детях ваших,
 ибо приходят
 дни, в которые
 скажут:
 блаженны
 неплодные, и
 утробы
 неродившие, и
 сосцы
 непитавшие!
 тогда начнут
 говорить горам:
 падите на нас! и
 холмам:
 покройте нас!
 Ибо если с
 зеленеющим
 деревом это
 делают, то с
 сухим что
 будет?

Вели с Ним на
 смерть и двух
 злодеев.

И, придя на
 место,
 называемое
 Голгофа, что
 значит: Лобное
 место,

И привели Его на
 место Голгофу,
 что значит:
 Лобное место.

И когда пришли
 на место,
 называемое
 Лобное,

Он вышел на место,
 называемое
 Лобное, по-
 еврейски Голгофа

13

Он не весь путь
 Голгофы нес крест,
 Он вышел
 претории
 обратился к Голгофе,
 ибо это место было
 устроено недалеко
 Иерусалима
 несколько недель
 этого.

Обратите внимание
 на “прид-
 “привели”,
 “пришли”, “выше-
 “на место”. Пришли
 туда и остановились
 там – всё так, как
 было!

дали Ему пить И давали Ему
 укуса, пить вино со
 смешанного с смирною; но Он
 желчью; и, не принял.

14

отведав, не хотел
пить.

и распяли Его.

и распяли Его.

там распяли Его

там распяли Его

15

и злодеев,
одного по
правую, а
другого по
левую сторону.

и с Ним двух
других, по ту и по
другую сторону, а
посреди Иисуса.

16

Иоанн особен
подчеркивает то, ч
Иисус был расп
между двух злодее

Пилат же написал и
надпись, и
поставил на кресте.
Написано было:
Иисус Назорей,
Царь Иудейский.
Эту надпись читали
многие из Иудеев,
потому что место,
где был распят
Иисус, было
недалеко от города,
и написано было
по-еврейски, по-
гречески, по-
римски.
Первосвященники
же Иудейские
сказали Пилату: не
пиши: Царь
Иудейский, но что
Он говорил: Я Царь
Иудейский. Пилат
отвечал: что я
написал, то
написал.

17

Приговоренный
распятию долж
был нести вместе
крестом и надпи
своей вин
повешенной на сво
шее. Мало вероятно
что она помещала
на кресте ли
после распятия
Логично
предположить, ч
надпись была снята
Господа и пририта
кресту незадолго
распятия, или
сразу после него.
потому хронолог
Иоанна более точн

Иисус же
говорил: Отче!
прости им, ибо
не знают, что
делают.

18

Распявшие же
Его делили
одежды Его,
бросая жребий

Распявшие Его
делили одежды
Его, бросая
жребий, кому что
взять.

И делили
одежды Его,
бросая жребий.

Воины же, когда
распяли Иисуса,
взяли одежды Его и
разделили на
четыре части,
каждому воину по
части, и хитон;
хитон же был не

19

		сшитый, а весь тканый сверху. Итак сказали друг другу: не станем раздирать его, а бросим о нем жребий, чей будет, - да сбудется реченное в Писании: разделили ризы Мои между собою и об одежде Моей бросали жребий. Так поступили воины	
	Был час третий, и распяли Его.		20
и, сидя, стерегли Его там		И стоял народ и смотрел.	21
и поставили над головой Его надпись, означающую вину Его: Сей есть Иисус, Царь Иудейский.	И была надпись вины Его: Царь Иудейский.		22
Тогда распяты с Ним два разбойника: один по правую сторону, а другой по левую.	С Ним распяли двух разбойников, одного по правую, а другого по левую [сторону] Его. И сбылось слово Писания: и к злодеям причтен.		23
“Тогда”, в греческом, может также означать, “в то время”, “одновременно”			Матфей и Ма пишут о распятии соблюдая хронологию, удел большее внимание Христу, ч одновременно распятым с Н злодеям.
		При кресте Иисуса стояли Матерь Его и сестра Матери Его, Мария Клеопова, и Мария Магдалина. Иисус, увидев Матерь и ученика тут стоящего, которого	24
			Это могло случит раньше, во вре раздела Его одежд “Стоящу же” (с греческий церковнославянски намекает на э

любил, говорит Возможно, ч
 Матери Своей: одежда эта бы
 Жено! се, сын сшита Марией. Ес
 Твой. Потом Иоанн тут же ув
 говорит ученику: Марию к себе, ч
 се, Матерь твоя! И совсем
 с этого времени обязательно, то
 ученик сей взял Ее требуется время
 к себе. то, чтобы вернуть
 к кресту (Ин 19,3
 Впрочем, так :
 возможно, что э
 слова были сказа
 Господом незадол
 до конца. “Пос
 того Иисус, зная, ч
 уже в
 совершилось...”
 Тогда эти сло
 звучат как прощан
 с матерью.

Проходящие же злословили Его, кивая головами своими и говоря: Разрушающий храм и в три дня Созидающий! спаси Себя Самого;

Проходящие злословили Его, кивая головами своими и говоря: э! разрушающий храм, и в три дня созидающий! спаси Себя Самого

25

и сойди со креста.

26

если Ты Сын Божий, сойди с креста.

27

Подобно и первосвященники с книжниками и старейшинами и фарисеями, насмехаясь, говорили: Подобно и первосвященники с книжниками, насмехаясь, говорили другу:

Насмехались же вместе с ними и начальники, говоря:

28

Матфей и Ма
 описывают одно и
 же событие
 Первосвященники
 книжники говори
 “друг другу” (М
 Они произноси
 эти насмешки меж
 собой, одна
 достаточно гром
 чтобы было слыш

и Ему.
29
других спасал, а других спасал, а
Себя Самого не Себя не может
может спасти спасти.

30
пусть спасет
Себя Самого,
если Он
Христос,
избранный
Божий.

31
если Он Царь Христос, Царь
Израилев, пусть Израилев, пусть
теперь сойдет с сойдет теперь с
креста, и уверуем креста, чтобы мы
в Него; видели, и
уверуем.

32
уповал на Бога;
пусть теперь
избавит Его, если
Он угоден Ему.
Ибо Он сказал: Я
Божий Сын.

33
Также и воины
ругались над
Ним, подходя и
поднося Ему
уксус и говоря:
если Ты Царь
Иудейский,
спаси Себя
Самого.

34
И была над
Ним надпись,
написанная
словами
греческими,
римскими и
еврейскими:
Сей есть Царь
Иудейский.

Опять нарушен
последовательность
(см. примечан
выше). Лу
похоже,
подчеркивает
издевательское
содержание эт
надписи, ибо обыч
на крес
помещались надпи
совсем друго
содержания.

Также и И распяты с
разбойники, Ним поносили
распяты с Ним, Его.
поносили Его.

35

Один из
повешенных
злодеев
злословил Его и
говорил: если
Ты Христос,
спаси Себя и
нас. Другой же,
напротив,
унимал его и
говорил: или ты
не боишься
Бога, когда и
сам осужден на
то же? и мы
[осуждены]
справедливо,
потому что
достойное по
делам нашим
приняли, а Он
ничего худого
не сделал. И
сказал Иисусу:
помяни меня,
Господи, когда
приидешь в
Царствие Твое!
И сказал ему
Иисус: истинно
говорю тебе,
ныне же
будешь со
Мною в раю.

36

Только что он то
злословил Его, т
сказать, просто ‘
компанию’. Тепе
же он защищ
Господа так, к
только мог.

От шестого же В шестом же часу
часа тьма была настала тьма по
по всей земле до всей земле и
часа девятого; [продолжалась]
до часа девятого.

Было же около
шестого часа
дня, и
сделалась тьма
по всей земле
до часа
девятого:

37

и померкло
солнце, и завеса
в храме
раздралась по

38

Из Мк 15,38 мож
сделать вывод, ч

середине.

завеса полностью
раздралась по
смерти Христа
Здесь же она как
будто только
начинает рваться
Если это
предположение
правильно, то
почему это
случилось около
шестого часа
Потому, что к этому
часу Христос достиг
определенного
уровня победы? И
так же может быть
верным и то, что
разрыв завесы
храме связан
последующим 46-м
стихом, со смертью
Христа. Тогда
разрыв завесы
произошел
несколько
мгновений
смерти, как будто
Бог тем самым
показал, что Божья
победа на кресте
“раздрала” завесу
между Богом и
людьми.

а около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Или, Или! лама савахфани? то есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?	В девятом часу возопил Иисус громким голосом: Элои! Элои! ламма савахфани? - что значит: Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?
--	---

Некоторые из стоявших там, слыша это, говорили: Илию зовет Он.	Некоторые из стоявших тут, услышав, говорили: вот, Илию зовет.
--	--

39

40

После того Иисус, 41
зная, что уже все
совершилось, да
сбудется Писание,
говорит: жажду.

Я поместил э
слова здесь, пото
что думаю, ч
Христу бы
необходимо смочи
уста, чтобы бол
громко продолжи
Пс 21. Они думал
что Он зовет Или
(перепутав “Илию”
“Элой”, или
“Или”). После то
как Он сказа
“жажду”, о
поднесли Ему уксу
Матфей говорит, ч
это произош
“тотчас” после то
как Он возопи
“Или, Или”.
потому “жажд
должно было бы
сказано сразу
после “Или, Или”.

И тотчас побежал А один побежал,
один из них, взял наполнил губку
губку, наполнил уксусом и,
уксусом и, наложив на
наложив на трость, давал Ему
трость, давал Ему пить, говоря:
пить; а другие постойте,
говорили: постой, посмотрим,
постой, посмотрим, придет ли Илия
придет ли Илия спасти Его.

Иисус же, Иисус,
возгласив возгласив
громко, громким
голосом,
сказал:

Тут стоял сосуд, 42
полный уксуса.
[Воины], напоив
уксусом губку и
наложив на иссоп,
поднесли к устам
Его. Когда же
Иисус вкусил
уксуса, сказал:

совершилось! 43
И, преклонив главу,

Иисус же, опять
возопив громким
голосом, испустил дух.

Отче! в руки
Твои предаю
дух Мой. И, сие
сказав,
испустил дух.

предал дух. 44
“Опять” – пос
“совершилось”.
Мф 27,50 видно, ч
громким голосом

			было испускан духа.
И вот, завеса в храме раздралась надвое, сверху донизу;	И завеса в храме раздралась надвое, сверху донизу.		45
и земля потряслась; и камни расселись; и гробы отверзлись; и многие тела усопших святых воскресли и, выйдя из гробов по воскресении Его, вошли во святой град и явились многим.			46
Сотник же и те, которые с ним стерегли Иисуса, видя землетрясение и все бывшее, устрашились весьма и говорили: воистину Он был Сын Божий.	Сотник, стоявший напротив Его, увидев, что Он, так возгласив, испустил дух, сказал: истинно Человек Сей был Сын Божий.	Сотник же, видев происходившее, прославил Бога и сказал: истинно человек этот был праведник.	47
		И весь народ, спешивший на сие зрелище, видя происходившее, возвращался, бия себя в грудь.	48
Там были также и смотрели издали многие женщины, которые следовали за Иисусом из Галилеи, служа Ему; между ними были Мария	Были [тут] и женщины, которые смотрели издали: между ними была и Мария Магдалина, и Мария, мать Иакова меньшего и Иосии, и	Все же, знавшие Его, и женщины, следовавшие за Ним из Галилеи, стояли вдали и смотрели на это.	49

Смотри вы
примечание к Луке

Это яркий прим
того, что распят
описано не в стро
хронологической
последовательност

Магдалина и Саломия,
Мария, мать которые и тогда,
Иакова и Иосии, как Он был в
и мать сыновей Галилее,
Зеведеевых. следовали за Ним
и служили Ему, и
другие многие,
вместе с Ним
пришедшие в
Иерусалим.

Но так как [тогда] 50
была пятница, то
Иудеи, дабы не “На кресте” - сло
оставить тел на крест
кресте в субботу, - единственном числ
ибо та суббота хотя и говорится
была день великий, “телах”.
- просили Пилата, Подчеркивается
чтобы перебить у важность одно
них голени и снять креста – крес
их. Итак пришли Христова.
воины, и у первого
перебили голени, и
у другого,
распятого с Ним.
Но, придя к
Иисусу, как
увидели Его уже
умершим, не
перебили у Него
голеней, но один из
воинов копьем
пронзил Ему ребра,
и тотчас истекла
кровь и вода. И
видевший
засвидетельствовал,
и истинно
свидетельство его;
он знает, что
говорит истину,
дабы вы поверили.
Ибо сие
произошло, да
сбудется Писание:
кость Его да не
сокрушится. Также
и в другом [месте]
Писание говорит:
воззрят на Того,
Которого пронзили.

<p>Когда же настал вечер, пришел богатый человек из Аримафеи, именем Иосиф, который также учился у Иисуса;</p>	<p>И как уже настал вечер, - потому что была пятница, то есть [день] перед субботою, - пришел Иосиф из Аримафеи, знаменитый член совета, который и сам ожидал Царствия Божия,</p>	<p>Тогда некто, именем Иосиф, член совета, человек добрый и правдивый, не участвовавший в совете и в деле их; из Аримафеи, города Иудейского, ожидавший также Царствия Божия,</p>	<p>После сего Иосиф из Аримафеи - ученик Иисуса, но тайный из страха от Иудеев,</p>	51
<p>он, придя к Пилату, просил тела Иисусова.</p>	<p>осмелился войти к Пилату, и просил тела Иисусова.</p>	<p>пришел к Пилату и просил тела Иисусова;</p>	<p>просил Пилата, чтобы снять тело Иисуса;</p>	52
	<p>Пилат удивился, что Он уже умер, и, призвав сотника, спросил его, давно ли умер?</p>			53
<p>Тогда Пилат приказал отдать тело;</p>	<p>И, узнав от сотника, отдал тело Иосифу.</p>		<p>и Пилат позволил.</p>	54
<p>и, взяв тело, Иосиф обвил его чистою плащаницею и положил его в новом своем гробе, который высек он в скале; и, привалив большой камень к двери гроба, удалился.</p>	<p>Он, купив плащаницу и сняв Его, обвил плащаницею, и положил Его во гробе, который был высечен в скале, и привалил камень к двери гроба.</p>	<p>и, сняв его, обвил плащаницею и положил его в гробе, высеченном [в скале], где еще никто не был положен.</p>	<p>Он пошел и снял тело Иисуса. Пришел также и Никодим, - приходивший прежде к Иисусу ночью, - и принес состав из смирны и алая, литр около ста. Итак они взяли тело Иисуса и обвили его пеленами с благовониями, как обыкновенно погребают Иудеи. На том месте, где Он распят, был сад, и в саду гроб новый, в котором еще никто не был</p>	55
		<p>День тот был пятница, и наступала суббота.</p>		

положен. Там положили Иисуса ради пятницы Иудейской, потому что гроб был близко.

Мария же Последовали 56
Магдалина и также и
Мария Иосиева женщины,
смотрели, где Его пришедшие с
полагали. Иисусом из
Галилеи, и
смотрели гроб,
и как
полагалось тело
Его;

Обратите внимание на то, что женщины пришли к Ним из Галилеи.

Была же там 57
Мария
Магдалина и
другая Мария,
которые сидели
против гроба.

возвратившись 58
же,
приготовили
благовония и
масти; и в
субботу
остались в
покое по
заповеди.

4-1-3 Высшая духовность

Не мудрствуя лукаво, Бог ненавязчиво, но в то же время изящно, показывает Свою духовную высоту через Писания. Так Он начинает Свое откровение о создании мира почти с незаметного примечания, “и звезды” (Быт 1,16). О всём бескрайнем величии творения Вселенной, которая несомненно во много раз превосходит по всем параметрам нашу планету, сказано как бы *между прочим*. О том, как в действительности происходило воскресение Господа Иисуса, так же мало сказано – мы узнаем о нем лишь от свидетелей, приходивших к гробу да от тех, кто позже встречался с Господом. Не богодухновенное *Евангелие от Петра*, 39-42 подробно описывает восстание мертвого тела Господа, что тут же и выдает его не богодухновенность, выдает заметное отсутствие высокой духовности, присущей всем богодухновенным писаниям. Так же стоит отметить и “немногословие” Бога в описании важных событий. Крещение учеников, где и как Господь встретился со своей матерью после воскресения (а Он должен был встретиться с ней), перемена Савлом своего имени на имя Павел, раскаяние Аарона после греха с золотым тельцом – всё это осталось за кадром. Евангелисты, в противоположность современным им, но не

богодухновенным писателям, совсем никак не восхваляют ни великолепие храма, ни сам Иерусалим. И, особенно, высота этой духовности видна в описании распятия. Очень интересно и полезно еще раз перечитать то, что написано о нем, особенно в 19-й главе Евангелия от Иоанна, обращая внимание на прилагательные (см. церковнославянский и, конечно, греческий). Их там просто нет. Прочитайте хотя бы одну страницу любого писателя или же историка – она изобилует прилагательными. В еврейском языке мало прилагательных, а потому очень часто, вместо него, используется словосочетание, “сын” чего-то. Так в Лк 10,5,6 мы читаем о “сыне мира”. Или же о “муже языка” (Пс 139,12, церковнославянский, в синодальном переводе: “злоречивый”). Еврейский язык часто отражает характер Бога. Но лучше всего Его безыскусное откровение Себя видно из вдохновенного описания смерти Его Сына, ибо в нем нет не только прилагательных, но и абсолютно ничего искусственного и натянутого. Лучшей иллюстрацией тому является описание самого пропятия гвоздями, ибо о нем сказано вскользь, как о деле само собой разумеющемся. Или же “рассказ” о том, как Мария, приняла Господа за садовника. Так же ни слова о переживаниях женщин, Иосифа и Никодима, когда они, вынимая гвозди, снимали тело Господа с креста. Только Матфей упоминает о самоубийстве Иуды, ибо Отец не придает большого значения тому, что человек, совершивший самый ужасный поступок из всех, который мог бы совершить человек – предательство бесподобного Сына Божия – пошел и сам себя лишил жизни (тем самым окончательно погубив себя). Если бы это был мой сын, мне бы захотелось как-то по особенному отметить это. Но то я, а то Всемогущий. Так же не верится и в то, что убившие Сына Божия не были тут же наказаны. Осуждение 70-го года Н.Э. пришлось на следующее поколение. Все те, кто насмеялся над страданиями Спасителя, насколько нам известно, умерли в своих постелях. Да и сама Римская империя просуществовала еще очень и очень долгое время. Впрочем доподлинно не известно, возложил ли Бог вину, а если возложил, то до какой степени, на воинов, приведших приговор в исполнение. Еще одним ярким признаком богодухновенности является то, что в Новом Завете часто не встречаются самые очевидные и бросающиеся в глаза пророчества. Например, Ис 53,7: “Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих”. Любой писатель “из человеков” нашел бы в таком подробном исполнении пророчества неиссякаемый источник для вдохновения. Но не Всемогущий. В еврейском, как и во всех семитских языках, совсем отсутствуют превосходные степени. Они не нужны Богу. И описание креста классический тому пример. Сказанное о воскресении отражает тот же аспект высоты духовности. В противоположность не богодухновенным “евангелиям”, воскресение подробно не описывается. Всё, что нам говорится, так это то, какое влияние оно оказало на Его учеников.

Высокая духовность Всемогущего Бога также видна еще и в том, что все присутствующие в синедрионе (включая и Иосифа) признали Иисуса повинным смерти через распятие (Мк 14,64). Бог как бы не замечает отсутствие смелости Иосифа встать на защиту Господа, а потому и говорит о нем в таких светлых духовных тонах. То, что он не признал Иисуса повинным смерти, находилось глубоко внутри него. Если бы о нем писал я, то это выглядело бы так: “*Всё, что ты сделал, так это уклонился от голосования*”. Однако о нем писал не я.

4-1-4-1 Бичевание

1 Как только произносился приговор, распять – жертву раздевали до нага, привязывали к возвышающемуся не выше пояса постаменту и начинали бичевать. Иосиф Флавий дважды говорит, что обнаженное тело секли до тех пор, пока оно, изуродованное бичами, не повисало безжизненно на ремнях. 13 ударов спереди и 26 сзади. Возможно, что при этом

счет ударам велся нараспев. Между зубов приговоренного часто помещалась металлическая пластинка, ибо были известны случаи, когда во время бичевания, люди перекусывали свой язык пополам. Джон Поллак (John Pollock) утверждает, что растянутую с руками над головой жертву, секли обнаженные рабы тройными кожаными бичами, в которые вплетались острые кости, а рядом стоял писарь, готовый записать признание⁽¹⁾.

Как правило, при бичевании “жертву привязывали к металлическим кольцам, располагавшимся на уровне колен так, чтобы бичуемый был согнут пополам, или же, если его секли привязанным к столбу, то руки связывались у него над головой. Возможно, секли с двух сторон двое, пяти-шести футов длины кожаными бичами с металлическими наконечниками. По мере бичевания, все тело жертвы, за исключением головы, ног и предплечий, покрывалось со всех сторон глубокими кровавыми рубцами... Ни бичевание, ни распятие не было в Римских традициях. Почему всё это выпало на долю Иисусу? Некоторые теологи полагают, что Пилат считал, что Иудеи могли удовлетвориться одним жестоким бичеванием Иисуса. Однако этого не произошло”⁽²⁾.

Примечательно, но Евангелисты мало пишут как о бичевании, так и о распятии. Возможно, они чувствовали невозможность словами описать и то, и другое. Или же они, как и их читатели, слишком хорошо знали все подробности такого рода наказания... Тогда как нам остается лишь заполнять ненаписанное своим собственным воображением. Так, или иначе, но нам необходимо мысленно восстанавливать всё происходившее... Мы просто обязаны делать это ради Него. Возможно, что именно по этой причине, описание страданий Христовых так резко и так отрывочно. Взять, хотя бы, Мк 15,23-26: “И... распявшие... делили одежды... бросая жребий... и распяли... и была надпись”. Подобная, привлекающая внимание краткость, пробуждает воображение, побуждающее нас к сопереживанию. Марк, после того как он пишет, “и распяли Его”, продолжает: “С Ним распяли двух разбойников...” (Мк 15,27). Точно так же кратко распятие описывают и Матфей, и Лука. Все это наводит на мысль, что все Евангелисты стремились к тому, чтобы эти яркие наброски, вырастая в нашем воображении, становились полной картиной происходившего.

Обычно, когда секут, люди кричат, рассчитывая тем самым хоть как-то облегчить свою участь. Молчание Господа в данном случае было еще одним поводом для благоговейного изумления Его мучителей. На месте экзекуции, по словам Поллака, для крови делались специальные стоки. По ним уже стекала кровь двух злодеев, которых бичевали перед Иисусом. Ангел с небес взирал на эту кровь так же, как он взирал на жертвенную кровь с крышки ковчега между двух херувимов. Кровь Сына Божия, стекшая и смешавшаяся с кровью злодеев, была попираема истязателями точно так же, как обыкновенная кровь. Возможно, что именно об этом аспекте страданий Господа написано в Евр 10,29, где говорится о попрании Господа не почитанием святости Крови завета (ср. с *распятием* Господа *снова и снова* согрешающими верующими в Евр 6,6, где подразумевается прощение этого греха, при условии прекращения распятия). Буквальное пренебрежительное попрание крови Господней могло происходить лишь при бичевании. Некоторые писатели первого столетия замечают, что время жизни на кресте было обратно пропорционально жестокости бичевания, а потому относительно скорая смерть Господа может говорить (хотя и не обязательно) о безжалостно проведенной экзекуции. Когда Петр говорит о нашем исцелении “ранами” Его (1Пет 2,24), он употребляет греческое слово, указывающее на раны от бичевания. Возможно, что он либо видя, либо слыша о бичевании Иисуса Христа, увидел в нем образ страдающего ради нас “на древе” Господа. Считается, что кровавые капли пота Господа в Гефсимании были вызваны сильным нервным напряжением, при котором потовыделяющие железы начинают кровоточить,

отчего кожа становится менее упругой и эластичной. А это значит, что и бичевание, и несение креста приносили Ему невыносимую мучительную боль. Потеря крови также вызывает озноб. Должно быть Господа сильно лихорадило в последние холодные и темные часы Его жизни, тем самым увеличивая и без того сильную боль, пропятах рук и ног.

Особое внимание уделяется преданию Иисуса Пилату. Некоторые моменты все Евангелисты описали почти слово в слово (Мф 27,26; Мк 15,15; Лк 23,25; Ин 19,16). Господь предсказывал о Своем предании так, как будто Он сильно боялся этого (Мк 9,31; 10,33), боялся когда Его объявят вне закона и Ему придется умереть. Ангелы напомнили ученикам: “Вспомните, *как* Он говорил вам, когда был еще в Галилее, сказывая, что Сыну Человеческому надлежит быть предану в руки человеков грешников” (Лк 24,6,7). Это ударение на слово “*как*” выражает сильное душевное волнение говорившего. В Рим 4,25 само предание Господа приравнено к Его смерти: “Который *предан* за грехи наши и воскрес для оправдания нашего”. В Евангелиях настойчиво подчеркивается предание Господа на распятие Пилатом, и так же настойчиво повторяется, что Пилат распял Иисуса... Хотя на самом деле это было сделано Богом (Рим 8,32). Также сказано, что Господь предал Сам Себя (Гал 2,20; Еф 5,2,25). Мало того, что о предании говорится довольно часто, так в этих местах к тому же еще и подчеркивается, что Он Сам Себя предал *за нас*. Предание Себя было необходимо для нашего спасения. Возможно, что именно эта минута предания Себя стала для Него самым большим искушением – ведь Он мог взять, снова пройти сквозь них и удалиться в Галилею. Улюлюкающая толпа наседала на Него, зная, что воля Пилата была совершенно подавлена ими... “Возьми, распни, распни Его!” – звенело в ушах. Это был конец. Какое же для Него было искушение еще раз взмолиться: “Да минует Меня чаша сия...” По современным меркам Иерусалим был небольшим городом, с населением не больше 10 000 человек. Должно быть через опухшие от побоев веки Он узнавал в толпе знакомые лица, узнавал тех, чьим детям помог Своими чудесами, узнавал тех, кто так недавно с изумлением слушал Его. О предании Иисуса Христа так сильно написано, что в нем должно быть заложено нечто особенно важное в жертве Господней. Ведь Он “предал Себя” не людям, а *Богу* (1Пет 2,23). Когда Он предавался еще раз в руки воинов среди волнующейся толпы, Он знал, что предается *Богу*. Довольно пугающая мысль, но и мы, по примеру Христа, тоже “непрестанно предаемся на смерть” (2Кор 4,11). Ибо нам предлагается, в принципе, достигать такой же жертвенности, какая была у Него в тот момент. Если приглядеться к 2Кор 4,10,11 более внимательно, то можно найти интересные параллели.

ст 10	ст 11
Всегда	Ибо мы живые непрестанно
носим в теле мертвость Господа Иисуса,	предаемся на смерть ради Иисуса,
чтобы и жизнь Иисусова	чтобы и жизнь Иисусова
открылась в теле нашем.	открылась в смертной плоти нашей.

Особенно бросается в глаза вторая параллель, ибо предание наше на смерть ради Иисуса является постоянным ношением в себе Его распятия. А это значит, что для Павла Его “предание” было самой главной частью, началом всех Его крестных страданий.

Примечания

(1) John Pollock, *The Master* (Victor Books, 1985), p. 160.

(2) Frank C. Tribbe, *Portrait Of Jesus* (New York: Stein and Day, 1983).

4-1-4-2 Непрестанные распятие и смерть

Полезно более подробно рассмотреть предсказания Господа о “предании” Его.

О том, что Он *будет* предан сказано в Лк 9,44, Мк 9,31. В Лк 24,7 Он говорит о том, что Ему “*надлежит* быть предану”. Очень может быть, что все три предсказания были сделаны одновременно, на одном дыхании, как одно предложение, чтобы особенно привлечь внимание учеников к этому событию. “Сыну Человеческому надлежит быть предану, Сын Человеческий будет предан, Сын Человеческий предан будет”, - тем самым заранее приготавливая их и Себя к этому “преданию”. Он, как бы, уже нес на Себе Свой крест. Нес каждый день. Иоанн Креститель, видя идущего к нему Господа Иисуса, *уже тогда* сравнил Его с Агнцем Божиим (со всем значением жертвенности, скрывающимся за этим сравнением). Уже тогда, за три года до крестной смерти, он сказал, что Христос “*берет* [на Себя] грех мира” (Ин 1,29). Крест для Господа был крещением, которым Он крестился каждый день, однако, которое должно было совершиться, лишь со смертью Его (Лк 12,50). Призывая учеников разделить с Ним Его чашу и Его крещение, Он тем самым предлагал им уже тогда начать жить на кресте, нести крест свой до конца, до своего буквального распятия. Устанавливая евхаристию, Он утверждал, что тело Его сейчас “*предается*”, а кровь Его “*проливается*” тоже сейчас (Лк 22,19). Как о повседневном деле, Он говорил, что “*пастырь добрый полагает* жизнь свою за овец... Я Сам *отдаю* ее” (Ин 10,11,18). Ему еще *надлежало* быть предану, однако Он жил так, как будто *уже был* предан, постоянно неся эту мысль в Себе. Он спрашивал: “*Можете ли пить чашу, которую Я буду* пить, или креститься крещением, которым Я *крещусь*?” (Мф 20,22). Подобные обороты речи нашего Господа проливают свет на некоторые не совсем ясные места. Ибо Он говорил о том, что Ему еще предстояло умереть на кресте, хотя, в некотором смысле, Он уже был на нем, неся его и умирая на нем. Всё это подразумевается в словах, предсказывавших Его крестную смерть.

- Ин 7,33-34: “Иисус же сказал им: еще недолго быть Мне с вами, и пойду к Пославшему Меня; будете искать Меня, и не найдете; и где Я *есть*, вы не можете придти” (см. церковнославянский), - после чего предсказал, как из Его пронзенного бока потекут духовные воды. Здесь Его “*есть*” приравнивается к “*буду*”. Заодно также обратите внимание, что крест для Него был путем к Своему Отцу, ибо именно на нем особенно отчетливо был явлен Отец.

- Ин 12,24-26: “Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода. Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную. Кто Мне служит, Мне да последует (а следовать за Христом, означает следование за Ним вместе с несением креста); и где Я, там и слуга Мой будет. И кто Мне служит, того почитит Отец Мой”. Потеря души по образу потери ее Господом, служение Ему, следование за Ним означает быть там, где Он есть.

- Ин 12,38. Здесь говорится о том, что Иудеи не поверили в Иисуса при жизни Его. Однако Иоанн говорит об этом, как об исполнении пророчества из Ис 53,1: “кто поверил

слышанному от нас?” А “слышанное” было о кресте. Это выглядит так, как будто Иоанн пророчество о кресте обращает к тем, кто принял Иисуса еще при Его жизни.

- Ин 14,2-4. Отвечая на вопрос Петра, куда Иисус собирается идти по смерти Своей, Господь говорит: “Я иду приготовить место вам (Своей смертью на кресте). И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять (по воскресении) и возьму вас к Себе, чтобы и вы были, где Я. А куда Я иду, вы знаете, и путь знаете” (ибо Он часто говорил им о Своей предстоящей смерти).

- Ин 17,24: “Отче! которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою, которую Ты дал Мне, потому что возлюбил Меня прежде основания мира”. В начале своего Евангелия Иоанн говорит, что они *видели* Его славу, а слава Его особенно ясно была явлена в смерти на кресте, как об этом говорится в другом месте нашего изучения, особенно, в “Последующем камне”. “Где Я”, и Его последующее прославление, связаны одним и тем же событием, даже несмотря на то, что Его прославление не было увидено многими. Это объясняет частую путаницу времен в Евангелии от Иоанна, когда он говорит о наступлении времени, которое уже наступило (Ин 4,23; 5,25; 16,32). В главе под названием, “*Крест в Евангелии от Иоанна*”, я предполагаю, что всё это связано со смертью Господа.

Эпизод за эпизодом смертной жизни Иисуса отражает грядущее распятие. Задумайтесь о Его встрече с самарянкой у колодца, которая произошла “около шестого часа”. Он жаждал, и женщина дала Ему пить, тем самым поддержав Его (ср. Ин 4,6 с Ин 19,14,28). Нет ничего удивительного в том, что Он говорил об этой встрече теми же словами, что и о кресте, как об исполнении воли Отчей. Он, как и мы, изо дня в день жил с ощущением за Своей спиной креста. В Ин 8,28,30 написано о том, как Он предсказывал, что многие поверят в Него после того, как Он будет распят. Однако тут же сказано, “когда Он говорил это, многие уверовали в Него”. Уж такова была неразрывность между Его словами о распятии и самой жизнью, что люди сразу, еще до распятия, верили Ему. Его жизнь была жизнью на кресте и тот, кто видел это, неизбежно верил в Него.

Отец любил Сына *потому*, что Он отдал жизнь Свою (Ин 10,17), соответственно, Отец любит всех тех, кто пытается отдавать свою жизнь так же, как ее отдал Господь. Незадолго до смерти Он говорил: “Я отдаю жизнь Мою” (Ин 10,17), - хотя вся Его жизнь была отдачей Самого Себя, Своего сокровенного духа, а Его последнее дыхание стало, так сказать, “всего лишь” итоговой чертой ежедневной самоотдачи. На Свою смерть Он смотрел как на крещение, которым Он был должен креститься (ср. Лк 12,50 с Рим 6,3,4; Кол 2,10-12). Однако о еще предстоящем Ему крещении Он также говорил и как вещи непрестающей (Мф 20,22), как о вещи переживаемой Им ежедневно. Когда Господь говорил о манне, как об образе Его тела, которому было суждено быть распяту на кресте, то Он уподоблял его жертвенному хлебу, не только “сшедшему с небес”, но и “сходящему” на протяжении всей Его жизни (Ин 6,50,51). Дух самопожертвования, явленный Его смертью, был виден и во всей Его жизни. Когда Он взял хлеб, то сказал: “Сие *есть* тело Мое, которое за вас *предается*”, - ибо Он, еще не покинув горницы, уже приносил Себя Самого в жертву. А потому крест всего лишь явил настоящего Христа. Из 1Ин 3,5 (“Он явился для того, чтобы взять грехи наши”) можно предположить, что Его очистительная смерть полностью явила Его. “Которого предложил Бог очищением в Крови Его, в явление правды Своей (Рим 3,25, греческий, см. церковнославянский). Таким образом была явлена настоящая правда Иисуса. Через Него мы познали, что такое любовь (1Ин 3,16), а также нам стало явлено, что все обетования были утверждены смертью Господней, “ибо все обетования Божии в Нем “да” и в Нем “аминь”” (2Кор 1,20). “В Нем”, смертью Его утверждены все обетования. Ранее Павел говорил о “распятом Христе”,

говорил так, как будто на крест взошел Человек уже умерший для греха. Да, и короткое время проведенное Им на кресте до смерти, говорит о том, насколько сильно было измощено Его тело, Его грешная плоть, которая в сущности уже умерла.

В Гефсимании Он говорил о чаше, которую Ему предстояло выпить, то есть о Своей предстоящей смерти и страданиях. Однако чуть раньше о том же самом Он говорил в настоящем времени: “Можете ли пить чашу, которую Я пью, и креститься крещением, которым Я крещусь?” (Мк 10,38). Так что ясно, что из чаши смерти Он пил непрестанно. Так же и в Псалмах 21-м и 68-м есть несколько стихов, применимых не только к смерти Господа на кресте, но и к Его жизни. “Ибо ревность по доме Твоем сдает меня”, - слова, сказанные во время пребывания на кресте, также применимы и к более раннему периоду жизни Господа (ср. Пс 68,10 с Ин 2,17). “Чужим стал я для братьев моих и посторонним для сынов матери моей” (Пс 68,9) – еще один пример того же рода, ибо, хотя это и является пророчеством о смерти Господней на кресте, но также цитируется еще и в связи с Его служением. Господь учил, что взятие креста сравнимо с любовью к членам семьи, которая должна быть меньше, чем любовь к Нему (Мф 10,36-38). И то, что Сам Господь жил с постоянным чувством распятия Самого Себя, особенно хорошо видно в случае, когда Он показал, что любит Своих родных меньше, чем семью духовную (Мк 3,21,22,31-35). “Ненавидящих меня без вины больше” (Пс 68,5) – эти слова были верны при жизни Господа (Ин 15,25), и, конечно же, при смерти. Лука показывает, что он видит связь смерти Господней со всей Его жизнью, когда говорит об “очевидцах” и служителях Господа, употребляя при этом греческое слово, медицинский термин, встречающийся при “вскрытии” трупа, ибо он, как врач, видел в описании жизни Господа, “вскрытие” Его смерти (Лк 1,2). Возможно, эта мысль объясняет то, почему Павел уподобляет Господа на кресте распятому телу *уже умершего* преступника (Гал 3,13; Вт 21,22-23) так, как будто он видел, что грех уже умер в распятом на кресте, но еще живом Господе. Он был умилованием за наши грехи, но Он так и остается ходатаем и умилованием, всех нынешних грехов наших (1Ин 2,1; 4,10).

“Господи! кто поверил слышанному от нас? и кому открылась мышца Господня?” – слова пророчества исполнившиеся как на кресте, во время безжалостного распятия, так и еще при жизни Господней, когда Израиль не поверил ни Ему, ни Его чудесам (Ин 12,48). Когда Господь успокаивал бушующее море, Он нарочно повторил то, что было когда-то сделано брошенным в море Ионой. Он ясно говорил, что видит в сознательной покорности Ионы образ Своей грядущей смерти, а это значит, что в “великой тишине” успокоенного Им моря, Он видел образ того мира, которого Он достигал Своей жертвой. Впрочем, этот мир Он принес еще во время Своего служения, ибо, в принципе, Его жертвоприношение длилось всю Его жизнь. Его кровь – образ не только креста, но и всей Его жизни. “Он взял на Себя наши немощи и понес болезни” не только на кресте, но и во время Своего служения исцелением больных (Ис 53,4 = Мф 8,17). Вся Его жизнь прошла среди болезней (Ис 53,3), а под конец ее Он еще был и предан мучению (ст 10). Так что Его мучительная смерть стала концом познания болезней. “Кто поверил слышанному от нас, и кому открылась мышца Господня?” (Ис 53,1), исполнилось не только неприятием Его Иудеями при жизни, но при смерти (Ин 12,38). Слова из Ис 53,12 (“Он понес на Себе грех многих”) в Ин 1,29 применяются к Его служению, во время которого, Он нес на Себе грех мира сего. Иисус был прославлен в смерти Своей (хотя мир и видел это совсем в ином свете), как и в жизни (Ин 12,23,28). На разговор у колодца с Самарянкой Господь смотрел как совершение дела Божия (Ин 4,32,34). Однако Иоанн намеренно подталкивает нас своим рассказом об этой встрече к сравнению с последним словом, произнесенным Господом на кресте: “Совершилось!” Ибо только на кресте могло быть окончательно совершено дело Божие. И все же, когда Господь, невзирая ни на Свой голод, ни на утруждение, ни на желание уединения обращал к Богу Своей проповедью эту женщину,

Он творил волю Отца, совершая Его дело в духе самоотречения, в духе распятия. И то же самое требуется от нас. Жизнь с постоянным распинанием самого себя подразумевает сознательное служение другим. В Лк 9,23,24 несение креста приравнивается к отречению, потери *своей* души, что приводит к ее сбережению, ибо дает настоящее приобретение всего мира, сегодняшнего и грядущего. Уильям Баркли комментирует это место так: “Человек должен не беречь свою жизнь, а тратить ее... Христианину необходимо понять, что ему дана жизнь не для того, чтобы он берег ее для себя, а для того, чтобы он ее тратил для других. Не прожигать ее, а сгорать для Христа и для людей... Вопрос стоит не в том, как много я могу *приобрести*, а в том, как много я могу *отдать*? Не в том, как сделать что-то *хорошо*, а в том, как сделать что-то *правильно*?”⁽¹⁾

Крест Христов олицетворен в Флп 3,18 так, как будто вся сущность Господа и вся Его жизнь были кристаллизованы на кресте. Да так оно и было, ибо Он брал хлеб и вино со словами, что Его тело “*предается*”, а кровь “*проливается*”, говоря о том в настоящем времени. Иудеи “умертвили (Иисуса), повесив (Его) на древе” (Деян 5,30). В этой фразе, похоже, просматривается временной разрыв между умерщвлением и повешением, умерщвлением во время Его служения, увенчавшегося, в конце концов, Его повешением на древе. Примерно так же пишет и Павел в Послании к Галатам, пишет так, как будто тело уже было мертво, когда его возносили на древе, ибо он при описании смерти Господней, цитирует закон Моисеев, по которому уже наказанного смертью преступника вешали на древе, выставляя его на всеобщее обозрение (ср. Вт 21,23 с Гал 3,13). Завеса является образом плоти Господа, но одновременно она была еще и образом Его крови и жертвы, так как была сделана из “червленной шерсти и из крученого виссона” (Исх 27,16) – образ всей Его земной жизни. Вывод? Тот, что крест является повседневной составляющей всей жизни. И Господь учил нас как раз этому, когда говорил о взятии креста и следовании за Ним, следовании Его примеру жизни и смерти на кресте. Не нужно смотреть на духовную жизнь, как на несколько удачно пережитых, случившихся с нами испытаний, ибо духовная жизнь – непрерывный процесс. Это сама жизнь, состоящая, в идеале, из постоянных маленьких побед (когда мы обжигаемся горячей водой, когда пачкаем новую и чистую рубашку...), побед, возвышающих нас над самими собой точно так же, когда нам, на пример, предстоит защищать веру на суде, или же каким-либо другим образом столкнуться лицом к лицу со смертью. Павел говорит, что они “всегда [носили] в теле мертвость Господа Иисуса” (2Кор 4,10), говорит так, как будто он хорошо понимал непрестающую природу распятия Господа, видя в нем пример для своей ежедневной жизни. Именно поэтому место распятия было столь открыто для всех, ибо находилось вблизи дороги так, что проходившие могли обращаться к распятому Иисусу (Мк 15,29), а Симон прошел по этой дороге, возвращаясь с поля (Лк 23,26). Крест стоял перед глазами людей всю их жизнь точно так же, как он стоит и перед нашими глазами. Квинтилиан (в трактате “Об образовании оратора”, 274) пишет, что распятия всегда происходили в общественных местах, там, куда обычно стекался народ. Что же касается нас, то мы, если только сораспялись с Иисусом, и живем в соответствии с этим, должны жить так, чтобы наша распятая жизнь не проходила незамеченной. Распятие, само по себе, является публичным событием. Когда-то в Парагвае жил один доктор, который боролся за права человека. Местная полиция отомстила ему тем, что до смерти замучила его молодого сына. В ответ на это народ хотел провести массовый марш протеста, против которого, однако, выступил сам отец, ибо он предпочел другую форму протеста. Во время похорон отец выставил на показ тело своего мертвого сына таким, каким оно было взято из тюрьмы – со следами побоев на обнаженном теле, со следами пыток электричеством и непотушенными сигаретами. Тело было положено не в гроб, а выставлено на всеобщее обозрение на пропитанном кровью тюремном матрасе. Такое публичное выставление тела стало ярким и возбуждающим толпу свидетельством. Причины публичного выставления измученного тела Сына Божия были те же самые.

Все эти мысли помогают более ясно понять, почему Господь все же крестился, ибо для Него крещение было образом Его Собственной смерти (Лк 12,50). В Рим 6,3-5 также проводится тесная связь между крещением и распятием. Господь знал, что Он будет распят, но теме не менее Он крестился, заранее образно, еще при жизни, распяв Сам Себя.

Одной из общепринятых Арамейских Пасхальной фраз времен Иисуса было: “Се, хлеб бедствия, который наши отцы ели по выходе из Египта. Кто голоден, приходи и ешь, любой нуждающийся, подходи и соверши Пасху”. Современная Пасхальная Агада включает в себя те же самые слова. Нет никаких сомнений в том, что Иисус, за время Своего служения, несколько раз повторял эти слова. Обращаясь к голодным, жаждущим и обремененным, Он призывал их “прийти” к Нему. Он предлагал им такой хлеб, отведав который уже не алчут. Так что получается, что еще при жизни Господь видел Себя закланным Пасхальным агнцем, ежедневно живя с крестом и на кресте.

Та же самая мысль прослеживается как в словах Павла о хлебопреломлении, так и в словах Самого Господа о даче Своего тела. На первый взгляд у Иоанна ничего не сказано о великой заповеди проповедования, ибо о ней он говорит не так прямо и более глубоким, духовным языком. То же самое касается и хлебопреломления, о котором у него написано в главе 6-й.

Ин 6,51	1Кор 11,24
Хлеб же, который Я дам,	Сие
есть Плоть Моя,	есть Тело Мое,
которую Я отдам за жизнь мира.	за вас ломимое

Заодно обратите внимание, что для Иисуса “за мир” равнозначно “за вас”. А потому и Он должен быть для нас, как мы для Него, целым миром.

Слова, произнесенные Иисусом над хлебом и вином, были сказаны Им по образу главы семьи, объясняющего собравшимся за Пасхальным столом значение Пасхального агнца и опресноков. Однако это было сделано Господом Иисусом в отношении Своего Собственного тела, и было сделано еще при жизни. Почему? Да потому что Он видел Себя закланным Пасхальным Агнцем. И это объясняет, почему такое внимание уделяется Его спасительной “крови”, тогда как распятие, как таковое, было малокровной казнью. Смерть Господа произошла не от излияния крови. Ибо Господь излил Свою душу, Свою жизнь, образом которой является кровь, ставшая поэтому образом нашего искупления. Свою душу, Свою жизнь Господь изливал не только в последние 6 часов жизни на кресте, а всю жизнь, больше 33 лет. Все это означает, что дух креста должен проявляться не от случая к случаю, не только в редкие доблестные моменты защиты веры, не только при исполнении религиозного долга, не только на собраниях еkkлeсии, но и в каждодневной, обыденной, повседневной жизни.

Вся жизнь Господа была пропитана не только Его смертью. Логично ожидать над головой распятого увидеть надпись: “Сей был...”. Однако над головой Господа было написано: “Сей есть...”, - было написано так, как будто это было увековечение памяти о Нем для всех последующих родов. В Ин 3,13,14 восхождение Господа на небо связывается с “вознесением” Его на кресте, ибо то и другое были частью одного и того же спасения. Точно так же как и очищение является неотъемлемой частью как Его смерти, так и

воскресения, ибо крест приобретает хоть какое-то значение лишь в связи с пустым гробом. Его распятие продолжается и сегодня, когда люди снова распинают Его, снова ругаются Ему (выставляя на позор), когда люди открывают (обнажают) Его, оставляя на поругание толпе своим недостойным Его имени поведением, своими разделениями, расколами между собой... Молодое вино, образ крови Иисуса, *выливается* снова и снова, каждый раз при грехопадении человека, при пропадании мехов (Мф 19,17, то же самое слово встречается в Лк 22,20: “Сия чаша [есть] Новый Завет в Моей крови, которая за вас *проливается*”). Иоанн, как кажется, преднамеренно употребляет прошедшее время, когда говорит, что Бог “*послал* Сына Своего в умилоствление за грехи наши” (1Ин 4,10). Его покрытое кровью тело было местом умилоствления, было окропленным кровью “очистилицем” грехов (“очистилицем” называется в переводе 70-ти крышка ковчега завета). И все же: “А если бы кто согрешил, то мы имеем ходатая пред Отцем, Иисуса Христа, праведника; Он *есть* (сейчас, в любой момент, когда мы грешим) умилоствление за грехи наши” (1Ин 2,1.2). Каждый раз, когда Он ходатайствует за нас, Он снова, некоторым образом, приносит Свою жертву умилоствления. Легко сказать, я раскаялся и Бог простил. Конечно, Он прощает, но только через очистительную жертву Христа, которую Он приносит каждый раз ради дарования прощения. Весь закон Моисеев о приношении крови “пред лице Яхве” был образом *этого* приношения. Мы не должны отделять Его ужасные физические страдания, произошедшие 2000 лет назад, от того, что Он делает ради нашего искупления сегодня. Он делал это при жизни, делал на кресте и продолжает делать по сей день. Ежедневная, утренняя и вечерняя жертва однолетнего агнца без порока, идентична агнцу Пасхальному. Его смерть на кресте на Пасху была идентична Его ежедневной жертвенной смерти.

О восставшем и вознесенном Господе говорится, как о выставляемом на позор, как о снова распинаемом, однако продолжающем молиться за нас так же, как Он молился за нас на кресте (ср. Рим 8,24 с Евр 5,7-9). На кресте Он ходатайствовал за нас (Ис 53,11,12), но и теперь, “будучи всегда жив”, Он продолжает ходатайствовать (Евр 7,25). На кресте Он понес наши грехи, но Он несет их и сейчас (Ис 53,4-6,11). Так что крест все еще стоит! Кровь Христа и сегодня очищает нас от всех грехов, ибо Господь Иисус любит нас и омывает нас от грехов Своей кровью (1Ин 1,7; Откр 1,5). Мы очищены вечно обновленной жертвой (Евр 10,20, греческий, см. церковнославянский). Мы выходим к Нему за стан, неся Его поругание, Его поношение (Евр 13,13, греческий, см. церковнославянский). Все выглядит так, как будто Он все еще находится за городскими воротами, а мы, взяв кресты и Его поношение, выходим к Нему, чтобы сораспяться рядом с Ним, считаясь за свои страдания безумцами Христа ради в глазах мира сего. На первый взгляд эта мысль кажется довольно-таки странной, однако Его страдания продолжают. Крест еще стоит, стоит там, куда мы идем, несмотря на то, как далеко нам идти до Него. В Евр 9,24,25 говорится о жертве Христовой так, как будто она была принесена Им в небесном святилище, где сами небеса представляются крестом – вечно существующим святым крестом. Нам заповедано нести не только Его крест (Мф 20,23; Гал 6,12), но еще и свой (Мф 10,38). В жизни христианина бывают такие минуты, когда не остается выбора как только подставить плечи, и взвалить на себя крест... И вот только *тогда*, мы начинаем хоть что-то мало-мальски сознавать о Господнем кресте. Ему же хорошо известно, насколько наш крест мало похож на Его. И все же Он помнит Свой крест, а потому и сочувствует нам и нашим переживаниям.

Но здесь есть кое-что и более глубокое. Дух самопожертвования Христа был виден не только при Его жизни и крестной смерти, но также виден и в Его последующей жизни. Так что каков Он был при жизни земной, такой Он *есть* и *вечно*. “Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же”. В грядущем Царстве Он, приняв образ раба, будет служить нам (Лк 12,37), уничивив Себя так, как Он уничивил Себя на последней вечери и на кресте

(Флп 2,7). Так что получается, что дух креста должен стать духом всей жизни, и такая наша особенность должна будет видна и в Царстве тоже.

Эта тема далеко не забавная игра воображения. “Итак *мы погреблись* с Ним крещением в смерть... зная то, что ветхий наш человек *распят* с Ним” (Рим 6,4,6). Каждый раз, при крещении кого бы то ни было, Господь снова и снова переживает Свою, когда-то уже пережитую Им смерть. К тому же крещение, распятие нашего ветхого человека, процесс непрекращающийся. Мы, будучи во Христе, все время соединены с жизнью и смертью Его на кресте. Мы умираем с Ним, наш ветхий человек распинается с Ним потому, что Его смерть длится непрестанно. “Христос Иисус умер... Кто отлучит нас от любви Христа? (греческий, см. современный)... как написано: за Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, [обреченных] на заклание” (Рим 8,34-36). Согласно Ис 53 Христос на кресте был овцой, веденной на заклание, однако для всех, кто в Нем, Его заклание продолжается *каждый день*, если, конечно, мы живем с тем же самым духом самоконтроля, с тем же самым духом любви и самопожертвования, не ожидающего ни благодарности, ни взаимности...

Примечание

(1) William Barclay, *The Gospel Of Luke* (Philadelphia: Westminster Press, 1975), p. 122.

4-1-4-3 Истязание Христа

2 Особое внимание уделяется тому, что Господь был *веден* (Мф 26,57; 27,2,31; Мк 15,16; Ин 18,13,28; 19,16, и заметьте, как изменена цитата из Ис 53 в Деян 8,32, чтобы подчеркнуть, что Господь *был веден*, ибо этого нет в еврейском тексте). Его видимая инертность является лишним доказательством того, что никто не отнимал у Него жизни, но Он Сам, по Собственной воле, отдавал ее.

3 Его тело бичевали до тех пор, пока оно, изуродованное бичами, не повисло безжизненно на ремнях (Иосиф Флавий). Изуродованная, буквально искромсанная бичами кожа, должна была срастаться с Его одеждой. Для того чтобы снять одежду ее нужно было отдирать вместе с кровью. Любое снятие и одевание, как и несение креста, приносило нестерпимую боль.

4 Терн рос между бульжной мостовой претории? Или же им разжигали костер во дворе? Этот терновый венец на голове должен был напомнить Ему о том, что Ему, дабы исполнилось проклятие в Едеме, надлежало понести временное поражение. Несколько раз своими насмешками мучители Господа неосознанно укрепляли Его духовно (см. 24). Мысленно Он был в Едеме, ибо Он говорил о Царстве, называя его “раем”, очевидно думая в это время о Едеме (Лк 23,43). Обратите внимание на то, что Господа били, по меньшей мере, три раза: Иудейские служители, слуги Ирода и Римские воины. В буквальном смысле Он был мучим за беззакония наши и поражен за то, чтобы приобрести для нас мир в прощении грехов (Ис 53,5). И Отец, конечно же, предвидел все это заранее, ибо еще в Быт 3,15 было предсказано, что обетованное семя будет ужалено, а точнее, *поражено*. “Господу угодно было поразить Его”, как и предать “Его мучению” (Ис 53,10). Четко просматриваемая связь между поражением, истязанием и страданиями говорит о том, что истязания (поражение) приносили Господу самые глубокие настоящие муки. И обратите внимание, что последняя жертва, о которой говорится в Ис 53, была принесена *исключительно* за время проведенное на кресте. Истязания же и поношения, которые Ему

пришлось претерпевать раньше, были, так сказать, всего лишь частью Его страданий, частью целой жизни, прожитой с мыслью о кресте.

Предполагают, что терновый венец был не только формой издевательства, но еще и сильно увеличивал при распятии физические мучения. Ибо, когда острые шипы проникали под кожей головы до нервных окончаний и прокалывали кровеносные сосуды, тогда возникала ужасная головная боль, а ранки начинали кровоточить.

Это был венец, Ste/fanov, наподобие тому, которым венчали Тиберия. Насмешливое почитание венчанием Господа Спасителя наверняка не выходило из головы вознесенного Господа, когда Ему по-настоящему поклонялись все Ангелы Божии (Евр 1,6).

5 Кроссан, цитируя мишну, упоминает Иудейскую традицию, по которой на козла отпущения привязывалась красная шерстяная веревка, а все Иудеи били его и плевали на него, чтобы тем самым возложить на него свои грехи⁽¹⁾. Вполне может быть, что Римские воины повторили всё это тем самым высмеивая эту традицию? Господу же это напоминало о том, что Он делал на самом деле то, что высмеивали воины, ибо Он действительно нес на Себе грехи Израиля. Даже через плевки и насмешки людей Бог в мельчайших подробностях исполнял дело по нашему искуплению.

Оплевывание происходило вместе с осмеянием Его царственности. Приветствие, “Радуйся, Царь Иудейский”, было пародией на “Аве, цезарь”. В обычае было показывать свое почтение к царственной особе поцелуем. Они же, вместо поцелуев плевали на Него, плевали в лицо, по образу Иов 30,10. Чуть раньше “плевали Ему в лицо” Иудеи (Мф 26,67), теперь же Ему приходилось вкушать Римские плевки. А ведь это было лицо, на котором отражалась слава Божия (Мк 9,15)? Из описания распятия видно, что одни и те же поношения, одни и те же страдания Господу приходилось переживать по несколько раз. Поэтому при описании распятия так часто употребляется продолженное время. Господу пришлось пережить издевательское поклонение и оплевывание во время предстояния перед Пилатом (Ин 19,3). Но и позже было то же самое издевательское поклонение, оплевывание и битье по голове (Мф 27,29,30). А потом и еще раз битье по голове, оплевывание и издевательское поклонение (Мк 15,19,20). Похоже, что они меняли порядок истязаний, то плевали на Него и били, то били и становились перед Ним на колени в издевательском поклонении. Трость им заменяла скипетр, однако вместо почтительного возложения ее на плечи, они били ею Его по голове. Сначала ее дали Ему в руки, чтобы потом вырвать и бить ею же Его по ланитам. И это повторялось еще и еще, еще и еще. И в этом основа наших искушений. И это, возможно, стало самым сильным искушением последних часов нашего Господа. Если сравнить, сколько раз Ему было сказано, “сойди с креста”, даже без учета применения продолженного времени, то приходишь к неизбежному выводу, что это было сказано не один раз (ср. Мф 27,40 с Мк 15,30). Впрочем стоит посмотреть на случаи, когда одно и то же действие повторялось *опять* и *опять*. “Да будет распят!” (Мф 27,23) кричалось еще и еще раз. Воины несколько раз “одеяша” Его (Мф 27,28), и по несколько раз говорили одно и то же (Ин 19,3). Пилат “опять”, и “опять”, и “опять” искал отпустить Господа, тем самым не давая покоя Его духу (Ин 19,12 – обратите внимание на то, как часто в 19-й главе встречается слово “опять”, греческое “pa/lin”). Снова и снова воины становились перед Ним на колени (Мф 27,29), снова и снова плевали на Него (ст 30), снова и снова люди проходили перед Ним, кивая головами, когда Он висел на кресте (ст 39), снова и снова говорили Ему, чтобы Он спас Себя Сам, с издевкой предлагая Ему сойти с креста (ст 40,41). То же снова и снова, юродствуя, повторяли и воины (Лк 23,36), предлагая Ему либо обезболивающее в виде смирны, либо яд, в виде усуса. Снова и снова, опять и опять повторялось одно и то же, одно и то же. Здесь есть над чем задуматься.

Еще о чем много сказано при описании распятия, так это о позоре. Поношение сокрушало сердце Господа (Пс 68,21). Возможно, что у Него, за несколько часов до смерти, произошел самый что ни на есть настоящий разрыв сердца. Тогда, именно по этой причине, когда Ему пронзили ребро, оттуда вытекла, кровь – обычно из мертвого тела кровь не течет. Как правило разрыв сердца происходит в результате сильной эмоциональной травмы. А Господь никогда не отличался толстокожестью. Он знал, Кто Он и куда идет. Насмешки и истязания над Ним были равносильны насмешкам и истязаниям над Богом всякой благодати. И Он остро переживал это. В Евр 12,2,3 говорится о Его претерпении креста, как о претерпении Им поругания от грешников. Все эти издевательства были составной частью “креста”, ибо для Него “крест” начался задолго до того, как Его пригвоздили к нему. Из некоторых стихов видно, что распятие на кресте, сопровождало Господа всю Его жизнь, ибо *вся Его жизнь* была несением креста. От нас требуется, чтобы и мы тоже – и не только от случая к случаю – жили такой же жизнью на кресте. Как крест означает больше, чем просто распятие на нем, которое лишь буквально увенчало его, так и “кровь Христа” значит больше, чем просто кровь. Суть креста и крови буквально были явлены на буквальном кресте, однако в кресте и крови Христа больше сути духовной. Кровь завета, Сын Божий и Дух благодати соединены вместе в Евр 10,29. Так что Сам Господь *был* Своей кровью. Излившаяся из пронзенного ребра кровь, кровь, стекавшая из-под тернового венца и быстро высохавшая в горячей пыли под Ним... *была Им Самим*. Чаша, наполняется вином в память не только о Его крови, но *о Нем Самом*, о Его душе. Он – Дух благодати Божией. Самим Собой Он очистил греха наши (Евр 1,3), однако это же очищение было сделано кровью Его (Евр 9,14). Так что получается, что Он Сам был Своей кровью, а Его крест, Его распятие, было самой проникновенной Его сущностью.

Примечание

(1) J.D. Crossan, *Jesus: A Revolutionary Biography* (San Francisco: HarperSanFrancisco, 1994).

4-1-4-4 “Как овца, веден был Он на заклание”

6 В Ис 53,7 говорится о неестественном молчании Господа: “как овца, веден был Он на заклание... так Он не отверзал уст Своих”. В переводе 70-ти этот стих звучит так: “И той, зане озлоблен бысть, не отверзает уст своих” - звучит так, как будто Он молчал только из-за страха и из-за нестерпимых страданий. Иов пророчески предсказывал, что крест для Господа был ужасом всей Его жизни, был тем, что Он больше всего боялся. Пасхальный Агнец, который был образом Господа (что становилось яснее и яснее по мере приближения к распятию), был *мужского рода*, тогда как в Ис 53,7 намеренно говорится об *овце*. Зачем такое очевидное противоречие? Не потому ли, что пророк предвидел, что Господу придется пройти через очень многое, испытав на Себе чувства не только мужчин, но и женщин? Не поэтому ли он в одном стихе о Господе говорит и как об овце, и как об агнце? Стоя перед “стригущими” истязателями, Он, как семя жены, переживал чувства не только опозоренного мужчины, но и женщины. И это не единственное место, где Отец и Сын предстают в женском образе. Само собой, это совсем не означает, что Отец является женщиной. Просто Он способен понять и прочувствовать то, что обыкновенному мужчине не по силам. Те же способности Отца в течение жизни были приобретены и Господом, ибо Он сочувствовал и сострадал всем людям, невзирая на половые различия. Много страдающие способны проявлять большее сочувствие, а Господь страдал очень много. Впрочем, это жизненное правило полностью не объясняет, почему Он *так сильно* сострадал людям, *каким образом* Господь узнавал о внутреннем состоянии других. По

большому счету, *почему и как* Он мог во всем и так глубоко уподобляться нам в Своем сочувствии, пока остается тайной. Бог был во Христе, примиряя с Собой мир, был во Христе, Который во всем уподобился братьям Своим, был во Христе, Который во всем совершился, дабы предстать совершенной жертвой.

Женская составляющая ветхозаветной жертвы была прообразом жертвы Господней, была образом овцы перед стригущими. Его отождествление с мужским и женским родом является отождествлением Его со всем человечеством. Ибо, Он мог понимать и чувствовать не только то, что присуще мужчинам, но и исключительно женщинам. В семье рассказчицей всевозможных историй была женщина, мать. Когда люди слушали мудрые притчи Господа, их должно быть поражало то, что Он тем самым исполнял женскую роль⁽¹⁾. “Типичным признаком женского поведения было то, что женщина, обслуживая других, занимала последнее место за столом, была добра к ошибкам других, сострадательна, исцеляя раны”, и успокаивая раздоры и ссоры⁽²⁾. Все это делал Иисус и, особенно, незадолго перед смертью. Во многом Им было воплощено самое настоящее материнство. В Его жертве ради нас просматривается много женского. Вот почему Его мать, Мария, служила Ему особым примером самоотдачи, самопожертвования ради других, ибо Ему было необходимо достичь прощения людей и примирения их с Богом. В своем очаровательном изучении, развивая эту мысль, одна из представительниц женского рода⁽³⁾ утверждает, что при тщательном изучении Евангелий обнаруживается, что Господь Иисус исполнял роль “женщины без мужа”. Если допустить, что Иосиф умер в ранние годы жизни Иисуса, тогда Его примером должна была стать мать, ибо она в действительности была женой без мужа. Впрочем, чтобы понять так это или нет, стоит самому прочесть ее труд, и составить свое собственное мнение по этому вопросу. Однако, если она права, тогда появилась бы еще одна причина уважать Марию – за ее вклад в формирование характера Сына Божия.

Примечания

(1) V.C. Matthews and D.C. Benjamin, *The Social World Of Ancient Israel* (Peabody, Mass: Hendrickson, 1993) pp. 28-29.

(2) B. J. Malina, *The New Testament World: Insights From Cultural Anthropology* (Louisville: Westminster / John Knox Press, 1993) p. 54.

(3) Diane Jacobs-Malina, *Beyond Patriarchy: The Images Of Family In Jesus* (New York: Paulist, 1993) p.2.

4-1-5 Путь на Голгофу

7 Из преданий известно, что ведущемуся на распятие предлагали взять крест, после чего жертва подставляла руки, чтобы получить его, и несла его до места казни. Господь, прорекая смерть Петра, говорил, что он прострет руки свои и его поведут распинать на крест (Ин 21,18). Господь же подчеркивал в Своем учении, что мы сами должны, как и Он, брать свой крест (Мк 8,34; 10,21). А отсюда можно предположить, что Господь принял смерть по Своему Собственному желанию, что никто у Него не забирал жизнь/душу, что Он Сам отдал ее. Что Он Сам, согнулся и подставил плечи под крест, еще до того, как воины успели предложить его Ему. Думаю, что это было сделано Им как бы вскользь, примерно так, с как это было сделано с преломлением хлеба и подачей чаши в Мф 26,26. Он хорошо знал значение преломления хлеба. Его готовность взять крест резко

отличалась от нежелания злодеев, да и всех прочих жертв. Воины, должно быть действительно были совсем ослеплены, если все еще продолжая издеваться над Ним, несмотря на все признаки того, что перед ними находился совсем не простой Человек. Это древо, возложенное на Его плечи Отцом, Господь взял буквально, однако оно было еще и образом наших грехов, которые были возложены на Него (Ис 53,6) – твоя лень почитать Библию сегодняшним утром, мой похотливый взгляд на женщину в автобусе, его нелюбовь своей тещи... это древо стало образом всех этих, как и многих других, грехов. И всё это мы возложили на Него. Наша лень, наша ненависть и злоба, наша глупость, *наше слабование*... всё это стало причиной неизбежности смерти Иисуса. Он прошел через все страдания и издевательства, чтобы “запечатаны были грехи и заглажены беззакония” (Дан 9,24). Неужели нам нечем ответить на это? Следы Его мучений останутся вечно, а это значит, что целую вечность у нас перед глазами будет то, что мы так смутно понимаем сегодня (Откр 5,6; Зах 13,6).

Голгофа, возможно, находилась приблизительно в 800 метрах от претории. В обязанности одного из воинов входило нести табличку с именем Господа и надписью Его вины. Разбойники, вероятно, по дороге считали каждый свой шаг (а толпа хором вторила им?) Вам должно известно, как, обычно, делается трудная работа... “Осталось всего три коробки затащить наверх... еще две... и еще последняя”. Уверен, что Господь был выше этого. Для того, чтобы выполнить поставленную перед вами почти невыполнимую задачу, лучше всего сосредоточиться на ней и, не отвлекаясь ни на что другое, сделать ее. Когда вам приходится переносить тяжелую ношу, особенно по принуждению или же по крайней необходимости, тогда вы можете не заметить, как толкнете кого-нибудь, или же, невзначай наступив, раздавите детскую игрушку. К Господу это не относилось. Он обращался к женщинам и говорил с ними. Лука, как врач, знал насколько тяжело преодолевать эгоизм. Вероятно, именно поэтому, он так много внимания уделяет отношению Господа к Своим страданиям, изумляясь, что Он больше думает об окружающих, а не о Себе. А.Д. Норрис пишет в “Евангелии от Марка”: “Это он упоминает молитву Господа о Петре (гл 22,31), рассказывает о сочувственном предупреждении женщин Иерусалима (гл 23,27-31), говорит о произнесенных Господом словах отпущения грехов распинающих Его и о прощении раскаявшегося злодея (гл 23,34,43)”.

То, что на Господа одели Его одежды, противоречит свидетельствам современников, по которым жертва велась на распятие обнаженной, или, в любом случае, не в своей собственной одежде. Христос “явился” (= открылся) на кресте, “чтобы взять грехи наши” (1Ин 3,5). Возможно, что таким образом Иоанн говорит о своем свидетельстве того, что Христос был распят обнаженным. Нам известно, что Христос был одет в Свой собственный хитон вплоть до самого распятия. Возможно, что Господу пришлось претерпеть гораздо жестокое бичевание и издевательства, чем позволялось воинам. Ведь им давались особые указания, по которым приговоренный к распятию должен был умереть на кресте, а не от рук воинов. Может быть, одев Господа в Его Собственные одежды, они тем самым хотели прикрыть оставшиеся на теле последствия своих незаконных действий? Впрочем, как бы там ни было, мы, так или иначе, являемся свидетелями страданий Господа от самых худших человеческих махинаций.

То, что Господа одели в Его одежды, означает, что Он шел на Голгофу в одежде пропитанной кровью. И опять его святая память должна была привести Его к пророчеству из Ис 63 о славной победе Мессии, одетого в червленые ризы, “как у топтавшего в точиле”. Или же Он вспоминал Лев 8,30, где говорится о кроплении кровью одежд священника перед началом исполнения им своих священнических обязанностей? А когда Он понял, что Его хитон не будет разодран, Он должен бы с радостью осознать, что Он

действительно является Первосвященником, одежда которого не должна драться (Исх 39,23).

8 Иоанн говорит, что Господь вышел на место Лобное, “неся крест Свой”. Лука пишет, что по дороге захватили Симона и “возложили на него крест, чтобы нес за Иисусом”. Матфей и Марк просто говорят, что Симон нес крест. В Мк 15,22 (греческий) сказано, что воины принесли Иисуса на Голгофу. По одному из переводов: “И доставили Его на место Голгофу”. Похоже, что Господь сильно ослабел по пути. Возможно, что Он даже терял сознание. Если Господь был распят на маслине (а раскопки говорят о том, что для крестов использовалось и это дерево), то это было не только из-за веса древесины. Представьте себе Его лежащим с крестом за плечами в горячей пыли этой Иерусалимской улицы, с перемазанным лицом, обезображенным паче всякого лика сынов человеческих. И в это время, вполне возможно, какой-нибудь идиот, подначивал: “Давай, давай, вставай”, - при этом приправляя свои “подбадривания” солеными словечками. Если Господь в действительности терял сознание, тогда, при возвращении его, Он должен был думать: “Где Я? Может быть Я уже умер и воскрес?” Но нет. Кто-то из безымянных воинов снова пинал Его, побуждая встать.

Иоанн пишет, что “неся крест Свой, Он вышел на место, называемое Лобное, по-еврейски Голгофа”, пишет так, как будто Он Сам с крестом дошел до Голгофы, и что не было никакой необходимости заставлять Симона нести крест за Ним. В этом месте Иоанн заостряет наше внимание на Господе, на Его стремлении (несмотря на то, что этого и не произошло на самом деле) донести крест *Свой* до самого конца. Это яркая картина образного призыва Господа нести крест *свой* по жизни, к чему Он призывал и Своих учеников. Похоже, что два злодея, следовавшие за Ним, являются образом всех нас, тех, кто следует за Иисусом. Смиранный и гордый, самоотверженный и эгоист – две разные категории людей, призванные нести крест и следовать за Господом в Его “последнем пути”.

Греческое слово, используемое здесь Иоанном, и переведенное, как “неся” в Ин 10,31 переведено, как “схватили”. Получается так, как будто Иоанн видел, с какой особой готовностью Господь поднял Свой крест, не дожидаясь пока Его заставят сделать это, как тех двоих разбойников. И в этом хороший урок для нас, готовых нести на себе нечто, напоминающее Его крест. Впрочем, в этом слове, переводимом как “нести” и “хватать”, заложено кое-что еще. Господь с готовностью схватил крест, с желанием донести его до самого что ни на есть конца, однако по пути, по вполне объяснимой и всем понятной человеческой слабости, изнемог. Так что даже ужасающая мысль о кресте переплетена с неизменным утешением (как оно переплетено и с искренним желанием Господа принять злодея, Иосифа, Никодима, а также с удивительной медлительностью Отца наказать тех неисправимых злодеев, непосредственно умиртвивших Господа).

Большинство деталей Своей смерти было предвидено Господом: предание на смерть, взятие креста и несение его, распятие. В Лк 15 Господь рассказывает о том, с *какой радостью* добрый пастырь берет на свои плечи потерянную овцу (ст 5). Существует сильное искушение связать эту радость с Его *радостью*, о которой говорится за несколько часов до Его взятия в Ин 17,13. Я думаю, что Господь не испытывал совсем никакой радости, неся крест Свой, какое бы значение Он ни придавал слову “радость”. Единственно, что возможно, что в Его словаре, “Моя радость” означало нечто совсем, совсем другое, примерно так же, как и “Моя пища” было для Него не простым принятием пищи, а творением дела Пославшего Его Отца (Ин 4,34). И, если Господь имел в виду такую “радость”, тогда Он, действительно, испытывал ее при несении на плечах креста.

9 “Переключина креста... весившая в среднем от 34 до 57 кг., помещалась на спине между лопатками, привязывалась к затылку жертвы. Обычно, для равновесия, ее придерживали вытянутыми, привязанными к переключине креста, руками”⁽¹⁾. А это значит, что Господь, идя на Голгофу, шел, согнувшись вперед, с распростертыми в разные стороны на уровне груди руками. Возможно, что Он предвидел и эту подробность, когда говорил о Своей миссии, как пастыря, несшего на своих плечах потерянную овцу. Можно быть уверенным, что нам самим предлагается дополнить подробностями эту притчу. У овцы брюхо выглядит ужасно, ибо оно почти всегда покрыто фекалиями и грязью, к тому же, она должна была от испуга брыкаться. Чтобы взвалить ее на плечи, пастырю сначала нужно было ловко преодолеть ее дурное, неуклюжее сопротивление, прижав к груди, связать задние и передние копыта и уж только потом взвалить ее на плечи. И точно так, как пастух несший на плечах овцу, выглядел Господь, когда Он спотыкаясь шел к месту распятия. Очевидно, что в кресте Он видел образ всех нас, потерянных, неуклюже сопротивляющихся овец. И каждый шаг на пути к Голгофе помазанника был поносим и бесславим врагами Яхве (Пс 88,52). Однако все это делало Его истинным Царем и нашим настоящим Вождем, ибо на Его рамена было возложено владычество грядущего Царства (Ис 9,6), так как на этих самых плечах Он сначала понес Свой крест.

10 В Кириinei была сильная Иудейская община (см. Деян 6,9). Симон, возможно, был простым чернокожим крестьянином, который по своей набожности приходил в Иерусалим на Пасху. Каким же большим утешением Господа было видеть, что его крест несет чернокожий, ибо Он раньше говорил, что *все* истинные Его последователи должны нести свой крест за Ним (Мф 10,38; 16,24). Писавший Послание к Евреям, похоже, в Симоне видел типичного представителя всех нас, когда говорил, что всем нам нужно выйти вне стана, за ворота города вместе с Господом, “нося Его поругание” (Евр 13,12,13, где под “поруганием”, возможно, имеется в виду крест). Должно быть в Симоне он видел прообраз всех его последующих униженных и страдающих последователей, “запечатленных” заранее предопределенным званием, почти помимо своей собственной воли нести крест Его (Мф 27,32). И было ли случайностью то, что прообразом будущего тела Христа стал чернокожий, предсказывая тем самым, что люди с черным цветом кожи станут большей составной частью тела Господа Иисуса? Если же Симон был чернокожим евреем (сравните с современными Абиссинскими евреями), шедшим в Иерусалим на празднование Пасхи, тогда для него было особенно досадно стать нечистым от крови Христовой, которой, очевидно, был замаран крест после Его бичевания, не говоря уж о том позоре, какой ложился на Иудея, которого заставили нести крест Иисуса Назорея. Похоже, что он был позже обращен, после чего и сам обратил свою жену и сына (ср. Мк 15,21 с Рим 16,13). У Марка редко можно встретить имена собственные, однако здесь он особо выделяет, что Симон был отцом “Александрова и Руфова”. Почему он упоминает их имена, не потому ли, что они были хорошо известны всем членом ранней церкви? Симон мог быть и Симеоном, называемом Нигер (Деян 13,1), где он упоминается сразу перед Луцием, который также был из Кириinei. Перед крестом были обращены злодей и сотник, а Иосиф и Никодим (а возможно и многие другие) открыто уверовали в Него. Подобно Самсону Господь одержал победу даже Своей смертью. Духовное обращение Симона является прообразом переживаний всех, на кого Господь возлагает нести Его крест. Он проходил мимо, шел по своим делам, полный своих собственных идей, живя по своей собственной праведности... и тут, как гром среди ясного неба, его призвали к тому, что он позже поймет было самым высшим и лучшим призванием, которым только может быть призван человек – сопровождать Сына Божия, неся за Ним, до самого конца, крест Его. Можно представить себе, что он мог бы с силой грохнуть крестом об дорогу, как бы тем самым говоря Иисусу: “Всё, хватит! Похоже ты уже отдохнул”, - после чего незаметно раствориться в толпе.

Еще один возможный взгляд на Симона. Симон – имя греческое, а имена его сыновей – греко-римские. То, что он шел с поля (Лк 23,26) подразумевает, что он шел с работы, то есть, делал то, что Иудею было абсолютно запрещено на праздник. Почему? Да, потому что он был язычник. Вполне возможно, что он просто жил и работал недалеко от Иерусалима, совсем не увлекаясь религией, как Саул ходил в поисках пропавшего скота... до тех пор, пока Господь не остановил его ради креста.

11 По пути на Голгофу Он обращался к женщинам – невзирая на Свои муки Он все так же продолжал думать о нуждах других. И это еще один лейтмотив креста. Он сочувствовал слабости Пилата (Ин 19,11), успокаивал злодея, молил о прощении издевавшихся над Ним воинов, заботился о Своей матери и об Иоанне, переживал за женщин, стоявших вдоль дороги скорби... Он говорил, что эти женщины погибнут во время осуждения Иерусалима в 70 году Н.Э. Из Флп 2,2-5 видно, что сутью креста, сутью жизни на кресте, является забота и сопереживание Господа *другим*. Основанная на Слове Божиим мысль Господа, вероятно, быстро вспомнила Иер 9,20-22, пророчество о плаче женщин над истреблением 70 года. Эти женщины уже были осуждены, и все же Господь обратился к ним, несмотря на Свои сильнейшие страдания. Внимательно обдумывая и сопереживая Господу на каждом этапе крестного пути, я пришел к выводу: будь я на Его месте, я бы так не смог. Мне бы не было никакого дела до них. Он же, все таки, приложил все усилия, по крайней мере, попытаться изменить привычный ход их мыслей. Они “плакали и рыдали о Нем”, однако Он знал, что они не послушаются Его заповеди и не выйдут из окруженного войсками Иерусалима. Ни они, ни их дети. Чисто по человечески, они должно быть сильно действовали Ему на нервы. Молодые женщины (если они еще были живы через 40 лет в 70 году), просто, по свойственной всем женщинам состраданию, сочувствовали Ему, однако совсем не прислушивались к Его словам, и совершенно не понимали значения ни Его креста, ни распятия. И все же Он думал о них, при этом рискуя услышать колкое: “Смотри-ка, не может нести креста Своего, а туда же, флиртует с девочками”.

“Ибо если с зеленеющим деревом это делают, то с сухим что будет?” - ссылка на несколько ветхозаветных мест (Иез 17,24; Иер 11,16,19; Пс 1; Иер 17,5-8). Его предыдущие слова, обращенные к женщинам, были из той же серии. Цитирование Им Ос 10,8 было как нельзя кстати применимо к настоящему положению вещей. Если они делали это Ему, зеленеющей и здоровой Отрасли, тогда что будет с сухим древом Израилевым? Его внимание всегда было приковано к страданиям других, не сосредотачиваясь на Себе, не рассеиваясь на самоанализе. Даже, если не очень глубоко вдаваться в подробности этого вопроса, вывод ясен: Его физические страдания и муки не были настолько сильны, чтобы подавить в Нем духовное сознание. Он был полон словами и мыслями Своего Отца, которые принадлежали всей сущности не только Отца, но и Его, а потому они всегда в нужную минуту всплывали, приходя Ему на помощь. Ни с чем не сравнимый пример!

Если перекладина креста привязывалась к шее у затылка Господа, тогда Ему невозможно было повернуться, чтобы разговаривать с женщинами, а потому, ибо этот разговор отмечен особо, можно предположить, что как раз в это время Господь лишился сил и был призван Симон, чтобы нести за чуть ли не теряющим сознание Иисусом Его крест. Перед тем, как снова потерять сознание от несения креста, Господь поспешил потратить последние Свои силы на этих женщин. Он использовал Свои последние духовные и физические возможности для проповедования, для проповеди женщинам, до которых, как Он знал, не дойдут Его слова. Он знал, что им предстоит плакать о себе, что они не послушают Его предупреждения бежать из Иерусалима в 70 году. Однако, такая у Него была вера в людей, что Он, вместо того, чтобы замкнуться в Себе и углубиться в Свои Собственные мысли, как бы то, к примеру, сделал я, все еще продолжал общаться с ними.

14 Наконец, они пришли на место. “За городскими стенами, на определенном месте, постоянно находились тяжелые деревянные колоды, в которые вставлялось древко креста”⁽²⁾. Господь, вероятно, думал и об этом. Крест ждал Его. Все, что Ему оставалось, только донести до места его древко. И Его призыв к людям нести крест туда, где уже приготовлена другая половина этого приспособления умерщвления, должен рассматриваться именно с этой точки зрения. Способ нашего распятия уже приготовлен. Мы несем всего лишь древко креста.

Обычай давать умирающему на кресте пить крепкие напитки, был хорошо известен. То, что люди на кресте продолжали жить еще два-три дня, было следствием употребления таких напитков. Господь отказался от обезболивающего не просто так. Он сначала принял его, отведал, и только потом отказался пить. Почему Он сначала отведал его? Ведь наверняка Он знал об этом обычае, и знал, что Ему давали. В ответ на этот вопрос в голове возникают различные мысли, и каждая из них является источником благочестивого вдохновения.

- Может быть Его зрение было повреждено в результате избиения так, что Он не мог видеть того, что предлагали Ему пить, не отведав? “Иисус, увидев Матерь...” – может означать, что Иисус какое-то время не узнавал Своей матери, стоявшей при кресте. Мессианские Писания упоминают о том, что Мессия плохо видел в последние минуты Своих страданий. Ранние картины с распятием показывают Господа с поврежденным правым глазом (как и на Туринской плащанице). Все Его тело (включая и глаза) могло пересохнуть настолько, что “при любом движении зрачка или же век, повреждалась слизистая оболочка глаза” (С.М. Ward).
- Возможно, когда “дали Ему пить уксуса, смешанного с желчью”, Он принял это питье в духе Иер 23,15, принял как попытку показать, что Он является лжепророком. Если это было так, тогда эта мысль, из-за Его отношения к Святым Писаниям, дополнительно принесла Ему сильнейшую боль.
- Другое объяснение кроется в том, что Ему нужно было (и несколько раз?) громко сказать: “Отче! прости им”, - и, возможно, процитировать Пс 21. Он настолько пересох от жажды (особенно в Гефсимании), что понимал, что не сможет ничего сказать во всеуслышание, без глотка какой-нибудь жидкости. От обезвоживания организма Его язык должно быть распух так, что Он, в конечном итоге, не мог говорить вообще. И все же Он выпил совсем немного, буквально только для того, чтобы смочить горло и чуть-чуть притупить боль. А это говорит об удивительном Самоконтроле Господа, ибо Он знал, когда надо было, несмотря на сильнейшее искушение, остановиться пить.
- Принятие обезболивающего не было грехом, а также никак не оскверняло человека ритуально. Возможно, что Господь отведав его, как и все прочие, на Себе испытал все последствия его действия, а потому и отказался пить его дальше. настолько глубоко Он отождествлял Себя с нами. И то, что Он сначала отведав сей напиток, потом все же отказался пить его, говорит очень и очень о многом.

Обезболивающее Ему предлагали несколько раз (что видно, кстати, и из употребляемых греческих времен – см. церковнославянский). На кресте в (издевательском) поклонении Ему предлагали смирну, что Ему живо напомнило рассказ Его матери о том, как смирну принесли Ему волхвы. Те же воспоминания, должно быть, возникали и в измученном воображении Его матери. Однако у меня есть другое предположение. Когда мы читаем: “И давали Ему пить вино со смирною” (Мк 15,23), вспоминается то, что смирна употреблялась для приготовления миро, а также для благовоний при погребении (Исх 30,23; Мк 14,3; Лк 23,56; Ин 12,3; 19,39). Плиний в своей “Естественной истории” (14,15,92,107) пишет. “Для придачи дороговому вину специфического вкуса и запаха в

древности в него добавляли миро... Я и сам, приготавливая это ароматное вино, каждый раз добавлял в него почти все составляющие, входящие в миро”. А потому у меня есть сильное искушение, при чтении о том, как “давали Ему пить вино со смирной”, предположить, что это вино Ему давала Мария Магдалина. Она уже и раньше помазала миром тело Господа “к погребению”. Теперь же она приготовила очень дорогое вино, которое могло бы послужить и обезболивающим. Несомненно, Господа очень тронул этот знак любви, но Он все же “не принял” его, отказавшись пить вино. Он мог рассердиться на нее за искушение облегчить Свою участь, но Он этого не сделал, тем самым показав ей, что суть креста не в поиске легких путей. Те же самые правила должны отражаться и в нашем несении креста.

Еще одно толкование возможно на основании Пс 68,22: “И дали мне в пищу желчь”, где под желчью в еврейском языке подразумевается еще и яд. Обычно близкие друзья, допускаясь к кресту, могли предложить измученной процессом распятия жертве какой-нибудь яд, дабы скорой смертью облегчить его страдания. Это мог сделать друг, мать, или же посочувствовавший ему воин. Если бы Господь принял яд, то наше спасение все равно было бы совершено, однако Он, как всегда выбирая более высокий уровень, предпочел совершить для нас не просто спасение, а “великое спасение” (Евр 2,3; современный перевод). Он был послушен не просто до смерти, а “даже до смерти, и смерти крестной”.

Примечания

(1) W.D. Edwards, *On The Physical Death Of Jesus Christ*, JAMA March 21 1986, Vol. 255 No. 11).

(2) Edwards, *op cit*.

4-1-6-1 Распятие Христа

15 Распятие Христа произошло в 9 часов утра. Из Писаний видно, что между прибытием на место и самим распятием прошло всего несколько минут.

Скорее всего Он Сам добровольно лег на крест, тогда как большинство жертв грубо и насильно укладывались воинами на лежащий на земле крест. Он Сам отдал Свою душу, жизнь, никто не брал ее у Него. Так же Он Сам *предал* спину Свою бьющим, когда Его бичевали. Он предал ланиты Свои поражающим (Ис 50,6). Как правило, люди, не желая пропятия, сжимали кулаки, а потому очень часто воины, чтобы облегчить свою задачу, ломали им пальца. У Господа же ни одна кость не была сокрушена. Можно представить, как Он с готовностью подставляет Свои ладони для пропятия – так же, как и мы, должны преодолевая себя, и все же охотно что-то делать, если этого требует от нас Христос. Очень может быть, что Он Сам и разделся, когда они, наконец, пришли на место распятия. Ранние картины, изображавшие бичевание Христа, показывают, что у Него *не были связаны* ни руки, ни ноги. В последние минуты Его смертной жизни, когда Он уже лежал на земле, прибываемый к кресту, взгляд Его был устремлен к небу, с мыслями о том, что, может быть, Он видит его в последний раз. Он часто возводил Свои очи к небу в молитве (Ин 11,41; 17,1). И теперь это было в последний раз (если не считать самого последнего раза, перед смертью на кресте). “В то время, как четыре воина держали узника, (сотник) помещал острый, пятидюймовой длины гвоздь в самую середину ладони... четыре или пять ударов молотком, и гвоздь глубоко входил в необструганную древесину, тогда как

пятая часть гвоздя загибалась, чтобы рука не могла пошевелиться” (С.М. Ward, *Treasury Of Praise*). Если все так и было на самом деле, тогда у сотника всегда были при себе гвозди, а потому и удивительно читать, что именно сотник засвидетельствовал, что “воистину Он был Сын Божий”. Тот самый человек, который своими руками пригвоздил Сына Божия к кресту, не был тут же, на месте поражен так, как это могло сделать любое человеческое “божество”. Божия благодать и Его долготерпение на столько велики, что дают человеку шанс обрести веру.

Настоящий крест

О действительной сущности распятия необходимо размышлять столько же, сколько и о действительности существования Иисуса. Псалом предсказал, что во время смерти Иисуса о Нем будут петь “в песнях пьющие вино”. Многие нацисты излишне много пили. Похоже, что и воины, распявшие Иисуса, после этого хорошо напились. Эрнест Хемингуэй придумал страшную историю о том, как воины пошли в таверну поздним вечером в пятницу. После пьяных споров о том, действительно ли “Сегодня пятница”, они все таки пришли к выводу, что да, сегодня, действительно пятница, после чего начали рассказывать историю о том, как они приколачивали Его гвоздями, и как с Ним поднимали крест. “Когда тело начало тянуть к низу их, ну, то есть, когда он начал обвисать на них... Разве я никогда не видел этого? Я видел такое много, много раз. Говорю вам, Этот был сегодня очень хорош”. И вот эти последние слова проходят рефреном через весь их пьяный вечер. Было ли это именно так, или нет – не мое дело, однако на нас лежит серьезная обязанность стараться представить себе всё происходившее тогда. И нацистские и советские палачи признавались, насколько важно ни при каких обстоятельствах не смотреть в лицо казненному человеку. Именно по этой причине, для того, чтобы не показывать своего настоящего “я”, они надевали на себя грубую и жестокую личину. Палачи Господа, должно быть делали то же самое. Ибо, если бы они заглянули в Его лицо и, особенно, в Его глаза, полные любви и скорби за Свой народ, то это могло привести либо к самоубийству, либо к обращению. Представляю, как они украдкой заглядывали Ему в лицо, в лицо Человека, Который не сопротивлялся им, но Который Сам, добровольно, положил Себя на древо. Крест для образованного грека был варварской экзотикой, для Римского гражданина – явным и совершенным позором, а для Иудея – проклятием Божиим. Иисус же изменил образ позора в образ победы. На нем Он провозгласил радикальное изменение всех ценностей. Он превратил его в образ мужественности, в образ жизни без страха, даже перед лицом неминуемой опасности, в образ жизни полной борьбы, страданий и смерти, жизни в уверенной надежде на истинную свободу и гуманизм в настоящей, вечной жизни. Муки и открытое бесчестие превратились в удивительный путь спасения, в дорогу жизни, пролегающую через крест. Восставший Христос был и остается самой настоящей живой реальностью. Один из историков (Suetonius) пишет, что Клавдий изгнал Иудейских Христиан из Рима, потому что они агитировали за некоего Хрестуса, т.е. за Иисуса Христа. И, что интересно, историк пишет о Нем, как о реально существующей и действующей личности – так, как оно и было по существу. Многочисленные труды невнятной теологии, бессмысленные теории о Троице... Всего этого не было бы, если бы только люди по-настоящему поверили в то, что Иисус в действительности умер и воскрес, что Он действительно был безгрешным Сыном Божиим, а также, что Он на самом деле усовершенся во плоти человеческой. Да, во всё это надо верить! Все же теологические заблуждения являются всего лишь извинением отсутствия такой веры.

Археологи откопали несколько распятых на кресте человек. Один из них был пропят гвоздями 18 см. длины. Между головкой гвоздя и телом, похоже, помещали кусочек акации. *Кричал ли от нестерпимой боли Господь?* Думаю, как я себе это представляю, да,

ведь Он, по плоти, ничем не отличался от любого другого человека. И в то же время я понимаю, что Он, как никакой другой человек, не пытался уклониться от боли. Ведь Он пришел для того, чтобы отдать Свою душу, отдать Свою жизнь добровольно, без какого бы то ни было сопротивления. Ему пришлось пройти через панический ужас приближения встречи с болью. Пропятаые гвоздями руки и ноги давали знать о себе нестерпимой болью всякий раз, когда Господь шевелился или же говорил. Боль была такой силы, что даже при закрытых глазах загорались ослепительно яркие красные вспышки. Именно по этой причине так ценно всё, сказанное Иисусом на кресте. При воздвижении креста гвозди глубже впивались в плоть, что приносило дополнительные муки. Гвоздь вбивался между первой и второй костями запястья, проходя через очень чувствительный нервный центр, отвечающий за движение большого пальца и чувство боли. Мало вероятно, что гвозди вбивались в ладони, тогда бы возникал риск того, что тело не достаточно прочно держалось на кресте. Опытным путем установлено, что для того, чтобы вздохнуть, распятому нужно было подтянуться на руках, запрокинуть голову для глотка воздуха, а потом снова опустить ее. И здесь никак нельзя приуменьшить физическую муку этого процесса. Обсуждая описания современниками лиц распятых, включая и свидетельство Иосифа Флавия, [Zenon Ziolkowski (*Spor O Calun*)] пишет, что их лица отличались от других тем, что они были перекошены ужасной болью. Лицо Господа и в этом плане выделялось среди прочих лиц, да так, что “многие изумлялись, [смотря] на” Него (Ис 52,14). Из этого пророчества можно предположить, что распятие для Господа было самым тяжелым для Него переживанием. Позже мы обсудим то, как Он намеренно отказался облегчить Свои страдания, не став опираться на подставку, что и стало одной из причин Его быстрой смерти на кресте. Несколько раскопок говорят о том, что для распятия использовалась маслина. Так что, вполне возможно, что на Голгофу Господь нес масличное дерево. Может быть Он думал об этом, когда молился среди маслин в Гефсимании, откуда, возможно, и было взято дерево для креста. Я бы не смог пережить всего этого. Я бы предпочел избрать более легкую смерть, и тем самым совершить гораздо меньшее спасение. Я бы пожалел себя. Однако, Господь всего всё сделал *за меня*, став “послушным *даже* до смерти, и смерти крестной” (Флп 2,8) – написано так, как будто Он мог быть послушным и до другой, более легкой смерти, однако предпочел смерть мучительную и позорную. Остается только удивляться благодати Отца, с которой Он, несмотря на всю непривлекательность смерти, все же принимает нас, не заставляя проходить через такие же жуткие страдания, которые Он положил пережить Своему Единородному Сыну.

Предположительно вокруг креста стояло много воинов. Храмовая стража, подчинявшаяся Иудеям (Мф 27,65), несомненно присутствовала там в полном составе, следя за тем, чтобы кто-нибудь из многочисленных учеников Иисуса, не попытался воспользоваться толкучкой для Его освобождения. Однако из Ин 19,22-23 можно предположить, что воинов всего было четверо, каждый из которых получил свою часть хитона. Это может означать, что только четверо воинов совершали распятие – по воину на каждую руку и ногу. У Него остались следы от гвоздей (мн. число) на руках. Нам остается лишь гадать, как Он был распят, на одном столбе, когда одна рука клалась на другую (тогда бы потребовалось два очень длинных гвоздя), или же Он был распят с руками распростертыми в разные стороны.

Если на некоторое время забыть о всех предыдущих рассуждениях, то в любом случае понимаешь, как много Господу пришлось пережить на кресте, какую боль Ему пришлось пережить, что Ему пришлось претерпеть от того, что тело держалось на кресте гвоздями не на костях и не на сухожилиях, а исключительно на мышцах тела. А сколько мучений доставляли мухи, которых невозможно было ни чем и никак отогнать? Запах крови привлекал не только собак, но и стервятников и насекомых... непрерывное надоедливое

жужжание должно быть сильно действовало на нервы Господу. Так же, как и нам. Вероятно, Он очень быстро понял, что распятие должно затронуть все части Его тела. Все тело, каждый Его мускул страдал от боли (а Он должен был видеть в этом еще и образ *всех нас*, страдающих вместе с Ним). Все мышцы Его были чрезвычайно напряжены, затекшие конечности нуждались хотя бы в малейшем движении. Любой человек на кресте должен вертеться и извиваться в определенных на то, естественно, ограниченных пределах, при этом получая еще и занозы от дерева, впивавшиеся в рубцы, оставленные от бичевания... Однако мне кажется, что Господь каким-то образом смог превозмочь и это. Он не стал, как другие, опираться на подставку для ног, чтобы облегчить Себе муки (см. 53), в отличие от других Он отказался от обезболивающего, и, до самого конца, как другие, не просил пить.

Приблизительно после двух часов, проведенных в таком положении, деревенеют все мышцы тела.

Минута воздвижения креста вертикально среди новой волны насмешек и оскорблений толпы, была задолго предвидена, и представлена Господом. “И когда Я *вознесен буду* от земли” (Ин 12,32). Именно так Он представлял Себе физические (и духовные) подробности распятия. Вспомните, как Он предсказывал предание Свое на смерть. Но даже, несмотря на все это, Он все еще продолжал просить, чтобы Его миновала чаша сия, все еще страшаясь и чувствуя Себя оставленным. Если мысль о кресте была так несносна для Господа, то что тогда говорить о нас? Слова Господа о Себе, о Своем “вознесении” можно понять и как о Его прославлении и возвышении. Когда Он был в буквальном смысле вознесен, земля поплыла у Него перед глазами, а все Его внимание сосредоточилось на Отце и на прощении, которое становилось возможным через Его жертву, покрытую кровью и плевками, напряженно старающуюся вздохнуть... Он был “вознесен” в славе и величии для тех, кто смог увидеть и постичь это умом и сердцем.

Представьте себя распятым на кресте. Пройдите через всё это. Господь заповедует делать это нам, когда говорит о необходимости каждый день образно распинать себя. Обратите внимание на то, что говорится о жертвоприношениях, которые являются прообразом жертвы Господней, что говорится о пролитии, о пропятии, о разделении на части, о пораженной скале... Через всё это приходится проходить и всем нам, хотя Отец поступает с нами несравненно мягче, чем Он поступил со Своим Единородным Сыном.

Одним из величайших доказательств Богодуховности является то, что во всех четырех Евангелиях распятие описано, как нечто побочное, второстепенное. Много внимания уделяется делению одежд, которое, само собой разумеется, произошло после распятия. Да и всё распятие описывается так, как будто о нем рассказывается со слов воинов. Работа была сделана, и *после*, что очень важно/!/, разделили одежды! Ни один писатель из рода человеческого не написал бы так. Так же как и о том, как Мария могла перепутать восставшего Господа с садовником. В этом рассказе есть нечто безыскусное, а потому и Божественное. Всё повествование наполнено тем, что называется духовностью, признаки которой встречаются на каждом шагу. Вероятно, именно по этой причине не упоминаются некоторые совсем очевидные признаки исполнения пророчеств. Например, Ис 53,7 о безмолвии агнца пред стригущими. Так же ничего не говорится и о плаче женщин, снимавших тело Иисуса с креста.

16 Распятый Христос изображен, как Царь разбойников, как Атаман, выделяющийся среди них вместо главаря Вараввы, место которого должно было находиться как раз среди них. Варавва и два злодея одинаково называются “разбойниками” (Ин 18,40; Мк 15,27). Господь применяет это слово и к Себе, когда говорит об отношении к Нему при Его взятии

(Мф 26,55; Мк 14,48; Лк 22,52), говорит так, как будто Ему это было хорошо знакомо. Ему предстояло пройти то, что было уготовано Варавве, образу противоположному Ему Самому, настоящему Сыну Отца (= Варавва). Эти подонки, эти отъявленные грешники и отбросы общества были образом всех нас. И особенно Варавва. Иудейское предание того времени гласит [Песах (Пасха) 8.6]: “Можно заклать Пасхального агнца... за одно из тех, кого они (власти) обещали освободить из заточения”. Пасхальная амнистия, за закланного агнца, освобождала справедливо осужденного на смерть человека. Можно представить себе не обыкновенное облегчение и радость едва верующего в свое неожиданное освобождение Вараввы, когда он смотрел, или размышлял, над распятием Иисуса. Ибо он понимал, что на кресте по праву должен бы находиться он, однако избавленный от такой смерти ради креста Христова. Образ осужденного узника, избавляемого смертью Мессии, без всяких сомнений, является ветхозаветным образом нашего избавления от рабства. Некоторые привычные словосочетания, встречающиеся в Новом Завете, которые связаны с нашим искуплением, подразумевают наше искупление от рабства Его смертью. Ведь кто-то мог искупить раба, став рабом вместо него (1Кор 6,20; 7,23; Гал 3,13; 4,5). Вот почему образом распятия Иисуса в пророчестве Исаии является образ страдающего отрока/раба. Возможно и Павел имел в виду нечто подобное, когда говорил о своей готовности отдать для клеймения свое тело, тем самым становясь рабом (1Кор 13,3, греческий).

4-1-6-2 Надпись на кресте

17 См. примечание в хронологии.

Было ли это написано самим Пилатом? Использовалась ли при этом та же самая лестница, которой позже воспользовался и Иосиф, чтобы снять тело с креста? Почему написано так, как будто надпись на кресте была помещена уже после распятия? Не проявляли ли Иудеи своего недовольства надписью раньше? А может быть Он был распят с этой надписью, висящей у Него на шее, а после воин приставил лестницу и прибил ее над Его головой? Если слова, “Иисус Назорей, Царь Иудейский”, написать на еврейском языке, то первые буквы составят священное имя Яхве. Возможно, именно это стало причиной такого резкого несогласия Иудеев с надписью? Под Царем Иудейским мог подразумеваться и Мессия. Что было в мыслях Пилата, когда он писал это – сарказм, искренняя вера, или желание побесить Иудеев? Так, или иначе, но имя Яхве было связано с Мессией, с Царем Иудейским. Имя Яхве было открыто смертью Господа, как то и было Им предсказано (Ин 17,26). Было открыто прощение грехов крещением во имя Иисуса Христа (Деян 2,38), ибо в ветхозаветные времена прощение давалась ради имени Яхве (Пс 78,9). Прощение грехов стало возможным через крест и кровь Христа. Именно поэтому Его кровь и смерть являются таким явным откровением имени Божия, ибо через крест открылись благодать и прощение, любовь, спасение и суд сокрытые в имени Яхве, а теперь явившиеся на деле. Откровение имени Бога на кресте позже будет подробнее рассматриваться в “Явлении Бога на кресте”. Псалом 21,23 прорекает: “Буду возвещать имя Твое братьям моим, посреди собрания (*эклесии* в переводе 70-ти) восхвалять Тебя”. Это для нас, братьев Его, было возвещено имя. Для всего неверующего мира Иисус был всего лишь еще одним распятым неудачником, не сумевшим сыграть избранную Им роль. Для нас же Он стал возвещением имени Яхве. Оно возвещалось, и возвещается посреди *эклесии* так, как будто вся церковь, всё собрание по сей день получают это возвещение из первых рук. А в ответ на это и мы возвещаем “правду Его людям” (Пс 21,32), правду, открытую в имени Его, возвещаем любовью братьев и жизнью ради них. Ибо имя было открыто как раз для того, что бы любовь, которую Яхве возлюбил Господа, была и в нас.

В Пс 39,10,11 говорится о том, как Господь Иисус возвещал правду *в экклесии*, возвещал верность, спасение, милость и истину Бога, т.е. все то, что составляет имя Его. Но этот же Псалом цитируется и в Евр 10,5-7, где говорится о кресте, ибо именно на нем, как нигде и никогда *так* не был явлен “закон [Его у Него] в сердце”, где бы еще Он *так* “возвещал правду” Его. Вероятно поэтому Павел говорил о слове креста (1Кор 1,18 см. церковнославянский), ибо на кресте Он был ярчайшим свидетельством Яхве, а потому и имя Яхве было написано над Ним.

Обратите внимание на то, что в Лк 23,36,38 (см. греческие и церковнославянский) о надписи над Ним и издевательствах воинов говорится одними и теми же словами. То есть, надпись над Ним была еще одним “ругательством”, или же издевательством над Ним. Хотя, она, в то же самое время, несмотря ни на что, была одной из главных составляющих откровения славы Божией. И это типичный пример того, как совсем непривлекательное и малодуховное Отец употребляет для показания совершенной Своей славы.

4-1-7 “Отче! прости им”

18 Из-за того, что весь вес тела на кресте держался на руках, распятому приходилось говорить с трудом. Весь разговор между Господом и злодеем должно быть происходил шепотом и с большими перерывами между словами. Последние две фразы, произнесенные громко Господом, должны были сопровождаться исключительно сильной болью. И это, видимо, объясняет, почему “Или, Или” было спутано с “Элои! Элои!” (с Илией), ибо это должно быть было сказано очень тихо. Ничего не написано о реакции толпы на Его молитвы. Однако в Пс 21,3 сказано, что Он вопил, обращаясь к Богу, когда сравнивал толпу с тучными Васанскими тельцами и алчущим добычи, рыкающим львом (Пс 21,14). Возможно, что толпа отвечала руганью на Его вопли?

Обратите внимание на то, как часто Господь вспоминал Своего Отца во время страданий (Лк 22,42; Мф 26,39,42,44; Лк 23,34,46). Во всех Евангелиях около 170 раз Господь называет Бога Своим Отцом (109 раз в Евангелии от Иоанна, как будто для того, чтобы уделить этому факту особенное внимание). И это было бесспорным нарушением принятых у Иудеев понятий, ибо, несмотря на то, что в Ветхом Завете о Боге, как об Отце, говорилось 15 раз, Бог для них оставался Отцом всего народа, но никак не каждого в отдельности. Впрочем, отношение Сына к Отцу заповедано и нам (ср. Рим 8,15; Гал 4,6 с Мк 14,36). Достойна удивления близость между Отцом и Сыном, которая образно была видна в отношениях между Авраамом и Исааком. “В Твою руку предаю дух мой... потому что Ты призрел на бедствие мое, узнал горесть души моей” (Пс 30,8).

Слова, сказанные на кресте (1):

“Отче! прости им”

Последние семь фраз, сказанных Иисусом на Кресте

(на греческом)

1. “Отче! прости им, ибо не знают, что делают” (Лк 23,34) 12
2. “Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною” 9

в раю” (Лк 23,43).

3. “Жено! се, сын Твой... се, Матерь твоя!” (Ин 4 19,27).

4. “Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня 3 оставил?” (Мф 27,46; Мк 15,34).

5. “Жажду” (Ин 19,28). 1

6. “Совершилось!” (Ин 19,30). 1

7. “Отче! в руки Твои предаю дух Мой” (Лк 23,46). 8

Предисловие

Боль и затруднение, с какими приходилось говорить распятому, очевидно означают, что Господь хотел, чтобы мы уделяли пристальное внимание каждому слову, сказанному Им на кресте. Ему было бы гораздо легче все молитвы произнести молча, мысленно, про Себя, однако вместо этого Он произносил их громко, во всеуслышание. Страстное желание Господа ходатайствовать на кресте удивительно. Он вопил к Богу в молитве и при свете днем, и во мраке ночью (Пс 21,3), тем самым показывая, что Его молитвы к Богу всегда были “во время благоугодное” (Пс 68,14). Во 2Кор 6,2 эти слова говорят уже о нашей необходимости вопить к Богу *о нашем* спасении. Удивительна сама мысль о том, что нашим примером должно быть страстное желание Господа молить и искать Бога на кресте.

Стоит обратить внимание на то, что если разместить семь фраз, сказанных Господом на кресте, строго в хронологическом порядке, то будет видно, как уменьшается число произнесенных Им слов. А это говорит о том, что из-за усиления со временем боли, Ему было все труднее и труднее говорить. Предстает образ Человека, несущего Свой крест к месту, где Ему предстоит умереть, образ умирающего на кресте Человека, Которому с каждой минутой было все тяжелее и тяжелее, начиная от несения креста и кончая смертью на нем. Но это как раз и есть то, что хотел Господь передать всем тем, кто старается следовать за Ним. А именно, что жизнь во Христе, *в некотором смысле*, со временем становится все труднее и труднее, ибо желание по-настоящему жить по духу распятого Господа, дело не из легких. Однако, как о том могут засвидетельствовать многие из нас, часто бывает и так, что месяцы, а то и годы, проходят без духовного движения вперед, проходят в топтании на месте, а то и вовсе, в отступлении все дальше и дальше назад. И вот тогда-то на глаза все чаще и чаще начинает попадаться Библейский вопрос: “к кому нам идти?”

“Прости им”

“Отче! прости им”, - было первым, что произнес Господь Иисус, когда Его распяли на кресте. Похоже, что эти слова были сказаны вскоре после воздвижения креста и укрепления его в приготовленном для него месте. В это время Господь должен был испытывать сильный приступ боли из-за того, что Его тело всем своим весом начало давить на впивавшиеся в мясо и сухожилия рук и ног гвозди. Сильнейшая боль буквально поглощала Его, однако несмотря на это, Его мысли тут же обратились на прощение причинявших Ему эту боль, и, о чем мы поговорим позже, на возможность нашего спасения и прощения. И здесь виден ни с чем несравненный пример стремления поиска

спасения для других, стремления проявления любви к ненавидящим нас, несмотря ни на боль, ни на страдания переживаемые нами.

И тут нам следует задать себе очень важный вопрос, кого просил Христос простить Бога? Нам точно известно, о ком Христос *не мог* молиться. Он не мог молиться о всем мире (Ин 17,9), которым, судя по всему, мог быть весь нераскаявшийся Иудейский мир (ср. с Иер 11,14; 1Ин 5,16) – впрочем, так же, как и весь Римский мир.

Не о Римлянах

Прощение не отделимо от покаяния. А потому совсем маловероятно, что Христос молил о прощении Римских воинов. Это все равно что, если бы кто-нибудь из верующих молился о прощении бесчинствующих в автобусе юнцов – о каком прощении здесь может идти речь? Могла бы такая молитва привести их к спасению? Что толку в такой молитве?

В Деяниях Апостольских и Петр и Павел обвиняют Иудеев в том, что именно они распяли Христа, хотя на самом деле это было сделано Римскими воинами. Петр говорит, что они убили Его, “пригвоздив руками беззаконных” (ср. Деян 2,23 с Мк 14,46,53). Руки Римлян управлялись Иудеями. В Псалмах 21 и 68 говорится о некоторых подробностях, пережитых Христом на кресте. Что-то было сделано Иудеями, что-то – Римлянами, и все было сделано в одном духе, как о том и говорится Духом Святым. Нет никаких оснований полагать, что Римляне, или же Итальянский народ, виновен перед Богом в том, что он был причастником смерти Его Сына.

Не евреи

Еврейский народ, в основном, был наказан за то, что видел пришествие Сына Божия в Его виноградник, и все же убил Его, хотя и понимал, Кого убивает⁽¹⁾. Слова, “это наследник” (Мф 21,38), говорят о том, что они узнали Его. Пилат, исключительно из-за Иудеев, предал Сына Божия на битые и смерть (ср. “тогда” в Ин 19,1 с Ин 18,40). Так что вся вина ложится на Иудеев. Для Ирода и воинов Христос ничего не значил, настолько Он был уничижен в их глазах (ср. Лк 23,11 с Деян 4,11; 1Кор 6,4, где встречается одно и то же греческое слово). Господь взывал к Иудеям, чтобы сказать, что Он знает о том, что они знают, Кто Он: “Тогда Иисус возгласил в храме, уча и говоря: и знаете Меня, и знаете, откуда *есмь*” (Ин 7,28; см. церковнославянский). О том, что Он знал об их понимании Его Божественного происхождения, говорит и Его намек на Божественное имя Яхве (“есмь” – сущий). Тем самым Христос как бы ответил на их заявление, что они не принимают Его за Мессию (Ин 7,27): “В глубине души вы все же знаете, что Я есть Он, но почему-то никак не хотите примириться с этим”. Именно так надо понимать так часто встречающиеся слова Иисуса в Евангелии от Иоанна о том, что Иудеи не знают ни Его, ни Его Отца. И, конечно же, это совсем не означает, что они не узнали Кем Он был на самом деле. Ведь с точки зрения Библии, “знать” Христа, означает не простое знание о Нем, а вера в Него. А потому молитва Господа о прощении всего еврейского народа, всех Иудеев, *потому что* они не знали, что творят, столкнулась бы с массой противоречий на этот счет. Так Его притча о тех, кто признал наследника, и все равно убил его, говорит о том, что они очень хорошо знали, Кто Он, а потому и прекрасно сознавали, что творят.

Если бы Иисус действительно молился за весь еврейский народ, Его молитва осталась бы безответной, ибо Он говорил им, что если они на покаются и не уверуют в Него, то умрут во грехах своих. А чтобы это лучше до них дошло, эти слова были повторены трижды (Ин 8,21,24).

Молитва о меньшинстве

Похоже, что здесь Христос молился за тех Иудеев, которые в последствии раскаялись в содеянном. И предположение это имеет под собой веское основание, ибо Петр имел в виду как раз слова Христа, “прости им, ибо не знают, что делают”, когда призывал Иудеев к покаянию и получению прощения: “Впрочем я знаю, братия, что вы, как и начальники ваши, сделали это по неведению... *Итак* покайтесь” (Деян 3,17,19). О том же незнании говорит и Павел в Деян 13,26,27: “Мужи братия, дети рода Авраамова (похоже, что здесь Павел использует тактику Петра)... Ибо жители Иерусалима и начальники их (ср. с Деян 3,17), не узнав Его и осудив, исполнили слова пророческие, читаемые каждую субботу”.

Во всех Писаниях прослеживается четкое правило. по которому неведение не является причиной для очищения греха. А потому слова, “Отче! прости им, *ибо* не знают, что делают”, совсем не означают, что незнание с молитвой Христа приносит прощение, а значит и спасение. А это значит, что напрашивается вывод о том, что Христом, на самом деле было сказано: “Отче! они *сейчас* не знают, что делают, но прости им, когда они поймут и раскаются в соделанном”. Несмотря на молитву Христа о прощении, Петр все же призывал Иудеев покаяться и обратиться, чтобы получить прощение грехов и спасение. Так что без покаяния и обращения молитва Христа о их прощении безответна и не имеет силы. Это прощение даруется лишь в перспективе. Они должны были получить его покаившись.

Весьма удивительно то, что и Христос думал, что Бог готов даровать прощение народу в перспективе, не обращая внимание даже на то, что сама мысль об их покаянии на тот момент была эфемерна. Ну, а если Бог готов прощать в надежде на покаяние в будущем тех, кто примет Его великую благодать, то что тогда говорить о нашем прощении друг друга?⁽²⁾ Мы же не хотим прощать, не желая даже думать о том, что каждому из нас дарована точно такая же благодать, как и другим.

“Им” – нам?

Смерть Христа была необходима для спасения Израиля⁽³⁾. На Его молитву очень скоро был дан удивительный ответ – было крещено около 8 000 евреев (Деян 2,41; 4,4). Такова сила выстраданной, исходящей из самого сердца, молитвы за других, молений за них, даже тогда, когда кажется, что нет никакой надежды быть услышанным. Так сильно молитва помогает третьей части людей. Господь хотел, чтобы люди не просто передумали, Он хотел, чтобы они обратились. Как только мы начинаем причислять себя к Израилю Божию, как тут же то, что относится к нему, начинает относиться и к нам. Мы причисляемся к тем немногим Израильтянам, которые распяли Христа по неведению, не зная, что делают. Молитва Христа на кресте о прощении людей напоминает Ис 53, где говорится, что Христос “оправдает многих и грехи их на Себе понесет”, что Он был изъязвлен за грехи наши и мучим за беззакония наши, что Он стал жертвой за грех потомства Своего, что ранами Его мы исцелены, примирившись с Богом через Его наказание, что Он понес грехи многих, был причтен к злодеям, что Он претерпел казнь “за преступления народа Моего”, “и за преступников сделался ходатаем”. Совсем не трудно понять, о чем здесь идет речь. “Преступники” - в первую очередь “народ Мой, Израиль, который с презрением отвратился от Него (Ис 53,3). Но это также и мы, ибо ради своего спасения стали также Израильтянами. Пророчество о том, что Христос “и за преступников сделался ходатаем” полностью исполнилось на кресте, когда Он молил: “Отче! прости им”. Другого, альтернативного толкования, как кажется, нет.

Таким образом мы приходим к благоговейному вдохновенному заключению: как только Христос был вознесен на кресте, тут же Его переполнили мысли о нас, о тех, кто после покаяния станет Его народом, обремененным своими заботами и грехами. Он знал, что благодаря Его смерти все наши грехи будут прощены. Мы оправданы благодаря всего одному праведному поступку Господа, одному поступку послушания (Рим 5,18,19). Он был послушен до смерти крестной (Флп 2,8). Однако из Евр 5,8 и Флп 2,8 можно понять и так, что Он стал полностью послушен лишь на кресте. Вполне возможно, что будучи на кресте, Господь более глубоко понял и осознал, что другого пути ради нас не было и быть не может, что только “так”, только “послушанием одного сделаются праведными многие” (Рим 5.19). Его любовь, Его желание умереть “за нас” все еще являются Его отличительной характеристикой, ибо “Возлюбивший нас”, все так же продолжает любить нас (Рим 8,35,37; см. современный перевод).

Как только Христос был вознесен на кресте, Он тут же подумал о нас, о том, в чем мы больше всего нуждаемся: “Отче! прости их”. Каждый из нас, уверовавших в эти последние дни, был прощен тогда на кресте, именно тогда нам были прощены все, когда бы то ни было совершенные нами грехи. Все мы были оправданы (на кресте) благодаря одному Его праведному поступку (Рим 5,18). Его смерть сделала невозможное возможным. Здесь на Земле, на одной из многочисленных планет, на краю галактики, которых миллионы среди видимой Вселенной, на кресте было определено будущее всей Вселенной. Ибо все, что на небе и на земле было примирено кровью креста. И все же во всех Евангелиях написано, что Отец простит только тех, кто и сам живет прощая. Но Он простил нас уже тогда, когда мы еще не раскаялись. “Ибо Христос, когда еще мы были немощны, в определенное время умер за нечестивых... Но Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками.... мы примирились с Богом смертью Сына Его” (Рим 5,5-10).

Молитва нашего Господа была услышана, наши, нераскаянные грехи были прощены – мы были прощены и спасены в перспективе. Петр, имея в виду это непостижимое чудо, призывал Иудеев к покаянию, к которому не мешало бы прислушаться и нам. По Его молитве были прощены все наши грехи, так что, в перспективе, мы были спасены. Бог по молитве Христа тогда простил все наши грехи (Еф 4,32), в перспективе было покрыто само понятие греха (Дан 9.24) и принесена жертва за него (Евр 10,12). Нам остается лишь покаяться, по возможности, во всех своих грехах, зная, что все они покрыты, запечатаны и заглажены. А это значит, что и нам нужно прощать точно так же, как были прощены и мы (Еф 4,32), не ожидая покаяния, поступая по Духу Христа и нашего Отца Небесного.

Можно легко недооценить серьезность нашего положения до примирения с Богом. Ведь мы были “врагами” и “грешниками”. Мы поняли, что слова, “Отче! прости им”, относятся не только к по незнанию распявшим Христа Иудеям, но и к нам. И все же, в первую очередь, эти слова относятся к Римским воинам, ибо именно они распяли Христа, ибо именно они делили Его одежды, да и из самого текста видно, что Христос молился именно о их прощении. Эта молитва Христа как нельзя кстати подходит к ничего не ведающим воинам. И все же мы также поняли что Христос молился и за нас, за всех тех, кто покаялся в своих грехах. А это значит, что прообразом нас являются не только презревшие и отвергшие Христа Иудеи, о которых говорится в Ис 53, но и эти Римские воины. Да так оно и есть на самом деле, ибо когда мы поем, “а мы думали, что Он был проклят Небесами”, разве мы это делаем не по неведению? Грубость и неведение тех воинов – образ нас перед крещением. Если мы продолжаем и ныне грешить, после познания Бога, снова и снова распиная Сына Его – страшно вообразить последствия такого поведения.

Жертва повинности

По закону незнание не оправдывает греха. Слова Христа, “прости им, ибо не знают, что делают”, звучат так, как будто Христос полагал Себя жертвой повинности, приносимой за грех неведения, которую полагалось приносить всем без исключения Израильтянам (ср. то, как и Петр, и Павел говорят о незнании и начальников, и простых людей распявших Христа в Деян 3,17; 13,27). Впрочем, так оно и есть, ибо в Ис 53,10 о смерти Христа говорится, как о жертве повинности (евр.), или за грех (см. церковнославянский). И, что важно, в Евр 5,2 о Христе говорится, как о первосвященнике, который может “снисходить невежествующим” (т.е. нам), согрешившим по неведению, но желающим примирения с Богом. Со временем мы все больше начинаем сознавать свои грехи, а потому и начинаем понимать необходимость принесения жертвы повинности. Жертва же повинности была принесена тогда, когда было сказано: “Отче! прости им, ибо не знают, что делают”.

Как только мы начинаем лучше сознавать все эти вещи, мы также начинаем больше видеть из того, что скрывается за словами Христа. “Отче! прости им”, - было сказано с мыслью о наших будущих грехах. О всех грехах, предвиденных Им, которые должны были лечь на Него, и которые не могли быть прощены без покаяния. И все же Он молился Отцу о прощении грехов по нашему неведению, веря, что мы покаемся в будущем. Ничего удивительного, что Петр и Павел, призывая Израиль к покаянию, опирались на эти Его слова! Если мы поймем их, тогда по-настоящему духовно исследуем себя, чтобы найти потаенные грехи посредством Слова. Дабы Бог, как Давиду, открыл нам наши грехи соделанные по слабости, чтобы по-настоящему признать их и понять, что о всех их уже было хорошо известно Отцу и Сыну, когда Христос висел на кресте. Каждый из этих грехов стал бременем Христовым, и каждый из них был прощен в надежде на то, что познав все чудо и величие благодати, даруемой нам, мы покаемся в будущем. А это значит, если мы принимаем победу Христа, то она становится еще величественнее, что крест Христов действует и на нас, приводя к покаянию и нас, как и тех Иудеев, о которых говорится в Деян 3, ибо всякий раз когда мы каемся, “наша неправда открывает правду Божию”, как о том сказано в Послании к Римлянам.

Знание Христа наших грехов на кресте

Каким-то образом Христос на кресте уже знал о каждом из нас и о каждом из совершенных нами грехов. “Прости им”, - было сказано Им как раз из-за этого непостижимого знания. На греческом языке вся жизненная необходимость нашего прощения выражается всего лишь одним словом. Похоже, что Христос на кресте в видение видел всех верующих в Него. Как это было на самом деле, трудно представить, однако Богу было вполне возможно каким-то образом показать Христу каждого из нас, а также каждый наш грех. Задумайтесь о тех местах, которые наводят на мысль о видении Господом Своей еkkлeсии на кресте.

- “Когда же душа Его принесет жертву повинности, Он узрит потомство долговечное... На подвиг души Своей Он будет смотреть с довольством” (Ис 53,10,11). Из этих слов видно, что Христос каким-то образом видел тех, за кого Он приносил жертву повинности. Видел, тех, кто уже был прощен.
- В Пс 21 и 68 о Христе говорится, как о находящемся “в собрании великом”, которое восхваляя Его, смиренно вкушает в память о Нем (ср. с хлебопреломлением), наследуя Сион, служит Ему, возвещая Его правду и Его победу на кресте последующему потомству. Об этом стоит помнить и свидетельствовать о Нем при преломлении хлеба (Пс 21,31,32).

- На кресте Христос видел все Свои кости – образ членов будущего Его тела (ср. Пс 21,18 с Еф 5,30).
- Незадолго до Своих страданий Он произнес молитву, из слов которой понятно, что Он думал и о тех, которые будут искуплены в будущем: “...но и о верующих в Меня... да будут все едино”.
- Христос, “вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест” (Евр 12,2). Под предлежавшей Ему радостью можно понимать и то, что мог видеть на кресте Христос. Дух Христов в Пс 15,11 говорит о Нем, как об ожидающем в будущем полноту радости перед Богом небес потому, что “блаженство в деснице Твоей вовек”. Сейчас Господь пребывает одесную и ходатайствует за нас. А потому можно предположить, что предлежавшей пред Ним радостью, которую Он видел на кресте, была радость быть ходатаем за грехи наши после нашего покаяния и признания в молитвах грехов перед Богом.

Как мы уже говорили, избыток сильнейших чувств, сокрытых в словах Господа, почти неразличимы за человеческими словами. В Евр 5,1-7 о распятом на кресте Христе говорится как о первосвященнике приносящем жертву повинности за грех нашего неведения. Он, как написано, “с сильным воплем и со слезами принес молитвы и моления”, а из этого следует, что именно так было сказано, “Отче! прости им”. Ибо это действительно было произнесено искренне, “с сильным воплем и слезами”, так как Он представлял Себе всю нашу греховность и вину перед Богом. А это напоминает Рим 8,26,27, где говорится о ходатайстве Христа, нашего первосвященника, ходатайствующего за нас “воздыханиями неизреченными”. “Воздыхания” же особо присущи страданиям распятия. Как будто Господу снова приходится переживать их, когда Он молит о прощении, снова переживает то, что Им было уже когда-то пережито. Подумайте о том, как Он, несмотря на Свои непомерные страдания, был преисполнен желанием нашего прощения. Точно такое же желание у Него и сегодня.

Чем еще мы можем ответить на это, если не признанием своих грехов, познанными через тщательное исследование себя верой в Его истинное ходатайство за нас, верой в наше прощение, полученное Его молитвой, верой, что все наши настоящие прошлые и будущие грехи запечатаны, а потому ничто уже нам не мешает жить жизнью, соответствующей такому великому спасению.

Примечания

1. Об этом также говорится в “Иосиф – совершенный образ Христа”.
2. См. “Покаяние и прощение”
3. См. подзаголовок “Для чего Ты Меня оставил?”

4-1-8-1 Обнаженное распятие?

19 См. 21. Очень может быть, что Господь был распят обнаженным, тем самым разделив стыд наготы Адама. Стыд, позор, поношение креста особо подчеркивается (Евр 11,26; 12,2; Пс 30,18; Пс 68,7,8,13,20,21). И мы также призваны разделять такое же поношение. А потому *необходимо* чтобы через проповедование, что является обязанностью каждого из нас, было явлено открытое исповедание нашей веры перед всем враждебным миром. Если мы уклоняемся от проповедования, то мы снова выставляем на позор обнаженного Сына Божия, снова распинаем Его обнаженным и ругаемся Ему (Евр 6.6). Его распяли обнаженным, а солнца не было видно в течение трех часов. Ему должно быть было

холодно, очень холодно (Ин 18,18). Существуют свидетельства о том, что Римляне обычно распинали на кресте людей обнаженными [Artemidorus Daldianus (*Oneirokritika* 2.53)]. Во втором веке было написано следующее: “его обнаженное тело даже не думали прикрыть чем-нибудь от посторонних взглядов. А потому погасли небесные светила, день померк, дабы не было видно того, как обнаженный висел на кресте” [Melito of Sardis; (*On the Pasch* 97)]. Древние резные украшения с изображением Иисуса отличаются тем, что на них Иисус изображен обнаженным.

Бросали ли воины жребий непосредственно на Его хитоне (Мф 27,35)?

Есть все основания полагать, что Иудеи постарались причинить Господу максимально больше позора и боли, а потому Он и был распят обнаженным. Есть мнение, что “одежды, которые носил приговоренный к распятию, не обязательно требовались истязателями” [Т. Mommsen *The Digest Of Justinian* 48.20.6]. То, что воины разыгрывали Его одежды, еще раз говорит о том, что с Господом обращались незаконно (о чем подчеркивают Писания), нанося Ему как можно больше бесчестия. Об этом свидетельствует не только Библия, но и Премудрость Соломона (гл 2,12-20), книга, которая должно быть была хорошо известна всем Иудеям, и в которой, на удивление, можно найти много совпадений с жизнью Господа среди Иудеев.

“Устроим ковы праведнику, ибо он в тягость нам и противится делам нашим, укоряет нас в грехах против закона и поносит нас за грехи нашего воспитания; объявляет себя имеющим познание о Боге и называет себя сыном Господа; он пред нами – обличение помыслов наших. Тяжело нам и смотреть на него, ибо жизнь его не похожа на жизнь других, и отличны пути его: он считает нас мерзостью и удаляется от путей наших... и тщеславно называет отцом своим Бога. Увидим, истинны ли слова его, и испытаем, какой будет исход его; ибо если этот праведник есть сын Божий, то Бог защитит его и избавит его от руки врагов. *Испытаем его оскорблением и мучением, дабы узнать смирение его и видеть незлобие его; осудим его на бесчестную смерть*, ибо, по словам его, о нем попечение будет”.

Мысль о том, что Господу на кресте старались доставить как можно больше боли и позора, увь, подтверждается и Сенекой, когда он пишет, как на кресте распинали, прибывая к кресту гениталии (*Dialogi* 6.20.3). В этом свете разрешается парадокс Ис 53 – Господь, не имея возможности иметь Своих Собственных детей, породил во всем мире множество духовных чад, принадлежность к числу которых является величайшей честью.

Есть что-то необычное в верхней одежде Господа. По-гречески, она в Ин 19,23,24 называется “хитоном”, но “хитоном”, в переводе 70-ти в Быт 37,3 также называется и разноцветная одежда Иосифа. Иосиф Флавий в “Иудейских древностях” (3.7.4), пишет, что первосвященник одевался в “льняной хитон”, который также не должен был раздираться (Лев 21,10). Таким образом умирающий Господь представляется первосвященником, который, как в день очищения, провозглашает приобретенное прощение для Своего народа, заповедуя благовествовать о нем всему миру.

Одежда не должна была раздираться. В ней не должно было быть *разделений*. Ахия разодрал свою одежду на двенадцать частей, что было образом разделения Израиля (3Цар 11,30,31). Таким образом неразорванный хитон Господа может быть наглядным образом единства Его народа, сплоченного Его смертью (Ин 11,52; 17,21,22). А это значит, что мы никак не можем разделяться пред лицом Его. Ведь сеть, которой Господь собирал Свой народ также не прорвалась (Ин 21,11). Обратите внимание на то, что обо всем этом

написано было Иоанном, как будто он лучше других понимал, какое единение дается крестом.

4-1-8-2 Издевательства над распятым Христом

20 “Был час третий, и (не сказано, “когда”) распяли Его” (Мк 15,25). Можно предположить, что они ожидали определенного времени для распятия. Они должны были распять Его в третий час. Возможно, что они пришли на место немного раньше, и с нетерпением ждали, когда наступит третий час. В 15-й главе Евангелия от Марка очень часто встречается “и”, что подчеркивает многократность повторения безжалостных издевательств. И в этом особенность возлагаемого креста и на нас.

21 “И, сидя, стерегли *Его* там”. Во всем описании распятия четко просматривается, и особенно у Марка, резкое разграничение между распятым Христом и всем остальным миром. Если мы, как заповедано, также несем крест за Ним, то и мы безоговорочно должны быть отделены от мира (Гал 1,4).

Обратите внимание на комментарии по хронологии. Матфей и Марк, чтобы уделить большее внимание смерти Господа, помещают свое описание надписи на кресте, вырывая его из четкой хронологической последовательности, рассказывая о разделе Его одежд раньше, чем то происходило на самом деле. Мелочная человеческая жадность проявлялась в метре-двух от страдающего Спасителя, Который, несмотря на жуткую боль, неустанно повторял, одни и те же два греческих слова, “Отче! прости им”. При кресте было четыре воина, разделивших между собой Его одежду: Его плат, пояс, нижнюю ризу и сандалии, сандалии Галилеянина, прошедшего в них так много миль. Ходившего чтобы благотворить и исцелять... Они пригвоздили Его, давя на грудь коленом, к кресту, отбросили молоток, и тут же начали спорить о том, кому достанутся эти изношенные сандалии. Интересно, что сделал с ними воин – продал, или сам носил их? Или же он их сохранил?

И нам нужно смотреть на свои материальные потребности в свете креста, отобразившего на себе власть маммоны, которая затмевает крест, заставляет молчать о чуде воскресения (Мф 28,14), побуждает к предательству Господа всей благодати (из Мф 26,15 видно, что Иудой руководило исключительно стремление к наживе). Долгие и утомительные часы, затраченные для получения хорошо оплачиваемой должности, стремление иметь хороший автомобиль, жить в отдельном доме, а не в квартире, носить дорогую и красивую одежду, питаться не тем, что дает организму необходимое количество белков и углеводов, а обязательно вкусно... Во всем этом виновны мы все. Или почти все. Мы стоим у подножия креста и пренебрегаем его истинным значением, не желая замечать его. А то и еще хуже – вместо признания за собой такой вины, находим себе извинения.

Помещение рассказа о надписи вне хронологической последовательности, также может означать желание заострить внимание на том, как сидевшие и наблюдавшие за Господом Иисусом, также рассматривали и эту надпись. Рядом были еще две надписи, но все внимание присутствующих было обращено на Иисусову. Он был вознесен и привлек всех к Себе, для начала, привлеки к Себе взоры всех людей (Ин 12,32). Как и сегодня крест все также обладает такой же притягательной силой.

25 “Проходящие” останавливались там не только из чисто человеческого любопытства, мол, давай-ка посмотрим на распятие. Голгофа была недалеко от города. Собравшаяся

толпа должно быть была внушительна, ибо на это зрелище сошелся весь народ (Лк 23,48). Упоминание “проходящих”, или же “мимоходящих”, т.е. проходивших перед крестом по несколько раз, насмехаясь над Господом (Мк 15.29; см. греческий и церковнославянский), напоминает жертву потрясения, или возношения пред Богом распятого Христа. Общность Пс 21,8 с Мф 27,39 говорит о том, что “проходившие” намеренно злословили и ругались над Ним. Из-за того, что взгляд Господа был обращен вниз, Он не мог не видеть всех, проходивших перед Ним. Их слова были теми же, что были сказаны в синедрионе (Мф 26,61), а это значит, что они, скорее всего, были членами его, так сказать коллегами по работе Иосифа и Никодима.

“Разрушающий храм...”, должно было напоминать Ему о том, что Он Сам, а не они, разрушал его. Он знал, что храм будет разобран камень за камнем, как и храм тела Его, на котором Он вознес наши грехи на древо. Он предсказывал, что храм Его тела будет “разрушен”, сравнивая его со с постепенным собранием скинии в пустыне (ср. с 2Кор 5,1). В этой длительной процедуре, Он видел предсказание Своей мучительно-долгой смерти, длительного умирания каждой Его человеческой составляющей. Слова же, “и в три дня Созидающий”, должны были устремлять Его духовный взор в определенное для Него будущее. Так что все их насмешки лишь укрепляли Его духовно. Так же как и их цитаты, взятые из Пс 21 (“уповал на Бога”) направляли ум Господа к тому же Псалму, чтобы обрести утешение во второй его части, как и в том, что Псалом говорит об этих ругателях.

Даже в насмешках и издевательствах наполненный Библией ум Господень находил подкрепление. То, что Господь понес на Себе осуждение за грехи Израиля было совершенно ясно: “Руками всплескивают о тебе все проходящие путем, свищут и качают головою своею о дочери Иерусалима” (Плач 2,15). Обратите внимание так же и на Иер 48,27: “Не был ли в посмеянии у тебя Израиль? разве он между ворами был пойман, что ты, бывало, лишь только заговоришь о нем, качаешь головою?” Эти слова точно относятся к Господу, помещенному на кресте между ворами, с качавшими головами прохожими, но... Израильтянами. Само пророчество говорило о насмешках языческих народов над Израилем, а потому поступая так, они тем самым признавались, что они уже не являются народом Божиим, а относят себя к язычникам. Внезапно наступившая тьма должна была напомнить Иер 33,19,21, где говорится о том, что нарушение привычной последовательности дня и ночи, будет признаком нарушения Богом Своего завета. Осуждение Израиля было в том, что “ты будешь ощупью ходить в полдень” (Вт 28,29). И все же Господь сознавал, что Он страдает за Израиль, что с Ним обращаются как с отступившим от Бога Израилем, а потому Он с еще большим пылом должен был молиться о его прощении и спасении, зная, что Он на Себе несет их осуждение. Господь “истязуем был... за преступления народа Моего претерпел казнь” (Ис 53,8). А потому в страданиях распятого Иисуса можно увидеть так много от страданий самого Израиля.

26-28 Это было повторением второго искушения – сойти, броситься вниз с самой верхней точки храма, броситься в лежащую внизу геенну, авось, Ангелы, да спасут тебя. Это было искушение совершить самоубийство, не отдавая Своей жизни за друзей, в надежде, что Ангелы как-нибудь, да спасут Его одного. Победа в одном искушении ведет к победе в другом, а потом и в следующем. Все искушения, произошедшие в пустыне, вновь повторились в распятии на кресте. Обратите внимание на то, как у Матфея и Луки три искушения Иисуса повторяются в трех издевательских насмешках на кресте. То, что “диавол отошел от Него до времени”, может означать, что “он” вернулся к Нему на кресте. И, что совершенно ясно, последние искушения происходили внутри Его, хотя и были вызваны снаружи.

29 “Других спасал” - напоминание о Лазаре, ибо происшедшее с ним, было хорошо известно всем Иудеям. (Интересно, присутствовал ли Лазарь при распятии? Было бы очень странно, если бы его там не было). В памяти Господа должно быть ярко всплыли и смерть Лазаря, и Марфа, и Мария – вся убитая ныне горем семья, которую Он так сильно любил.

30 Сильно подчеркнутое, “спаси *Себя Самого*”, было искушением для Него забыть о нас. Должно быть, что Он думал над тем, что только оставаясь на кресте Он может спасти не только Себя, но и нас. Сошествие с креста не вело к спасению. То, что под спасением подразумевает плоть сильно разнится от того, что под ним понимает дух.

32 “Если Он угоден Ему” - было ссылкой на Пс 17,20 и Пс 90,14 в переводе 70-ти (см. церковнославянский). Бог не искушается, иначе Он ответил бы им.

“Если Он Царь Израилев” - вопиющая об этом надпись над Ним лишь подтверждала признание Самого Господа, что Он – Царь Израильский. Должно быть выглядело очень нелепо то, что этот несчастный Человек, действительно почитал Себя за Царя.

“Пусть теперь сойдет с креста”. За этими словами могла следовать пауза – попытается Он сделать что-нибудь, или нет? В глубине души они сознавали, что Он может сойти с креста. Эти молчаливые паузы должны были причинять Господу сильные страдания. Ведь в толпе, наверняка, находились сочувствующие Его несчастному положению, которые легко могли уверовать в Него, сойди Он с креста. Однако Он четко усвоил наставление из произошедшего еще в Галилеи, что никакие потрясающие воображение чудеса, не могут и на йоту прибавить веры (и тому яркое подтверждение Пятидесятницы и проч.)

Удивительно, но насмешки Иудеев во время распятия постепенно шли на убыль. Господом недвусмысленно было предсказано, что когда они вознесут Сына Человеческого, тогда узнают о Его Божественном происхождении, ибо узнают, Кто Он *есть* (Ин 8,28; см. церковнославянский). В распятом Христе должно быть было нечто, что убеждало их в своей безрассудности и в Божественном происхождении Сына Божия. И это “нечто” видно по сей день.

35 Интеллигентные люди в концентрационных лагерях часто были ненавидимы, подвергаясь со стороны остальных заключенных насмешкам, до тех пор, пока не опускались до их уровня. И это, очевидно, естественная человеческая реакция. И в этом же, что также очевидно, кроется еще один феномен концентрационных лагерей, а именно то, что заключенные часто сотрудничают со своими тюремщиками – слабость объединяется с силой, чтобы подавлять других, таких же слабых, как они. Подобная психология помогает понять первоначальное поведение на кресте позже раскаявшегося злодея. Господь потерпел его – и Его терпение было вознаграждено обращением и спасением еще одной человеческой души. Оба злодея были людьми, много повидавшими на своем веку, но даже для них самомнение Иисуса выглядело очень необычно. Все же распятие было как раз и призвано для того, чтобы в корне изменить это Его мнение о Себе. Он знал, Кто Он и куда идет. Иосиф Флавий пишет, что приговоренные на суде к распятию на кресте делали всё возможное и невозможное, лишь бы смягчить приговор. Эти два разбойника, вероятно, прошли через это. Возможно, именно по этой причине так сильно были возмущены Иудеи, когда Господь молчал, вместо того, чтобы защищаться, а также когда спокойно признал Себя Мессией, пришедшим для суда над ними в последний день (Мф 26,63-65). Его богохульство как раз и заключалось в том, в чем Его так безуспешно пытались переубедить. Можно быть уверенным, что как Иудеи, так и воины

приложили максимум усилий, чтобы изменить Его мнение о Самом Себе, что, в Его положении, означало потерей веры в то, что Он – непорочный Сын Божий.

И это объясняет почему воины, да и сами Иудеи, насмеялись над Ним так, а не иначе – хотя и неосознанно, но они хотели опустить Его до своего собственного уровня. И то, что Господь все же не опустил до них, является еще одной Его победой. Это было искушение подобное искушению сойти с креста: “Сойди, опустишься до нашего уровня, до уровня потерявших всякую надежду людей, думай исключительно о своем распятии на этом кресте, о том, как облегчить боль и оживить затекшие члены, перемещая вес тела с рук на ноги, а потом с ног на руки, и опять с рук на ноги, и снова с ног на руки...” Вам должно быть знакомы чувства, когда приходится нести тяжелый груз. Все внимание приковано только к нему. Вы тяжело дышите и потеете, а потому ни капли не беспокоитесь о том, если заденете кого-нибудь, или же наступите на детскую игрушку. Те люди как раз и находились на этом уровне. Господь находился точно в таком же положении, однако Ему каким-то образом удалось подняться над ними, удалось не опуститься до животного, бездумного уровня. Благодарю Тебя, Господи, что Ты сделал это *ради* меня.

Примечание. Есть мнение, что в семитских языках существует такое понятие, как единственное число выражающееся через множественное. (Например: “Мы, Николай второй...”) А потому под “воинами” может подразумеваться всего лишь один воин, а под “злодеями” – один злодей. Не берусь утверждать, правда это или нет, однако думаю, что эта идея принадлежит католической церкви, чтобы оправдать свою канонизацию раскаявшегося злодея.

4-1-9 “Жено! се, сын Твой”

24 Распятый на кресте, по-видимому, возвышался над землей на кресте высотой примерно 10 футов. Сам крест не был больше, чем его себе представляют современные “Христиане”. Ноги Господа должно быть были всего лишь в 4 футах от земли. Его мать и тетка стояли при кресте. Горе матери не поддается описанию. Она видела кровь, истекающую из Его ног. Ее голова находилась на уровне Его колен. Его лик был “обезображен паче всякого человека” (Ис 53,14), со следами “поруганий и оплевания” на ланитах (Ис 50,6). Выбитые зубы изменяли Его речь, свежая кровь смешивалась с запекшейся... И Его мать все это видела и слышала. Ее, должны были одолевать те же воспоминания, что и Его, ибо и Он был всего лишь Человеком. Мать вероятно вспоминала Его детские годы, то, как она латала одежду, готовила еду, отвечала на разные Его “почему”, как рассказывала Ему о пророчестве Симеона, о том, как оружие должно пройти через ее и Его душу. И это не просто домыслы, основанные на чувствах. В Пс 21,10,11 описаны мысли Господа о Своей матери и Своем детстве: “Но Ты извел меня из чрева, вложил в меня упование у груди матери моей (намек на преследование Ирода). На Тебя оставлен я от утробы; от чрева матери моей Ты - Бог мой”. Представлять себе то, о чем Он думал на кресте можно до бесконечности. Не был ли Я с нею слишком груб в Кане Галилейской? Какую же боль Я причинил ей, когда сказал, “*вот мать Моя* и братья Мои”, при этом указывая на этих двоедушных маловеров (Мф 12,49)? Она для Меня была самой лучшей из всех матерей на свете – думал Он, как и любой другой человек думает о своей матери. Ведь и Он был всего лишь Человеком. Интересно, говорил ли Он ей на самом деле эти слова сожаления, ибо эти чувства к матери должны были также влиять и на Его отношение к Отцу.

“При кресте Иисуса стояли...” – слова, сказанные о Марии, сразу же после упоминания о разделе одежд Иисуса. Похоже, что Марии сначала там не было. Иисус искал утешения и не находил его, что говорит о том, что либо, как часто можно слышать, что в Пс 68,21 говорится о духовной разнице между Господом и Его матерью, да такой огромной, что Он не мог найти в ее лице утешителя, либо она подошла к кресту позже. Его друзья, искренние и ближние стояли вдали (Пс 37,12), возможно, буквально, а может быть и образно, в том смысле, что не понимали Его. Если Марии сначала не было при кресте, тогда упоминание Иоанном о разделе одежд и тут же о ней стоящим при кресте, намекает на то, что эти одежды были сшиты ее собственными руками. Так или иначе, но в любом случае четыре женщины, стоявшие при кресте, противопоставляются четырем воинам, разделяющим Его одежду. Вполне может быть и так, что и другие женщины были как-нибудь, да причастны к одеждам Господа.

Если Мария и остальные женщины подошли к кресту позже и встали вдали от него, ими должен был овладеть тот же дух, который обладал Иосифом и Никодимом: “перед крестом ничего, абсолютно *ничего* не имеет значения. Позор, любые препятствия – всё ничто. Будь, что будет, но мы будем грудью стоять за Него и Его дело”.

Мне бы очень хотелось поразмышлять над прошедшим несовершенным временем в Ин 19,25 (“Стояху же” (см. греческий и церковнославянский, где употребляется “проходящее” время), использование которого подразумевает, что Мария и женщины то стояли при кресте, то отходили от него, и иногда далеко. То ли они отходили, чтобы восстановить свои духовные и физические силы, то ли их оттесняла от креста враждебно настроенная толпа и воины, но только они упрямо все время возвращались назад. Тацит пишет, что ни одному из присутствующих при распятии не разрешалось выказывать при кресте сочувствие и печаль, ибо это могло быть признано за одобрение и сочувствие к преступлениям распятого. Он рассказывает даже о таких случаях, когда распинали за явленное при кресте сострадание. И особенно это, конечно, относилось к мятежникам против Кесаря – а ведь именно это обвинение и стало официальной причиной распятия Иисуса. Может быть по этому женщины стояли вдали, и иногда, когда теряли контроль над собой, подходили близко? И потому Господь “ждал сострадания, но нет его, - утешителей, но не находил”, как о том прореклет Дух в Псалме? Однако Его мать все таки иногда подходила близко к кресту. А для нее это было совсем не легко. Быть рядом с Ним, как она того без сомнения хотела, и при этом не показывать своих чувств, которых так жаждали увидеть зеваки мира сего – действительно, далеко не легкое и мучительное дело. Так это было, или иначе, однако в любом случае этим женщинам, приходилось идти против ветра этого мира, отождествляя себя с очевидно безнадежным для всех окружающих делом распятого Христа. То, что в Ин 19,25 говорится, что они “стояли *же* у креста” (см. греческий, церковнославянский и перевод епископа Кассиана), возможно, говорит о том, что пока воины делили одежды и не обращали на них внимания, занимаясь своим делом, женщины, в это время незаконно сочувствовали Иисусу.

То, что Иоанн взял Марию к себе, не обязательно должно означать, что он взял ее в свой дом в Иерусалиме (см. современный перевод). Да и дом его, если разобраться, был не в Иерусалиме, а в Галилеи. В других местах “взять к себе” означает не просто взять в дом, а скорее взять в семью, породниться. А это должно было повлечь за собой отказ от ее собственных детей ради соединения с родом Иоанна. Духовные узы были крепче всяких иных уз. И в этом сильнейшее наставление, ибо оно было дано Господом в самые последние минуты. Но, что бы мы не представляли себе, взял ли Иоанн Марию к себе (а потом вернулся – Ин 19,35), или же они оба так и оставались при кресте до самого конца, в любом случае Мария уже не принадлежала к роду Иисуса, ибо, Господь этими словам отделился от нее. И то, что Он сделал это почти в самый последний момент, говорит о Его

сильной привязанности к Своей матери. Она была последней связью, соединявшей Его с родом человеческим. И как же мучительно больно сознавать, что Он должен, должен, должен был оставить даже ее. Из Ин 19,28 также можно понять, что общение Господа со Своей матерью было последнее, что связывало Его с естеством человеческим, связь которую Ему необходимо было совершить (закончить, оборвать), ибо Он понял, “что уже все совершилось”, уже “после того”, т.е. после Его слов, обращенных к матери.

Впрочем возможно и другое истолкование, ибо очень может быть, что у Иоанна все же *был* свой дом в Иерусалиме. Мария была теткой Иоанна, а потому, уже была “своей” в его семье. Тогда под словами Господа нельзя подразумевать взятие Иоанном ее к себе домой (Ин 19,27; современный перевод), тем самым причисляя ее к своим родственникам, ибо она уже была его родственницей. А потому возможно, что Господь отправил Марию к Иоанну домой, проявив заботу о ней, ибо не хотел, чтобы она присутствовала до самого конца распятия (об этом можно найти больше под № 52). Будь я на Его месте, мне бы захотелось умереть в ее присутствии, ведь тогда, по крайней мере, рядом находился хотя бы один человек, который знал наверняка, что Он – Сын Божий. Ведь Она была единственной из всех людей на земле, кто совершенно точно знал об этом, к тому же она еще и размышляла над этим целых 34 года. И Господь знал об этом. И если Господь отослал ее *ради ее* же блага, тогда это еще является одним примером преднамеренного отказа Господом от вполне оправданного облегчения и утешения, такого же отказа, как от обезболивающего, как от искушения воспользоваться опорой для ног (см. № 54), и Его отказом от предложенного Ему утоления жажды раньше, чем Он попросил об этом. Воистину, Им Самим был избран крест, тогда как были и другие возможности показать Свое повиновение Отцу.

Изложенные здесь о Марии мысли, слишком разношерстны, а потому за ними может быть и не кроется того, что происходило при кресте на самом деле, ведь нам даже точно не известно, как долго Мария стояла при кресте. Однако, все это, по-моему, и не очень важно, ибо любой, буквально каждый из нас, должен сам мысленно пройти через распятие, получив от этого должное вдохновение. Эти же мысли лишь должны поспособствовать этому так же, как и само описание распятия. Так, например, можно занять свою голову довольно надуманными, хотя и благоговейными, размышлениями о том, что почувствует Мария, когда восстанет от смертного сна и увидит своего Сына? Или же о том, как мы узнаем Авраама, Исаака и Иакова в Царстве Небесном, ничуть не сомневаясь, что мы видим именно их? Размышления над отношениями умирающего на кресте Господа со Своей матерью заставляют нас чуть глубже проникнуть в боль, в муки и невыразимую печаль, являемые крестом. Его душа смертельно скорбела в Гефсимании так, как будто одни Его душевные страдания могли убить Его (Мк 14,34). “Душа моя насытилась бедствиями, [а потому] и жизнь моя приблизилась к преисподней” (Пс 87,4). В Ис 53,10-12 говорится о страданиях *души* Христа, как об основе нашего искупления, ибо именно этим измученным телом, когда Он висел на кресте и думал о подвиге Своей души, было совершено наше спасение. Смерть – самое последнее и самое сильное из всех жизненных переживаний, а потому вся жизнь, прожитая Господом с мыслью о ней, должна была оставить на Нем неизгладимый отпечаток. Так, например, Он должно быть сильно содрогнулся (ибо подумал, что Ему уже предстоит умереть здесь и сейчас) от просьбы Его матери вина (Ин 2,4). Под конец жизни у многих обостряются чувства. И это видно на примере речи Моисея записанной во Второзаконии. Павел и Петр незадолго до смерти написали самые лучшие из всех своих Посланий. Так и Господь перед смертью достиг ни с чем несравненного духовного совершенства, тем самым, несмотря на Свой вид и неприятие Его всеми людьми, явил самую глубинную суть Бога, явив смертью Своей имя Яхве.

Слова, сказанные на кресте (2):

“Жено! се, сын Твой”

Чтобы по-настоящему понять страдания Господа, нам заповедано прочувствовать всё пережитое Сыном Божиим, и, особенно, на кресте. По крайней мере, размышляя над разными гранями этих страданий, мы сможем понять, что славе предшествует крест, а потому нас не удивит, если и наша жизнь наполнится, хотя бы немного, Его страданиями.

Отношение между Христом и Марией дают ясное представление о двух вещах: во-первых, о чисто человеческой боли и чувствительности Господа Иисуса Христа в отношениях с близкими Ему людьми, и, во-вторых, принесение Им в жертву этих отношений ради близости к Богу.

Боль всего этого

Есть нечто невыразимо печальное в том, что мать Иисуса стояла всего в метре, или двух от Него, от основания креста, и, что типично для Библии, об этом написано, да и то как бы мимоходом только у Иоанна, что гармонирует со всем описанием распятия. Так в Ин 19,17,18 делается упор на то, что Иисус Сам нес крест до места под названием Голгофа, о самом же распятии упоминается лишь вскользь, как о чем-то, что не имеет большого значения. То же самое и у Марка: “Распявшие Его делили одежды Его” (Мк 15,24), как и у Матфея бичеванию уделено всего лишь одно слово: “а Иисуса, бив, предал на распятие”.

Когда Симеон пророчествовал Марии о том, что ее Сын будет “в предмет пререканий” и будет убит, он также сказал, что “и Тебе Самой оружие пройдет душу” (Лк 2,35). А это “и” означало, что пропятие души Христа одновременно означало и пропятие души Его матери. Так что перед нами встает картина женщины в возрасте около 50 лет, стоящей при кресте с прожитой жизнью в размышлениях о словах Бога, в размышлениях о странностях ее жизни, не похожей на жизнь ни одной из женщин. Она сохраняла все слова Бога в сердце своем (Лк 2,19,51 – из чего видно, что она ни с кем не делилась ими) и жила жизнью посвященной глубокой привязанности к своему первенцу, жизнью, которую портило постоянное недопонимание Его, что постепенно удаляло ее от Него, от Его настоящего “Я”. Вспомните, как Мария попросила Иисуса на браке вина, а Он увидел в вине образ Своей крови. Она чисто по-человечески попросила у Него вина, а Он ответил ей: “Ну, что Мне делать с тобой, женщина, разве ты не видишь, что еще не пришел час Мой отдавать Мою кровь?” Они так сильно отличались друг от друга.

Почти точно можно утверждать, что Христос был распят обнаженным. Если мы снова распинаем Его (Евр 6,6), то мы тем самым снова предаем “Его публичному позору” (современный перевод). Связь между распятием и позором подчеркиваются так же в Пс 21 и Ис 53. В нескольких других местах, нагота уподобляется посрамлению.

Нам известно, что Иудеи думали, что Христос был незаконнорожденным сыном Римского воина, о чем и сегодня можно прочитать в Мишне. Они и раньше высмеивали Его на этот счет (Ин 8,19). Переведите все их слова на живой современный язык и тогда будет не трудно представить себе, какие колкости они выкрикивали в адрес Висящего на кресте. Среди насмешек, естественно, были и язвительные замечания по поводу того, что Своим Отцом Он почитал Бога, а это значит, что тут же могло упоминаться и имя Марии. Оружием, прошедшим через душу Христа, были насмешки и ругательства, адресованными Ему на кресте (Пс 41,11), а то, что проходило, поражая душу Христа, по пророчеству Симеона, так же проходило, поражая и душу Марии. Они оба были

поражаемы этим колкими насмешками о рождении девой. Ни Ему, ни ей этот вопрос далеко не было безразличен, и то, что они оба находились рядом при кресте, должно было еще сильнее сблизить их, тем самым делая их расставание еще тяжелее. Только ей было точно известно, Кем был Его Отец, хотя, из-за забот века сего, она однажды и услышала упрек от Господа, когда назвала Его отцом Иосифа (Лк 2,33). Для любого другого человека всегда существовало искушение усомниться в Его происхождении. В Пс 21,10,11 описаны мысли Христа на кресте: “Ты извел меня из чрева, вложил в меня упование у груди матери моей. На Тебя оставлен я от утробы; от чрева матери моей Ты - Бог мой”. Когда умирающий вспоминает годы своего детства, он непременно вспоминает и о своей матери.

“С великою скорбью” Она искала Его, когда Ему было 12 лет, да и всю свою жизнь, ее мучило сознание того, что Он был праведником, Сыном Божиим, Спасителем, а она никак не могла полностью понять Его. Какую же боль причиняли ей подобные мысли, когда она смотрела на Него, умирающего на кресте. Вероятно (что было в то время в порядке вещей) она уже теряла детей, но Этот ее Сын был не таким, как все. Она была женщиной и матерью – настоящей матерью – а потому ее особенная привязанность к Иисусу, замечалась другими. Возможно, что как раз из-за этой ее особенной любви, Христос был “чужим” для остальных ее детей, “чужим”, как любой язычник, к тому же, может быть, и они тоже думали, что Иисус родился в результате греха молодости их матери со случайным Римским воином (Пс 68,9). Наверняка люди говорили Марии о том, каким чудесным был ее ребенок, что невольно вызывало в ней чувство гордости, которое, однако, никогда не перерастало в заносчивость. И Он, действительно, был чудесным ребенком, возрастая в любви у человеков, а не в привязанности к повседневным мелочам сельской жизни. Вспомните какое у Марии возникло чувство гордости за Него на браке в Кане Галилейской. О всем этом она вспоминала при кресте, вспоминала Его в пятилетнем возрасте, вспоминала все Его детские болезни, штопанье Его порванной одежды, возможно и той, которую делили между собой пьяные воины. Когда она смотрела на Него, покрытого кровью и плевками, изнуренного бесконечными роями мух, очевидно мучимого жаждой во тьме одиночества, видя при этом свою собственную беспомощность, она должна была вспоминать слова Ангела, сказанные ей 34 года назад: “Он будет велик”. “Он будет велик”. И тут же душевный всплеск, вопль из глубины души от пронзительной боли непонимания и неприятия Его смерти.

Есть нечто патетическое в словах Иисуса: “Жено! се, сын Твой”. “Жено” звучит так, как будто Иисус прежде всего хотел сказать: “Хорошо, мам, взгляни на Меня”. И, когда она посмотрела на Него, поняла, что Он хотел сказать ей совсем, совсем другое. Почти видно, как Он, кивая, указывает на Иоанна. Он отказывается от ее человеческого материнства, Он перестает быть ее Сыном, пытаясь заменить Себя другим. То, что Он назвал ее не матерью, а “женой” указывает на возникшее между ними расстояние, увеличивающееся по мере приближения оставления Им человеческого естества, по мере приближения конца их человеческого родства. Кстати, обратите внимание на то, как по мере приближения смерти Он уже не обращается к Богу, как к Своему Отцу, но как к Своему Богу, обращаясь так, как будто и Ему стало известно чувство удаления от Него, какое испытываем мы все. А отсюда и Его ужасное чувство одиночества, чувство, что все Его оставили, что все удалились от всего, что Ему было близко и дорого. “Се, сын Твой... се, Матерь твоя!”, - сказано так, как будто Иисус хотел, чтобы они посмотрели друг на друга. Скорее всего их взгляд в это время был устремлен в землю. Представляется, как они смотрят друг другу в глаза, немного молчат, пытаясь понять, что хотел сказать Иисус, “и с этого времени”, или же очень и очень вскоре, Иоанн *взял Марию к себе*. Здесь нам оставлено многое, о чем можно было бы поразмышлять: о том, как они многие годы жили вместе, часто и подолгу беседуя об Иисусе, о том, как они также часто и подолгу молчали

о Нем, о том, как они совершали вместе Пасху... К тому же еще можно представить себе, как они сначала ушли, а потом опять вернулись к Иисусу, Который, возможно, наблюдал за ними с креста.

Вероятно на кресте Им овладевало сильное и глубокое чувство одиночества. Все ученики оставили Его (Мф 26,56), а сейчас Его оставляла и мать, исполняя тем самым пророческие слова Пс 26,9,10: “не оставь меня, Боже... ибо отец мой и мать моя оставили меня”. Все, что Ему было дорого уходило от Него. Его ученики были дороги Ему (Лк 22,28), так же как, естественно, была Ему дорога и Его мать. Все ученики оставили Его, а теперь Его оставляла и мать. А потому Ему ничего больше не оставалось делать, как молить Своего настоящего Отца чтобы, хотя бы Он не оставил Его. И отсюда душераздирающий вопль: “Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты (здесь должно стоять ударение) Меня оставил?” (Мф 27,46). Тому, как Его оставили ученики, уделяется много внимания, и особенно Марком, который, как считается, писал под диктовку Петра, больше остальных виновного в этом. Один юноша сначала, последовал за Ним, но убежал; Петр, следовавший за Ним, отрекся от Него (Мк 14,51,54), все Его ученики бежали (Мк 14,50). Иосиф и Никодим отреклись от Него (Мк 14,64). Инстинктивно, перед серьезной хирургической операцией, или же в очень тяжелые минуты жизни, любой человек хочет, чтобы рядом с ним находился кто-нибудь из близких ему людей. И в этом так же сильно нуждалось человеческое “Я” нашего Господа. Отсюда плохо скрываемое чувство обиды в Его словах: “так ли не могли вы один час бодрствовать со Мною?”

В Кол 2,11-15 страдания Христа на кресте названы “обрезанием”, как будто крест произвел в Нем какие-то внутренние изменения. В распятии на кресте Он сошел с греховное тело плоти (ст 11), избавившись от всего человеческого. И здесь прощание с матерью – признание в том, что она Ему уже не мать, а просто женщина – похоже, является завершением совершения совлечения “греховного тела плоти”. Я думаю, что Он любил ее настолько сильно, настолько сильной была Его человеческая привязанность к ней, что самое последнее “совлечение” Его человеческого “Я” было и самым тяжелым во всем распятии. И в этом кроется причина того, почему Он, после этого сразу же умер.

Среди нас не может быть ни одного безразличного ко всему этому. От нас требуется разделять страдания Господа Иисуса. А потому нам остается ожидать в своей жизни не только возвышенные чувства, но и разбитых, пожертвованных отношений с людьми и потерь человеческой любви. Как кажется, сейчас сильно возросло число счастливых в браке и во всем благословенных 20-ти – 50-ти летних верующих, благовествующих безмятежное и безоблачное Евангелие, самозабвенно и самодовольно рассказывающих о счастье и радости, которые им приносит их вера. Кому не ведомы подобные чувства, ощущают себя духовно ущербными, и таких по всему миру гораздо, гораздо больше, ибо именно они составляют основную массу тела Христова. Настоящее же размышление о кресте нашего Господа и Его частые наставления приводят к выводу, что мы должны разделять с Ним Его страдания. Ибо, если мы хотим прославиться с Ним в грядущем Царстве, то должны с ним и страдать. Радость и мир Христовы, доступные сегодня, были Его радостью и Его миром во время Его земной жизни и являются глубоко внутренней радостью и глубоко внутренним чувством умиротворения от сознания того, что мы верно идем по пути спасения. Познай себя, братья и сестры. Испытайте как вы живете. Если мы по-настоящему, истинно пытаемся нести крест Христов, если мы понимаем, что значит самопожертвование, что значит любовь до конца, тогда мы по-настоящему сознаем дух Христа на кресте, “одиноким криком острой муки”, по-настоящему постигаем Его ум, испытывая общение нашего духа с Его. А это и есть та радость и мир, которые нельзя высказать никакими человеческими словами.

4-1-10 “Ныне же будешь со Мною в раю”

36 Разбойники (и Варава) были судимы вместе с Иисусом, а потому должны были присутствовать при Его осуждении. По Римским законам исполнение смертного приговора должно было приводиться в день вынесения его. Распятие произошло рано утром, а потому с полной уверенностью можно утверждать, что все четыре дела рассматривались на одном и том же месте. Поведение Господа на суде должно было заставить остальных троих задуматься.

Заслуживает интереса Лк 23,39, где написано, что “один из *повешенных* злодеев злословил Его и говорил...” Древние картины распятия изображают злодеев не прибитыми гвоздями к кресту, как Христос, а привязанными к нему. *Повешение* на дереве стало идиомой распятия, даже тогда, когда распятие происходило с применением гвоздей (ср. Гал 3,13; Деян 5,30; 10,39 с Вт 21,23). Если это было так на самом деле, тогда перед нами во всей красе предстает еще одно диавольское изобретение человеческое, направленное против Отца и Его Сына. Христос не был привязан – Его пригвоздили. Гроб, куда Он был положен, был опечатан и охранялся стражей. Сам суд над Ним был явно сфабрикован. Господь был предан не только на бичевание, но и на распятие (см. выше “Причины распятия”).

Слова, сказанные на кресте (3):

“Ныне же будешь со Мною в раю”

Для всех нас существует искушение видеть в распятом на кресте злодеем малозначительную фигуру распятия Господа, однако в Новом Завете можно найти достаточно много веских доказательств того, что он является образом всех нас. Павел призывает нас “сораспяться” Христу (ср. 1Кор 11,1 с Рим 6,6; Гал 2,19). “Со-распятие” же с Христом живо напоминает злодея на кресте, который был буквально распят вместе с Ним. Сомнительно, чтобы Дух, говоря в Павле о “со-распятии”, делал это без намеренного напоминания о злодее. Наш Господь сравнил упомянутое злодеем “Царство” с “раем”. Это слово встречается в Новом Завете только три раза, а потому трудно не поддаться искушению сделать вывод, что слова, сказанные Господом в Откр 2,7, были произнесены Им с мыслью о мучительном разговоре с злодеем на кресте: “Побеждающему дам вкушать от древа жизни, которое посреди рая Божия”. Этим победившим несколько лет назад был тот злодей, которому был обещан рай. И вот, что важно, слова из Откр 2,7 особенно адресуются тем, кто быв по природе горяч и ревностен, кто ненавидел любого рода небрежение, и все же оставил первую любовь свою. Тот злодей вполне мог быть одним из поначалу приставших к Христу Зелотов, вера которого со временем испарилась. Так что рай обещан любому, кто победит неверие.

Часто можно услышать, что в нескольких словах этого злодея заключена вся вера, необходимая для спасения, ибо он верил в безгрешность распятого рядом с ним Человека, верил в праведность Христа, в спасение, дарованное по благодати, во второе пришествие и суд Христов, а также в грядущее Царство. Однако его вера во все это не была абстрагированной. Когда он увидел вблизи страдания несравненного Сына Божия, его вера приняла осязаемые формы. Возможно, он был рабом, совершившим какое-нибудь мелкое преступление, однако за которое ему, как рабу, полагалось распятие. Все преступники и заключенные остро чувствуют несправедливость окружающих и свою невиновность. Однако каким-то образом преодолев это чувство, он признал, что “...и мы

[осуждены] справедливо”. Он глубоко постиг основной и главный закон, признавая общую вину, как свою собственную. Конечно, он знал основы благовестия, однако ему необходимо было сораспяться с Христом, чтобы полностью понять необходимость жизни по этим основам. Спасибо Иову, являющемуся прообразом страданий Христа, которому пришлось пережить нечто подобное: “Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя” (Иов 42,5). А как же мы? Злодей, не говоря об Иове, является образом всех нас. Если мы по-настоящему сораспались Христу, тогда основы нашей веры не будут для нас мертвым грузом. Грядущее Царство, учение о суде и очищении должно стать целью нашей жизни, ибо как раз ради этого и жил, пока висел на кресте, сораспятый Христу злодей. Кстати, это также еще и означает, что нам необходимо регулярно вспоминать эти основы учения либо перечитывая проповеди и соответствующую литературу, либо слушая наставления по ним.

Конечно возможно, что этот злодей и обладал глубокими Библейскими знаниями. “Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!” - явный намек на Быт 40,14, где Иосиф отчаянно просит: “Вспомни же меня, когда хорошо тебе будет”. И тут же добавляет: “А также и здесь ничего не сделал, за что бы бросить меня в темницу” (Быт 40,15), а это уже сказано в том же духе, что и, “а Он ничего худого не сделал”. Впрочем, может быть и так, что когда злодей просил Господа помянуть его, он вспомнил о словах Авигеи, обращенных к Давиду: “И Господь облагодетельствует господина моего, и вспомнишь рабу твою”. Чему предшествовала ее просьба: “Прости вину рабы твоей... Если восстанет человек преследовать тебя и искать души твоей, то душа господина моего будет завязана в узле жизни у Господа Бога твоего, а душу врагов твоих бросит Он как бы пращею” (1Цар 25,29-31). Тот ответ Давида сильно напомнил ответ Господа злодею: “Иди с миром в дом твой; вот, я послушался голоса твоего и почтил лице твое” (1Цар 25,35). Возможно, что этот злодей видел в Давиде образ Господа, а в словах Авигеи то, чего бы ему хотелось получить от Господа? И Господь понял это.

В остальных Евангелиях написано, что оба разбойника “злословили” Христа, понося Его вместе с толпой (Мф 27,44), а потому нам следует смотреть на слова раскаявшегося злодея в Лк 23, с учетом этого. Он должен был ныне принять смерть через распятие на кресте, он, знающий истину, но отпавший от нее. В сосредоточении на себе, на своем несчастном “я”, внутри него росла горькая обида на Того, Кто, как он знал, был его Спасителем. Несмотря на трудность каждого слова и боль причиняемую распятием, он приложил много усилий, чтобы навести хоть какую-нибудь приемлемую, на его взгляд, критику на своего Спасителя. Однако видя в ответ молчание Господа, очевидно, вызванное глубоким духовным общением Его в тот момент с Отцом, он ощутил еще большую волну гнева и раскаяния, которая на этот раз обрушилась на его собственную голову. “Я мог сделать это раньше. Я мог раскаяться. А теперь слишком поздно. К тому же я только что еще и поносил Его. В эти страшные последние минуты своей жизни я хулил и насмехался над Тем, Кто единственный мог бы спасти меня сейчас”. После этого он умолк, тогда как другой (как можно это предположить) все так же продолжал поносить Господа, прося своего собственного и немедленного спасения, краем глаза наблюдая за страданиями Спасителя. Ведь оба злодея были распяты рядом с Иисусом. Воистину, хотелось бы знать, верил ли в то, что он говорил тот другой злодей, когда сказал: “Разве Ты не Христос?” (Лк 23,39; перевод епископа Кассиана).

Такова была святость и праведность Господа, что в голове злодея родилась и стала возрастать мысль: а может быть даже сейчас, пока я еще живой, я смогу вымолить себе прощение и место в Царстве? Можно быть уверенным в том, что эта мысль овладела всем его существом прежде, чем он обратился с просьбой к Иисусу. Он должно быть видел поведение Господа на суде, а потому милосердие и благодать Его внутреннего “Я”

оставило в злодее глубокое впечатление. Когда он говорил, что Иисус “ничего худого не сделал”, он повторял то, что слышал несколько часов назад (Мк 14,56). Он также помнил уверенные слова Господа, до сих пор звучавшие в его ушах, вымаливая у этого распятого Человека милости, когда Тот придет во славе Своего Царства (ср. Мф 26,64 с Лк 23,42). И обладающий такой верой человек только что мог хулить Иисуса со всем злым и язвительным сарказмом, на какой он был только способен?! И все же вера в любовь и милосердие Иисуса Христа заставили его обратиться к Господу. Лично я вижу в его обращении превосходство человеческой веры над слабостью человеческой страдающей плоти, ибо это обращение к Господу было порождено здоровым страхом Божиим. Перед своим обращением, он упрекнул другого злодея: “Или ты не боишься Бога...?” (Лк 23,40). Ощувив всю гнусность своего греха, раскаявшийся злодей пришел к страху Божию, представив себе день суда и осуждение за грехи. Можно дерзнуть, и представить его нервными интонациями в голосе, когда он говорил Иисусу: “Помяни меня, Господи (во благо), когда приидешь в Царствие Твое!” (Лк 23,42). Он, побуждаемый страхом Божиего осуждения, молил о принятии его в судный день. Это был верх духовности. Боль своих собственных страданий, усиленная святостью распятого рядом Христа, привела его к глубокому осознанию своей полной греховности и вдохновила его на духовный подвиг веры в милосердие Христа, подвиг, который не всем дано совершить. А потому он и получил твердое уверение: Ты *будешь* со Мною в Царстве. Если представить себе, что Господь произносил на кресте каждое слово отдельно и с большим трудом, тогда вопрос о том, где должна стоять запятая становится неуместным, ибо тогда, воистину, нужно было бы поставить запятые после каждого слова.

Изо дня в день, *хотя бы по несколько минут*, мы должны представлять себе распятое тело Господа, обладавшего бесподобным духом, совершенства которого Он достиг на кресте. “Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!” Возможно, нам нужно про себя в молитве повторять эти слова каждый день и каждую ночь. Возможно, нам необходимо договориться с другими верующим, чтобы доверять друг другу все свои духовные проблемы, такие как небрежение размышлениями над страданиями Господа. Ни утром, ни днем, ни вечером, ни ночью мы не должны забывать крест Христа. “Гефсимания, можно ли забыть тебя?” Да, Господи, можно, после бездумно и бездуховно проведенного дня.

Злодей верил и был уверен, что будет услышан. И как же он должно быть внимательно прислушивался к каждому тихо-тихо произнесенному Господом слову, долетающему до него с расстояния в несколько, разделявших их, метров. “Говорю тебе истину сегодня: ты будешь со Мною в раю” (Rotherham). Мы знаем, где нужно ставить ударение в Его словах⁽¹⁾. “Да, Я истинно могу сказать тебе здесь и сейчас, что ты будешь со Мной в Царстве!” Подумайте о том, какой духовный восторг охватил злодея! Бог даровал ему победу во Христе! Он, последний из грешников, сподобился наивысшей почести святых, которые получили твердые уверения в том, что они войдут в Царство. Похоже рядом с этим злодеем, в этом плане, можно поставить лишь Даниила, учеников Христа да Павла.

Распятие означало медленную смерть. Слава Богу, наш Господь умер необычно быстро. Вспомните, как “Пилат удивился, что Он уже умер”. Обычно на кресте умирали в муках несколько дней. Злодей прожил немного дольше. Он видел смерть Христа, слышал “одиноким криком острой муки”, видел как Его тело снимали с креста. Скорее всего он еще был в сознании, когда воины перебивали ему голени, ибо, если бы он умер, воины не стали утруждать себя. К этому выводу можно прийти из Ин 19,33: “Но, придя к Иисусу, как увидели Его уже умершим, не перебили у Него голени”. Голени перебивались для того, чтобы лишить распятого последней надежды на побег. Сквозь приступы боли,

должно быть он еще раз поразился тому, что Христос, воистину, был Агнцем Божиим, видя исполнение Писаний в том, что “кость Его да не сокрушится”.

Он, распятый висел на кресте, уверенный в милости Христа, испытывая такие страдания, которые нам невозможно даже представить себе, все так же оставаясь прообразом всех нас. Ибо, когда мы умираем от рака, стонем от артрита, мучаемся от трудных взаимоотношений с людьми, вынуждены много и тяжело трудиться, мы тоже можем быть уверены в милость Христа. “Побеждающему” Христом обещан рай Царства, тот же рай, что был обещан злодею. Братья и сестры, имея такое обетование, давайте стараться действительно побеждать. Невзирая на возраст, фактически, каждый из нас ожидает своей смерти. Разнообразные страдания постепенно губят нас. Человеку невозможно избежать ни страданий, ни смерти.

И все же, подобно раскаявшемуся злодею, перед нашим мысленным взором должен стоять наш умирающий, но побеждающий в Своей святости Спаситель. Подобно раскаявшемуся злодею мы должны немедленно признавать свои грехи, а также праведность осуждения их Богом. Подобно раскаявшемуся злодею мы также должны твердо уповать на предлежащее, обетованное нам Царство. Все возрастающая горечь и злоба его “подельщика” были не для раскаявшегося злодея. По мере возрастания его горечи, в распятом нашем брате возрастали покой и вера, надежда и радость ожидания Царства. Горечь и разочарования мира сего, боль вокруг и внутри нас не для нас. Для нас – крепость и (среди всего этого) *мир* Христов. Помните, что в Новом Завете, как образ нас всех, несколько раз поминается раскаявшийся злодей. Господь обещал ему, что он будет с Ним также, как Он обещал это и нам (2Кор 5,8 и 1Фес 4,17).

Примечание

1. В Ветхом Завете говорить, свидетельствовать “ныне” является образным оборотом речи, для того чтобы подчеркнуть важность сказанного (например, Вт 4,26,39; 8,19).

4-1-11 “Для чего Ты Меня оставил?”

37 Темнота в Ветхом Завете часто ассоциируется с утром. В Ам 8,9,10 говорится о землетрясении и закате солнца в полдень, потому что Господь Бог произведет “плач, как о единственном сыне, и конец ее будет - как горький день”, т.е. похороны. Так что закат солнца и тьма были признаком *плача Бога Всемогущего о Своем Сыне*.

39 Из громкого, “для чего Ты Меня оставил?” можно предположить, что чувство одиночества к этой минуте уже было преодолено Господом. У Марка написано, что Он звал, “Элои! Элои!”, тогда как у Матфея, “Или! Или!”. Почему существует такая разница? Не потому ли, что Он произнес: “Или! Или! Элои! Элои!”, - четыре раза призывая Бога?

Слова, сказанные на кресте (4):

“Для чего Ты Меня оставил?” (Мф 27,46)

Попробуем сейчас предположить, что эти слова означают переломный момент в мыслях Господа Иисуса. Во всем нашем изучении мы не собираемся ни на мгновение отступить от того, что Господь Иисус был совершенно безгрешен. Однако и у Него, как у любого человека, был предел, к которому Он иногда приближался очень близко. Что больше всего поражает в смерти Господа, так это то, что Он, несмотря на все физические и моральные

издевательства над Собой, похоже, ни на мгновение не терял духовного самообладания. Однако из этих слов можно предположить, что в это время Он, как никогда, был близок к потере контроля над Собой. Еще один пример, когда Он был “на грани срыва” - Гефсимания, когда Он просил пронести мимо Него чашу сию. Подумайте об этих словах и о том, что Он хорошо знал, что должен умереть на кресте, чтобы затем воскреснуть. Ясность Его понимания всего этого поразительна. Иисус шел на крест “зная все, что с Ним будет” (Ин 18,4). Он предвидел не только Свое распятие на кресте и воскресение, но и многое другое. Так, например, Он сравнивал Себя с зерном, посаженным (похороненным) *в саду* (что и произошло с Ним), а потом выросшем (воскресшим) – Лк 13,19. Такое Его предвидение с одной стороны, а с другой мольба в Гефсимании о чаше и громкое, “для чего Ты Меня оставил?”, заставляют прийти к единственному правдоподобному выводу, что эти слова говорят о нерешительности Господа Иисуса, пусть мгновенном, но сомнении в том, что цель оправдывает средства. Странно, что такие мгновения больше не упоминаются.

Первое такое мгновение было в Гефсимании. Второе, когда Он громко произнес: “Для чего Ты Меня оставил?” Но прежде было бы неплохо вспомнить хронологию распятия⁽¹⁾.

14 нисана	9 вечера	Последняя вечеря
	12 вечера	Взятие
	9 утра (третий час)	Распятие
	с 12 до 3 часов дня (с шестого по девятый час)	Тьма
	3 часа дня (девятый час)	Смерть; закание пасхального агнца
15 нисана	9 вечера	Израиль празднует пасху
16 нисана	6 вечера	Конец пасхальной субботы
	5 утра	Воскресение?
	6 утра	Женщины приходят к гробу
	3 часа дня	Встреча на пути в Еммаус

Христос умер “около девятого часа”. В девять часов Он громко произнес, “совершилось!”, а также, “Отче! в руки Твои предаю дух Мой”. Однако “в девятом часу”, как это сказано Марком, Он также сказал: “Для чего Ты Меня оставил?” Из этого делаем вывод, что Господь начал колебаться *в самый последний момент*. Его одолели сомнения в 11:59. Вставленное в Его слова, *пожалуйста*, вполне соответствовало бы духу сомнения и напряжения этой минуты. Это единственный момент, когда Господь в молитве обращается к Богу, “Боже”, а не “Отче”, *Авва*. А это говорит о чувстве отчужденности, охватившем Его. А ведь это был распят на кресте наш Господь и наш Спаситель, а значит на кресте в это время было поставлено под сомнение и наше спасение. Очень важное замечание сделано Матфеем, что Иисус возопил о том, что Он оставлен “около девятого часа”. Марк пишет, что это было “в девятом часу”, или же в девять часов, как раз тогда, когда Христос произнес последние слова победителя. А это значит, что Христа одолели сомнения за несколько минут до девяти часов, потому-то и Матфей говорит, что Он возопил “около девятого часа”. Что это были за минуты! Всего лишь несколько сотен

секунд, несколько мгновений. Всего лишь несколько мгновений сомнений отделяли Сына Божия от победоносного, “совершилось!” Чем больше размышляешь над Его сомнениями в эти последние минуты, тем больше начинаешь ценить силу и суть одержанной Христом победы, которая ярче и контрастнее видна в Его последних словах, произнесенных на кресте⁽²⁾.

Итак мы пришли к главному вопросу, как и почему Христос был оставлен Отцом? По большому счету Отец, конечно же, не оставлял Своего Сына в тот самый момент, когда Он больше всего в Нем нуждался. Думаю, что Христос только *чувствовал* Себя оставленным так же, как и мы подчас *ощущаем* себя забытыми всеми. Так же когда-то и Давид, бежавший от лица Авессалома, ощущал себя оставленным Богом (Пс 41,10; 42,2; 87,15), хотя, ясно, что он не был на самом деле Им ни забыт, ни оставлен. Но почему Господа посетило это чувство в 11:59, за минуту до полдня, в самую последнюю и мучительную минуту? Отец в действительности не оставлял Сына, а это значит, что на Господа напали какие-то сомнения. И это не удивительно, учитывая Его ужасное положение, в котором Он оказался. Но для такого, воистину несравненного ума, сомнения любого рода должны носить самые настоящие и недвусмысленные основания. Мне кажется, что Господь *больше любого другого человека боялся смерти*. Он знал, что смерть была возмездием за грех и окончательным удалением от Бога. Разные люди по-разному боятся смерти (например, нераскаявшийся злодей был к ней совершенно равнодушен). Похоже, Господь далеко не равнодушно относился к смерти, а даже совсем, совсем наоборот, ибо знал, что Ему обязательно придется умереть. Двум прообразам Господа пришлось пережить нечто похожее. Так Аврааму пришлось пережить минуту, когда “напал на него ужас и мрак великий” (Быт 15,12). Разве не то же было при распятии? Так же и Иову пришлось признать, что “ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня; и чего я боялся, то и пришло ко мне” (Иов 3,25). Господь стоял, “как агнец пред стригущим его безгласен”, безгласен от поразившего Его ужаса, а это заставляет еще больше благоговеть перед смертью Господа, которую Он принял *ради нас*.

Желание спасения?

Мы уже размышляли о том, что Христос, возможно думал, что и Он, несмотря ни на что, и даже на Свое положение на кресте, мог быть спасен так же, как был спасен Исаак⁽³⁾. На кресте Он все больше и все яснее понимал, что запутавшимся в чаше рогами овном был не Исаак, а Он, а отсюда и появившееся чувство ужаса, охватившее Его. Существует гораздо больше доказательств, чем мы можем осмелиться предположить того, что Христос всегда и все понимал именно так, как нужно, ибо и Он мог, и особенно на кресте, не правильно понимать Писания⁽⁴⁾. Немного раньше, в Гефсимании, на Него напал ужас (Мк 14,33).

Должно быть в нашем Господе все шесть часов, которые Он провел на кресте, существовало желание Своего собственного спасения. И все же слова, произнесенные Им прежде, говорят о Его желании благополучия и для других: нас, евреев, злодея, Его матери. Он сумел справиться со вспышкой ужаса и желания Своего собственного освобождения и спасения, возобладав над ним Своим духом ради освобождения и спасения других.

Определение оставления

Изучение 21-го Псалма дает понять глубинные причины того, почему Христос чувствовал Себя оставленным. Если верить Пс 21,2-7, то Он вопил, громко взывая о спасении, не только в течении трех часов необычной тьмы, но и перед наступлением ее. Он чувствовал, что Его желание о спасении не было услышано, хотя подобные молитвы, возносимые с

такой же силой в прошлом, были отвечены⁽⁵⁾. Господу Иисусу была хорошо известна взаимосвязь греха и отказа Бога отвечать на молитву грешника (2Цар 22,42 = Пс 2,2-5). Не один раз в Писаниях утверждается, что Бог не оставляет любящих Его (например, Вт 4,31; 31,6; 1Цар 12,22; 3Цар 6,13; Пс 93,14; Ис 41,17; 42,16). Каждое из этих мест должно было быть хорошо известно нашему Господу, Слову, ставшему плотью. Он знал, что оставление Богом Израиля было наказанием за его грехи (Суд 6,13; 4Цар 21,14; Ис 2,6; Иер 23,33). Бог мог оставить Израиль только тогда, когда Израиль оставил Его (Вт 31,16,17; 2Пар 15,2).

Вероятно будет полезно упорядочить два учения Библии об оставлении Богом.

Бог не оставит Своего народа, если он праведен:

“Когда ты будешь в скорби... и послушаешь гласа Его... Он не оставит тебя” (Вт 4,30,31);
“Господь Бог твой Сам пойдет с тобою [и] не отступит от тебя и не оставит тебя” (Вт 31,6);
“Господь же не оставит народа Своего ради великого имени Своего, ибо Господу угодно было избрать вас народом Своим” (1Цар 12,22);
“Если ты будешь ходить по уставам Моим, и поступать по определениям Моим и соблюдать все заповеди Мои, поступая по ним, то Я... не оставлю народа Моего Израиля” (3Цар 12,12,13);
“Блажен человек (Мессия), которого вразумляешь Ты, Господи, и наставляешь законом Твоим... Ибо не отринет Господь народа Своего и не оставит наследия Своего... [всех правых] сердцем” (Пс 93,12-15);
“Бедные и нищие ищут воды, и нет... Я, Господь, услышу их, Я, Бог Израилев, не оставлю их” (Ис 41,17). Т.е. по ответу Бога на молитву было видно, что Бог не оставлял молящегося; (ср. с Пс 21,2-12).

Если Его народ грешил, Бог оставлял его:

“Ныне оставил нас Господь” за неповиновение Израиля во времена судей (Суд 6,9,13);
“За то, что сделал Манассия... отвергну остаток удела Моего, и отдам их в руку врагов их” (4Цар 21,11,14);
“Но Ты отринул народ Твой, дом Иакова, потому что они многое переняли от востока: и чародеи [у них], как у Филистимлян, и с сынами чужих они в общении” (Ис 2,6);
“Вот, Я - на пророков ложных... Я покину вас, говорит Господь” (Иер 23,32,33);
“Господь с вами, когда вы с Ним; и если будете искать Его, Он будет найден вами; если же оставите Его, Он оставит вас” (2Пар 15,2);
“И станет народ сей блудно ходить вслед чужих богов той земли... и оставит Меня... и возгорится гнев Мой на него в тот день, и Я оставлю их” (Вт 31,16,17).

Зная всё это Он возопил: “Для чего Ты Меня оставил?” Он чувствовал Себя оставленным Богом, а по Библии, вне всяких сомнений, это означало, что Бог оставил грешника. “Для чего (О! Для чего) Ты Меня оставил?” - Господь в это время должно быть усердно исследовал Свою совесть, не находя в ней никакого порока, а потому взывал к Богу, чтобы Он показал Ему Его падение, причину, по которой Он оставил Его. Возможно, что Он даже думал о том, что Он согрешил (Пс 68,6), испытывая те же сомнения, которые испытал Давид, когда бежал от Авессалом (Пс 3,3). Господь, подобно Давиду, чувствовал, что Бог “отринул и презрел, прогневался на помазанника” Своего, хотя Он и не отнимал от Него милости и не изменял истины Своей (Пс 88,39,33). И тут же, после тщательнейшего и доскональнейшего исследования Себя, Он обнаружил, что Бог не оставлял Его. А это значит, что преодолев этот переломный момент, наш Господь умер с

чистой совестью, очень ясно сознавая Свою полную и совершенную праведность. И это помогает нам еще лучше осознать силу сказанного Им: “Совершилось!”

Возложение грехов Израиля

Господь видел Свою смерть, как предложенную Ему выпить Богом чашу, однако в Ветхом Завете такой чашей был гнев Божий на непокорный народ. Господь знал, что Его смерть была возложением на Него, заслуженного Его убийцами, как и любыми грешниками, осуждения. Он так сильно хотел собрать “птенцов” Иерусалима под Своими крыльями... А они не захотели, а потому сейчас и оставался дом их храма пуст. В воображении всплывает пожар и птица, прячущая своих птенцов под крыльями, чтобы они остались живы, даже если огонь спалит дотла ее саму. Господь так сильно желал, чтобы еще в Его дни была вознесена на кресте жертва всесожжения ради спасения Израиля... А они не захотели. Такова была сила Его любви к тем, кто травил, раздражал, поносил и следил за каждым Его шагом.

Христос знал из Ис 53, что Ему надлежит понести грехи Израиля, что осуждение его грехов будет возложено на Него. Израиль нес грехи свои, будучи осужден за них (Числ 14,34,35; Лев 5,17; 20,17), а это означало, что несущий грехи был осужден. Умереть в наказании за чьи-нибудь грехи, означало понести их на себе. Господь *как бы* был этим осужденным грешником. Он вкратце претерпел в Себе душевные муки, которые испытывает осужденный. Похоже, что даже Господу не удалось во всей полноте отождествить Себя с грехами Израиля, во всей полноте осознать все наши грехи, всю серьезность их, ибо Он Сам не знал греха, и все же принес за нас жертву за грех, (2Кор 5,21). Ну, а если это было трудно для Него, то что тогда говорить о нас? То, что иногда осуждение за грех было равносильно самому греху, без сомнения было известно Господу (ср. с 4Цар 15,23), однако во всей полноте этот закон был Им не познан, вплоть до креста. Также, Он должно быть размышлял и о судьбе праведников, понесших на себе грехи своего народа. Например, об Иеремии, говорившем о себе, как будто он сам совершил все грехи Израиля. Об Ездре, который рвал на себе одежды и волосы так, как будто это им была осквернена вера Израиля (ср. Ездр 9,4 с Неем 13,25, что пришлось пережить и Господу – Ис 50,6). Мольба Моисея, чтобы Бог позволил ему войти в землю обетованную, была отвергнута за его причастность к грехам всего Израиля (Вт 3,26). Однако Господь, возможно, недооценил количество возложенных на Него грехов, а потому через Свое несение их, и Свое ощущение их, Он и Сам узнал много нового о грехах и дал узнать то же Своему Отцу, бывшему в Нем. Бог в притче Господа уподобляется человеку высокого рода, который отправился в дальнюю страну (Лк 19,13), тогда как по другой Его же притче, грешник “пошел в дальнюю сторону”, оставив своего Отца (Лк 15,13). “Рабом” Божиим, Его “отроком” был не только Израиль, но и Господь, ибо в Своих страданиях Он был образом его. А отсюда понятно, почему на выставке работ заключенных Освенцима, так много изображений распятий и крестов, сделанных подчас евреями ногтями даже на деревянных стенах барачных. Тогда они увидели и осознали (а это им предстоит снова увидеть и еще раз осознать) всю глубину страданий раба Израиля, которые испытал за него на кресте Отрок Иисус Назорей. Еще в самом начале своего пророчества, Исаия говорил о том, как рабу Божию, Израилю будет больно, потому что будут открыты его язвы (Ис 1,6; современный перевод) – то же самое, что Исаия позже говорит о страданиях Господа Иисуса на кресте.

Христос умер не ради спасения кого бы то ни было из язычников, а ради спасения Израиля (Ис 49,5; 53,8; Гал 4,4,5), ибо был “служителем для обрезанных” (Рим 15,8), утешением *Израиля*, и *его* Спасителем (Лк 2,11,25), а потому и был идеальным образом всего Израиля. Именно по этой причине Ему надлежало родиться евреем. Мы спасаемся

лишь потому, что облакаемся во Христа, становясь причастниками Израиля Божия (Гал 3,27-29). Знание Иудейских основ спасения абсолютно необходимы для правильного понимания благовестия. Посмотрите на следующие основополагающие доказательства того, что Христос умер ради спасения Израиля:

*“Ибо младенец родился **нам** (Израилю) - Сын дан **нам**” (Ис 9,6);*

“Господь, образовавший Меня от чрева в раба Себе, чтобы обратить к Нему Иакова” (Ис 49,5);

“За преступления народа Моего претерпел казнь” (Ис 53,8);

“Бог послал Сына Своего (Единородного), Который родился от жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконных” (Гал 4,4,5);

“Ибо вот, благовествую вам радость великую, которая будет всему (Израильскому) народу” (Лк 2,10; перевод епископа Кассиана);

Господь положил жизнь Свою “за овец” Израиля (Ин 10,15,16);

Как Петр, так и Павел призывали к покаянию Иудеев потому, что Христос умер за них:

“Вы сыны... завета, который завещевал Бог отцам вашим... и в семени твоём благословятся все племена (колена) земные (земли Израильской)... Бог, воскресив Сына Своего Иисуса, к вам первым (что очень важно!) послал Его благословить вас, отверщая каждого от злых дел ваших... Бог по обетованию воздвиг Израилю Спасителя Иисуса... Мужи братья, дети рода Авраамова... вам послано слово спасения сего... И мы благовествуем вам, что обетование, данное отцам, Бог исполнил нам, детям их, воскресив Иисуса” (Деян 3,25,26; 13,23,26,32).

“Разумею то, что Иисус **Христос** сделался **служителем** для обрезанных” (Рим 15,8) – явный намек на пророчество Исаии о распятии раба, отрока Божия. Но эти же слова так же еще являются, как часто происходит у Павла, и намеком на слова Господа – в данном случае на Мф 20,26-28: “Но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом; так как **Сын Человеческий** не [для того] **пришел**, чтобы Ему служили, но **чтобы послужить** и отдать душу Свою для искупления многих”. Слова о служении Сына Человеческого означали Его смерть, которую Он принял, если верить Павлу, прежде всего ради Иудеев.

Наш Представитель

По всем этим причинам страдания Христа на кресте были образом наказания за грехи Израиля (например, питье желчи – Иер 8,14; Плач 3,5,19). Бог на время оставил Израиль за грехи его (Ис 49,14; 54,7), а значит и Христа. Христос был наказан “жезлом мужей и ударами сынов человеческих” (Ис 53,5; 1Пет 2,24; Мих 5,1) распятием на кресте. Однако наказание жезлом и ударами должно было произойти в случае греха Мессии (2Цар 7,14). И это наказание принял Христос, ибо Богу угодно было представить Его грешником. Его причастность к нашему осуждению – не просто безобидное теологическое учение, ибо Он по-настоящему внутри Себя ощущал Себя оставленным Богом грешником. Вместо того, чтобы смело поднять к небу безгрешное лицо Свое, Он, когда молился в Гефсимании, “пал на лице Свое” (Мф 26,39), неся на Себе вину за грехи человеческие. Иногда бывает так, что мы чувствуем, что праведность Христа делает Его недоступным для нас. Даже среди своих братьев и сестер есть такие, от которых я стараюсь держаться на расстоянии, и все только потому, что я знаю, что они на много праведнее, чем я. Я знаю, что среди нас многие чувствуют подобное. Мы думаем, что таким людям просто незнакомы чувства духовного падения, неизвестны потаенные темные и грязные уголки нашего человеческого естества. Ну, а если такая проблема существует между нами, то она должна

существовать и по отношению к Господу Иисусу. И потому-то многим из нас недостает настоящих, близких личных отношений с Христом – таких, какими они должны быть.

И здесь на кресте мы видим нашего Господа ужасающегося ужасом грешника, который знает о предстоящем Ему осуждении и смерти, Который сознает всеми фибрами Своего естества отчуждение от Бога, произошедшего от греха. Ему была знакома мука отчуждения от Бога из-за греха. Он нес на Себе грехи (Ис 53,11), а несение греха было почти равносильно личной вине и греху (Числ 14,34; Исх 28,43). Господь, хотя Сам ни в чем не был повинен, понес на Себе наши грехи. Этот парадокс не был до конца понятен даже Ему, так что тогда говорить о нас, пытающимися понять его всего лишь чисто умозрительно? В Ис 63,2,3 объясняется, почему в процессе достижения спасения одежды Господа становятся красными, а красный цвет у Исаии ассоциируется с греховностью, от которой необходимо очиститься (Ис 1,18).

Слово “оставлять” также встречается в Деян 2,27, где Петр цитирует 15-й Псалом в доказательство того, что Христос всегда сознавал Свою праведность, а потому был уверен, что Бог *не оставит* души Его в аде. В Пс 21,2 уже говорится о сомнениях Господа насчет Его предыдущих мыслей, о которых прорекается в Пс 15,10. Раньше Он был уверен, что, благодаря Своему совершенному характеру, Бог никогда не оставит Его. Теперь же Он был уверен в обратном. Из-за того, что Христос ощущал Себя таким закоренелым грешником, Он даже стал сомневаться в том, является ли Он на самом деле Мессией. Вот насколько глубоко Господь познал нас, насколько добросовестно понес грехи наши, вознеся их телом Своим на кресте, насколько слился с нами, прочувствовав всю нашу духовную слабость, что стал совершенным нашим представителем, нашим ходатаем, могущим “снисходить невежеству и заблуждающим, потому что и сам [был] обложен немощью” (Евр 5,2).

Страх быть оставленным

Самое страшное для праведника, оказаться грешником. Среди так называемых “Мессианских псалмов” много таких, где Давид, в духе Христовом, говорит о Его страхе быть оставленным Богом.

“Не отвергни меня и не оставь меня, *Боже, Спаситель мой!*” (Пс 26,9; ср. с “*Боже мой!* для чего Ты оставил меня?”).

“Не оставь меня, Господи, Боже мой! Не удаляйся от меня” (Пс 37,22).

“Не скрывай лица Твоего от раба Твоего... скоро услышь меня” (Пс 68,18). Безответная молитва Господом (на кресте) была для Него отвержением.

“Не отвергни меня во время старости... не оставь меня” (Пс 70,9,18).

“Буду хранить уставы Твои; не оставляй меня совсем” (Пс 118,8).

“Дело рук Твоих не оставляй” (Пс 137,8).

Все это говорит о том, насколько сильно всю Свою жизнь Господь боялся согрешить, и быть оставленным Богом. А потому нет ничего удивительного в том, что на кресте, из-за боли физической и боли поношений, среди постоянного исследования Самого Себя, в Нем появился и этот страх. Толпа всеми силами старалась убедить Его в том, что Он грешник, и это, возможно, ей почти удалось, ибо наш Господь был по натуре Человеком податливым и чувствительным. Он не был толстокож и равнодушен к колкостям и язвительным замечаниям. Вспомните, как *ругались*, как смеялись над Ним на кресте и в доме Иаира, как Он не закрывал лица Своего *от поруганий* человеческих (Мф 9,24; Пс 21,8; Ис 50,6). Иов был образом Христа, а его страдания были образом страданий Христа и, особенно, на кресте, ибо Иову пришлось пережить все то, чего он боялся больше всего

в жизни, как и Христу на кресте (Иов 3,25). А Христос больше всего боялся быть оставленным Богом, а потому, по образу Иова, это и постигло Его.

Из-за того, что Христос по-настоящему ощущал Себя грешником, он также по-настоящему ощущал Себя оставленным Богом. И это объясняет мне самые загадочные во всех Писаниях стихи: “Слушайте, глухие, и смотрите, слепые, чтобы видеть. Кто так слеп, как раб Мой, и глух, как вестник Мой, Мною посланный? Кто так слеп, как возлюбленный, так слеп, как раб Господа?” (Ис 42,18,19). Господу Иисусу, как рабу, было дано разделить слепоту и глухоту жестоковейного Израиля. Он отождествил Себя как с нами, так и со всеми нашими грехами. Он был совершенен, и все же слеп. Однако это же самое дает силу освободиться от духовной слепоты. Богу было угодно, чтобы Его душа стала виновной на кресте (в синодальном переводе, принесла “жертву умиловления”, что на самом деле, жертва повинности, или просто “вина, повинность, грех”), чтобы потом Он смог узреть (увидеть, постичь) Свое потомство (Ис 53,10). Похоже, что все это означает, что Господь настолько глубоко ощущал Себя грешником, что Он смог “узреть” Свою близость с нами, со Своим грешным потомством. Это произошло в самые последние минуты Его страданий на кресте так, как будто это познание было верхом Его страданий, которые должны были привести Его к полному отождествлению Себя с грешным человечеством. Когда Он постиг это, Он умер.

Полное отождествление Господа с нашими грехами видно из таких мест, как Рим 8,3, где говорится о том, что “Бог послал Сына Своего в подобии плоти греховной [в жертву] за грех и осудил грех во плоти” (обратите внимание, что слова “жертва” нет в оригинале!) Или же 1Пет 2,24, где говорится о том, что “Он грехи наши Сам вознес телом Своим на древо”. Заметьте, что все эти места говорят о Его смерти. Лично я думаю, что здесь больше говорится о чисто умозрительном отождествлении Господом Себя с грешниками, чем по Его “естеству”.

Во всех молитвах Господа, записанных в Евангелиях, Он обращается к Всемогущему, как к Своему “Отцу”, тут же Он употребляет другое обращение, более “официальное”, “Боже Мой!”, что отражает Его ощущение удаления. А потому Ему вспоминается Пс 21,2: “Боже мой! Боже мой! для чего Ты оставил меня?” Однако то, что Его память обратилась к такому месту в Писаниях, означало и Его спасение. Есть все основания полагать, что в Свои последние минуты Господь громко процитировал весь 21-й Псалом⁽⁶⁾. Так Он, “да сбудется Писание”, сказал сначала, “жажду”, а потом и “совершилось”, что, в действительности, является цитатами стиха из Пс 21. Псалмы 21-й и 68-й легко можно разделить пополам, где в первой половине описываются мятущиеся мысли Господа Иисуса на кресте, а во второй, они внезапно меняют свой характер, становясь более уверенными и положительными в вере нашего будущего спасения. Когда Христос цитировал, по крайней мере молча, про Себя, 21-й Псалом, Он пришел к замечательному заключению, что именно так и должен был чувствовать Себя Мессия, ибо Он *должен* был ощущать Себя, как о том и прорекал Пс 21, оставленным Богом, и все же стать Спасителем народа Божия! А из-за того, что Мессия чувствовал Себя оставленным, совсем не означало, что Он Сам был грешником! Можно почти кожей прочувствовать то глубокое чувство утешения, которое нахлынуло на нашего Господа, когда Он, наконец-то, очень, очень хорошо и глубоко осознал чистоту Своей совести. А потому насколько же сильно Он желал, чтобы Его последний вопль, “совершилось!”, обращенный к миру сему, был услышан. Чтобы мы поняли, что Он совершил полностью дело Божие, что Он в совершенстве явил Отца, а потому, на самом деле, достиг нашего спасения.

Примечания

1. Именно такой представляется мне хронология событий, хотя и поднимает (для некоторых) проблему в словах, “Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи” (Мф 12,40), в которых больше видно идиому, чем реальный промежуток времени. Этот вопрос хорошо рассмотрен Н.А.Whittaker, 'Three days and three nights', in *Studies in the Gospels*.
2. См. “Совершилось!” и “Отче! в руки Твои предаю дух Мой”.
3. См. *Авраам и Исаак*.
4. См. *Человеческое естество нашего Господа*.
5. См. *21-й Псалом*.
6. See Н.А.Whittaker, *Studies in the Gospels*.

41 Было перепутано “Илия” с “Элои! Элои!”. И это не удивительно, если учесть разбитые губы, возможно, выбитые зубы, пересохшее от жажды горло, острую боль от пронзающих руки и ноги металлических гвоздей, а также трудность произносить слова в подвешенном на руках положении.

4-1-12 “Жажду”

42 Было бы немудро оставить это слово, не уделив ему минуты размышления.

Умирание на кресте продолжалось около двух дней, однако это становилось возможно лишь тогда, когда распятому давали пить. Хотелось бы знать, тот, кто давал пить был родственником одного из злодеев, или же родственником Самого Господа? Скорее всего Его мать, тетка и Мария приготовили все необходимое, чтобы облегчить Его последние мучительные минуты. Они знали, что нужно делать родственникам распятого. Разбойники, возможно, пили еще во время суда. Но, как думается, не Господь. И, может быть, мать Его об этом знала, а потому как в детстве, видя все Его нужды своим внутренним взором, предложила: “Хочешь пить? Я сейчас”. Но Он отказался от обезболивающего, отказался опираться на подставку для ног (см. 53), и также отказался утолять жажду.

Обратите внимание на то, что губка была помещена на иссоп, длина которого, максимум, составляет 50 см. Общеизвестно, что крест не был больших размеров, так что ноги Господа были не высоко от земли.

Слова, сказанные на кресте (4):

“Жажду”

Мы уже видели, что Господь Иисус начал цитировать 21-й Псалом в последние минуты на кресте с искренним желанием процитировать его до конца⁽¹⁾. А потому, чтобы произнести последние несколько стихов, Он попросил что-нибудь, чтобы смочить пересохшее горло. И это говорит не только о Его сильном желании громко произнести “совершилось!”, вложив в него очень многое⁽²⁾, но и о степени Его жажды. На каждое громко произнесенное слово требовалось множество приложенных усилий, и Он хорошо сознавал это. Он знал, если не выпить хотя бы глотка какой-нибудь жидкости, то Ему не удастся громко произнести больше ни одного слова. А Ему очень сильно хотелось, чтобы Его последние слова были услышаны. В Гефсимании Его пот был подобен каплям крови. Его нервная система была напряжена до предела от возложенных на Него наших грехов, буквально высасывая из Него все силы и влагу. Он “пролился, как вода” (Пс 21,15),

“пролил душу Свою на смерть” (Ис 53,12; евр.) так, как будто Он намеренно обезвоживал Свой организм. Он сознавал, что это обезвоживание было изливанием Самого Себя. А потому обезвоживание Господа Иисуса происходило не только по естественным причинам распятия, но и, главным образом, из-за Его внутреннего, духовного состояния, из-за Его искреннего и подлинного желания отдать всего Себя ради нас.

Псалмы, и особенно 21-й⁽³⁾, показывают меру Его обезвоживания, которое, в основном, происходило из-за Его громко произнесенных на кресте молитв (“слова *вопля* моего”). В Евр 5,7 говорится о сильном вопле и слезах (еще потеря влаги), сопровождавших Его молитвы на кресте, что подтверждается и в Рим 8,26, где говорится, что наш Господь с такой же силой ходатайствует за нас и сегодня. Физическая сила жажды Господа Иисуса видна на Самсоне, в образе победы Христом греха на кресте, когда тот чуть не умер от жажды после своей невероятной победы (Суд 15,18). Внимательное чтение этого места помогает нам узнать чуть больше о жажде нашего Господа.

В Мессианских псалмах также много говорится о сильной духовной жажде, испытанной Господом Иисусом во время страданий, а потому сила Его естественной жажды отражает силу жажды духовной, Его желания быть с Отцом, Его желания совершить Свое дело и достичь нашего спасения. Нам легче понять Его естественную жажду, чем духовную, и все таки, давайте попробуем на образе естественной жажды, увидеть главное – Его сильное желание одержать духовную победу, Его жажду праведности Божией.

Духовная жажда Христа

“Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже! Жаждет душа моя к Богу крепкому, живому: когда приду и явлюсь⁽⁴⁾ пред лице Божие! Слезы мои были для меня хлебом... когда говорили мне (на кресте): "где Бог твой?"” (Пс 41,2-4).

“Боже! Ты Бог мой (ср. с “Боже Мой”)... Тебя жаждет душа моя, по Тебе томится плоть моя в земле пустой, иссохшей и безводной” (Пс 62,2) – ср. с Христом, отпрыском и ростком на духовно сухой земле креста (Ис 53,2).

“Простираю к Тебе руки мои; душа моя - к Тебе, как жаждущая земля” (Пс 142,6).

Жаждущей, сухой землей вокруг Христа на кресте был духовно бесплодный, пустой Израиль (Ис 53,2; Пс 41,2-4). Но Господь Иисус, несмотря на это, собрал народ Свой, собрал его в самую что ни на есть Свою душу, так что она и сама стала жаждущей землей (Пс 142,6). Он и Сам, чтобы стать совершенным нашим Ходатаем, стал ощущать духовную пустоту, настолько сильно Он отождествил Себя с нами, прочувствовав все то, что чувствует любой грешник. Точно так же, как Он во всей полноте, будучи образом всего греховного Израиля, ощущал Себя оставленным Богом, точно так же Он ощущал естественную и духовную жажду, которая была наказанием Израиля за грехи его.

“Будешь служить врагу твоему... в голоде, и жажде, и нагоде и во всяком недостатке” (Вт 28,48)⁽⁵⁾ – очень подходящие слова для креста.

“Не будут терпеть голода и жажды” (Ис 49,10) – слова сказанные в утешение Израилю, в том плане, что он уже не будет больше наказываться за грехи.

“А вас, которые оставили Господа... Посему... вы будете голодать... томиться жаждою” (Ис 65,11,13). И это также очень сильно подходит к кресту.

“Пусть она (дочь Израилева) удалит блуд от лица своего... дабы Я... не сделал ее пустынею, не обратил ее в землю сухую и не уморил ее жаждою” (Ос 2,3).

“Я пошлю на землю голод, - не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних... В тот день истаявать будут от жажды красивые девы и юноши” (Ам 8,11,13).

И эта сильнейшая буквальная и духовная жажда, которая была наказанием за грехи Израиля, пала на Господа Иисуса. Он по-настоящему жаждал Бога, Он по-настоящему чувствовал Себя оставленным Им так, как будто Он действительно согрешил, тем самым ощутив на Себе, каково быть отверженным Богом грешником. Именно поэтому Он может снисходить до наших слабостей, сопереживая (но не сочувствуя) всем кто ушел от Бога, или же временно сбился с пути Его (Евр 5,2).

Примечания

1. См. *“Для чего Ты Меня оставил?”*
2. См. *“Совершилось!”*
3. В Плаче Иеремии также есть несколько интересных мест, касающихся этого вопроса.
4. Жажда Христа явилась пред лицом Божиим. Явление пред Богом больше относится к священству. Сейчас Христос предстает пред лицом Божиим, ходатайствуя за нас (Евр 9,24), но Он еще явится и Первосвященником в великий день очищения, даруя нам спасение. А это значит, что Христос больше жаждал не Своего Собственного спасения, а нашего. Он желал полноты радостей и блаженства в деснице Божией (Пс 15,11), т.е. приносить пред лице Божие наши молитвы. Насколько же сильно это должно побуждать нас молиться и признавать свои грехи! И ведь именно к этому стремился наш Господь на кресте. Именно этого Он так сильно жаждал.
5. Это точное изображение Христа на кресте. Нечто подобное говорит и Павел о своих страданиях, которые ему приходится переживать, чтобы донести благовестие до Израиля (2Кор 11,27), как будто и он, последуя в этом Христу, ощущал на себе грехи всего своего народа. И это вполне понятно, ибо Павел видел пророчества о Христе, как о свете для язычников, также пророчествами и о себе.

4-1-13 “Совершилось!”

43 Необходимо поразмышлять над тем как трудно было громко говорить на кресте. Ведь именно по этой причине Он попросил пить.

Слова, сказанные на кресте (6):

“Совершилось” (Ин 19,30)

Очевидно, что все слова, произнесенные Господом на кресте, имели очень важное значение, “совершилось” же было заключительным словом победы. Весь Новый Завет пропитан духом того, что крест был победой, а не временным поражением. На кресте Христос не просто бормотал что-то наподобие, “да, ладно, да уж чего уж там”. Одно лишь слово, “совершилось!” несет в себе очень и очень много информации. Иисус смог сказать, “совершилось!”, лишь после того, как Он “вкусил уксуса”, что говорит о том, что Он специально попросил пить, чтобы произнести это слово, а также еще и “Отче! в руки Твои предаю дух Мой”. Задумайтесь о том, как трудно было Ему говорить будучи распятым на кресте, при этом испытывая сильнейшую жажду – и вы поймете, насколько сильно было Его желание, чтобы мы услышали эти слова и поняли их значение.

Слава Божия

Итак зададим себе вопрос, *что* совершилось? Ответ находим в Ин 17,4: “Я прославил Тебя на земле, совершил дело, которое Ты поручил Мне исполнить”. Получается, что “дело” Христа напрямую связано с прославлением Бога. А это значит, что “совершилось” означало полное прославление Христом Своего Отца. Однако, как Он это сделал? Слава Бога неразрывно связана с Его именем. Так, например, когда Моисей попросил Бога показать ему славу Его, ему были провозглашены характеристики имени Бога. Христос всей Своей жизнью являл его: “И Я открыл им (верующим, не миру) имя Твое *и открою*”, - было сказано в предвидении распятия на кресте (Ин 17,26), а потому Он ясно сознавал, что и Своей смертью Он должен явить имя Божие, в совершенстве явить Его качества.

Главной темой Евангелия от Иоанна является прославление Бога смертью Христовой (подробнее об этом с 3.10):

“Отче! прославь имя Твое. Тогда пришел с неба глас: и прославил и еще прославлю” на кресте (Ин 12,28);

“Ныне прославился Сын Человеческий, и Бог прославился в Нем (т.е. прославление Бога происходило внутри Иисуса, в Его душе, в Его сознании). Если Бог прославился в Нем, то и Бог прославит Его в Себе, и вскоре прославит Его” на кресте (Ин 13,31,32);

“И ныне прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самого (т.е. самой Твоей сущностью) славою, которую Я имел у Тебя... Я открыл имя Твое” (Ин 17,5,6);

“И Я открыл им имя Твое и открою” на кресте (Ин 17,26).

Совершенство Христа видно только верующими, а потому только им было явлено во Христе имя, слава, сущность Божия. Только нам в смерти Христа явилась слава Божия. Для любого желающего видеть, в смерти Христа на кресте отчетливо проявилась праведность Божия. “Истинно Человек Сей был Сын Божий... истинно человек этот был праведник” (Мк 15,39; Лк 23,46), - такой была реакция сотника, видевшего смерть Иисуса. Как видно из Евангелий, он дважды высказал свое мнение. Из произнесенного, “*совершилось*”, понятно, что прославление Бога Христом было процессом не одномоментным, ибо Он и Сам через страдания совершился, став “виновником спасения вечного”, быв увенчан “славою и честью” лишь после смерти (Евр 5,8,9; 2,9). Так что получается, что Христос умер как раз тогда, когда в совершенстве явил в Себе Отца. Ну, а если это так, тогда уже никогда не возникнет мысль, что распятый Христос на кресте всего лишь ожидал Своей смерти, ибо Он в это время упорно достигал в Себе проявлений качеств Бога, и, как Он под конец понял, достиг их. Так и в нашем несении креста мы не должны просто пассивно терпеть, ожидая либо пришествия Господня, либо своей смерти. Нам необходимо по-настоящему возрастать духовно. Когда же этот рост достигнет определенного Богом уровня, то мы либо умрем, либо перешагнем еще один, очередной уровень духовности. И это объясняет то, почему иногда умирают очень молодые верующие вскоре после крещения, ибо они достигают желаемого ими совершенства, а потому и восхищаются от печалей этого мира. Явление Христом Отца происходило до тех пор, пока Он перед смертью Своей в совершенстве не явил Его. Таким образом в заброшенном, безнадежном, обессиленном Христе, в абсолютно непривлекательном виде всеми презренного, отвергнутого и никем не понятого из людей Господе Иисусе, во всей полноте и совершенстве был явлен Отец и, особенно, сущность Бога была явлена как раз тогда, когда было сказано: “Совершилось!” (Ин 17,5). А потому совершенно очевидным становится то, что благовестие Божие, в основном, должно было быть отвергнуто людьми. Господь предвидел, что Его крест станет заключительным аккордом исполнения воли Божией, о чем Он часто говорил, предвещая прославление Бога Своей смертью. Так, например, о кресте Он говорил, как о Своем отшествии к Отцу (Ин 16,16,17,28). Или же Он сравнивал Свое вознесение на небо со змеей, *вознесенной* в пустыне (Ин 3,14-15) так,

как будто вознесение змеи было образом не только вознесения на кресте, но и Его вознесения на небо.

“И мы должны”

Испустив дух, Христос тем самым положил душу Свою. И в этом настолько едины были Отец с Сыном, настолько в совершенстве Бог примирил с Собой во Христе мир, что Иоанн позже сказал: “Любовь познали мы в том, что *Он* положил за нас душу Свою: и мы (в ответ) должны полагать души свои за братьев” (1Ин 3,16). Любовь Христова напрямую связывается с крестом во 2Кор 5,14.

Видение внутренним взором распятого, умирающего Христа, представлять себе, как Он говорит, “совершилось!”, понимание духовного превознесения Христа на кресте, должно оказывать на нас очень глубокое воздействие. Христос возлюбил нас любовью “до конца” (Ин 13,1), где греческое слово “конец”, является однокоренным слову “совершилось”. А потому получается, что Христос как будто хотел сказать, что Он возлюбил нас совершенно, до самого конца совершенной любовью, больше которой уже не может быть. И точно такая любовь требуется от нас, чтобы и мы совершенствовались ее в себе до конца. Чтобы и мы, как и Он, могли ради совершенной любви, полагать жизнь за братьев своих.

Господь думал: “И Я открыл им имя Твое и открою (грядущей смертью – ср. с Ин 12,26), да любовь, которою Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них” (Ин 17,26). “Любовь познали мы в том, что Он положил за нас душу Свою” (1Ин 3,16). И в этом суть любви. Не в том что “мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал Сына Своего в умилоствление за грехи наши” (1Ин 4,10). Взирая на совершенство Христа, достигнутой Им на кресте, нас объемлет дух Христов, вселяя глубоко в наших сердцах любовь Божию. В размышлении о распятом на кресте Господе Иисусе есть почти мистическая сила, ибо Его слава и ни с чем несравнимая праведность каким-то образом начинают отражаться и в нас самих. “Мы же все открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню (Иисуса Христа), преобразуемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа” (2Кор 3,18). Еще и еще раз подчеркивается, что Господь все это сделал “ради нас”. В Ин 10,14,15 говорится, что Он полагает жизнь Свою за нас, овец Своих, потому что знает нас. Он умер, потому что знал нас, знал наши грехи и падения, знал какие мы есть и какими должны бы быть... А потому и наше знание своих братьев и сестер, возрастающее от общения с ними, должно побуждать нас полагать свои души за них.

Дело Божие

Однако делом, совершенным Господом Иисусом, не было лишь безупречное явление качеств Бога. Главной целью явления Бога в Сыне было наше спасение, ради которого и благовествуется Евангелие. Когда Христос сказал, “совершилось!”, Он закончил дело исполнения воли Божией, которое было сутью всей Его жизни. “У Меня есть пища, которой вы не знаете... Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его” (Ин 4,32,34). А воля Божия состоит в том, чтобы мы были освящены, чтобы нам была вменена праведность и, наконец, чтобы мы были спасены (1Фес 4,3; 2Пет 3,9; Евр 10,10). “Я сошел с небес... чтобы творить... волю пославшего Меня Отца... Воля Пославшего Меня есть та, чтобы всякий, *видящий* Сына и верующий в Него, имел жизнь вечную” (Ин 6,38-40). Воля Божия есть та, чтобы мы видели, или же понимали праведность Христа и верили, что такая же праведность, ради нашего спасения, будет вменена и нам. А потому глубокое и настоящее понимание праведности Христа для нас жизненно необходимо.

Достижение Господом Иисусом полноты нашей праведности и нашего спасения имело для Него значение большее, чем просто еда. Его сильное чувство голода, о котором упоминается в Ин 4, утолилось тем, что Он открыл путь к спасению павшей женщине. Ему предстояло креститься крещением, которым Он должен был креститься (умереть и воскреснуть), а потому Он томился “пока сие *совершится!*” (Лк 12,50; Ин 19,30). Всю Свою жизнь Он томился в ожидании духовного совершенства. И чем больше думаешь об этом, тем больше понимаешь Его чувство облегчения, с каким было сказано: “Совершилось!” И это также должно отражаться в нашей жизни, дабы и мы стремились к тому, чтобы когда-нибудь достичь такого же духовного совершенства. Случай с Самарянкой, описанный в Ин 4, был для Господа одним из примеров смысла Его жизни, концом которой должно было стать совершенное явление Им Своего Отца и достижение нашего спасения. Только это, и ничто другое, поглощало всего Его и Его жизнь. Его удовлетворение жажды было не только ради Своего собственного спасения, как полагают некоторые наши специалисты по теологии очищения. Его пищей и питьем было исполнение дела и воли Отца, а воля Отца заключается в обличении нашем во Христа, во вменении нам Его праведности. Именно это было причиной Его послушания, Его совершенствования. Последней мыслью, промелькнувшей в Его затухающем на кресте сознании, когда Он говорил, “совершилось!”, была мысль о нашем спасении. Главным в начале и конце служения для него было: “вот, иду исполнить волю Твою, Боже... По сей-то воле мы освящены (вменением Его праведности) единократным принесением тела Иисуса Христа” (Евр 10,10).

Ветхозаветные ссылки

“Я прославил Тебя на земле, совершил дело, которое Ты поручил Мне исполнить”. Эти слова полностью исполнились, когда Он сказал: “Совершилось!” (Ин 17,4; 19,30), на что есть несколько ссылок в Ветхом Завете. В Дан 9,24 прорекается о том, что жертвоприношение Мессии покроет преступление, запечатает грехи, загладит беззакония, “чтобы приведена была правда вечная... и помазан был Святой святых” - все так, как при освящении нового святилища. Преступление, грех и беззакония были в перспективе упразднены крестной смертью Христа, диавол (грех) был лишен силы, и была явлена правда вечная во Христе, дабы она был вменена и нам ради нашего спасения. “Совершилось!”, могло быть сказано с мыслью об исполнении этого пророчества, ибо оно должно быть было хорошо знакомо Господу. А это значит, что Христос умер думая о Своей победе, о том, что Он победил нашу греховность. А это, в свою очередь, должно вдохновлять нас к более полной и более уверенной и радостной вере во все это.

Возможно, что Исх 40,33 является самой ясной причиной для слов, записанных в Ин 17,4. “И так окончил Моисей дело”, поставив скинию, которая символизирует нас всех (2Кор 6,16). “И так окончил Моисей дело”, данное ему Богом. Во Вт 31,24 также говорится об окончании Моисеем еще и другого дела. Еврейское слово “окончил” напрямую связано с воскресением, прославлением, вознесением. Когда наш Господь ощутил в Себе окончательное прославление Своего Отца, тогда Он уже мог думать и о нашем будущем воскресении и прославлении. На время Он стал смотреть глазами Божиими, а потому и умер видя наше предопределенное прославление в Царстве. И это полностью согласуется с 21-м и 68-м Псалмами, в которых, очевидно, описываются мысли умирающего Господа, и которые заканчиваются видением прославленного в Царстве потомства Христова. Существует также несколько мест говорящих *об окончании работ* в доме (храме) Господнем (например, 2Пар 5,1), который является образом всех нас. В самый мучительный, но и самый победоносный момент на кресте, умирающий Господь видел нас такими, как будто мы уже совершились. И разве это не должно нас вдохновлять к вере, что Он и сейчас видит нас такими же – всех в целом, и каждого в отдельности?

Тайна Божия полностью “совершится” лишь в Царстве (Откр10,7), совершение которой было предвидено Господом Иисусом еще на кресте. Ибо так сильно Он верил в Свое жертвоприношение, такой силы была Его уверенность в исполнении Им Своего предназначения, уверенность в совершенном Им подвиге! С того времени Он ничуть не изменился.

“Совершилось!” тесно связано с любовью Господа “до конца”, которой Он возлюбил Свой народ в мире (Ин 13,1 - eiv telos). До конца, совершилось что? Скорее всего в это время Господь вспоминал Моисея и его заключительные слова, сказанные незадолго до смерти. Вт 31,24: “Когда Моисей вписал в книгу все слова закона сего до конца” (в переводе 70-ти: eiv telos). На кресте со смертью Господа закончился, совершился закон Моисеев. И опять остается лишь благоговейно удивляться духовным способностям нашего Господа, проявленными Им даже в предсмертных муках. То, что Он исполнил закон должно быть пронзало Его мысли так же, как гвозди пронзали Его руки и ноги. Одно это уже никогда не сможет заставить вернуться к упованию на закон Моисеев, будь то соблюдение субботы, или же еще что-нибудь из него.

Постоянное откровение

Соединив все это вместе, можно увидеть, что наш Господь осознал, что Он, наконец-то, в совершенстве прославил Отца, явив качества Его, совершил, закончил дело, данное Ему Отцом. Он знал, что совершенство явления Им Отца, будет вменено нам, а потому Он видел нас совершенными в будущем, видел наше спасение, видел нас в Царстве. Вполне возможно, что в некотором смысле, Господь Иисус *уже* видел нас в Царстве⁽¹⁾. Надо заметить, что исполнение Христом дела Божия, тесно связано с творимыми Им чудесами. Каждое из них было частью дела, данного Отцом Ему для совершения (Ин 5,36). Чудеса Господа не были направлены на удовлетворение нужд этого мира зла, ибо они были “знамениями”, являвшими качества Отца, постоянно прославляющими Его, умножающими и укрепляющими веру учеников (Ин 2,11). Вот почему на каждое из них можно смотреть, как на глубоко сокрытую притчу, рассказывающую о качествах, о прославлении Отца. Временное же облегчение жизни людей, приносимое ими, было, так сказать, всего лишь побочным продуктом.

То, что Христос постоянно прославлял Отца творимыми Им чудесами, видно из Ин 2,11: “Так *положил* Иисус *начало* чудесам... и явил славу Свою”. В Евангелии от Матфея есть, по крайней мере, есть четыре места, где говорится об “окончании” Христом открытия слова Божии (Мф 11,1; 13,53; 19,1; 26,1), где употребляется однокоренное слово греческому “совершалось” из Ин 19,30. Так что Его слова являли славу, качества Отца. Так в Ин 17 записано то, что явление Христом имени Отца равносильно (постоянной) передаче ученикам Его слов. Таким образом Христос должен был чувствовать, что Он до конца явил, совершенно открыл качества Бога, явил всем, что Бог *есть* любовь – явил распятым на кресте обнаженным и оплеванным телом, телом покрытом кровью и грязью, телом никем непонятого Человека, Которого оставили даже самые лучшие Его ученики. Но и в этом Он также в совершенстве явил Отца.

Наше совершенство

Последние минуты мучений Господа были заполнены мыслями о нашем спасении – так сильно Он возлюбил нас. Мы слишком много тратим слов лишь для того, чтобы хотя бы чуть-чуть описать духовные мысли, обладавшими нашим Господом. И все же Господь требует от нас, чтобы и мы несли крест, несли его всю свою жизнь, претерпевая все точно так же, как претерпел Он (Евр 12,1.2), чтобы каждый лично сопереживал Его страданиям,

думая не о себе, а о спасении других, являя собой, своей жизнью, качества Божии. Похоже, Павлу в этом удалось стать причастником ума Господа Иисуса. Искренним желанием Павла было, чтобы духовно немощные Коринфяне, наконец-то, стали совершенным храмом Божиим, совершенной Его скинией: “о сем-то и молимся, о вашем совершенстве” (2Кор 13,9). “Течение *совершил*” (ср. 2Тим 4,7 с Ин 19,30). В 4-й главе 2-го Послания к Тимофею есть несколько ссылок на последние страдания Христа. Как Господь, незадолго до конца, знал, что Он совершил Свое дело (Ин 17,4), так же знал и Павел. Павел под конец своей жизни чувствовал то же самое, что и Господь на кресте.

Так же и мы должны стремиться достичь совершенства, стремиться к полному познанию Христа, “в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова” (Еф 4,12,13). Как Господь стремился к духовному совершенству, так должны стремиться к нему и мы. И мы, в конце концов, достигнем его, в конце концов, почувствуем, когда нам будет вменена праведность Христова, что можно сказать, “совершилось”.

Примечание

1. См. “*Отче! прости им*”

4-1-14 “Отче! в руки Твои предаю дух Мой”

44 Любой умерший на кресте склонял вперед, преклонял голову. Из Евангелий можно предположить, что Господь сначала поднял голову к Отцу, а потом кивнул ею, указывая на Свой народ, отдавая ему Свой дух, отдавая тем, кто проходил мимо по ничейной земле между толпой и воинами, кто стоял и открыто показывал верность своему Царю. Однако дух Христов – это не столько способность творить чудеса, сколько Его ум и поведение. Власть быть похожими на Него дается нам через вдохновение Его примером на кресте. В некотором смысле прославление Господа вознесением на кресте дало Ему возможность передать от Своего духа нам (Ин 7,37-39). Обратите внимание на то, что Христос испустил последний дух по Своему Собственному желанию, ибо взятие Богом духа человеческого, подобно отнятию даров духовных, должно рассматриваться, что вытекает из Быт 6,3 (в переводе 70-ти; см. церковнославянский), как осуждение Божие.

Нами уже было отмечено, что с последним возгласом Он испустил дух Свой. Он Сам отдал Свою душу, жизнь. Никто не взял ее у Него. Из-за того, что Он не опирался на подставку для ног (см. 53), Ему было мучительно трудно дышать. Мне кажется, что Он, чтобы в последний раз глубоко вдохнуть, несмотря на разрывающие плоть Его тела гвозди, высоко запрокинул голову, вдохнул, и... почувствовал как остановилось Его сердце. Но в эти последние несколько секунд Он успел выдохнуть: “Отче! в руки Твои предаю дух Мой”, таким образом *отдав* Свою душу, Свою жизнь за нас. Сотник, видевший *как* Он умер (современный перевод), уверовал. Его самообладание, Его самопожертвование, Его любовь были настолько велики и явственны, что заставили этого человека уверовать в Него (возможно это был Корнилий?)

Слова, сказанные на кресте (7):

“Отче! в руки Твои предаю дух Мой”

“Отче!”

Это – последние слова, произнесенные Господом Иисусом. Весьма примечательно то, что в них Он, обращается к Богу, как к “Отцу”, точно так же, как и в первой из семи фраз (“Отче! прости им”). Точно так же Он обращался к Богу и когда испытывал духовные муки в Гефсимании (Лк 22,42; Мф 26,39,42,44). Эти четыре описания вызывают перед глазами образ распростертого на земле Человека, все время повторяющего: “Отче... Отче... Отче... Отче...” Очевидно, что Господу было приятно и утешительно думать о том, что Бог является Его Отцом.

Мы уже отметили в хронологии распятия Христа, что Его последние семь фраз содержали все меньше и меньше слов: 12-9-4-3-1-1-8. Из чего было сделано предположение, что причиной этому была трудность говорить на кресте. А потому последний возглас должен был потребовать от Него максимум усилий, чтобы было услышано каждое произнесенное Им слово, чтобы мы могли размышлять над особой важностью того, что было сказано нашим Господом в последние мучительные мгновения на кресте.

“Дух Мой”

Не может быть никаких сомнений в том, что Господь Иисус хотел сказать не только: “Ну, вот и все, Отче! предаю Тебе Мою душу, Мою жизнь”.

На минуту нам стоит отвлечься, чтобы выяснить, что мы точно подразумеваем под духом человеческим. Верно, что часто под духом имеется в виду жизненная сила, или ум, тогда как душа означает живое существо. Однако это подходит не для всех случаев. Этот вопрос подробно обсужден в другом месте⁽¹⁾, куда я и отсылаю вас. Там мы пришли к выводу, что *иногда* слово “душа” означает “тебя, меня, то есть любую личность, во всех ее проявлениях”. И в этом смысле душа равносильна духу. А потому тот дух, который возвращается к Богу, *не всегда* означает жизненную силу, ибо он может означать и настроение ума и личные качества. То же самое относится и к Духу Божию, который является не только силой, но еще и силой, выражающей Его Дух, Его ум. Когда Господь Иисус испускал Свой дух, Он не только отдавал Богу жизненную энергию, присущую всем животным и растениям, но и Свои личные качества, духовное совершенство, достигнутое Им за всю Свою жизнь.

Господь Иисус *предавал* Свой дух в руки Отца. Это греческое слово в других местах переводится также как “вверить”. Господь Иисус был уверен, что Его качества не будут забыты Отцом, а потому Он и вверил Ему их. Само собой разумеется, что все эти мысли не поддерживают идею о бестелесных душах. Любое существование может быть лишь в живом, в телесном виде. И все же из греческого “предаю” видно, что Христос, для того чтобы затем буквально вознестись к Отцу, ради того чтобы быть принятым Им и воссесть одесную Его, сначала вверил Ему дух Свой. Руки Отца, без сомнений, означают Его заботу, Его защиту (Мф 4,6). Мысль о том, что Его бесконечные духовные усилия, Его старания усовершенствоваться духовно, вверены в заботливые руки Отца, служила Ему сильным утешением.

“У Него все живы”

Возможно, что мы слишком рьяно реагируем на отступническую веру в бессмертие души. Несмотря на очевидность ложности этого учения, вне всякого сомнения надо признать то, что Отец помнит всех Своих чад, которых Он (через Христа) воскресит в последний день. Именно поэтому Бог смотрит на Авраама, как на все еще живущего, называя “несуществующее, как существующее” (Рим 4,16,17). Несмотря на то, что Авраам мертв и находится в бессознательном состоянии, Бог все еще является Богом Авраама здесь и

сейчас, потому что “Бог не есть [Бог] мертвых, но живых, ибо у Него все (из Его народа) живы” (Лк 20,36,37). Потому что мертвые пребывают в бессознательном состоянии, из-за того, что они со временем забываются нами, мы бессознательно склонны считать (что иногда даже, проскальзывает в лекциях о состоянии мертвых), что и у Бога точно такое же отношение к умершим святым. Но “у Него все живы”. Души под жертвенником продолжают взывать к Нему, прося об отмщении. Иными словами, Он помнит о всех их замечательных качествах, и это толкает Его на вмешательство в дела мира сего даже сейчас (Откр 6,9; 20,4). Небесный Иерусалим состоит из духов (из личных качеств) “праведников, достигших совершенства” во Христе (Евр 12,23). Когда мы стараемся сегодня усовершенствовать себя духовно, наш дух стремится слиться с духами, угодившими Богу, стремиться “к духам праведников, достигших совершенства” в Духе Божиим.

Под руками Божиими также подразумеваются еще и Ангелы, через которых Он исполняет Свою волю. Более подробно об этом мы поговорим в другом месте⁽²⁾. Поддерживаемые руки Моисея являются образом поддерживания рук Господа Ангелами на кресте. По пророчеству Быт 49,24 крепость мышц рук Мессии происходит “от рук мощного [Бога] Иаковлева”, от Его размышлений о руках Божиих. Во всех Писаниях руки Божии напрямую связаны с Его естественным творением (например, Пс 8,7; 94,5; Евр 1,10), т.е. со всем тем, что было сотворено Ангелами. В последние мучительные минуты Господь сознавал присутствие Ангелов, Он знал, что стоило Ему лишь захотеть, они бы быстро облегчили Его страдания (Мф 26,53). Но Он также еще и чувствовал их отсутствие, когда жаловался, что Бог (Его Ангелы?), как Ему казалось, оставил Его. Возможно, что Он тогда ощущал, что Его дух, Его ум был оставлен ими, что Он тогда не был вверен Отцу и Ангелам Его.

Все это должно вдохновлять и нас, среди боли испытаний, стремиться сознавать присутствие поддерживающих нас Ангелов. Из последних слов нашего Господа видно, что Им было осознано их присутствие. Среди страданий и мук Ангелы казались так далеки от Него, но Он верил, что они, в конце концов, позаботятся о Нем.

Полагать душу

На смерть человека можно смотреть как на результат физических процессов, на которые человек не способен оказать никакого влияния. Людей убивают, часто против их воли, или же они умирают от болезней, в конце концов, испуская на постелях последнее дыхание. Еще не были известны случаи, когда человек испускал свое последнее дыхание по своей воле. Смерть приходит либо внезапно, либо в полубессознательном состоянии. Но не такой была смерть нашего Господа Иисуса Христа. Ибо слишком часто говорится, что Он Сам отдал Свою душу, Свою жизнь.

“Христос умер за грехи наши, по Писанию”. Из одного этого видно, что Христос умер по Своему Собственному желанию (1Кор 15,3).

Христос отдал Свою плоть за нас (Ин 6,51).

Моисей и Илия говорили о крестной смерти как “об исходе Его, который Ему надлежало совершить в Иерусалиме” (Лк 9,31), как видно из текста, по Своей воле.

Преломление хлеба (глубоко духовное действие) напоминает нам о том, как Христос предал Свое тело за нас (Лк 22,19).

Смерть Христа была Его повиновением Богу “до смерти, и смерти крестной” (Флп 2,8).

Христос сознательно “предал (букв. излил) душу Свою на смерть” (Ис 53,12) ради нашего спасения. Чисто в физическом плане это может означать, что при каждом вдохе израненная плоть Господа соприкасалась с необструганным деревом так, что из Его спины постоянно текла и текла кровь. Иногда потеря крови становилась причиной смерти распятого на кресте: человек умирал из-за того, что кровь вытекала из ран при изменении положения тела при вдохе и выдохе. Таким образом Он излил Свою душу на смерть. К тому же сведенные мышцы также затрудняли дыхание – Он не мог вдохнуть без резкого перемещения тела вверх, тем самым не причиняя Себе дополнительной боли и не раздражая пропятах ран.

“Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих” (Ин 15,13).

Господь часто говорил об этой стороне Его смерти, желая как можно яснее донести до слушателей ее суть: “И жизнь Мою полагаю за овец... Потому любит Меня Отец, что Я отдаю жизнь Мою... Никто не отнимает ее у Меня, но Я Сам отдаю ее... Сию заповедь получил Я от Отца Моего” (Ин 10,15-18).

Так что получается, что Христос сознательно отдал Свою жизнь, Свою душу. Ни Иудейские, ни Римские воины не были прямыми виновниками Его смерти. Никто не отнимал жизни Христа, Он отдал Ее Сам, по Своей Собственной воле. А потому становится очевидным, что Христос умер не просто от распятия на кресте, что лишней раз подтверждается Его необычно быстрой смертью. И это объясняет почему сотник, “увидев, что Он, так возгласив, испустил дух”, понял, что “Человек Сей был Сын Божий” (Мк 15,39). Этот последний, сделанный по Своей воле выдох, был чем-то на удивление необычен. А это заставляет прийти к выводу, что Христос Сам выбрал для Себя момент, когда Ему следует умереть. Из того, что Он “предал (излил) душу Свою на смерть” (Ис 53,12) следует, что смерть произошла по причине внутренней, духовной деятельности Господа Иисуса. Он был послушным рабом, *принесшим Своей душой* жертву умилоствления (Ис 53,10). Физически это можно объяснить тем, что Он быстро умер от внешних и внутренних моральных травм – возможно, от каких-то проблем с сердцем. Из Его слов в Гефсимании о том, что “душа Моя скорбит смертельно” (Мф 26,38), можно предположить, что Его душевные муки были настолько сильны, что почти убивали Господа Иисуса. Так Он страдал за нас. Так сильно Он понимал необходимость нашего спасения от грехов, а также величие праведности Божией. Страдания от физических мучений на кресте были до тех пор, пока Он был жив, а жил Он до тех пор, пока хотел жить, до тех пор, пока осознанно не отдал Свою жизнь, Свою душу за наши грехи, принеся Себя в небесном святилище, будучи одновременно и жертвой и священником.

И это означает, что Христос не просто висел на кресте, ожидая смерти, которую ускорил для Него Его Отец. Каждое мгновение Им было использовано для усовершенствования Себя, для совершения через страдания, и когда Он понял, что достиг этого духовного совершенства, Он отдал Свою жизнь, сознательно совершив это ради любви к нам и ради жертвоприношения Отцу. И то, что Он отдал душу в определенное Им время, воистину, достойно удивления. Впрочем, подчас Его самопожертвование просматривается и в служении, когда Он удалялся от людей, хотевших убить Его (Лк 4,30; Ин 8,59; 10,39), очаровывая Своих преследователей силой воли и Своими всем видимыми внутренними качествами, не позволяя “никому следовать за Собою” (Мк 5,37).

Господь Иисус “предал” Свой дух Отцу. Греческое слово “*paratiq hmi*” буквально означает “вверять”, “класть возле, ставить перед”. Слово “*tiq hmi*” переведено как “полагать,

отдавать” там, где говорится о том, что Христос полагает жизнь Свою за нас. То же самое слово употребляется и в описании случая с расслабленным, когда “старались внести его [в дом] и *положить* перед Иисусом” (Лк 5,18), в также о положенном основании (1Кор 3,11). Это слово еще переводится и как “преклонять”. Так что Христос, когда предавал Свой дух Отцу, положил Свою жизнь, преклонившись пред Ним. Когда Христос “*испустил дух*” (Мф 27,50), Он предавал Свой дух Богу, отдавал Свою жизнь за нас.

Пример для нас

Мысль о том, что Христос отдал Себя за нас также относится и к последним мгновениям Его жизни, когда Он полагал ее, предавал, испускал ради нас последнее дыхание. Очевидно, что она очень сильно трогала Павла, ибо он жил ради “предавшего Себя за меня” Христа (Гал 2,20), где он использует то же греческое слово, которое встречается и в Ин 19,30, где говорится о предании духа Христом. Те же самые чувства благоговения доступны и нам, как о том говорит Павел в Еф 5,2: “Живите в любви, как и Христос возлюбил нас и *предал Себя* за нас в приношение и жертву Богу, в благоухание приятное”. А потому Павел продолжает, что блуд, всякая нечистота, любостяжание, сквернословие и проч. “не должны даже именоваться у вас... а, напротив, благодарение” (Еф 5,3,4). Этот удивительный момент, когда Христос достиг понимания, что Он уже может, испустив дух, положить жизнь за нас, очевидно глубоко был запечатлен в сознании Павла. Именно по этому мы можем найти подходящее вдохновение “жить в любви” между собой, жить исполненные благодарности за это до такой степени, что можем даже не тратить времени на разговоры о грехах, к которым так склонно наше человеческое естество. Эти, воистину, высокодуховные мысли приходили и в ветхого, пораженного грехом, человека Павла. А это значит, что они могут прийти и к нам, войти и в нашу жизнь, дабы и мы глубже осознали значение того, как Господь Иисус испустил Свой дух, положив за нас Свою жизнь, отдав ради нас Свою душу, чтобы и мы могли жить по-настоящему любя друг друга.

То же самое слово еще раз встречается в этой же главе: “Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и *предал Себя* за нее” (Еф 5,25). И это, по-настоящему, возвышенная, горняя мысль. Мужьям необходимо задуматься над той минутой, когда Христос, возобладав над Собой, отдал за нас Свою жизнь, по Собственной воле испустил дух Свой. И Дух через Павла повелевает мужьям жить точно такой же жизнью повседневно, изо дня в день. А потому нет ничего удивительного в том, что Павел просит жен оказывать мужьям должное уважение, видя как те стараются жить по заповеданному им духу (Еф 5,33). А потому вдумчивое размышление надо всеми этими истинно высокодуховными вещами, пойдет на пользу супругам больше, чем любые человеческие советы, полученные в консультациях по браку и семье, или же вычитанные в журналах.

Еще одна мысль, навеянная Еф 5,25,26. Христос предал Себя за нас, испустив Свой дух, “*чтобы* освятить ее (церковь), очистив банею водною (последующим крещением) посредством слова”. О том же крещении и обновлении духовном говорится в Тит 3,5. Вероятно не слишком претенциозно будет думать, что Господь в последние минуты перед смертью видел крещение Своего народа в Свою торжествующую смерть, обновляемых этим крещением ради своего спасения Его духом, Его словом.

Отец любил Сына *потому*, что Он именно так отдал Свою жизнь. Любовь Всемогущего Бога всколыхнулась в душе Его, когда Он взирал на смерть Своего Сына (Ин 10,17). И то же самое должно происходить со всеми, кто старается жить полагая свою жизнь так же, как положил ее в последние минуты наш Господь. Однако Господь еще до распятия говорил: “Я отдаю жизнь Мою” (Ин 10,17), ибо вся Его жизнь, день за днем, была

Самоотдачей, ведшей к последнему дыханию на кресте. На Свою крестную смерть Он смотрел как на наше крещение, которым нам должно креститься (ср. Лк 12,50 с Рим 6,3,4; Кол 2,10-12). Но о том же самом крещении Он говорил еще и как о непрерывном процессе (Мф 20,22). Точно так же, как о страданиях на кресте Господа говорит и пророчество в Пс 68,9,10, которое цитируется в другом месте в связи с его служением. Слова “ненавидящих меня без вины больше” (Пс 68,5) применимы не только ко всему времени Его служения (Ин 15,25), но и к смерти. Господь говорил о манне, образом которой было Его тело, отданное Им на кресте. Однако об этом хлебе, об этом образе Его жертвоприношения Он так же еще и говорил как о хлебе сходящим с небес всю Его жизнь (Ин 6,50,51).

Дух самоотдачи, явленный Им Своей смертью, был также явлен и в Его жизни.

То что Господь умер не просто потому, что так случилось, не потому, что обстоятельства были сильнее Его, возможно, является темой Рим 6, где так часто Павлом упоминается смерть, которой умер Христос, и его жизнь, которой Он живет. Он умер смертью. Умер Сам. Но такой же истиной является также и то, что Он сейчас жив. Он не просто подчинился обстоятельствам. Его жизнью не правили человеческие похоти и эгоистические желания. В этом смысле Он был чист от всего этого. Когда Господь говорил, что “Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову” (Мф 8,20), то кажется, Он имел в виду то, что для Него покой мог наступить лишь после того, как Им будет выполнено порученное Ему дело. Только тогда Он, “преклонив главу, предал дух” (Ин 19,30). Господь прожил на удивление самоотверженной жизнью, и также самоотверженно умер.

То, что мы призваны таким высоким призванием, подражать во всем Господу, должно вызывать в нас возвышенные чувства. Об этом сильно сказано в 1Ин 3,16: “Любовь познали мы в том, что Он *положил* за нас душу Свою: и мы должны *полагать* души свои за братьев”. Здесь говорится о любви Божией, а потому получается, что Бог настолько слился с Христом на кресте, что, в некотором смысле, и Он предал Себя за нас, преклонился пред нами, положив Себя точно так же, как положили расслабленного перед Иисусом. Из этого последнего возгласа на кресте мы узнаем о том, как Бог любит нас. Узнаем Его смирение, Его поразительное долготерпение. Не удивительно, что мы должны полагать свои души, жизни друг за друга. Не удивительно, что мы *должны* по-настоящему смиренно служить друг другу. Христос (и Бог в Нем) положил Свою душу за нас, когда мы были еще грешниками, а значит и нам не стоит уклоняться полагать души свои за братьев только потому, что мы знаем их духовную слабость. И в этом самая что ни на есть суть того, как мы полагаем души за друг друга, ибо мы тем самым подражаем Христу, Который положил душу Свою за нас, *еще тогда, когда мы были слабы* духовно. Очень трудно все это выразить простыми человеческими словами. Мы должны, *должны* на деле, в жизни проявлять эту любовь. Но что удивительнее всего, так это то, что в эти последние минуты Господь являл Собой еще и заблудший Израиль, о котором пророчествовал Иеремия: “испускает дыхание свое; еще днем закатилось солнце ее (Иерусалим = Израиль), она постыжена и посрамлена” (Иер 15,9 – все здесь напоминает о распятии).

Очень возможно, что Петр присутствовал при распятии, и потому-то его Послания полны воспоминания о нем. То, что он видел там, наложило на всю его жизнь глубокий отпечаток⁽³⁾. Он, по крайней мере, делает две ссылки на слова, произнесенные Христом на кресте, призывая нас пропитаться их духом. “Ибо вы к тому призваны, потому что и Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его... Он не злословил взаимно; страдая, не угрожал, но *предавал то (Себя – современный перевод) Судии Праведному*” (1Пет 2,21-23) – так же, как Он предал дух Свой Богу. *Нам действительно заповедано следовать примеру Его, идти по следам Его.* Христос

преодолел искушение по-человечески воспринять Свои страдания, но *вместо того*, предал Себя Богу. Мысль о том, что Он полагает Себя за нас, помогла Ему не ожесточиться. Так и нам лекарством от ожесточения является дух самопожертвования, дух посвящения своих душ другим.

Точно также и 1Пет 4,13-19 приглашает нас разделить последние страдания Христовы: “но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь... Только бы не пострадал кто из вас, как убийца, или вор, или злодей (намек на двух злодеев, распятых с Христом)... если как Христианин (как Христос), то не стыдись (как и Христос пренебрег посрамление – Евр 12,2)... Итак страждущие по воле Божией (как страдал и Христос – Деян 2,23; Ис 53,10; Лк 22,22) *да предадут* Ему, как верному Создателю”. Итак, *нам действительно заповедано следовать примеру Его, идти по следам Его*. Подчеркиваю это еще раз. Страдания Христовы настолько глубоки и важны, что мы бессознательно стараемся не замечать их, каждый раз пробегая при чтении лишь глазами по строчкам, к которым нам заповедано прилагать сердца.

Из-за того, что последними словами Господа были, “Отче! в руки Твои предаю дух Мой”, предполагается, что Его первыми словами, после воскресения, были слова, продолжающие эту цитату из Пс 30,6: “Ты избавлял меня, Господи, Боже истины”. А этот стих обычно в первом столетии читался Иудеями во время вечерней молитвы. Так что скорее всего Господь произносил эти слова при жизни каждый вечер засыпая, и пробуждаясь. И в этом опять видно, что все, пережитое Им на кресте, было продолжением того, что Им уже было пережито при жизни. Впрочем, необходимо отметить, что Давид на своем смертном одре не произносил этих слов, ибо для него этот Псалом был способом выражения его желания предать душу свою Отцу в знак благодарения и хвалы, что, впрочем, так же чувствовал и Иисус при Своей кончине.

Примечания

(1) See 'The Problem of Soul and Spirit' *in James And Other Studies*.

(2) See 'The Language of Angels' *in Angels*.

(3) See A.D.Norris, *Peter: Fisher of Men* and H.A.Whittaker *Studies in the Gospels*. Peter was "a witness of the sufferings of Christ" (1 Pet. 5:1).

Нам необходимо постоянно размышлять над этим безжизненным Телом. “Ибо, где завещание (= завет), там необходимо, чтобы последовала смерть завещателя... оно не имеет силы, когда завещатель жив” (Евр 9,17). В этом Теле вечный завет (Быт 17,7) с каждым из нас приобрел живую реальность.

4-1-15 Пронзенный Христос

46 Грешный город назван “святым” только потому, что Иерусалим так будет называться лишь во времена грядущего Царства после великого покаяния (Ис 1,26). А это – вменение праведности! И еще раз мы видим, как Писания излучают, буквально *дышат* духом милости, духом благодати. То, что ругавшиеся над Господом Иудеи умерли в своих постелях, то, что осуждение не сразу же пало на их головы, то, что не раскаявшийся злодей мог быть спасен так же, как и раскаявшийся, то, что о сомневавшемся, но отдавшем свой голос за распятие Сына Божия в Евангелиях написано так хорошо, и

многое, многое другое в Писаниях, говорит о безмерном милостивом отношении Бога к людям.

47 Сотник дважды сказал: “Истинно человек этот был праведник (у Луки)... истинно Человек Сей был Сын Божий (у Марка)”. И мысленно, возможно, прибавил: “А я распял Его”.

48 Под народом, сошедшимся на это зрелище, могла подразумеваться толпа, теснившаяся вокруг креста, когда Господь перед смертью произносил Свои последние слова. Женщины также видели Его безжизненное тело издали. Похоже, что это описание побуждает и нас представлять нашего Господа в таком же точно виде – мертвого, но одержавшего победу. Ибо только так было действительно проклятие из Вт 21,22,23: “ибо проклят пред Богом [всякий] повешенный [на дереве]”. Если бы это проклятие относилось к еще живому Господу, оно потеряло бы всю свою силу. Оно просто бы потеряло всякий смысл. Следует помнить, что распятие была казнью не Иудеев, а Римлян. Второзаконие не писалось с мыслью о распятии, ибо в те времена в обычае было выставлять на древе уже мертвое тело грешника во свидетельство и напоминание другим (ср. с повешением тела Саула). Последствием греха было проклятие, а потому любой, умирающий за свои грехи грешник, нес на себе проклятие Божие. Таких полагалось быстро похоронить, что было образом того, что Бог не хотел смерти беззаконника. Господь умер смертью грешника. Он понес на Себе наши грехи, а значит и наше проклятие (Гал 3,13,14). Любой проклятый, осужденный грешник, чье тело выставлялось на позор, становится образом безгрешного Сына Божия. Он послужил позором час или два (пока Иосиф не получил разрешение на Его похороны), совершенно полностью явив Собой простого грешного. После чего, потому что Богу не было угодно такое осуждение греха, тело было снято и погребено.

Биение себя в грудь, является образом покаяния грешника (Лк 18,13; Мф 11,17; перевод епископа Кассиана). Тогда были открыты “помышления многих сердец” (Лк 2,35). Крест ведет нас к покаянию. Пророчество о покаянии Иудеев, видящих Его пронзенное тело, может рассматриваться как первоначальное исполнение его при распятии.

49 Женщины, без всякой надежды и мало чего понимавшие, беспомощно стояли и смотрели издали на распятие. Они следовали за Ним и служили Ему еще с Галилеи. И то, что о них упоминается при кресте, говорит о преданности их служения Господу. Они продолжали служить даже тогда, когда просто стояли и смотрели.

В Евангелиях сильно подчеркивается то, что люди смотрели и видели при кресте (Мф 27,54,55; Лк 23,35,47-49; Ин 19,35). Так что Он привлек глаза всех людей к Себе (Ин 12,32). Что-то было (и есть) притягательное в кресте.

50 Мысли, вызываемые словом “пронзили”. Симеон пророчествовал, что оружие пройдет душу Марии так же, как и душу Христа, Сына ее (Лк 2,35). Это одна из причин полагать, что Мария все еще оставалась при кресте, когда умер Господь. Могло быть и так, что Иоанн отвел ее к себе домой, обняв за плечи и не давая ее вернуться обратно к кресту, куда ее влекли материнские чувства. После чего Мария незаметно, почти по его пятам, или же другой дорогой, вернулась, скрываясь в толпе, чтобы ее не заметил новый сын, Иоанн. Лично мне кажется, что именно так все и было. Из пророчества Симеона о завернутом в пеленах очаровательном Младенце, которого он держал на руках, похоже, следует, что душа Марии была пронзена тогда, когда была пронзена и душа Господа. Не следует ли из этого, что внутри ее раздался душераздирающий крик, когда она увидела, как копьё входит в бок ее Сына, а из раны вытекает кровь? Все время Ему кричали, чтобы Он сошел с креста! Вероятно ее сердце при этом билось с удвоенной силой – сойдет, или

не сойдет? Она помнила урок, полученный в Кане – не принуждать Его по любому поводу творить чудеса. А потому она и не искала встречи с Его взглядом, чтобы глазами умолять: “Ну, сделай же это, хотя бы ради меня”. И все же она была всего лишь человек, а потому и надеялась сверх надежды. И вот, все кончено. Он умер. Больше не оставалось никаких надежд – ее душа была пронзена. Много лет назад Сам Яхве прорек: “И они воззрят на Меня, Которого пронзили, и будут рыдать о Нем” (Зах 12,10; евр.) Из использованных здесь местоимений видно, что Бог на кресте был во Христе, примиряя с Собою мир (2Кор 5,19). Когда пронзили Сына, был пронзен и Отец. Так что, когда пронзали Сына, оба Его родителя были объединены страданиями Сына. Когда был пронзен Сын, были пронзены Отец и мать. И в этом состоит чудо и трагедия Божественной семьи.

Нас очень редко интересуют отношения между Отцом и Марией, красоту и чудо которых обезображивает понятие о предвечном существовании и полнейшем обожествлении Христа. Когда же Его естество правильно понято, тогда, воистину, открывается чудесная картина отношений между Господом, Отцом и матерью. На эту тему можно размышлять и размышлять, делая такие предположения, от которых захватывает дух (например, являлся ли Господь Своей матери после воскресения, или же какими будут их отношения в Царстве?)

Евангелие от Луки побуждает нас представить себе, что Иосиф, снимая тело с креста, пользовался лестницей, при помощи которой, возможно, вешали надпись. Впрочем, из Деян 13,29 можно предположить, что тело с креста для Иудеев (и Иосифа тоже) сняли Римские воины. Из того, что “Пилат приказал отдать тело”, следует, что приказ был дан кому-то из его подчиненных. Тогда что же скрывается за тем, что *Иосиф* взял тело и обвил его плащаницей? Можно ли представить, что он унизился перед толпой до того, что стал помогать воинам вытаскивать гвозди из положенного на землю креста с телом? Или же он имел такое положение и влияние, что смел приказывать воинам делать что-то, что считалось так, как будто это было сделано им самим? Однако, также нет никаких причин для сомнений в том, что он сам, пройдя по нейтральной земле, разделявшей толпу от креста, смиренно сам снял тело с креста, слыша громкий шепот, проходящий в толпе о том, что он осквернил себя перед праздником, прикасаясь к крови и мертвому телу. Для Иосифа снятие тела было самопожертвованием, было подвигом не только духовным, но и социальным и физическим. О нем сказано, что он был “знаменитый член совета”, или же, человеком, имевшим почет, власть и влияние. И такой человек смирил себя перед этим древом. “И, сняв его” – звучит так, как будто тело было снято с все еще стоявшего креста. Или крест, под внимательным руководством Иосифа, был положен в горизонтальное положение? Прикосновение его к мертвому телу означало, что он не мог совершить Пасху (Числ 9,9,10). Для народа должно быть было очень необычно видеть, как знаменитый начальник Израилев открыто предпочитает распятое мертвое тело Назорея соблюдению закона Моисеева. Почти параноидальное стремление к ритуальной чистоте на Пасху каждого еврея означает, что действия Иосифа при кресте резко затрагивали чувства всех присутствующих Иудеев.

Бывает трудно отличить, умер человек или нет. Однако в теле Господа было нечто такое, что само говорило о том, что Он испустил дух Свой. “И видевший засвидетельствовал, и истинно свидетельство его; он знает, что говорит истину, дабы вы поверили” (Ин 19,35). Разве мы не чувствуем за этими словами человека, который, несмотря на богодухновение, ищет, и никак не может найти, подходящих слов, чтобы выразить то, что хотелось бы? Ибо он видел то, что не по силам описать человеческим языком.

Из-за того, что из Его бока вытекла кровь и вода, возникает вопрос, постился ли Господь перед распятием, или же просто освободил Свои внутренности в Гефсимании? Полагают,

что кровь и вода истекли, потому что копьё прошло с правой стороны Господа над пятым ребром, пронзив предсердие (из которого вытекла кровь) и околосердечная сумку, откуда вытекла сукровица, сильно похожая на воду. Однако есть и такие, которые заявляют, что истечение крови и воды было еще одним чудом, а потому Иоанн именно для них написал то, что он видел на самом деле. И он также добавляет, что это написано для того, чтобы поверили. Из чего следует, что размышления о кресте укрепляют веру, а также увеличивают понимание греха и важности покаяния.

То, что кровь вытекла прямо из сердце Господа дает нам высокое и глубокое наставление, ибо Он отдал кровь Свою, Самого Себя, самое сокровенное – душу Свою. Можно служить Богу, творя добро, трудясь на Его ниве, но не прилагая к тому своего сердца, своей души. Крест призывает нас отдавать себя целиком, отдавать самого себя, всю свою жизнь, всю свою душу.

51 Дважды подчеркивается, что Иосиф был членом совета. Как и Никодим (Ин 3,1). Весь совет единогласно осудил Господа на распятие (Мк 14,64). “Весь синедрион” (Мк 15,1) был согласен с тем, что делали первосвященники. Они “все”, “все множество их” отвели Иисуса к Пилату (Лк 22,66,70; 23,1). Хотя об Иосифе и сказано, что он не участвовал “в совете и деле их” (Лк 23,51), однако кажется, что это его неучастие было внутренним, и не выставлялось наружу. Только при кресте оно стало явным так же, как и его вера. Слова закона, “не давай руки твоей нечестивому, чтоб быть свидетелем неправды” (Исх 23,1) должно быть разрывали его сердце на части. Может быть, конечно, было и так, что эти двое не присутствовали на совете, когда Иудеи, нарушив свой собственный закон, единогласно вынесли смертный приговор невиновному. Однако я, чисто интуитивно (и только интуитивно) считаю, что они голосовали за смерть Господа, что оба участвовали в обсуждении того, во что был вовлечен “весь совет”, подыскивая что-нибудь из жизни Господа, за что можно было бы обвинить Его (Мк 14,55). Они могли не соглашаться с советом в глубине своих сердец, но не выказывая этого наружу. В Деян 13,27-29 почти до боли просматриваются образы Иосифа, Никодима и остальных членов Синедриона: “и начальники их... исполнили слова пророческие... и, не найдя в Нем никакой вины, достойной смерти, *просили* Пилата убить Его.... [и], сняв с древа, *положили* Его во гроб”. Они просили Пилата убить Его точно так же, как позже Иосиф просил у того же Пилата Его тело (Мф 27,58). Все выглядит так, как будто Иосиф также открыто просил тело Иисуса, как прежде открыто просил Его распятия.

Оба они были тайными учениками, боясь потерять свое положение среди Иудеев. Они открылись только после смерти Господа. Думаю, что они были непосредственно причастны к смерти Сына Божия. Однако по милости Божией, об Иосифе написано, что он был человеком добрым и правдивым, что он был, хотя и тайным, Его учеником.

Все Писания буквально светятся милостью Божией. Так о самоубийстве Иуды написано только у Матфея, остальные три Евангелия хранят об этом красноречивое молчание. Бог, придуманный людьми, обязательно уделит бы много внимания тому, что предавший Его Сына, от стыда наложил на себя руки. Бог же всякой благодати выше того, чтобы уделять в Своем слове слишком много внимания мести.

Если Господь умер в 3 часа дня, солнце зашло в 6 часов, а это значит, что всего лишь три часа потребовалось Иосифу на то, чтобы пойти к Пилату, умолить его отдать тело, чтобы Пилату за это время узнать, действительно ли умер Иисус, а Никодиму купить для погребения благовония. Иосиф с Никодимом почти мгновенно решили, что им следует делать. И в этом наставление для нас – видение креста заставляет нас делать то, что нужно делать, то, что очевидно важнее всего на свете, чему мы отдаем себя целиком, чтобы

сделать как можно больше и лучше. Иосиф и Никодим, вероятно, думали о том, что они мало чего сделали Иисусу при жизни, и что даже теперь, из-за отсутствия времени, они не могут похоронить Его так, как им того бы хотелось. Всё было против них. Внутри возрастало отвращение и презрение к самим себе, смешанное с любовью и преданностью Господу всей благодати. И в то же самое время также увеличивалось горячее желание Бога принять то малое, что они могли сделать из-за отсутствия времени, из-за обстоятельств мира сего, из-за Иудеев, из-за прошлого, которого уже нельзя было изменить, из-за их собственного человеческого естества, из-за того, что все, буквально все, препятствовало явить им высокодуховную набожность.

52 Иногда тело отдавалось самым близким родственникам. И тут Иосиф открыто показал свою близость с этим распятым Человеком. В это время он еще не верил твердо в воскресение. Только и исключительно *из-за любви* к этому распятому Человеку он было готов пожертвовать своим положением в обществе, своими материальными благами, своей жизнью, был готов к унижениям перед ненавистным Пилатом, чтобы *осмелиться прийти* и просить у него тело. Только самым близким родственникам можно было делать это. И он уже чувствовал свое новое отношение к Господу и, несмотря на то, будет он воскрешен или нет, он уже сейчас хотел открыто таким способом заявить перед всем миром о своей причастности к Нему. Такое влияние на него произвела смерть Господа.

53 Иосиф Флавий пишет, что на кресте люди обычно умирали около двух дней. Господь умер быстрее. Для того чтобы распятый умер быстрее, (а не для того чтобы он не убежал, как думают некоторые) ему переламывали ноги. И это подтверждает мысль о том, что на кресте должна была находиться подставка для ног, на которую мог бы опираться распятый, чтобы продлить себе жизнь. “На кресте часто прикреплялась небольшая подставка, называемая “седлом”. Когда распятый, время от времени опирался на нее, кровь начинала поступать и в верхнюю часть тела... когда мучения распятого приближались к концу, тогда следовал следующий этап – ему переламывали ноги. А это означало, что он больше не мог продлевать свою жизнь, опираясь ногами на подставку и тем самым уменьшая нагрузку на руки. После этого очень скоро останавливалось сердце”⁽¹⁾.

Мне кажется, что если уж Господь отказался от обезболивающего, отказывался утолять жажду до самого конца, если Он добровольно отдавал Свою жизнь, то Он и не опирался на это “седло”, тем самым увеличивая Свои муки и ускоряя приближение смерти. Если распятый не опирался ногами на подставку, то весь вес тела приходился на межреберные мышцы, что сильно затрудняло дыхание. Воздух не поступал в легкие, и они быстро заполнялись двуокисью углерода, что становилось причиной смерти от удушья. И то, что Господь, не опираясь ногами на “седло” все же старался что-то сказать людям, говорит о Его исключительном самообладании, любви и желании блага для других. А это, в свою очередь, должно вдохновлять и нас все время следить за собой, чтобы и в нас ни на мгновение не затухало желание общаться с другими людьми. Сенека (*Dialogue 3*) пишет: “Стоит ли отягощать себя чем бы то ни было, когда висишь на пронзенных гвоздями руках на лобном месте... [в ожидании] окончания наказания (или же смерти)?” (quoted in Martin Hengel, *Crucifixion In The Ancient World*, Fortress, 1977). На деле распятый, опираясь на подставку, лишь продлевал свои предсмертные мучения. Если Господь не опирался на нее, то из-за исключительной слабости. Тот же комментатор⁽¹⁾ пишет: “Если человек висел только на руках, то кровь начинала поступать лишь в нижнюю часть тела. После шести, двенадцати минут кровяное давление падало на 50%, тогда как пульс увеличивался вдвое”. Господь должен был слышать каждый удар Своего сердца, а потому и ощущать приближение смерти (см. 37). И все же, несмотря на сильную слабость, несмотря на знание, что Его сердце вот-вот остановится, убежден, Господь оставался в полном и

совершенном сознании. Глубоко в Себе Он был сосредоточен на Отце и Его слове. Несколько Псалмов говорят нам о Его буквальных страданиях: “Сердце мое трепещет; оставила меня сила моя, и свет очей моих, - и того нет у меня... Изнемогает плоть моя и сердце мое: Бог твердыня сердца моего и часть моя вовек” (Пс 37,11; 72,26).

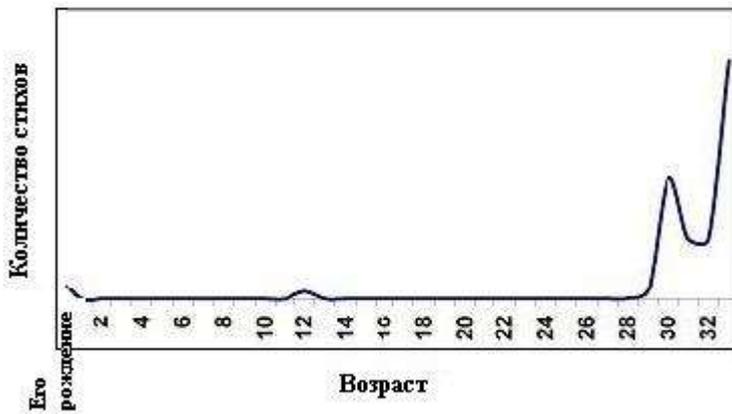
Примечание

(1) Werner Keller *The Bible As History* p. 356

4-2 Центральное место распятия в Евангелиях

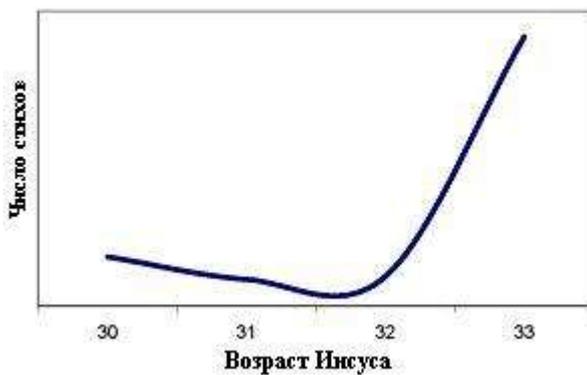
То, что распятию уделено так много внимания, говорит о том, что и нам необходимо уделять ему также много внимания. М.Р. Винсент совершенно верно заметил: “Ни один день во всей Библии не описан так подробно, как этот день. Если бы вся жизнь Христа была описана так же детально, то это описание составило бы сто восемьдесят томов, то есть получилось бы размером с Библию”⁽¹⁾. Так же следует заметить, что во всех Евангелиях постепенно уделяется все больше и больше внимание служению Господа – о последних шести месяцах сказано больше, чем о трех предыдущих годах, о последней неделе сказано больше, чем о предыдущих, а последним часам жизни уделено больше внимания, чем любому другому событию, встречающемуся в Писаниях. Читая любую человеческую биографию, или же описания событий, происшедших в чей-то жизни, неизбежно сознаешь обязательно существующую разницу между жизнью героя и своей. В Евангелиях такой разницы почему-то не чувствуется. Иисус предстает перед нами в подлинном, в осязаемом и доступном образе. Герои человеком написанных биографических рассказов, ничто в сравнении с потрясающим описанием распятия Человека Иисуса, которая не в пример человеческим, занимает главное место во всех Евангелиях. Каким-то образом, но эти описания настойчиво передают нам самую что ни на есть сущность Иисуса. Ненавязчиво, без каких бы то ни было прямых указаний, мы благоговеем перед сущностью этого Человека, непременно желая как-нибудь да отреагировать на Его смерть. Кульминацией всех Евангелий является рассказ о распятии и воскресении Иисуса Христа. У Луки этот рассказ начинается с того, как Господь начал Свое последнее путешествие в Иерусалим, “когда они были в пути” (Лк 9.57-62) так, как будто они случайно оказались на пути к тому, чему посвящено все Евангелие – последнему путешествию Господа в Иерусалим и Его смерти там (Лк 13,22). Совершенно верно было замечено: “Из всех биографий, которых мне приходилось читать, только в нескольких посвящено смерти героя чуть больше десяти процентов повествования, включая биографии таких людей, как Мартин Лютер Кинг и Мохандас Ганди, умерших насильственной и имевшей далеко идущие политические последствия смертью. В Евангелиях же треть всего рассказа посвящена самой важной, последней неделе жизни Иисуса”⁽²⁾. “Крест является главной темой во всех четырех Евангелиях, которые были кем-то верно названы “описанием страстей, с необычайно длинным предисловием”. Евангелия – не биография. В каждом из них в описании смерти и воскресения Иисуса есть некая несоразмерность, указывающая на то, что Евангелист не хотел уделять слишком много внимания жизни Господа. Все Евангелия написаны так, чтобы заострить все наше внимание на самом главном – на кресте”⁽³⁾. Довольно серьезная ошибка полагать, что главным в учении Господа Иисуса является братская любовь и то, о чем говорится в “Нагорной проповеди”. Ведь самым главным и самым частым из Его требований было нести за Ним крест.

Жизнь Иисуса

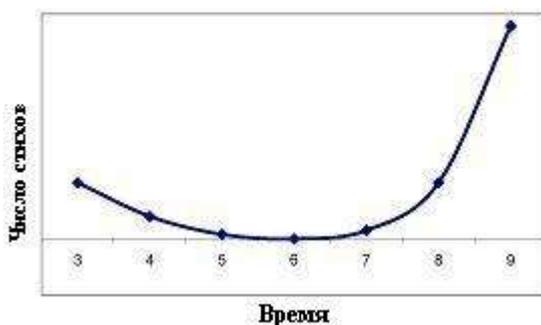

На следующих графиках ясно видно какое важное место занимает распятие в Евангелиях.

Служение Иисуса

День распятия Иисуса

В Деяниях Апостолов также много внимания уделяется благовестию креста Христова, как и в Посланиях он является самой главной составляющей великого очищения. Два таинства в еkkлeсии, крещение и хлебопреломление, как раз и призваны для того, чтобы приблизить верующего к кресту Господа. Достаточно ясно, что каждый из нас имеет священную обязанность перед Господом Иисусом Христом постараться жить так, как написано в Евангелиях чтобы попытаться понять и воспринять сущность Его жертвы. Ибо Он дорого заплатил и за тебя, и за меня, чтобы мы были признательны Ему за эту цену. О

распятию написано так, чтобы мы могли не спеша переживать его вместе с Ним. Так же описано и осуждение Христа, чтобы мы могли представлять себе его, и также, не торопясь, сопереживать Ему. Было точно подмечено, как у Иоанна в описании суда происходящее “снаружи” сменяется с происходящим “внутри”⁽⁴⁾.

1. “Снаружи” – Иудеи предают Иисуса в руки Пилата (Ин 18,28-32);
2. “Внутри” - Пилат допрашивает Иисуса (Ин 18,33-38);
3. “Снаружи” - Пилат признает Иисуса невиновным (Ин 18,38-40);
4. “Внутри” – Римские воины бьют и высмеивают Иисуса (Ин 19,1-3);
5. “Снаружи” - Пилит снова признает Иисуса невиновным (Ин 19,4-8);
6. “Внутри” – Пилат допрашивает Иисуса (Ин 19,9-12);
7. “Снаружи” – Пилат предает Иисуса на распятие (Ин 19,13-16).

Настоящая трагедия состоит в том, что Господь часто пытался объяснить Своим ученикам значение креста, но каждый раз они либо отвечали молчанием, либо уходили от разговора, либо, как Петр, начинали возражать Ему. Трагическая пропасть, пролежавшая между крестом Господа и настроениями Его учеников, хорошо видна в Мк 10,32-40. Когда все помыслы Господа были устремлены к Иерусалиму, “Иисус шел впереди их, а они ужасались и, следуя за Ним, были в страхе”. Из этих слов создается воображаемая картина того, как Иисус шел на несколько шагов впереди их, а они неохотно следовали за Ним сзади. “Если и есть во всех Евангелиях нечто излишне реальное и нечто, часто приходящее на ум, так это этот момент”⁽⁵⁾. Очевидно все Его мысли были заняты предстоящей смертью, заняты тем, что Он, как Он знал, будет распят с грешниками по правую и по левую от Него стороны. И тут же Его два ученика, как бы читая Его мысли, не обращая никакого внимания на других, просят сесть у Него, “одному по правую сторону, а другому по левую в славе” Его. И в этом рассказе просматривается также еще и собственное желание Евангелистов постичь подлинную суть креста – да не случится подобного с нами, да постараемся мы, по крайней мере, хотя бы как-то сопереживать Ему, дабы смочь по-настоящему и с нелицемерным смирением посочувствовать Ему.

То, что происходило во время распятия показало глубинную сущность того, Кем был и есть наш Господь. Он стал жертвой за грех, предав Свою душу на смерть (Ис 53,12, где “предал” в еврейском означает не только “излил”, но и “обнажил”). Так что получается, что Господь на кресте обнажил Самого Себя, показав всем каков Он есть на самом деле. Вино было Его кровью, которая была Им, в том смысле, что крест явил то, Кем был, есть и будет вовеки веков Сын Божий. На кресте было написано: “Сей есть Иисус”. На кресте Он умер ради нашего искупления (Евр 9,15), предал Себя (1Тим 2,6; Тит 2,14), отдал душу Свою (Мф 20,28; Мк 10,45), и Свою кровь (1Пет 1,18,19; Еф 1,7). Его смерть, Его жизнь, Его кровь – все это было Им Самим. Кровь Христа говорит нам точно так же, как если бы говорил Он Сам (Евр 12,24,25). Это – проповедь (один из переводов этого греческого слова) креста. Павел сравнивает глас крови Христовой с землетрясением, которое “поколебало” землю при заключении ветхого завета. Голос крови может поколебать всё, что угодно, кроме непоколебимого Царства. Такова сила креста. Человеческие речи, громкие призывы с трибун, газетные и журнальные статьи, все это, и тому подобное, хотя нам и приходится вращаться в этой среде, слишком узко и ограничено. Люди просто не помнят слышанных ими проповедей. Сильно сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из нас смог вспомнить, о чем говорилось на последней встрече в еkkлeсии, не говоря уж о предпоследней, и пред предпоследней... И в этом нет греха, ибо это одна из составляющих человеческого естества. Однако суть состоит в том, что нам необходимо, чтобы что-то встряхивало нас, и этим потрясением является голос креста. Сравнение смерти Господней с истинным словом/голосом Божиим также видно и в Ин 6,51 (ср. со ст 63), где говорится о том, что не только слова Господа дают жизнь, но и плоть Его, которую Он отдал за

жизнь мира на кресте. Для людей Его слова одно и то же, что и Его плоть. Слово стало плотью. Как мы уже говорили, эти слова больше относятся к смерти Господа, нежели к Его рождению.

По закону Моисееву голос завета ассоциировался с кроплением крови на крышку ковчега откровения, так что благодаря крови агнца народ получал заповеди (Исх 25,22). В Евр 9,20 эта кровь называется кровью завета, “который заповедал вам Бог”. Так же кровью кропилась и книга закона, чтобы тем самым показать, что и она принадлежит к завету на крови. А потому есть Его плоть и пить Его кровь (очевидное предсказание Его грядущего самопожертвования и вечери воспоминания) было равносильно тому, чтобы есть и пить Его слова (Ин 6,53,54,63). Все Его слова были явлены Им в жертве Его плоти и крови. В Его смерти и жертве, образом которой является кровь Иисуса, мы видим сущность Господа, видим Его Самого. На кресте Он “предал (излил) душу Свою на смерть” (Ис 53,12), которую Он изливал и в жизни (Пс 41,5). Так что на кресте было явлено то, Кем Он был все эти 33 года. Познанием Христа является познание Его креста (Ис 53,11). Павел говорил: “Чтобы познать Его, и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его” необходимо “сообразоваться” смерти Его на кресте (Флп 3,10). Он налил вино, преломил хлеб, заповедовав творить это в воспоминание о Нем, так, как будто уже тогда ученики могли вспомнить о будущем кресте.

О восставшем и превознесенном Господе сказано, как о принявшем позор, как о распинаемом снова, как снова и снова молящемся за нас, так же, как Он молился о нас на кресте (ср. Евр 5,7-9 с Рим 8,24). На кресте Он сделался ходатаем за нас (Ис 53,11,12) и теперь, будучи всегда жив, Он все так же продолжает ходатайствовать за нас (Евр 7,25). На кресте Он понес грехи наши, но Он несет их и сейчас (Ис 53,4-6,11). Крест все еще стоит – точно так же, как “по сей день” совершаются чудеса и знамения, совершенные в земле Египетской (Иер 32,20). Кровь Христа очищает нас от всех грехов сегодня, ибо Господь Иисус возлюбил нас и омыл от грехов кровью Своей (1Ин 1,7; Откр 1,5). Мы очищаемся всегда “обновляемой” Его жертвой (Евр 10,20; см. греческий и церковнославянский). Нам заповедуется выйти к Нему за стан, “нося Его поругание” (Евр 13,13). Это сказано так, как будто Он все еще находится там, вне стана, вне врат, а мы, возложив на себя кресты и Его поругание, идем к Нему по дороге печали, чтобы сораспяться рядом с Ним, почитаясь безумцами Христа ради в мире сем. Эта мысль, на первый взгляд может показаться странной, но страдания Христа все еще продолжают. Крест еще стоит и мы, несмотря на расстояние, разделяющее нас от него, продолжаем идти к нему. Нам заповедано нести крест Его (Мф 20,23; Гал 6,12), который так же является еще и нашим крестом (Мф 10,38). Бывает время, когда Христианину ничего не остается, как только взвалить на свои плечи крест, и вот тогда, и только тогда, мы начинаем по-настоящему хоть немного понимать в сути креста Господа, который так не похож на наш.

Учение Господа о кресте очень часто не понималось. Человек, исцелявший детей и дававший чудесные наставления о любви к Богу, почерпнутые на примерах, взятых из жизни птиц и цветов, вплетал в Свои истории слова о “последнем пути” на распятие. Эти слова казались совершенно не к месту, а спросить слушающие Его боялись. Это напоминает мне, как слушаешь кого-то говорящего на немного знакомом тебе языке, слушаешь, но плохо понимаешь о чем идет речь, а потому ничего не остается, как только догадываться о сути сказанного. Иногда слышишь одно и то же, часто повторяющееся слово, являющееся, по-видимому, ключевым, и все равно не понимаешь сути сказанного. А переспросить боишься, ибо думаешь, что всё же самую суть сказанного да уловил. Однако часто со временем выясняется, что это было заблуждением, ибо суть сказанного,

оказывается совсем, совсем не той, что ты думал. Очевидно так же было и с учениками Господа, когда Он говорил им о Своем и их кресте.

Уход в сторону

Когда Христос говорил о кресте и Своей жертве, следовавшие за Ним либо меняли тему разговора, либо уходили от него в сторону. Они не воспринимали саму мысль о распятии (Мк 8,32; 9,32-34; 10,35-40). Они не могли понять важности креста. То же самое может происходить и с нами, не желающими размышлять об особенностях креста и о нашем несении его, даже тогда, когда мы всё же чувствуем насущную необходимость его, чувствуем, что нам нельзя отворачиваться от него. Обратите внимание на тот дух неизбежности грядущего креста, которым пропитана 19-я глава в Евангелии от Иоанна (ср. с Деян 2,23). Обратите внимание на то, как Лука говорит о настойчивости, с которой Господь совершал Свой последний путь в Иерусалим. Существует нечто неминуемое в нашем несении креста, даже если мы всю жизнь стараемся увильнуть от него. Так или иначе, но всем нам никак не избежать смерти. Чьей-то равнодушной рукой, с постоянно включенным за спиной радио, будет высечено на могильном камне и мое имя.

Существует неразрывная связь между тем, какой путь мы выбираем в служении Христу, легкий или тяжелый, и нашей жизнью с крестными страданиями. Если мы выбираем легкий путь, то тем самым слагаем с себя крест, не несем его. То, что наши чувства слишком тонки для несения креста не является оправданием. Оплакивающие Назорея женщины, позже не послушались Его слов, а потому и подпали под осуждение Иерусалима. Господь советовал им не прикрывать недостаток своей веры Ему тем, что они рыдали над Его физическими страданиями.

Я несколько раз читал лекции и проповеди на эту тему и каждый раз у меня возникало искушение бросить их на середине, поменять тему, заговорить о чем-нибудь еще. И такая реакция, как я подозреваю, присуща всем нам не только потому, что крест слишком сильно задевает наши чувства, а потому, что мы, всё же, понимаем и слышим глубину боли креста. Вероятно по этому на наших встречах для преломления хлеба так мало времени уделяется самому главному, ради чего, собственно, и происходят эти встречи. Когда мы собираемся идти на хлебопреломление, нам необходимо приготовить себя, настроиться не просто на чтение и изучение Библии, а настроиться на встречу, ради воспоминания страданий Господа. Господь говорил, обращаясь к Двенадцати, что им нужно взять крест и следовать за Ним. Когда Он говорил, что идет в Иерусалим, чтобы умереть там, Петр не стал возражать. “Иди за Мною, сатано” - не было сказано Господом с тем, чтобы Петр перестал искушать Его, ибо здесь, называя Петра сатаной, Он имел в виду то, чтобы Петр следовал за Ним в Иерусалим, со своим крестом (Мф 16,23; см. церковнославянский). Петр не хотел, чтобы Господь шел в Иерусалим и умер такой смертью, ибо хорошо понимал, что и ему тогда тоже придется понести за Ним крест. И в этом кроется также и наше неприятие креста. Мы понимаем, что если мы по-настоящему последуем за Господом, то такое следование за Ним потребует от нас слишком много.

Если мы серьезно размышляем над страданиями Господа, то нас постоянно преследует одна и та же мысль: “Такого не должно со мной случиться, я просто не переживу этого”. Однако Он умер за всех нас, которые в Нем, чтобы и мы все умерли с Ним на кресте (2Кор 5,14). Мы, по дарованной нам благодати, погреблись с Ним в крещении (Рим 6,3-5) и теперь стараемся жить в соответствии с этим. А если это так, тогда наше терпеливое отношение к братьям со временем лишь станет крепче. Ощущение креста объединяет нас, мы начинаем все одинаково чувствовать как свои недостатки, так и дарованную всем нам, без исключения, благодать.

“И весь народ, сшедшийся на сие зрелище...” (Лк 23,48). Здесь слово “сшедшийся” означает очень крепкий союз близких между собой людей. Такова сила креста. Видевшие происходящее на кресте получили глубокие впечатления, которые каким-то образом объединили их при кресте.

Когда Павел столкнулся с раздираемой плотскими страстями еkkлeсией Коринфа и с распространением злобных слухов о себе в ней, в еkkлeсии, которую он любил, ибо породил ее с трудом и болью, то он “рассудил быть у [них] незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого” (1Кор 2,2). Противоядием для всех проблем возникших в еkkлeсии было размышление о кресте. Павел утверждает, что наша настойчивость на своей правоте, может стать преткновением для немощного брата, “за которого умер Христос”. Тем самым Павел как бы говорит: “Задумайтесь о Его кресте и жертве, и тогда ваше собственное заповеданное самовоздержание покажется вам ничто”. Когда Павел обращается к Галатам, “заороженным” плотскими учениями окружающего их мира, то он напоминает им, что это стало бы невозможным, если бы они не перестали видеть перед собой ясно представленного перед ними распятого Христа (Гал 3,1; современный перевод). Похоже, что Павел вместе с ними пережил распятие Христа настолько реалистично, что страдания Христа оказались ясно предначертанными перед их глазами. Павел как бы говорит: “Если вы все это видели, и это до сих пор стояло бы перед вашим глазами, то вы никогда и ничем не смогли бы прельститься”. Это же самое является противоядием от всех духовных недугов и для нас. Человек видящий, по-настоящему видящий страдания Христа, просто никогда не сможет уклониться от них ни в теории, ни в жизни. Когда же мы перестаем держать перед своим мысленным взором страдания Христовы, то просто забываем как о них, так и о Самом Христе. И в этом плане, описание распятия, если в него достаточно вдумчиво вникнуть, обладает почти таинственной силой. Господь предвидел, когда Он будет вознесен, то всех (всех – из всех народов, племен и языков) привлечет к Себе в истине (Ин 12,32). Стоит хотя бы чуть-чуть задуматься о том действии, которое произвел крест на людей, и понимаешь всю истинность Его слов. Крест был орудием мук, пыток, однако именно он стал вдохновением для многих и многих для написания гимнов и прославлений (например, “Когда я вижу чудный крест...”). Люди никогда не посвящали гимнов гильотине и не восхваляли виселицу. Также люди никогда не сохраняли какие бы то ни было воспоминания о казне на электрическом стуле и уж точно никогда не искали в нем вдохновения для грядущих страстей.

То, что распятию уделено так много внимания в Евангелиях, говорит о том, что главной целью для любого настоящего христианина является сораспятая жизнь с Иисусом на кресте. Мы должны “разделить с Ним Его страдания и стать как Он в Его смерти” (Флп 3,10; современный перевод). И, что удивительно, постепенно наша жизнь становится именно таковой. Именно такими угодно Богу видеть нас на смертном одре, или же ко дню возвращения Господа, дабы и мы, хотя бы самую малость *уподобились* Иисусу, умирающему на кресте. Только так “уничужденное тело наше” будет преображено в Его пришествие “сообразно (то же самое греческое слово) славному телу Его” (Флп 3,21). И именно по этой причине мы должны всё почитать тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса (Флп 3,8), где слово “превосходство” подразумевает, что читающему уже знаком Его дух на кресте. Вот почему познание креста так необходимо и важно в нашей жизни.

Примечания

(1) M.R. Vincent, *Word Studies In The New Testament* (Grand Rapids: Eerdmans, 1946).

(2) Philip Yancey, *The Jesus I Never Knew* (London: Marshall Pickering, 1995) p. 185.

(3) Leon Morris, *The Cross Of Jesus* (Carlisle: Paternoster, 1994 ed) p. 2.

(4) Donald Senior, *The Passion Of Jesus In The Gospel Of John* (Leominster, UK: Gracewing, 1991) p. 69.

(5) James Denney, *The Death Of Christ* (Carlisle: Paternoster, 1997 ed.) p. 25.

4-3. Принуждение креста

4-3-1 Иосиф и Никодим

Если мы размышляем о кресте искренне и в истине, то такое размышление неизбежно должно оставить в нас неизгладимый отпечаток. Именно это я называю принуждением креста, действующей на сознание силой распятия. Его жертвоприношение должно изменять всех тех, кто верит в него: “Итак, как Христос пострадал за нас плотию, то и вы вооружитесь тою же мыслью... чтобы остальное во плоти время жить уже не по человеческим похотям, но по воле Божией” (1Пет 4,1,2). Смерть Господа очень часто ассоциируется с волей Божией (например, Деян 2,23; Лк 22,22; Мф 26,42; Ин 4,34; 5,30; Евр 10,9,10; Гал 1,4; 1Пет 3,17,18). Поскольку Господь жил и умер не по Своей воле, а исполняя волю Божию, то и нам (“итак”) следует идти точь-в-точь по Его стопам. Господь Иисус не спрашивал нас, хотите ли мы, чтобы Он умер за нас на кресте ради нашего спасения? Тогда бы мы могли ответить Ему, что нет, не хотим, и быть ничем не обязанными Ему. Он же, не спросив, уже умер за нас, за тебя и за меня, пострадав и искупив меня. И Он же призвал меня, чтобы я знал об этом и ответил на Его призвание. Я не могу сказать, искоса поглядывая на крест, что я не хочу, чтобы Он что-то делал для меня. Им уже все сделано. И Он зовет меня. Я не могу сказать, что я не хочу, я не могу отказаться. И ты тоже. Не мы избрали Его, а Он нас, дабы мы приносили плод (Ин 15,16). Задумайтесь над этим. Это самое ужасное повеление, которому мы должны посвятить всю свою жизнь, прожив ее по законам жизни распятого на кресте – оправдывая слабого, среди ненависти являя дух милосердия, среди пустых разговоров насаждая слово, стремясь спасти других, невзирая на свои собственные бесконечные страдания и искушения (обратите внимание на то, как много встречается “и” в Мк 15). Только так мы можем показать, что ничто в этом мире не имеет большего значения, кроме Его такой безграничной и такой огромной любви, явленной нам. Ужас, боль и трагедия креста несомненно говорят, что Он так сильно возлюбил нас, как нам никогда не удастся возлюбить Его. И все же Он просит нас принять Его любовь, ответить на нее взаимностью, тем самым являя Его качества другим. Стыдясь своей неспособности показать такую же любовь в скудости своей собственной набожности нам ничего не остается, как только постараться выжать из себя всё, что мы только можем.

Да не будет, чтобы крест для нас был чем-то вроде отвлеченным произведением искусства. Нам необходимо близко сопереживать духу распятого Господа. Крещением мы соединяемся “с Ним подобием смерти Его” (Рим 6,5). Греческое слово “*sumfutos*” говорит о гармонии, о родстве нашем с Господом в смерти Его. О соединении с Ним в смерти также говорится и в Рим 8,29 и в Флп 3,21. Распятый Господь должен быть во всем нашим примером для подражания. Странная способность креста побуждать к активным действиям в жизни, является одним из путей того, как кровь Христа освящает нас. Его жертва не только приносит прощение за грехи, соделанные прежде, но и вдохновляет на освящение будущей жизни. В Евр 9,19 говорится о тесной связи крови с законоположением, когда весь народ, при чтении закона, окроплялся кровью. По новому

завету в крови Христовой законы Божии пишутся в сердцах наших, в нашей совести (Евр 8,10), что так же подтверждается и в Евр 10,14-16, свидетельствуя нам о том Духом Святым. Так что мы не можем оставаться равнодушными к Его жертве, ибо совесть, очищенная ею, пишет в наших сердцах, побуждая и нас жить такой же освященной жизнью.

Благодаря Его смерти разодралась завеса так, что теперь мы можем войти во Святаго Святым “посредством Крови Иисуса Христа, путем новым и живым, который Он вновь открыл нам через завесу, то есть (предложив в жертву) плоть Свою” (Евр 10,19-22). А это говорит о том, что каждый последующий за Христом уже сейчас, как первосвященник, находится во святилище, стоя перед Святым Святым, куда Им на кресте открыт доступ так, что нам лишь остается войти туда. А зачем первосвященнику нужно было войти во Святаго Святым? Чтобы ходатайствовать за других и получить для них прощение – т.е. за тем, что было сделано Иисусом на кресте. Его крест понуждает нас не только совершать свое собственное спасение, но приступать еще дальше в нашем служении другим, пред лице Божие. Первосвященник сначала тщательно очищал самого себя, ибо доступ во Святаго Святым в прошлом ограничивался неадекватным поведением некоторых из них (Лев 16,1.2). Смерть Господа открыла завесу, чтобы и мы, имея дерзость почитать себя очистившимися, прославляли Бога спасением других.

Мы не можем просто отказаться от входа через разодранную завесу, ибо это означало бы отказом от всего, что было достигнуто на кресте и отречением от причастия к нему. Нам необходимо войти, продвигаться вперед, прямо пред лице Божие, делая то же самое, что делал Спаситель, благоговейно и со смиренным духом первосвященника, входящего во Святаго Святым в день очищения. А он, прежде чем войти за завесу, должен был внимательно исследовать себя, зачем он идет туда и достаточно ли он освящен для того, чтобы выполнить надлежащее дело. И если он чувствовал, что им движет единственное желание прославить Бога искуплением Его народа по ходатайству его, только тогда он мог уверенно, не опасаясь за свою жизнь, входить за завесу.

Самое главное на свете

Иосиф и Никодим обладали чувством, которое мимолетно знакомо и всем нам, чувством, что перед смертью Господа буквально все теряет свое значение. У Павла было точно такое же чувство, когда он “ради превосходства познания Христа” (познания креста Его – Ис 53,11), все почитал за сор (Флп 3,8). В некотором смысле прообразом Иосифа и Никодима был Рувим, который прямо воспротивился убийству Иосифа перед менее духовными братьями (Быт 37,22; 42,22). Никодим пришел к Господу ночью, не имея особого желания, чтобы кто-нибудь узнал о его посещении. Однако смысл креста состоит в том, “чтобы избавить нас от настоящего лукавого века” (Гал 1,4). Остаться в мире, означает для нас не приближение к кресту по нейтральной земле, а оставаться в непонимающей и не принимающей смерти Господа за нас толпе, взирающей на крест издали. Из произошедшего три года назад разговора с Господом было ясно, что каждый верующий должен стремиться к свету, не скрываясь под покровом ночи, как Никодим: “люди более возлюбили тьму... ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы, а поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его” (Ин 3,19-21). Все это было сказано Никодиму, который пришел к Господу тайно ночью. Только через три года, при кресте, Никодим познал всю истинность слов Иисуса.

Иосиф и Никодим не только отделили себя от религии и социальной верхушки Израиля, они еще и явили дух смирения перед крестом. Иосиф унижался перед Пилатом, прося у

него тело, чтобы потом пройти по нейтральной, ничейной земле между толпой и крестом. Никодим принес “литр около ста” благовоний – намного больше, чем требовалось для самых пышных царских погребений, которые тогда стоили, если перевести на наши деньги, несколько десятков тысяч долларов. Все это произошло очень быстро, за три часа, между смертью, которая произошла в 3 часа, и заходом солнца, в 6 часов. Он не считал деньги. Он не думал о том, что можно было бы сэкономить, и, после потери своего положения в обществе, и, естественно, дохода, жить на оставшиеся деньги. Нет! Подобно бедной вдове, он отдал все, что имел, не оставив ничего на черный день, как то сделали бы более “разумные”. Помните, что это был предпраздничный день. В этот вечер уже никто не работал. Должно быть его жена, родные и друзья смотрели на Никодима, как на сумасшедшего. А в его голове все вертелась и вертелась одна и та же мысль о том, что на свете нет ничего важнее, чем того, что ему нужно было сделать. Было подмечено, что “если смирна и алая были сухими, или же растертыми в порошок, то для того, чтобы набрать такой вес благовоний потребовалось огромное количество мешков, а также транспорт, на котором Никодим мог бы все это перевезти. Транспортировка становилась еще более затруднительной, если благовония были растворены в вине, уксусе, или же в елее”⁽¹⁾. Такой в предпраздничный день груженный караван должно быть вызывал в народе немалое внимание и удивление. Римская “*литра*” составляла около 33 кг. Такое количество должно быть занимало очень много места в гробнице, образуя приличную кучу, заглушающую своим запахом вонь от разложения. Такова была их любовь. Такое количество благовоний полагалось для царей (например, Иер 34,5). И эти двое на деле показали, что Иисус был для них Господом и Царем.

Вера в то, что Иисус является Господом и нашим Царем не является легким и каким-нибудь маловажным делом. Такая вера требует всего человека целиком. И нет никаких причин думать, что Иосиф избежал “пагубных последствий” ее. В “Деяниях Пилата” (12) написано, что Иудеев настолько привело в бешенство прошение Иосифа тела у Пилата, что они заключили его в темницу. Надо заметить, что Иосиф не делал всего этого ради надежды получить вознаграждение в будущем. Ему было достаточно одного креста, чтобы оставив все, послужить Господу Иисусу из-за чистой любви к Нему. Из примечания о том, что Иосиф “и сам ожидал Царствия Божия”, когда просил у Пилата тело (Мк 15,43), можно предположить, что он к этому времени уже больше не ожидал Царства, потеряв надежду на него, но делая все, единственно ради любви к Иисусу. А потому это является хорошим примером для нас, если по каким бы то ни было причинам нас оставляет надежда на грядущее Царство. Мы просто должны жить в любви к Иисусу, жить для Него, несмотря на то, войдем ли мы в Царство или не войдем.

Нам, крещенным в смерть и погребение Господа, нравится в изобилие изливаемые на нас благодать и любовь (Рим 6,3,4; Кол 2,10-13). И тут возникает вопрос, почему Никодим принес такое огромное количество благовоний? Возможно, что он действовал чисто по своей врожденной искренней набожности. Или же он надеялся, что благовония предохранят тело от тления. Возможно, он не совсем ясно понимал обетование, данное в Пс 15,10 о том, что тело Господа не увидит тления (ср. с Ин 11,39), а потому и приложил усилия, чтобы этого не произошло. И все же, несмотря на его непонимание этого места Писаний, несмотря на слабость его веры и недопонимание сути воскресения, его набожность была принята Богом.

О Никодиме кое-что можно почерпнуть и не в Библии. Так о нем, как о выдающемся человеке, упоминает Иосиф Флавий в “Иудейской войне” (2,20 и 4,3,9). Так же он упоминается в Талмуде [*Gittin* 56a] по именем Накдимон Бен Гурон, который был одним из трех богатейших и знатных человек в Иерусалиме. В Талмуде также рассказывается о его дочери [*Ketuboth* 66a], о том, как однажды Равви Иоханан Бен Заккай выехав по дороге

из Иерусалима, встретился с молодой нищенкой, в которой он узнал дочь Никодима. Он припомнил, что ее отец потерял свое состояние и не участвовал в милосердных делах. И это лишь подтверждает наше представление о Никодиме. Ведь он действительно потерял все состояние, а его предыдущая духовность, под влиянием пережитого самоотверженного чувства любви к Иисусу, в корне изменилась. Поэтому он оставил всё. И точно такая же сила воздействия креста Христова может очистить и наши сердца от любой тщательно запрятанной низости, пробудив в нас чувство настоящей, не двоедушной щедрости.

В Новом Завете подчеркивается сила креста и тот ужасающий факт, что мы призваны разделять с Христом Его страдания (напр. Деян 9,16; 1Пет 4,1,13; 2Кор 1,5; Флп 1,29; 3,10; 2Тим 2,3; Откр 2,10). Похоже Деяния Апостолов отражают разделение страданий народом Господа в Его земном служении (Например, Деян 4,7 = Мф 21,23,24). О первых обращенных написано, что они “умилялись” (Деян 2,37), где употребляется тот же корень, что и в слове “пронзил” (Ин 19,34). Павел говорит как он, чтобы не получать вознаграждения от Коринфян, “всем поработил себя”, точно так, как то сделал на кресте Господь. “Чтобы приобрести немощных” Павел, как и распятый в немощи Господь, “для немощных был как немощный”. Так же и мы, когда благовествуем или же общаемся с членами еkkлeсии, являем собой те же самые качества креста Господня.

На кресте Яхве обнажил “мышцу Свою пред глазами” всего мира – образ человека, закатывающего рукава, чтобы показать всем мускулатуру (Ис 53,10). В обнаженности креста была показана во всем совершенстве и полноте неизмеримая благодать Божия и такое же бескрайнее Его желание нашего спасения. Нет никаких сомнений в том, что духовная жизнь состоит не только из переливающей через края радости и благодарения. Духовная жизнь – это несение креста, или, по крайней мере, старание нести его. А жизнь с крестом за плечами совсем не легка, ибо не может быть основана на поверхностной, на уровне хобби, набожности. Господь умер такой смертью для того, чтобы мы “жили для правды” (1Пет 2,24). Распятие описано так, чтобы мы могли уверовать истинной верой (Ин 19,35). Размышления над смертью Господа порождают почти мистические силы, ибо они открывают “помышления многих сердец” (Лк 2,35). Исаия видел Господа сидящего “на престоле высоком и превознесенном”, когда “поколебались верхи врат” храма (ср. Ис 6,4 с Мф 27,51), что заставило его постичь свою греховность и дать обещание распространять, “наполнять” храм (Израиль) покаянием (Ис 6,1,5). Господом, сидящем “на престоле высоком и превознесенном” был тот Господь, Которого он видел в Ис 52,13 – распятым Господом. И он видел Его на престоле славы Божией так, как это было на кресте. Иоанн связывает видение Исаии (главы 6; 52-53) с распятием (Ин 12,37-41), где были особенно явственно явлены слава и сущность Божии. В Евр 2,9, похоже, пишется об увенчании славою и честью Христа в минуту Его смерти. Из пораженной скалы потекли воды жизни. Когда Он был прославлен на кресте, из Его бока, после смерти, буквально потекла вода. Он и Сам связывал Свое “поражение” на кресте со Своим прославлением (Ин 7,38). В других местах Он связывал Свое прославление не с вознесением, а со смертью (ср. Ин 12,28,41; 13,32; 17,1,5 с Ин 21,19). Мысль о “прославлении” напрямую связана с “вознесением”, а потому и Господь видел в Своей вознесенной на кресте смерти Свое прославление. И нам ничего не остается, как только вместе с Исаией, Иоанном и Самим Господом увидеть в славе и ужасе креста неисчерпаемое вдохновение для своего служения. В некоторых переводах 70-ти Пс 95,10 читается как: “Скажите народам: Господь царствует с древа”, создавая перед глазами душераздирающую картину униженного Назарянина во время Его действительного прославления, в момент Его славной победы, в минуту Его торжества, какая может быть лишь при жалкой смерти бедного Святого, когда Он одерживает славную победу над смертью. Он был и остается нашим Царем. Царем царей – владыкой царей земных, владыкой Своего народа, царствуя

над нами с креста (Откр 1,5). Из-за того что Он одержал полную и совершенную победу на кресте, Он стал нашим Господом, Царем и Наставником. Мы больше не можем делать то, что нам хочется. Именно по этой причине крещение в Его смерть является образом принятия Его господства, образом согласия жить не по своей, а исключительно по Его воле.

Главное, о чем здесь идет речь то, что пред лицом Божиим распятие разделило людей только на две категории:

- на раскаявшегося и закосневшего в своей злобе злодея;
- на воинов, ругавшихся над Господом и сотника уверовавшего в Него;
- на уверовавших и не уверовавших членов совета;
- на оплакивавших, но не послушавших Его женщин и тех, о чьем плаче не сказано ни слова, но которые стояли и наблюдали за тем что происходит при кресте издали;
- на народ, который возвращался от креста, бия себя в грудь, и тех, кто насмеялся, придет ли Илия спасти Господа или нет.

Именно по этой причине воспоминание о страданиях Господа требуют такого серьезного, ревностного и смиренного исследования самого себя (1Кор 11,28,29). И как раз на это-то и направлено наше изучение. Иаков с Иоанном докучали Господу своей просьбой прославить их в Его Царстве. Он не отказал им, однако спросил, могут ли они на самом деле нести Его крест? могут ли они спастись без Него? не лучше ли им не думать о своем спасении, а подумать о несении Его креста, чтобы креститься Его крещением, чтобы только после этого, в определенное для того время, разделить и Его воскресение?

Примечание

(1) Н. Kersten and E.R. Gruber , *The Jesus Conspiracy*, (1992) .

4-3-2 Необходимость креста

Крест создает ощущение необходимости. Греческое слово “*d e i*”, переведенное как “должно” и “надлежит”, неоднократно повторяется в Новом Завете Господом, когда Он говорит о Своей смерти. Он говорил о смерти, как о Своем часе так, как будто Он всегда знал, когда и какой смертью Ему должно умереть. Его слова о грядущей смерти производят глубокое впечатление.

“И как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесу быть Сыну Человеческому” (Ин 3,14).

“С того времени Иисус начал открывать ученикам Своим, что Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать от старейшин” (Мф 16,21).

“Но Он строго приказал им никому не говорить о сем, сказав, что Сыну Человеческому должно много пострадать, и быть отвержену старейшинами, первосвященниками и книжниками, и быть убиту, и в третий день воскреснуть” (Лк 9,21-22).

“Он сказал им в ответ: правда, Илия должен придти прежде и устроить все; и Сыну Человеческому, как написано о Нем, [надлежит] много пострадать и быть уничижену” (Мк 9,12).

Последующие три ссылки были сделаны Господом одна за другой в один и тот же день, возможно, в течение нескольких часов. Господь, по крайней мере, три раза особо подчеркивает, что Ему надлежит умереть на кресте.

“Впрочем, Мне должно ходить сегодня, завтра и в последующий день, потому что не бывает, чтобы пророк погиб вне Иерусалима” (Лк 13,33).

“Но прежде надлежит Ему много пострадать и быть отвержену родом сим” (Лк 17,25).

“И когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе. Сие говорил Он, давая разуметь, какую смертью Он умрет. Народ отвечал Ему: мы слышали из закона, что Христос пребывает вовек; как же Ты говоришь, что должно вознесению быть Сыну Человеческому? кто Этот Сын Человеческий?” (Ин 12,32-34). Когда Господь сказал: “И когда Я вознесен буду” (по некоторым переводам вместо “когда” - “если” (см. церковнославянский), то у слушающих Его не было никаких сомнения в том, что так оно и будет. Что было им не понятно, так это то, что “Сын Человеческий”, Мессия, должен был быть распят.

“Настал же день опресноков, в который надлежало заколоть пасхального [агнца]” (Лк 22,7).

“Как Отец знает Меня, [так] и Я знаю Отца; и жизнь Мою полагаю за овец. Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести: и они услышат голос Мой, и будет одно стадо и один Пастырь. Потому любит Меня Отец, что Я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять ее” (Ин 10,15-17). Говоря о неизбежности грядущего креста, Господь также говорит и о том, что на кресте Ему надлежит привести к Себе овец.

“Как же сбудутся Писания, что так должно быть?... ибо сказываю вам, что должно исполниться на Мне и сему написанному: и к злодеям причтен. Ибо то, что о Мне, приходит к концу” (Мф 26,54; Лк 22,37).

“Каждый день бывал Я с вами в храме и учил, и вы не брали Меня. Но да сбудутся Писания” (Мк 14,49). И опять, в течение 30 минут Господь три раза говорит о неизбежности креста.

После Его воскресения Ангелы напомнили Его народу о неизбежности происшедшего: “Вспомните, как Он говорил вам, когда был еще в Галилее, сказывая, что Сыну Человеческому надлежит быть предану в руки человеков грешников, и быть распяту, и в третий день воскреснуть” (Лк 24,6-7). Подобно нам они видели и слышали необходимости того, что надлежало претерпеть Мессии, но не сознавали этого до конца. Господь не был фаталистом, поступая так, как “должно” поступать. Просто Он знал, как всё должно быть, а потому и старался сделать всё надлежащим образом. У Него не было фатальной необходимости умереть на кресте, ибо Ему совсем не обязательно было умирать исключительно на кресте. Ему “надлежало” претерпеть его лишь ради нашего спасения, а также ради прославления имени Яхве, Который, как Он знал, был в Нем. На пути в Еммаус Он напомнил двум ученикам: “Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою” (Лк 24,26)? Подумайте о том, что сказано в Евр 2,17: “Посему Он должен был во всем уподобиться братьям, чтобы быть милостивым и верным первосвященником

пред Богом, для умилоствления за грехи народа”. Было необходимо, чтобы кровь Господа стала умилоствлением за грехи Его народа – очевидный намек на ритуал дня очищения, который автор Послания приравнивает к кресту. Он “должен” был пройти через это, а потому Он всем Своим существом ощущал неизбежность грядущего. О Его “долге” говорится еще и дальше: “И посему он должен как за народ, так и за себя приносить [жертвы] о грехах. И никто сам собою не приемлет этой чести, но призываемый Богом, как и Аарон. Так и Христос...” (Евр 5,3-5).

Это чувство долга, чувство необходимости, было присуще Господу в течение всей Его самоотверженной жизни, закончившейся смертью крестной.

“Или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему” (Лк 2,49)?

“И другим городам благовествовать Я должен Царствие Божие, ибо на то Я послан” (Лк 4,43).

“Оставил Иудею и пошел опять в Галилею. Надлежало же Ему проходить через Самарию” (Ин 4,3-4). И это важно, так как в этом не было необходимости. Господь в то время находился вблизи Иордана и мог бы дойти до Галилеи по берегу Иордана, через Беф-Сан, минуя Самарию.

“Мне должно делать дела Пославшего Меня, доколе есть день; приходит ночь, когда никто не может делать” (Ин 9,4).

Наша необходимость

То, что было “должно” сделать Ему, непосредственно касается и нас.

“Но молодое вино должно вливать в мехи новые; тогда сбережется и то и другое” (Лк 5,38) – иначе молодое вино благовестия прорвет наши жизни.

“Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине” (Ин 4,24).

Когда мы умрем, нам надлежит совлечься. В еkkлeсии должны быть ереси. Будет день, когда нам должно будет предстать перед судом. Нам нужно креститься. Нам всем надлежит дать за себя отчет на суде, после чего некоторым из нас должно будет войти в покой. Неизбежность всех этих Божественных постановлений оказывает должное влияние на всю нашу жизнь.

Чувство долга, которое было присуще Ему, Он заповедовал иметь и всем нам: “И сказал им: вот то, о чем Я вам говорил, еще быв с вами, что надлежит исполниться всему, написанному о Мне в законе Моисеевом и в пророках и псалмах. Тогда отверз им ум к уразумению Писаний. И сказал им: так написано, и так надлежало пострадать Христу, и воскреснуть из мертвых в третий день, и проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах, начиная с Иерусалима” (Лк 24,44-47). Та же самая необходимость, заставившая Его принять страдания, обязывает и нас проповедовать об этих страданиях, свидетельствовать о них и о полученной благодати. В Своем служении Господь говорил о том, что нам должно родиться свыше, а также о том, что Ему должно было вознестись на кресте (Ин 3,7,14). А потому его крест, Его крестная смерть, принятая Им как “надлежащее” Ему, должны служить источником и нашего вдохновения. “Любовь познали мы в том, что Он положил за нас душу Свою: и мы должны полагать души свои за братьев” (1Ин 3,16).

Если мы познали Его спасение, то должны нести крест. На нас может оказывать сильное влияние дух мира сего, которому намного ближе сохранение жизни, чем отдача ее. Мы стремимся продлить ее многочисленными пилюлями, зарядкой, ведением “здорового образа жизни”... Мы полагаемся на страховку, которая помогает смягчить возможные удары судьбы. По возможности мы стараемся оградить себя от любого трудного дела. И во всем этом, с одной стороны, нет ничего плохого. Всё это вполне правильно, если помогает служить Господу. Опасность состоит в том, что нас может увлечь сам дух такой жизни, заставив жить и думать по его духу, а ведь дух мира сего совершенно противоположен духу долга Господа. Он знал, что Ему должно пострадать, что Ему необходимо было распять плоть. Но ведь то же самое надлежит делать и нам. Это – святой и неизменный наш долг. Этот же мир, в котором мы живем, считает, что мы не должны испытывать в жизни ничего плохого, что нам нужно беречь свою жизнь, а не отдавать ее ради других.

Мы можем ощущать в себе это чувство долга, но делать вид, что не замечаем его. Примерно так же, как Петр. “Говорит Ему Петр: хотя бы *надлежало* мне и умереть с Тобою, не отрекусь от Тебя. Подобное говорили и все ученики” (Мф 26,35). Петр знал, что ему надлежало взять крест Господень, он знал, что ему должно было понести его. Однако, когда до этого дошло дело, он отошел в сторону. Даже, когда пришел его смертный час, его повели, куда он не хотел – хотя он и знал, что ему надлежит умереть также на кресте. Та же мысль видна и в Рим 8,26, где говорится о том, что “мы не знаем, о чем молиться, как должно”, и потому-то наш милосердный Посредник “ходатайствует за нас вздыханиями неизреченными”. Постаревший Павел, чувствуя, что он не благовествовал так, “как должно”, просил молиться о том, чтобы он проповедовал Евангелие именно так, “как должно” (Еф 6,20; Кол 4,4).

Мы совершенно верно понимаем, что крест Христов не был умилоствлением гнева Божия. Его кровь, как кровь человеческая, не стала причиной мистического умиротворения яростного гнева Божества. Но почему Богом была избрана смерть на кресте, а не какая-нибудь другая смерть? Вероятно, потому что именно так можно побудить нас на ответные действия. Наше покаяние и наша обновленная жизнь по образу смерти Господней, стали возможны лишь благодаря кресту, без которого не могло бы быть никакого очищения. А потому мы должны не препятствовать кресту воздействовать на нас, иначе это будет означать, что Христос для нас напрасно умер.

4-3-3 Узы любви Христовой

Часто, как положительный пример, которому следует следовать, народу рассказывают о героической смерти воинов. То же самое, и гораздо в большей степени, относится и к смерти Господа. О любви Христовой, явленной Им Его смертью много сказано в Писаниях, например, Ин 13,1; 2Кор 5,14,15; Рим 8,32,34,35; Еф 5,2,25; Гал 2,20; Откр 1,5; 1Ин 4,10. Его любовь, не подавляя нашей воли, заключает в узы, понуждает идти никуда не сворачивая по одному узкому пути. Мы не можем сидеть сложа руки перед крестом Господним. Любовь Христа превосходит наше человеческое разумение, однако Павел молит открыть наши сердца, для того чтобы мы могли постичь широту, долготу, глубину и высоту ее. В распятом Сыне Божием был полностью и в совершенстве явлен Сам Бог. Любовь Христова была явлена на кресте, а потому через Дух Его мы можем постичь широту, долготу, глубину и высоту этой любви (Еф 3,18,19). Это место из Послания к Ефессянам основывается на Иов 11,7-9: “Можешь ли ты исследованием найти Бога? Можешь ли совершенно постигнуть Вседержителя? Он превыше небес, - что можешь

сделать? глубже преисподней, - что можешь узнать? Длиннее земли мера Его и шире моря”. Суть сравнения этих мест состоит в том, что постижение любви Христовой, недоступное невежественному в этом вопросе и непросвещенному уму, дает возможность уразуметь и совершенство Вседержителя, что было невозможно верующим Ветхого Завета. Такое познание было превыше небес, так что можно было сделать? И все же нужно признаться, что на деле у нас нет такой полноты знания и видения. Мы стремимся попасть в Царство, ибо только там во всей полноте станет возможным постижение Всемогущего так, как Его явил Своей смертью Его Сын. Единственно, что мы знаем, так это то, что на кресте был во всей полноте явлен Бог, дабы мы могли “совершенно постигнуть Вседержителя”. Ну, а если мы знаем об этом, значит нам надо постараться и постичь Его. Однако, что парадоксально, мы уже сегодня можем “уразуметь превосходящую разумение любовь Христову”, о которой так много говорится в связи с крестом в Новом Завете. Говоря о Своей приближающейся смерти, Господь предупредил Своих учеников, что они не могут за Ним последовать сейчас, но только позже. Совсем не обязательно, что это означало, что им придется умереть тоже на кресте. Скорее всего Господь имел в виду, что они позже поймут настоящее значение Его смерти, уразумеют ее, чтобы не бежать в ужасе от креста. Так и для нас, одним из благословений Царства станет наше более полное понимание последних минут Его жизни, которые, однако, мы можем начать стремиться понимать уже сейчас.

Никто и ничто не может отлучить нас от любви Христа, явленной в Его смерти (Рим 8,35; современный перевод), а потому Его крест является для нас неиссякаемым источником нашей веры, в каких бы трудных жизненных обстоятельствах мы не оказались. Когда бы нам не нужна была решимость и подкрепление в нашем духовном пути, мы можем найти его в размышлении о кресте. Как легче перенести несправедливость и пережить потерю того, что мы считали, по всем законам принадлежим нам? Как претерпеть унижение на работе, преследование властей, ухудшение отношений с близким тебе человеком или семьей? Дайте место кресту, пусть он укрепит вас. “Ибо, если угодно воле Божией, лучше пострадать за добрые дела (намек на борение Господа в Гефсимании)... потому что и Христос... однажды пострадал за грехи наши” (1Пет 3,17,18). Вспомните, как верные “не возлюбили души своей даже до смерти”, из-за пережитого чувства того, что кровь Агнца была пролита за них (Откр 12,11).

Оказались ли мы на старости лет в одиночестве, или же серьезно заболели, или же нам угрожает смерть и неопределенность будущего? И опять крест поддержит нас. “Бог определил нас не на гнев, но к получению спасения через Господа нашего Иисуса Христа, умершего за нас, чтобы мы, бодрствуем ли, или спим, жили вместе с Ним” (1Фес 5,9-10). Потому что мы во Христе, Его смерть не является для нас стародавним историческим событием. Когда Павел говорил о своей болезни, он со всей трезвостью истины также сказал, что его похвала в немощи возможна лишь благодаря немощи распятого Христа, дающего ему силу воскресшего Господа (2Кор 12,9).

Когда мы чувствуем бесполезность жизни, наполненную бесконечными бестолковыми заботами, изо дня в день, в течение 30 лет, одной и той же однообразной работой, когда жизнь кажется бесконечным темным туннелем с надгробной надписью впереди, вспомните, что мы искуплены драгоценной кровью Христовой “от суетной жизни, преданной вам от отцов” (1Пет 1,18), искуплены от неудовлетворенности этой жизнью. “Суета” в 1Пет 1,18 – это та же самая “суета”, о которой говорится у Екклесиаста, а также “суетные”, которыми в переводе 70-ти названы идола (например, Лев 17,7 и Иер 8,19). Мы искуплены, избавлены от всего этого! Не для нас жизнь в бесконечной охоте за синей птицей, не для нас раболепное поклонение пред идолами всех высокотехнологических мастей... ибо мы искуплены от суетной жизни “под солнцем” драгоценной кровью Христа.

Мы выкуплены из этого рабства, хотя внешне, по плоти и продолжаем претерпевать все это. Зная, что мы искуплены, избавлены от суеты, мы не станем растрачивать наше время сидя перед телевизором, или же решая бесконечные кроссворды, короче, мы не станем тратить жизнь на всякие ничемные и пустые мелочи, на которые так щедро расточается время в этом мире. Иаков говорил, что с виду благочестивый человек может иметь “пустое” (= суетное) благочестие (Иак 1,26), так как он не благодарен искупившему его от этой суеты кресту. Своей смертью Господь избавил нас “от настоящего лукавого века” (Гал 1,4). Распятие Господа дало возможность Павлу видеть себя распятым для мира и мир распятым для него (Гал 6,14). Господь Иисус смотрел на толпу издали, через пространство, разделявшее Его крест от нее, взирая с креста на распинающий Его мир. Мы просто не можем стоять рядом с этой толпой. Если мы не отделяемся от нее, то крест Христов становится тщетным для нас, ибо Он умер для того, чтобы освободить нас от этого мира. Притягательность мира сего коварна и только трезвое размышление о кресте может окончательно освободить нас от привязанности к нему. Страшно подумать, если сила креста бездейственна в нас. А это вполне может быть, ибо Павел предупреждал, что крест может упраздниться, стать тщетным (1Кор 1,17). Сила креста, его спасающая сила может быть ослаблена нашим поведением, или же отсутствием проповедования, таким образом оставляя нас без Христа, оставляя нас без Его креста, оставляя нас без дарованной благодати (Гал 5,4).

Вас поглощает ежедневная работа? Порабощает корпорация нанявшая вас? 1Кор 7,23 умоляет вас не становиться “рабами человеков”, потому что “вы куплены [дорогою] ценою”. Особенно это касается молодых людей, когда они выбирают карьеру и нанимателей. “Крестом Господа нашего Иисуса Христа” для нас мир распят, и мы для мира (Гал 6,14).

Мы стараемся жить в истинной любви, терпя всех, даже братьев и сестер по вере, стараемся жить в долготерпении и любви ко всем людям? Или же прошлое не дает забыть о себе, напоминая горечью сожалений? “Всякое раздражение и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякою злобою да будут удалены от вас; но будьте друг ко другу добры, сострадательны, прощайте друг друга, как и Бог во Христе (на кресте) простил вас... и живите в любви, как и Христос возлюбил нас и предал Себя за нас” (Еф 4,31-5,2). Его крест воздействует на всю нашу жизнь, на все мысли и дела так, что мы, глубоко подумав, можем повторить за Павлом: “И уже не я живу, но живет во мне Христос. А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня” (Гал 2,20).

Мы считаем, что истинное единение с нашим братьями невозможно? Вспомните, что Он умер “чтобы и рассеянных чад Божиих собрать воедино” (Ин 11,52). Перед Его крестом, в серьезном и глубоком размышлении над ним, исчезают все наши личные разногласия. А потому признаком не сосредоточения на кресте является раздражаемая разногласиями еkkлeсия. Вне зависимости от всего, нам необходимо придерживаться в еkkлeсии только “крестных” отношений, ибо только со смиренным чувством жизни на кресте, могут исчезнуть все, разделяющие нас преграды. Ведь Господь умер на кресте не только ради одного тебя, или меня. Чудо этого было и должно оставаться универсальным и широко распространенным естественным еkkлeсии.

Смирение почти не достижимо нам, ибо мы руководствуемся своим собственным здравым смыслом и суждениями? Мы никак не можем всерьез воспринять искренность служения остальных наших братьев и сестер? Задумайтесь над Мф 20,26-28: “А кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою... так как Сын Человеческий не [для того] пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления

многих”. И в этом пример для нас, которому должно следовать, не ожидая ни признательности, ни благодарности. И только исключительно крест Христа может подвигнуть на это.

Ведем ли мы утомительную войну с каким бы то ни было скрытым пороком, ставшим обыденным и привычным грехом? “Он грехи наши Сам вознес телом Своим на древо, дабы мы, избавившись от грехов, жили для правды” (1Пет 2,24). Он умер за наши грехи, а потому с Его смертью умерли и все наши слабости – настолько близко Он соединил Себя с нашими грехами. Мы же в ответ на это должны умертвить эти грехи в своем теле так же, как Он умертвил их на Своем древе. Говоря о кресте, Господь сказал, что Он за нас посвящает Себя, чтобы и мы были освящены истиною (Ин 17,19). Вполне естественно, что мы, взирая на крест, реагируем на него. Он знал, если Он, “пав в землю, не умрет”, то не принесет плода (Ин 12,24). А это означает, что и мы должны приносить плоды. Вполне возможно, что упоминание в Ин 7 “реки воды живой”, вытекшей из Его чрева на кресте, было образом Святого Духа, данного Господом, когда Он был “прославлен”, что означало, что только благодаря кресту мы можем жить святой, духовной жизнью. Само собой это совсем не означает, что Его смерть высвободила некие мистические силы, которые изменяют людей, хотят они того, или нет. Просто Его пример побуждает подражать Ему тех, кто открыт для этого. Бог примирил нас с Собою крестом Иисуса, вверив нам служение примирения. То, что было достигнуто Господом на кресте, (пока в перспективе) стало реальностью, доступной для нас через покаяние, крещение и обновленную покаянием жизнь (ср. 2Кор 5,18-20 с Рим 5,10; 2Кор 5,14,15).

Если мы чувствуем, что нашему служению, нашему благовестию не хватает силы, если оно не убеждает других, постарайтесь подробно рассказать человеку о кресте. Рассказы Апостолов о кресте побуждали людей креститься в смерть и воскресение Господа, ибо во всем чуде и поношении креста есть нечто возбуждающее и побуждающее. Мертвое тело Господа побудило Иосифа положить его в гроб, приготовленный для себя, побудило по сути пережить самую что ни на есть суть крещения – замену своего тела, телом Господа. Ну, а если и сегодня Он будет виден в нас, то проповедь креста будет иметь действительную силу. “Так правдою одного (на кресте) всем человекам оправдание к жизни” (Рим 5,18), где “все”, это те, кто получил оправдание к жизни верой в слышанное ими благовестие. Вот почему мы должны благовествовать “всем”, дабы для всех (и даже для всех народов) крестная смерть Христа приобрела большую ценность. Благодаря нашему благовестию, “все, которые были предуставлены к вечной жизни”, на самом деле получают такую возможность. Именно по этой причине так часто в Деяниях проповедь креста связывается с верой. Люди не верят, потому что не верят “слышанному от нас” о распятии (Ин 12,38,39).

Стараемся ли мы быть более щедрыми в служении Господу, чтобы наши красивые и правильные слова не расходились с делом? Коринфяне тоже много говорили и хвастались о своих намерениях материально поддержать бедных братьев в Иерусалиме, ничего не предпринимая на деле. Павел, пытаясь расшевелить их, напомнил им о том, что по благодати Господа нашего Иисуса Христа, Он, будучи богат, обнищал ради них на кресте (2Кор 2,8). В еkkлeсии Коринфа было не много богатых верующих, однако Павел знал, крест Христа разбудит дух щедрости не только в них, но и в тех, кто гораздо беднее. Здесь Павел говорит, что богатый должен не просто обеднеть, а обнищать по примеру Господа. Ибо Он отдал всего Себя, отдал без остатка, что само по себе, оказывает сильное влияние на человеческое сознание.

Нас мучает вопрос справедливости Божией? Все мы много рассуждаем о проблемах страданий, однако, когда речь заходит о лично перенесенной трагедии, не находится ни

одного разумного ответа. И смерть Иисуса, такая, какой Он умер, является Божиим ответом на подобного рода вопросы. В смерти на кресте Бог явил Свое понимание наших страданий, Свое сострадание нашим бедам и потерям.

Мы боимся, что у нас нет отношений с Господом Иисусом? Читая о Нем, редко, если вообще, сочувствуем Ему? Размышление о кресте пробудит в нас чистый источник благодарности Ему и сожаления, когда мы осознаем, что Он любит нас больше, чем мы Его. Это знание разбудит в нас чувство долга, чувство неопишемого, огромного, неоплаченного и незабываемого долга Ему, которое станет основой в наших с Ним отношениях, основой для познания, любви и служения Ему. Если мы чувствуем и сознаем это, нам ничего не остается, как только проповедовать о кресте Христа.

Но что делать, когда мы чувствуем стыд за то, что не проповедуем так, как должно проповедовать? Нет никаких сомнения в том, что главным, о чем проповедовали первые братья, было крест и крещение в смерть Господа. А если мы верим и знаем об этом, то почему бы и нам не проповедовать о том же? О совершенстве и действительности достигнутого искупления в Послании к Евреям говорится, как о деле уже решенном, а потому и в нашем благовестии эта тема не должна оставаться без внимания, ибо суть благовестия как раз и состоит в благой вести о кресте, праведности и благодати Бога. А все это было явлено крестом. Павел называл благовестие “словом крестным” (1Кор 1,18; см. церковнославянский). Некоторые из первых миссионеров признавались, что их проповедь не имела успеха до тех пор, пока они не начинали говорить о кресте. А потому я тоже верю, что с нашим верным учением и пониманием креста, благовестие о нем является огромной обращающей силой. Человек взирающий на крест, не может остаться равнодушным к важнейшим в жизни вопросам веры и неверия, согласия жить по образу Господа и неприятия жизни, связанной с борьбой и потом, по образу находящегося на кресте при последнем дыхании Человека. Воистину это вопрос либо веры, либо гибели. Крещение в смерть и воскресение необходимо для спасения. Само собой, для того чтобы люди уверовали, мы не должны принуждать, или запугивать их, хотя с другой стороны, так как мы призываем людей от лица Божия принять крест, как дело, совершенное ради них, благовестие должно включать в себя и элемент страстного и необходимого понуждения. Думаю, что большинство наших неудач в благовестии связаны с недостатком настойчивости в призывании людей. Ибо мы стараемся больше уделять внимание второстепенным вещам, углубляясь в подробные объяснения мелочей, стараясь угодить людям... Мы даем хорошие советы, действительно хорошие, основанные на Библии, как с большей пользой читать Библию... И всё это было бы правильно и хорошо, если бы нам нужно было благовествовать не благие вести, а благие советы. Весть о кресте является настолько милосердной и реальной вестью о спасении, в которую трудно настоящему сразу поверить. Это не история написания Библии, не археологические находки и не вторжение России в Израиль. Это – распятый на кресте, обладающий нашим естеством, совершенный, полный любви Человек, свет этого темного мира... И чем больше мы сознаем чудо всего этого, тем больше оно вторгается в нас, побуждая поделиться им с другими. Господь не проповедовал благие *мысли*, Он проповедовал благие *вести*. Крест – это ежедневная жизнь в вере, а не только вера на черный день, утешающая перед смертью, когда человек оказывается лицом к лицу с концом всего.

Одного креста достаточно для того, чтобы пробудить людей от их равнодушия, побудить их сделать хоть какой-нибудь шаг в этом мире, пробудить от тупого, сонного существования. Ведь жизнь – это такое дело, с которым каждому из нас приходится неумело обращаться, ибо мы либо без оглядки растрачиваем ее, либо чувствуем себя обманутыми и обделенными тщетностью общепринятых правил и традиций. В многократном повторении однообразия есть нечто одурманивающее. И только

исключительно благодаря Господу и Его кресту мы можем заглянуть дальше наших повседневных забот, увидеть узость и ограниченность их, а также возможность более интересного и более полезного существования. В этом-то и состоит сила Господа и Его креста – дать человеку ясность видения и понимания всех сторон жизни. На кресте Господь заявил о непримиримой вражде со всеми, кто живет, руководствуясь лишь низменными инстинктами. На кресте Он призывает читающих про Него и видящих Его, к немедленному, непрестанному и действенному служению. Все пренебрегающие призывом креста, возвращаются “на свою дорогу” (Ис 53,6), то есть к своей привычной, повседневной жизни. Это-то, радикальное изменение жизни, нежелание его, привязанность к окружающим нас мелочам, и не дает нам откликнуться на призыв креста. И только крест может избавить нас от рутины всего этого.

Что делать, когда мы чувствуем, что ничто не тревожит нашу совесть, что ничто не трогает нашего сердца даже тогда, когда они должны были бы быть растрожены? Только крест может растрогать самое черствое и ожесточенное сердце. Кроме достаточного количества примеров из окружающей нас жизни, задумайтесь над тем, что говорится в Библии о Пилате. Иудейские и Римские историки дают совершенно другое представление об этом человеке, нежели Библия. Филон Александрийский говорит о нем, как о “грубом, упрямом и склонном к жестокости” человеке, прославившемся “частыми без суда казнями”⁽¹⁾. Иосиф Флавий пишет о нем, как о совершенно презираемом евреями человеке, обокравшего сокровищницу храма и безжалостно усмирявшего разбушевавшиеся толпы народа⁽²⁾. Почему о нем в Евангелиях рассказывается, как о человеке отчаянно борющимся со своей совестью до такой степени, что толпа Иудеев прибегает к коварным уловкам, чтобы заставить его принять решение распять Человека, которого он считал невиновным? Не потому ли, что личность Господа Иисуса и ужас того, что приходится казнить Сына Божия, растрожила совесть человека, у которого, как казалось, не могло быть вообще никакой совести. Ну, а если смерть Иисуса могла растрожить совесть даже такого человека как Пилат, то она может растрожить и любого из нас? Сравните мнение о Пилате историков с тем, что пишет Марк об удивлении Пилата перед самообладанием Иисуса на суде (Мк 15,4). Как он, почти с мольбой о справедливости обращается к Иудеям: “Какое же зло сделал Он” (Мк 15,14)? Сравните с тем, как Филон говорит о Пилате, как о “непоколебимом, упрямом и склонном к жестокости” человеке, прославившемся “грубостью поведения... и бескрайней дикой свирепостью”⁽³⁾. В Мф 27,25 рассказывается о том, как Пилат умывает руки, тем самым показывая свою непричастность в пролитии невиновной крови по Иудейскому закону, записанному во Второзаконии, тогда как Иосиф Флавий пишет, что Пилат полностью презирал Иудейские обычаи, и что ему нравилось насмеяться надо всем тем, что было свято евреям. В Евангелии от Луки Пилат, по крайней мере, три раза заявляет о невиновности Иисуса.

И наконец, немного о том, что я думаю, действительно, очень важно. Чувствуем ли мы все, в водовороте повседневной жизни, среди забот о семье, среди мыслей о том, как заработать денег, в стремлении читать наставления и проповеди в ектесии, чувствуем ли мы среди поглощающей нас без остатка каждый день работы программиста, водителя, фабричного рабочего, домохозяйки, государственного служащего... ощущаем ли мы все на самом деле в глубине сердца, что мы не достаточно верим в то, что мы на самом деле прощены и будем спасены? Обращаюсь к глубине сердца каждого читающего эти строки. Разве это не так? Что касается меня, то это сушая правда, и подозреваю, что это также относится и к большинству из нас. Это чувство нехватки веры совсем не делает меня счастливым, а потому я надеюсь, что крест Христа и тут окажет свое влияние. “Ибо Христос, когда еще мы были немощны, в определенное время умер за нечестивых”. Он, не взирая на наши собственные заслуги, на кресте отдал душу Свою. “Бог Свою любовь к

нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками”. Господь отдал Себя целиком за нас, за нас совершенно недостойных этого. И дальше, с присущей ему железной логикой Павел, продолжает: “Посему тем более ныне, будучи оправданы Кровию Его (то есть, уже не столь недостойные и не столь нечестивые, но живущие благодаря достигнутому Им очищению), спасемся Им от гнева”. Такое знание, воистину, должно стать нашим шлемом надежды спасения. Если Бог отдал Сына Своего, и отдал Его именно так, и не иначе, “как с Ним не дарует нам и всего?”

Познание и чувство любви Христа является главной целью всех наших изысканий в Библии. Расскажу хорошо известную историю об одном великом теологе двадцатого столетия (Karl Barth), который, возможно, больше всех написал трудов по теологии. Под конец жизни, после одной из лекций, он предложил задавать вопросы. В результате чего его спросили: “После всей жизни, посвященной изучению теологии, что, по Вашему мнению, самое главное этой науке?” На минуту задумавшись, он ответил замершей в тишине аудитории: “Я знаю, что Иисус любит меня, ибо об этом говорит Библия”. Так что единственной целью всех наших духовных поисков, изучений Библии, чтений религиозной литературы и слушаний проповедей является познание любви Христа, которая уже одна является уверением нашего спасения.

Примечания

(1) Филон Александрийский, *Embassy to Gaius* 301-2, Loeb edition, vol. 10, translated by F.H. Colson (London: Heinemann, 1962).

(2) Иосиф Флавий, “Иудейские древности”, 18.63, Loeb edition, Vol. 9, translated by L. H. Feldman (Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1965).

(3) Полностью о разнице описаний Пилата и суда над Иисусом историками и Евангелиями, можно прочитать у James M. Robinson, *The Problem Of History In Mark* (London: SCM, 1957) and T.J. Weeden, *Mark: Traditions In Conflict* (Philadelphia: Fortress Press, 1971).

4-4 Явление Бога на кресте

Бог и крест

Есть веские причина думать, что в эти ужасные несколько часов распятия Бог как-то по особенному явил Себя миру сему, ибо только на кресте в такой высокой степени проявилась близость между Отцом и Сыном. Бог, будучи во Христе, на кресте примирил с Собою мир (2Кор 5,19). На кресте Господь Иисус явил и прославил имя Отца, в совершенстве и полноте явив Его сущность и качества (Ин 12,28; 13,31,32; 17,5,6,26). Слова Господа о том, что Он идет к Отцу следует понимать в связи с предстоящим распятием. На кресте был Сам Отец. Из-за того, что в Его смерти было нечто Божественное, в самую последнюю минуту перед Его смертью, видевший происходящее сотник, дважды выдохнул: “Истинно Человек Сей был Сын Божий” (Мк 15,39; Лк 23,46)... В ту минуту Бог был очень, очень близко.

Существует множество второстепенных причин думать, что именно на кресте Бог явил Себя в наибольшей полноте.

Можно смело утверждать, что надпись, “Иисус Назорей, Царь Иудейский”, написанная на еврейском языке, состояла из слов, первые буквы которых составляли слово “ЯХВЕ”. Именно по этому Иудеи так сильно запротестовали против нее, на что Пилат отрезал, “что я написал, то написал”, что может быть скрытым намеком на, “Я есмь Сущий” (@ Я есмь, Тот Кто есмь). Это была его последняя попытка подсмеяться над Иудеями, которые понуждали его распять ни в чем неповинного Человека. Господь, очевидно, страдал еще больше от того, что над ним была помещена надпись, на которой явно читалось: “Это есть Яхве”. Имя Божие, по предсказанию Господа, было открыто на кресте (Ин 17,26). Таким образом провозглашение Богом Своего имени перед Моисеем, записанное в Исх 34,6, становится предсказанием распятия Господа. В некоторых переводах 70-ти это место (Исх 34,6) читается так: “Яхве, Яхве, Муж полный человеколюбия...” В распятом Человеке Христе Иисусе была открыта сущность Яхве. И мы, говорит Иоанн с мыслью о кресте, видели славу Его, такую же, как образ славы, которая была явлена Моисею, полной благодати и истины (ср. Ин 1,14 с Исх 34,6).

Господь был распят за богохульство, именно такое обвинение выдвинули против Него на суде Иудеи, чтобы распять Его. В Мишне говорится, что это было возможно лишь в тех случаях, когда обвиняемый действительно произносил имя Яхве. Описывается протокол допроса на суде некоего обвиняемого именно в этом преступлении, суд над которым очень похож на тот, на котором осудили Господа: “Богохульник не виновен до тех пор, пока отчетливо не произнесет Имени... Когда закончился суд... судьи встали и разодрали свои одежды” (Sanhedrin 7.5; quoted in F.F. Bruce, *The Spreading Flame*, 1995 ed., p. 53). А потому, когда Господь, отвечая на вопросы, основанные на Дан 7,13 и Пс 109,1, и связанные с Его мессианством, был вынужден, отвечая, говорить, “Я есмь”, то получалось так, как будто Он применяет имя Яхве к Самому Себе. Именно поэтому Его так быстро обвинили в богохульстве, а первосвященник разодрал свои одежды. Господь умер потому, что смело произносил открывая имя Яхве, зная, что за это Его ждет распятие на кресте. Так и наше явление сущности Яхве в истине, прощении и т.д. может стоить очень дорого, хотя и не так, как то стоило Иисусу. Нас должен вдохновлять пример Господа. И это также объясняет то, почему Пилат, насмехаясь над Иудеями, о чем мы говорили выше, написал на кресте вину Господа так, что в ней просматривалось имя “Яхве”.

- Подмечено, что кровью пасхального агнца мазались три косяка дверей, что напоминало дважды встречающуюся в имени Яхве еврейскую букву (“ге”) – так что Его имя было видимо в крови закланного агнца.
- Яхве возложил на Него грехи всех нас так, как будто Он был там, когда воины возлагали на плечи Господа крест (Ис 53,6).
- Яхве прорекал, чего Он достигнет распятием Христа: “Аз есмь, аз есмь заглаждаяй беззакония” (Ис 43,25; церковнославянский). Он провозгласил Свое имя, тем самым открывая прощение грехов наших на кресте Господнем.
- Яхве-ире (Быт 22,14) также может означать и “Яхве явит Ях” (сокращенная форма от Яхве) – яркое пророчество о кресте, где наиболее полно был явлен Яхве.
- Павел говорит о том, как крест Христа смиряет нас, “чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом” (1Кор 1,29), говоря так, как будто Сам Бог присутствует на кресте, перед которым нам совершенно не чем гордиться.
- Слово, переведенное в Новом Завете как “умилостивление”, в переводе 70-ти встречается в Исх 32,14 и Пс 78,9, где говорится о прощении грехов ради имени Господа. Так что это умилостивление, приемлемое Богом, было лишь ради грядущей смерти Господа. Яхве, для Которого нет ни прошлого, ни будущего, мог говорить о смерти Своего Сына в прошедшем времени, ибо смерть и прощение ради Его имени были вещами равнозначными. Смерть Сына была провозглашением имени Отца.

- Существовал Иудейский обычай, по которому первосвященнику позволялось произносить имя Яхве вслух только тогда, когда он в день очищения Израиля кропил кровью жертвенник. Так что имя Яхве провозглашалось в и в той крови.
- Рыжая телица закалывалась в присутствии священника, “при его глазах” (Числ 19,3-5), что было прообразом заклания Господа при глазах Отца.
- Логично заключить, что жертвоприношение Исаака произошло недалеко, если не на самой Голгофе, “одной из гор” близ Иерусалима, земли в древности носившей название земли Мориа (ср. с 2Пар 3,1). Название, данное этому месту, “Яхве-ире”, означает “на этой горе я видел Яхве”, а потому прообраз жертвоприношения Исаака смерти и воскресения Господа является пророчеством о “видении” Яхве.
- Павел видел в кресте Христа то, “что от Духа Божия”, видел премудрость Божию, которую до того не видел глаз и не слышало ухо, но все же ныне было открыто верующим (1Кор 1,18,23,24; 2,7-13). Если верить Павлу, на кресте Бог наклонил небеса и сошел на землю, явив не виданные до того чудеса. Тьма по всей земле была образом явления Самого Бога “во мгле”.
- Удар по скале, поражение ее, является очевидным образом поражения Господа на кресте. Однако во Второзаконии особо подчеркивается, что для Израиля скалой был Яхве. Но также сказано, что “скалой этой был Христос” (современный перевод). Сам Господь стоял на той скале, когда по ней ударял Моисей (а скорее всего Ангел, который либо стоял на скале, либо парил над ней). Однако в 77-м псалме и в Ис 48,21 говорится, что Сам Бог ударил и рассек эту скалу. Так что получается, что Бог был во Христе, был в Нем и был Им, когда “поражал” Его.
- Задумайтесь над 2Кор 5,20-21: “От имени Христова, и как бы Сам Бог увещевает через нас; от имени Христова просим: примиритесь с Богом. Ибо не знавшего греха Он сделал для нас [жертвою за] грех, чтобы мы в Нем сделались праведными пред Богом”. Мы просим людей примириться с Богом потому, что Бог во Христе принес на кресте жертву за грех. Так что в нашем благовестии людям обязательно должны присутствовать и крест, и суть очищения. И, воистину, такой призыв к людям, является призывом Самого Бога, Который на кресте “во Христе примирил с Собою мир”. Кровь и плевки, покрывавшие вознесенное тело Господа, были и есть призывом, просьбой Самого Бога. И именно нам, ради Него, оказана такая великая честь благовествовать об этом людям, призывая от имени Бога и проповедуя слово о кресте.
- “Вот приходит час, и пришел, что вы рассеетесь, каждый к себе, и Меня оставите одного; но Я не один, потому что Отец со Мною” (Ин 16,32). “Час”, о котором говорил Господь, был Его смертным часом (Ин 2,4; 7,30; 8,20; 12,23,27; 13,1; 17,1; 19,27). Через час, или где так, после распятия Его ученики рассеялись, возможно, разбежавшись от страха. Но Он не был оставлен один, ибо на кресте с Ним был Его Отец, как о том, с мыслью о кресте, начинает свое Евангелие Иоанн: “и Слово было у Бога” (см. “Крест в Евангелии от Иоанна”, где объясняется эта мысль).
- Евреи и язычники на кресте собрались вместе против Господа (Бога) и Христа Его (Деян 4,26). Таким образом Петр объединяет на кресте Отца с Сыном. Злословящие Иисуса тем самым злословили Отца (Пс 68,10).
- В Зах 11,13 говорится, что Яхве был оценен Израилем за тридцать сребренников, что применимо к цене Его предательства. То, что было сделано Ему, было сделано также и Его Отцу.
- В нескольких местах Нового Завета ясно просматривается связь между спасением и Богом, между спасением и Иисусом, когда Спасителем называется то Бог, то Иисус (1Тим 1,1; 2,3; Тит 1,3,4; 2,10,13; Иуда 1,25; 2Пет 1,1). В Деян 20,28 даже говорится о том, что на кресте Сам Бог пролил Свою кровь, приобретая Себе церковь. Павел же в Послании к Ефессянам говорит, что церковь была искуплена кровью Иисуса (Еф 1,6,7) – так сильно и ясно Бог явил Себя на кресте. Подобные места часто

упоминаются в доказательство “Троицы” в том плане, что Иисус Сын = Богу Отцу, тогда как здесь просто говорится об одном и том же деле спасения, которое совершалось на кресте как Отцом, так и Сыном.

- Незадолго до смерти Спаситель говорил о том, что идет к Своему Отцу и придет опять после воскресения (ср. Ин 13,36,37 с Ин 14,28; 16,16,17; 17,11). В кресте Он видел соединение с Отцом, пришествие к Нему (слова, “иду к Отцу”, довольно трудно применить к Его вознесению на небо после воскресения). Кстати обратите внимание на то, что Он тут же говорит и о нашем пришествии к Отцу, что подразумевает наше несение креста, а значит и соединении с Отцом (ср. Ин 14,6 со ст. 4 и Ин 13,36).
- Жертвенник “Яхве Нисси” связывает Яхве с древом, древком знамени Израиля (Исх 17,15), на котором (то же самое еврейское слово, “нисси”) был выставлен медный змей, а значит, вознесен и Христос. Так что опять-таки получается, что Яхве был соединен с крестом Христа. Слова, “и нет иного Бога кроме Меня, Бога праведного и спасающего (Иисуса)... Ко Мне обратитесь, и будете спасены, все концы земли, ибо я Бог, и нет иного” (Ис 45,21,22), очевидно, подразумевают змея на знамени, на которого, нужно было взглянуть, чтобы остаться в живых и спастись. И этот спасительный образ распятого Иисуса выставил для всех, естественно, Сам Бог.
- “Бог во Христе примирил с Собою мир” (2Кор 5,19) – слова, похоже комментирующий не естество, а смерть Господа Иисуса, ибо тут же говорится о том, что Христос умер за всех (2Кор 5,14). В смерти Господа был и Сам Бог. Возможно, что частично Господь подразумевал крест, когда сказал, что Он прямо возвестит об Отце (Ин 16,25).
- Упоминание того, что Иисус стоял перед Пилатом “на месте, называемом Лифостротон” (Ин 19,13), напоминает об Исх 24,10, где рассказывается о Яхве, под ногами Которого, при заключении завета с Израилем, была несколько иная “мостовая” (ибо таково значение слова “Лифостротон”). Примерно так же заключался и новый завет. В словах о том, что “в Нем обитает вся полнота Божества телесно” (Кол 2,9), легко угадывается намек на Самого Яхве так, как будто Он телесно обитает на крышке ковчега откровения, восседая между херувимами (4Цар 19,15; Пс 79,2). Ведь и Господь на кресте стал местом умиловления (Евр 2,17), окропленным кровью очистилищем (т.е. крышкой ковчега откровения, Евр 9,5). “Там Я буду открываться тебе и говорить с тобою над крышкой, посреди двух херувимов, которые над ковчегом откровения, о всем, что ни буду заповедывать чрез тебя сынам Израилевым” (Исх 25,22). На кресте Бог был в Человеке и открылся нам, заповедуя жить такой жизнью, которой нам повелевает жить кровь Его Сына. В пропяхом гвоздями на кресте Иисусе можно обрести всю славу Божию, полное и совершенное Его откровение, а также свое искупление.
- В день очищения первосвященник кропил кровью крышку ковчега спереди, после чего переходил на другую сторону, чтобы и с другой стороны окропить ее. А это создает образ того, как будто кровь кропления является кровью Самого Бога, как будто Он Сам был принесен в жертву. В Деян 20,28 говорится, что Бог приобрел Себе церковь кровью Своею. Такова была сила откровения Его в Сыне.
- Последние главы книги Откровения очень часто упоминают Бога и Агнца вместе (например, Откр 22,3) – так Отец в жертвоприношении соединился в одно со Своим Сыном.
- Кровь в жертвоприношении за грех кропилась “пред Господом пред завесою святилища” (Лев 4,6,17), а “завеса” была образом умершей плоти Господа Иисуса. Когда во время жертвоприношения за грех кропилась кровь, завеса (плоть Господа Иисуса) становилась образом Самого Яхве. Кровь жертвоприношения изливалась “пред Яхве” (Лев 4,15 и т.д.) тем самым образно предсказывая то, как Сам Бог,

преодолев пространство и время, “сойдет” ради того, чтобы кровь Его Сына была пролита пред Ним, в Его присутствии. И кто скажет, что откровение Божие в тот день в землетрясении и тьме не было личным присутствием Яхве на месте распятия? Над очистилищем, над крышкой ковчега откровения (образ Господа Иисуса в Послании к Евреям), между херувимами кропилась кровь, и там же Бог открывался и давал заповеди людям (Исх 25,22). Так что на кресте мы видим не только сущность Бога, но еще и слышим то, что Он говорит и заповедует нам.

- Мы оправданы многими вещами, которые тесно переплетены между собой: кровью Христа (Рим 5,9); благодатью и искуплением в Его крови (Рим 3,24); верой (Рим 5,1; Гал 2,16); именем Господа Иисуса и Духом Бога нашего (1Кор 6,11); признанием своих грехов (Пс 50,4; Лк 18,14). И все это вращается вокруг смерти Господа Иисуса, вокруг пролития Его крови, и тесно связано с именем Иисуса “Христа”, ибо на кресте нам является самая сущность личности Господа Иисуса. Но это также еще и тесно связано с Духом, с сущностью Бога. Ибо в этом обнаженном, истекающем кровью, высмеянном теле и Человеке, в Этой пролитой Крови была, есть и будет самая сущность всего того, чем для нас является Бог. Только на кресте во всей полноте и совершенстве был явлен людям Бог Вседержитель, и только крест, только кровь Иисуса, может заставить нас признаваться в соделанных грехах, что так необходимо для нашего оправдания.

Также тесная связь существует между “истиной” и крестом. Так в Пс 59,6 Божия истина сравнивается со знаменем (на котором был вознесен змей). Иоанн с трудом пытается словами донести до нас ту страшную и реальную истину, которой он стал свидетелем при кресте (Ин 19,35). Бог есть истина, а на кресте была явлена во всей полноте и совершенстве Его истина.

Предполагаю, что в Ин 1,14 существует своя хронологическая последовательность:

“Слово стало человеком” – рождение Господа;

“и жило среди нас” – Его жизнь;

“Мы видели Его славу, славу, которой наделен Единственный Сын Отца, полный милости и истины” – Его смерть на кресте (современный перевод). Иоанн видел славу Христа в Его прославлении на кресте (Ин 12,38-41; 12,28; 13,32; 17,1,5,24). Так что получается, что Иоанн начинает свое Евангелие с видения смерти Господа. Однако Иоанн видел также еще Его славу и при преображении (Лк 9,32), когда “они говорили об исходе Его, который Ему надлежало совершить”. Так неразделимы были Его слава и его смерть. Иоанн, говоря о благодати и истине, часто ссылается на видение Моисея, когда ему было провозглашено имя Божие – Яхве, Бога многомилостивого и истинного (Исх 34,6). Имя Божие было, как никогда прежде, полно и в совершенстве явлено на кресте. Закон на кресте полностью уступил место благодати и истине происшедшим через Христа (Ин 1,17). Иоанн даже утверждает, что Сыном был явлен невидимый Бог (Ин 1,18), что является еще одним намеком на крест. Тем самым Иоанн как бы говорит нам, что если уж Моисей был “в страхе и трепете” перед явленной ему славой Господней, то и нам следует с подобающим благоговением приближаться к славе, явленной на кресте. Заметьте, как обнаженный, покрытый кровью и плевками Человек смог прославить Бога! Первосвященник Аарон, носивший суд грехов сынов Израилевых, – еще один образ креста, явленный в то время в одежде, служившей “для славы и благолепия” (Исх 28,30,2). И таким же, для всех имеющих духовное видение, был обнаженный Господь. Таким образом на кресте было прославлено слово, а распятый Христос стал свидетельством Божиим (1Кор 2,1,2).

Сам Бог

В Ис 64,1-4 предсказано: “О, если бы Ты расторг небеса [и] сошел! горы растаяли бы от лица Твоего... Ибо от века не слышали, не внимали ухом, и никакой глаз не видал другого бога, кроме Тебя, который столько сделал бы для надеющихся на него”. Последний стих цитируется во 2-й главе 1-го Послания к Коринфянам, где говорится, что “безумие” креста не принимается мудростью мира сего. Только смиренным духовным оком веры можно разглядеть то, что было в обнаженном позоре Голгофы, можно увидеть Самого Бога расторгшего небеса и сошедшего на землю, как того желали и как о том предсказывали верные. Так кресте в израненном теле Иисуса людям был явлен Бог.

Несколько ветхозаветных образов, предсказывавших распятие, говорят о мраке, или тьме, сопровождающей “сошествие” Бога, что сразу же напоминает о Его явлении на Синае. Так говорится о сошествии Самого Бога на землю. Моисей не мог видеть Его лица, он видел его только сзади, ибо ни один человек не может видеть лицо Его и остаться жив. Он видел лицо Ангела и разговаривал с ним так, как человек разговаривает с другом своим. То, что Моисей видел Бога только сзади, может означать, что он видел Самого Бога, сошедшего на землю. Ну, а если Он сошел на землю ради установления ветхого завета, то почему Он не мог сделать этого ради смерти Своего Сына? Думаю, что Он Сам был, Сам присутствовал на кресте. Кровь завета была пролита пред Ним точно так же, как многими веками до этого проливалась жертвенная кровь в скинии собрания, будучи тенью этой Жертвы. “Любовь (Божью) познали мы в том, что Он положил за нас душу Свою” (1Ин 3,16). В Зах 12,10 (евр.) о Боге говорится так, как будто Он был распят на кресте, не в том смысле, что Он Сам умер на кресте, а в том, что Он был так совершенно и полно явлен в Сыне Своем (“*А на дом Давида и на жителей Иерусалима изолью дух благодати и умиления, и они воззрят на Меня, Которого пронзили, и будут рыдать о Нем, как рыдают об единородном сыне, и скорбеть, как скорбят о первенце*”). Это было полное и совершенное явление Бога во Христе. Но помимо этого еще Сам Бог сошел на землю, дабы видеть и засвидетельствовать смерть Своего Сына. Неизмеримо огромное расстояние, отделяющее небо от земли, преодоленное Богом, чтобы сойти к кресту Христову, является самым обыкновенным чудом, чтобы понять которое, достаточно поднять глаза и посмотреть на ночное звездное небо.

Похоже, что 1Тим 3,16 был известным исповедальным стихом в церкви первого столетия, возможно он читался перед погружением в крещенскую воду. Но этот стих может также отражать и последовательность событий смерти и воскресения Господа.

1. “Бог явился во плоти” не только в жизни Господа, но и в распятии Его, ибо явление Бога особенно полно было видно в смерти его Сына (ср. 1Ин 3,5,8; 4,9 с Ин 3,16; Евр 9,26; Ин 17,6,26);
2. “оправдал Себя в Духе” – через воскресение (Рим 1,4);
3. “показал Себя Ангелам” – в гробу (Мф 28,2);
4. “проповедан в народах, принят верою в мире” (Мк 16,15,16);
5. “вознесся во славе” сразу же после того, как Он заповедовал проповедовать благовестие всему миру.

Такая последовательность событий подтверждает, что слова о том, что “Бог явился во плоти”, больше относятся к явлению Отца в распятом человеческом естестве Сына в последние минуты страданий, чем к Его рождению. Только на Голгофе был так полно и совершенно явлен Всемогущий Бог. На кресте людьми был презрен и отвержен Сам Бог, с презрением на кресте были отвергнуты и Его любовь, и самоотверженность.

О явлении Божиим в распятии говорится и в других местах:

- Евр 9,26: “Иначе надлежало бы Ему многократно страдать от начала мира; Он же однажды, к концу веков, явился для уничтожения греха жертвою Своею”.
- 1Пет 1,19-20: “...но драгоценную Кровию Христа, как непорочного и чистого Агнца, предназначенного еще прежде создания мира, но явившегося в последние времена для вас”.
- 1Ин 3,5-8: “И вы знаете, что Он явился для того, чтобы взять грехи наши (на кресте), и что в Нем нет греха... Для сего-то и явился Сын Божий, чтобы разрушить дела диавола”, что Он и сделал смертью Своею (Евр 2,14-18).

За одно стоит отметить, что явление Господа Иисуса также ожидается и в Его возвращение (Кол 3,4; 1Пет 5,4; 1Ин 2,28; 3,2). Таким образом видна четкая связь между крестом и Его вторым пришествием – каким Он был на кресте, таким Он и явится, когда вернется для суда. И в этом состоит объяснение того, почему хлебопреломление в память о кресте, является также напоминанием о том, что придется предстать пред Ним в судный день.

В распятом на кресте Сыне Божиим был совершенно и полностью явлен Сам Бог. Любовь Христа была явлена на кресте, широту, долготу, глубину и высоту которой мы можем познать Его духом (Еф 3,18,19). А это место базируется на Иов 11,7-9: “Можешь ли ты исследованием найти Бога? Можешь ли совершенно постигнуть Вседержителя? Он превыше небес, - что можешь сделать? глубже преисподней, - что можешь узнать? Длиннее земли мера Его и шире моря”. Суть сравнения этих мест состоит в том, что постижение любви Христовой, недоступное невежественному в этом вопросе и непросвещенному уму, дает возможность уразуметь и совершенство Вседержителя, что было невозможно верующим Ветхого Завета. Такое познание было превыше небес, так что можно было сделать? И все же нужно признаться, что на деле у нас нет такой полноты знания и видения. Мы стремимся попасть в Царство, ибо только там во всей полноте станет возможным постижение Всемогущего так, как Его явил Своей смертью Его Сын. Единственно, что мы знаем, так это то, что на кресте был во всей полноте явлен Бог, дабы мы могли “совершенно постигнуть Вседержителя”. Ну, а если мы знаем об этом, значит нам надо постараться и постичь Его.

Образ Божий

В Флп 2,6-9 описывается не смирение Господа Иисуса при рождении, как о том ошибочно толкуют почитатели Троицы, а смирение Его на кресте (обратите внимание на сходство с Ис 53). Только на кресте Он стал совершенным “образом Божиим”, и все же нашел в Себе силы для того, чтобы еще больше уничтожить “Себя Самого, приняв образ раба”. В этом покрытом кровью и плевками смиренном рабе, мы видим самую глубинную сущность образа Божия. В моем понимании Флп 2,8 образ Божий, Сын Божий и равенство Богу – понятия равнозначные. Для Господа равенство с Богом было идиомой того, что Он был Его Сыном (Ин 5,18; 10,33; 19,7). Он, будучи Сыном Божиим, был образом Божиим, а потому и не почитал хищением приравнять Себя Самому Богу, ибо Он уже похитил это равенство тем, что был Сыном Божиим. В словах, “не почитал хищением быть равным Богу”, не стоит видеть Его попытки во всем сравняться с Богом, так как здесь просто описывается Его высокое положение, как Сына Божия. Он был равен Богу в том смысле, что оба Они были едины духовно, а также, что Иисус был Единородным (единственным) Сыном Божиим.

Толкование этого места зависит от понимания слов, “быть равным Богу”, которые, по сути, являются идиомой “быть Сыном Божиим”, что, конечно же, не означает, что Иисус есть Сам Бог, как то понимают поклонники Троицы. На кресте Господь Иисус был образом Божиим, и в этом смысле, равен Богу, как Единородный Сын. И на кресте же Его образ “был обезображен паче всякого человека” да так, что этот образ не “привлекал нас к Нему” (Ис 53,14; 53,2). Это – образ Божий. Он был обезображен и искажен больше, чем когда бы то ни было, и в Нем не было вида, который привлекал бы людей к Нему в часы крестных страданий Сына Его. Распятый Господь Иисус, несмотря на то, что внутри Себя Он духовно чувствовал Себя рабом, был образом Божиим. В Своей душе Господь принял образ раба, ибо заботился больше о других, нежели о Себе (Флп 2,4,7). И в этом суть 2-й главы Послания к Филиппийцам, чтобы и мы имели дух Христов, который, несмотря на то, что Он был Сыном Божиим, уничижил, смирил Себя “до смерти, и смерти крестной”, дабы и мы могли стать сынами Божиими. Нам следует следовать Его примеру, как говорит Павел, который этим местом перечеркивает любые домыслы о “воплощении” Христа. Господь говорил, что для того чтобы возвыситься, человеку необходимо сначала унизиться (Лк 14,11), и именно об этом думал Павел, когда писал об унижении Христа перед Его возвышением. Павел видел в жизни и смерти крестной Господа пример, которому всем нам нужно следовать. И если мы действительно следуем ему, то никогда не бросим всего лишь из-за того, что наши братья не хотят понять и по-настоящему оценить нас. Ибо именно в этом и состоит настоящая суть креста.

Служащий Наставник

Господь принял образ раба (Флп 2,7) точно так же, как Он на последней вечери взял (то же слово, что и “принял”) полотенце и препоясался им (Ин 13,4). Связь между последней вечерей и 2-й главой Послания к Филиппийцам, где описывается смерть Господа на кресте, дает место предположению, что умывание Господом ног учеников было, так сказать, увертюрой, образом всей его жертвы на кресте. Рассказ о последней вечери начинается со того, что Господь возлюбил “Своих сущих в мире, до конца возлюбил их” (Ин 13.1), что само по себе, очевидно, относится к кресту, а потому Его служение во время последней вечери было образом самого креста. Как “приготовлялась” последняя вечеря, так и Господь на кресте “приготовлял” для нас место в Царстве (Ин 14,2). Как ученики не понимали того, что делает омывающий их ноги Господь, так они не понимали и значения креста (ср. Ин 13,7 со ст 36). Так что и здесь видна связь между умыванием ног и Его смертью. Однако Господь обещал, что настанет время, когда они поймут и значение умывания Им их ног, и суть креста – чтобы следовать за Ним.

Иоанн пишет, как Господь добровольно и охотно снял одежду Свою, чтобы умыть ноги учеников в том же духе, как он пишет и о том, как Христос добровольно и охотно положил (то же слово, что и “снял”) Свою жизнь на кресте (Ин 10,11,15,17,18), и как позже полагали Его, принесенное в жертву тело (Ин 19,41,42; 20,2,13,15). А потому Иоанн делает вывод, что как Господь снял (положил) Свои одежды, так и мы должны охотно полагать свои жизни за наших братьев (1Ин 3,16). То, что Им было сделано на последней вечери, заповедано делать и нам. Иоанн говорит о тех же самых одеждах как в Ин 13,4,12, так и в Ин 19,23. Надо отметить, что Господь видел в присутствовавшем на вечере человеке без одежды образ недостойного (ср. Мф 22,11 с Лк 14,16,17). Таким образом Он уничижил Себя до уровня грешника. Он специально рассказал притчу о грешнике, не смевшем поднять глаза к небу, чтобы образно показать, что значит настоящее смирение и унижение ради последующего возвышения (Лк 18,14). И Он смирил Себя (Флп 2,8), принял образ раба и грешника и во время последней вечери, и на кресте, образом которого была эта вечеря. Когда Господь снял с Себя одежды и препоясался полотенцем, чтобы умывать ноги Своим ученикам, так и во время распятия, Он снял Свои одежды для того,

чтобы послужить до конца как предателям и равнодушным, так и настоящим и преданным верующим. Господь знал о предательстве Иуды, что видно из описания последней вечери, (Ин 13,10,11,18,21,26). Так же и в 1Кор 11,23 подчеркивается, что вечеря Господня происходила со знанием о предательстве Иуды. Возможно, что как раз по этому нам все время приходится сталкиваться с неприятием, с предательством, с непониманием и пренебрежением со стороны своих братьев и сестер. И в этом заключается важная часть страданий Господа, которые Он заповедал нести и нам.

Господь Иисус “смирил Себя”, почему позже и Бог превознес Его (Флп 2,9), тем самым на деле явив то, что было ранее преподнесено Им в притчах (Мф 23,11,12; Лк 14,10,11). Господь Иисус на последней вечери смирил Себя до того, что Он не только отказался от положенного Ему по всем правам почетного места, но Он даже не занял и самого последнего, “приняв образ раба”, умывающего гостям ноги, которому вообще не положено было находиться за столом. Иаков, и Петр также видели в унижении Господа на вечери и Его последующем возвышении пример для нашего подражания (Иак 4,10; 1Пет 5,6). А Павел идет в этом еще дальше, ибо он говорит о том, как он смирил самого себя ради того, чтобы его безнадежно слабые и неблагодарные братья были возвышены (2Кор 11,7). Очевидно, что здесь он подразумевал места в Евангелиях, где говорится о том, что нам, для того чтобы возвыситься, сначала нужно унизиться (Мф 23,11,12; Лк 14,10,11). Для Павла их возвышение было возможно через его унижение до их уровня. Ибо он не сказал, что он унижает себя, чтобы возвыситься. Он сказал, что унижает себя, для того чтобы возвысить их.

4-5 Крест в притчах

Совершенно ясно, что в притчах Господь Иисус выражал Сам Себя. Примечательно то, что в них нет прямых высказываний о Его будущем жертвоприношении. Это выглядит так, как будто Господу неба и земли не хотелось снисходить до повторений подробностей, рассказывая нам о Его великих делах. Ему больше хотелось показать Свое отношение к нам, дав заглянуть в мучения Его последней жертвы, в мучения, которые, как Он хорошо знал, нам никогда не прочувствовать во всей полноте, что нам никогда не понять этой стороны Царства.

Вера в победу

И одна из причин этого – полная уверенность Господа в Своей победе на кресте. Его притчи рассказывают о нашем звании и том блаженстве, которое, как Он знал, будет достигнуто Им для нас. Так Наставник притчей о немилосердном рабе призывает нас к милосердию: “весь долг тот я простил тебе” (Мф 18,32). Господь был уверен, что наше прощение будет даровано нам за Его претерпение креста, за Его победу, одержанную верою Своей. Несмотря на все возможности согрешить, присущие Ему, как и всем прочим человекам, Он верил, что останется до конца тверд, ибо до самого конца укреплял Себя словом Божиим. Незадолго до креста Он говорил о Себе как о государе и как о царе (например, Мф 18,23,31), настолько Он был уверен в том, что прославится на кресте и как Царь, и как Господь. Употребление времен в греческом языке (но не в еврейском) могут поведать очень о многом. Господу было вполне по силам поведать в притчах о грядущем Царстве. Он мог бы вполне сказать: “Когда Я стану Царем, то буду судить так-то и так-то”. Однако, Он уже видел Себя победителем в Царстве: “мужайтесь: Я победил мир... А теперь иду к Пославшему Меня (через крест)... Я прославил Тебя на земле, совершил дело, которое Ты поручил Мне исполнить” (Ин 16,33,5; 17,4). И это всего лишь мала

часть, показывающая уверенность Господа в Своей победе. Эта Его уверенность проявляется в притчах. В Своих проповедях Он призывал верить в то, что мы уже получили то, о чем просили в молитвах. Не приходится сомневаться в том, что Его слова, записанные в 15 – 17 главах Евангелия от Иоанна, а также рассказанные Им раньше притчи, помогли и Ему Самому в Его борьбе с одолевавшими Его сомнениями в Гефсимании.

Спаситель самарян

Существует несколько намеков на то, как Господь смотрел на крест Свой. Притча о добром самарянине повествует о том, как Христос сжалился над нами, израненным духовно Своим народом, подошел к нам, сделавшись уязвимым для нападения, посадил на Своего осла с тем, чтобы полностью исцелить нас. Самарянин, хотя бы из-за своего осла, был не в меньшей опасности подвергнуться нападению разбойников, чем этот человек, и все же он подверг себя еще большей опасности, когда повез этого человека в гостиницу. На минуту представьте себе восседающего на осле израненного человека и самарянина шагающего рядом, и сразу станет понятно какой они представлялись легкой добычей для разбойников. Так что притча о спасении самарянином этого человека (вместе с возлиянием масла и вина), является рассказом и о кресте Христа. Как и самарянин, Христос, спасая нас, сделался более уязвим, чем, если бы Он искал только Своего спасения. К тому же продвижение самарянина вперед замедлилось более чем вдвое, ибо он уже не ехал, как прежде, а шел рядом с сидящим на осле раненым человеком. Похоже, что из этой притчи видно, что Христос, по крайней мере, догадывался о том, какие трудности ожидают Его на пути достижения нашего спасения, а потому ясно, что главной и основной причиной, двигавшей Им, было Его чувство ответственности за нас.

Забота о раненом человеке написано в Исх 21,19, где говорится о том, что если один человек ранит другого, то он должен заплатить за него и дать на лечение его. Эта, кажущаяся на первый взгляд странной, связь с притчей о самарянине говорит о том, что Господь чувствовал Себя виновным за наши раны возможно потому, что, будучи вторым Адамом, Он возложил на Себя вину Адама. Вероятно по этой же причине так много общего между смертью Господа и совершенным грехом Адама (например, терновый венец, сад и т.д.) То, что Христос сравнил Себя с самарянином (полу евреем, полу язычником) показывает, и особенно на кресте, Его внутренне состояние, ибо в смерти Своей Он думал о Своем будущем Телe, состоящем как из евреев, так и из язычников. Евреи, как и Его братья (Пс 68,9) полагали, что Он был полукровкой, на половину язычником (сыном Римского воина, как о том рассказывает мидраш).

Спаситель пастырь

Из Ин 10,12 видно, что добрый пастырь Христос видел приближающегося волка, и не бежал от него, но наоборот, вступил в смертельную борьбу с этим жестоким зверем. Из Его слов следует, если бы Он не стал бороться, овцы были бы разогнаны. А потому самая серьезная борьба Христа с диаволом, или же плотью, происходила перед самой Его смертью на кресте, ибо крест не только был продолжением Его борьбы с Библейским диаволом. На кресте борьба особенно обострилась, и Господь предвидел это обострение. Однако в этой притче существует нечто нереальное, что приводит к двум очень интересным мыслям. Во-первых, ни один нормальный пастух не положит своей жизни, защищая овец. Почти безумным (образ Господа) кажется пастух из Ам 3,12, исторгающий “из пасти львиной две голени или часть уха”, оставшиеся от овцы, тем самым показывающий свою любовь к ней, такую любовь, которую ныне и не сыскать. Любовь к нам, явленная Христом на кресте, была такой силы и величины, что не может быть понята

человеком. Именно поэтому заповедь, данная Им нам, любить также, как любил Он, называется новой заповедью. И, во-вторых, обычно волк не поступает так, как о том рассказывается в притче. Так волки ведут себя только тогда, когда загнаны в безвыходном положении. Обычно они не так злы. Однако этой притчей Господь старается донести до нас то, что диавол, наша естественная тяга к греху, намного сильнее, чем нам кажется, и борьба с ним на кресте, намного, намного тяжелее, чем то представляется нам.

Однако здесь есть кое-что еще более трагичное. Овцы все равно были расхищены и рассеяны волком, даже несмотря на то, что Христос умер ради того, чтобы этого не произошло. И Христос, конечно же, знал об этом заранее (Ис 53,6; Мк 14,27; Ин 16,32). В Свои последние мучительные часы на кресте Господь знал, Его смерть все равно не остановит рассеяние овец. Он знал, что это расхищение и рассеяние будет тянуться на протяжении всей истории Его церкви (ср. с Лк 15,3-6). И все же Он умер за нас, умер ради окончательного нашего спасения, которое было бы невозможно без Его смерти. Он четко представлял Себе этот образ овец и пастыря. А потому Его смерть была необходима ради осуществления единства в вере (ср. с Ин 17,21-23), а значит, наша разобщенность, наше отступничество, наше блуждание по своим путям является отвержением страданий Господа. И именно это приносило Ему особенно сильную боль.

Связывание сатаны

Особенный интерес вызывает притча Господа о связывании сильного, ибо ею Господь рисует картину Своей победы на кресте и ее значения для нас. А потому нам необходимо быть особо внимательными к этой притче.

Мысль о том, что Христос связывает сатану, расхищает его имущество и разделяет его со Своими последователями, отражает Его победу на кресте⁽¹⁾. Эта притча целиком основана на Ис 53,12, где говорится о том, что за то, что Христос предал душу Свою на смерть и понес на Себе грехи многих Он “с сильными будет делить добычу”. С той же самой мыслью писал и Павел, когда говорил, что Христос отнял “силы у начальств и властей” (Кол 2,15). Возможно, что это один из тех примеров, когда в Новом Завете, несмотря на то, что он был написан на греческом языке, проявляются еврейские мысли. Под “начальством и властями” здесь подразумевается неограниченное начальство и власть сатаны, или же сам сатана. То, что Он восторжествовал над ними Собою приобретает смысл, если понимать под этим победу Христа над Библейским диаволом, сатаной (ср. с Евр 2,14-18; 1Пет 2,24). Похоже, что Еф 2,15,16 является параллелью Кол 2,15, ибо здесь говорится о том, как Христос “упразднил вражду Плотию Своею, а закон заповедей учением, дабы... в одном теле примирить обоих с Богом посредством креста, убив вражду на нем”. В Кол 2,15 о Господе говорится, как о торжествующем победителе, отнявшем “силы у начальств и властей” и опозорившем их тем, что разделил добытое у них со Своими соратниками. В Еф 2,15 говорится об убийстве вражды (Библейского диавола) ради примирения всех тех, кто составляет Тело Его.

Однако тут же Господь объясняет, почему Его чудеса доказывают то, что Он Мессия, ибо еще не умерев на кресте, Он уже предпринимал всё возможное, чтобы связать на кресте сатану. И здесь еще одно свидетельство того, что Господь был уверен что Он победит, и что Бог поможет Ему в этом. Чудеса Господа были осязаемым предвкушением всех тех великих духовных блаженств, которые стали возможны после того, как Христос связал сатану Своей смертью и воскресением.

Расхищение сатаны

“Расхитить” сатану означает взять у него то, что было им взято у нас, а это значит, что Христос действительно похитил у него то, что принадлежало нам – праведность, которой наше естество лишает нас. В Лк 11,22 к этой притче есть существенное добавление. “Все оружие” сатаны было взято Христом на кресте, после чего сатана был связан, а его имя расхищено. Оружие сатаны совершенно противоположно оружию праведности (Еф 6,11,13). Как Царству Божию принадлежат Бог, благоволивший обитать во тьме, Князь, или Начальник, оружие, Христос, господство, воля и дух, плоды, мзда и т.д., то всё то же самое есть и в царстве (олицетворенного) сатаны. Оружие праведности – плод Духа, праведные качества Духа. Оружие сатаны – плоды плотского естества. Они были взяты Христом. Он связал сатану, а потому, похищенные у нас плоды праведности, были взяты обратно Господом Иисусом. Мы уже говорили, что здесь Христос ссылается на Ис 53,12, на стих говорящий о кресте и о разделении добычи Христом с сильными, т.е. с нами. И здесь парадокс, ибо мы более похожи на связанных узам греха, чем на сильных (Пс 67,6; Ис 61,1; Плач 1,14; Лк 13,16). Узы нашего естества сильны и различны. Только во второе пришествие сатана будет связан окончательно, только тогда личная победа Господа станет совершенной победой и всего мира (Откр 20,2). И все же с нами, со связанными, Господь делит добычу, взятую Им у сатаны. А эта добыча – праведность, которой наше естество мешает проявиться так, как должно.

Разделение добычи победившего Господа (Лк 11,22; Ис 53,12) напоминает, как Господь разделял Свое имя рабам Своим (Мф 25,14), разделял имя Отца между сыновьями, между хорошими и плохими верующими (Лк 15,12). Мы уже говорили, что под “имением” подразумевается различные праведные качества Христа, разделенные между членами Его Тела⁽²⁾. Добыча, разделенная между нами Господом, есть различные праведные качества, взятые Им для Себя у сатаны. Представление связанного сильного человека, на глазах которого грабится его имущество, создает впечатление дерзости, почти невозможного. Так и мысль о том, что Христос отнял у сатаны праведность, украденную им у нас, чтобы вернуть ее нам, с трудом укладывается в голове.

Герой одиночка

Для воина в разделении добычи нет ничего удивительного (ср. с Евр 7,4). Но мы-то, мы даже не воевали, добыча была разделена между сильными, но все еще связанными сильными (Ис 53,12). Сатана, в общем-то, еще не связан (ср. с Откр 20,2). Христос связал его пока что только в Себе, и взял добытое у него для Себя. В Кол 2,15 говорится, что Христос “отнял силы”, т.е. совершенно обессилил врага на кресте. О Нем рассказывается как о герое одиночке, Который добывает все лишь для Себя, ибо рядом с Ним, когда Он одерживал Свою победу на кресте, не было никого (Ис 63,3). Но ведь так оно и было – Он был герой одиночка. Но главное состоит в том, что Он все же разделил добытую праведность с нами, с недостойными этого. Главным во всем учении Господа является то, что Он смертью Своей приобрел Себе совершенную праведность, которой и делится с нами.

В первом столетии внешним проявлением этой добытой у сатаны праведности были чудесные разделения даров Святого Духа. “Пленил плен (образное выражение победы) и дал дары человеку” - дары Святого Духа первого столетия (Еф 4,8,11). Однако взятым у сатаны были не только силы исцеления. Если бы это было главным в разделенном между нами имени сатаны, тогда бы связывание его Христом ограничилось исключительно первым столетием, когда были доступны дары Святого Духа, ибо все те же болезни, как и прежде, одерживают и сегодня победу над народом Божиим. Расхищение сатаны – это добыча праведности, взятой у него, которую он всячески ущемляет и не признает. Праведность была отнята у него и на кресте разделена между нами. Чудеса первого

столетия были видимым свидетельством этого точно так же, как и разодранная в храме завеса и воскресение некоторых святых, видимо показавшие те духовные возможности, которые были открыты смертью Господа.

Дары Господа

Существует много мест, где говорится о духовных благословениях, дарованных нам, как Телу Христову ради смерти Господа. Нам, как сообществу, дарованы мир и “жизнь вечная” (Ин 14,27; 17,2; 1Ин 5,11), познание (2Кор 4,6), премудрость (Еф 1,17; Иак 1,5), мир (2Фкс 3,16), разумение (1Кор 2,12; 2Тим 2,7), любовь в сердцах (Рим 5,5), благодать (Еф 4,7), утешение и надежда (2Фес 2,16), праведность (Рим 5,17), сила целомудрия (1Кор 7,7; 2Тим 1,7). Все эти различные качества стопроцентной праведности нашего Господа, всё Его имение, всё то, что Он похитил у сатаны, разделено между нами на духовном уровне – кому-то одно, кому-то другое. Как сообщество, мы уже (как Христос) победили мир, победили сатану, хотя все еще, чисто на человеческом уровне, все также остаемся в узах (ср. Ин 16,33 с 1Ин 2,13,14; 5,4). Только в судный день мы одержим окончательную победу (ср. Откр 21,7 с Лк 11,22), хотя эта победа уже и вменена нам.

Глубокое понимание этого позволяет нам постичь парадокс, который возникает при серьезном исследовании себя. Нам уже вменена праведность, нам уже сегодня дарованы плоды ее, что и подтверждает наше испытание самих себя. И все же нас и дальше продолжают призывать к праведности, призывают, так сказать, увеличивать ее (в притче о минах). Мы также видим, что мы все еще крепко связаны сатаной, что его узы влекут нас от праведной жизни, не позволяя нам жить так праведно, как того хотелось бы. Когда Господь рассказывал притчу о связанном сатане, Им было предвидено всё это. Христос в Своей жизни победил сатану и милостиво разделил различные качества праведности между всеми членами Его Тела. В этом суть Тела Христова, ибо мы всегда, между собой являем образ совершенства нашего Господа. Каждому из нас даны для совершенствования различные качества Его. И это объясняет подчас глубокие различия, наблюдаемые в различных частях Тела как сегодня, так и на протяжении всей истории.

Когда мы, как сообщество, “все придем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова” (Еф 4,13), тогда завершится, совершившись, и весь процесс явления Христа, а значит и Бога. А это означает, что от этого завершения зависит и время пришествия Господа. Хочется надеяться, что именно мы благочестиво завершаем рост Тела Христа. Возможно, что именно нам выпало завершить то, что не смогли совершить прежние поколения, или то, что им не было дано совершить. Например, предыдущим поколениям просто было невозможно добиться такого единства, которое стало возможно лишь в наши дни, ибо только сегодня стало возможным такое близкое общение между верующими всего мира, преодолевающее расстояние и языковые барьеры, делая Тело одним целым.

Однако, как кажется из моего опыта и опыта сообщества, многое из того, ради чего умер Христос, было отвергнуто, или же, в лучшем случае, стало подвергаться сомнениям, верующими 21-го столетия. Мысль о дарах праведности, о некоторой духовности дарованной нам, мысль о том, что необходимо являть собой Христа, а не заниматься лишь собственным самосовершенствованием, мысль о единстве Тела... для некоторых равны почти что богохульству. Однако это богохульничает в нас наше естество, против сути которого восстает истинная праведность. И все же я искренне и со смирением верю, что то, что было обсуждено в выше приведенных заметках, является важной составной частью креста Христова, ибо Он умер ради всего этого.

Примечания

1. Мысль о связывании сильного приводит к Самсону. Совпадения не могут быть случайными (ср. с Суд 16,21). Очевидно, что Господь в лице Самсона, несмотря на то, что он был мужем веры (Евр 11,32), видел самого сатану. Таким образом Дух Святой, даже несмотря на вменение праведности, не забывает слабостей человеческих.
2. См. Личность Господа в “От молока к твердой пище”.

4-7-1 Пасха и хлебопреломление

Если нам удастся разглядеть схожесть хлебопреломления с праздником Пасхи, тогда подробности ее, описанные в 12-й главе книги Исход, помогут глубже заглянуть и в истинное значение вечера воспоминания.

1. Так как Иудеи видели себя в теле и крови закланного агнца, то вместо Пасхи Иисус в гостинице заповедал делать хлебопреломление - так что и мы видим тот же образ на наших вечерах.
2. Совершая хлебопреломление, мы тем самым показываем, что хлеб является образом Его тела, а Он сказал, “если не будете есть Плоти Сына Человеческого... то не будете иметь в себе жизни”. Для любого Иудея упоминание о вкушении плоти ассоциируется с поеданием пасхального агнца, таким образом на новую Пасху мы едим хлеб - образ закланного Агнца.
3. Советуя Коринфянам не общаться с грешником, Павел говорит, что “Пасха наша, Христос, заклан за нас. Посему станем праздновать не со старою закваскою (с грешником, которого надо предать сатане, дабы очистить старую закваску, потому что “Я писал вам в послании - не сообщаться с блудниками”), не с закваскою порока и лукавства”. Здесь Павел уподобляет хлебопреломление, на котором грешник не должен причащаться Пасхе, со старой закваской греха.

Суть Пасхи

Из Лев 23 узнаем, что на утро после празднования пасхальной субботы в жертву приносился первый сноп жатвы ячменя, “возношения снопа” пред Господом, что являлось прообразом воскресения Христа, а также того, что Он является первенцем из нас. Однако (что является сильным утешением) через несколько недель на праздник Пятидесятницы пред Господом возносилось иное жертвоприношение с двумя, но уже квасными, хлебами. Закваска всегда является образом греха и тления, а потому это образ Иудеев и язычников, которые благодаря победоносному воскресению Христа, несмотря на свое еще не полностью очищенное плотское естество от проклятой закваски греха, могут предстать пред Богом.

Лично я считаю, что в Новом Завете Бог изъявляет Свое желание, чтобы мы еженедельно совершали хлебопреломление. Ну, а если это так, тогда последующие семь дней, до следующего хлебопреломления, мы должны воздерживаться от греха, образно питаясь опресноками, бесквасным хлебом.

Каждый из нас празднует Пасху с различными чувствами и желаниями, однако, из-за того что Пасха включает в себя все виды жертвоприношений, нам необходимо подготавливать себя к нашим встречам воспоминания. Вкушение пресных лепешек, или хлебов, можно

сравнить с хлебным приношением. Сжигание остатков после Пасхи можно сравнить со всесожжением. Святое вкушение агнца - с мирным приношением и кроплением кровью, которое во времена Езекии осуществлялось священником, кропившем весь народ, что напоминало кропление кровью при жертвоприношении за грех. А потому, когда мы ощущаем, что нуждаемся в прощении (ср. с жертвоприношением за грех), или когда наша душа рвется к Богу (жертва всесожжения), когда нам необходимо общение с Богом и с братьями (мирное приношение), или же когда мы чувствуем благодарность Богу, то всё это мы можем выразить через заповеданное нам хлебопреломление, через Пасху нашу, через Христа. Действительно ли наше хлебопреломление включает в себя все это - вопрос, над которым следует хорошенько подумать. Если наше вкушение образов на самом деле уподобляется вкушению Пасхи, тогда наше желание и стремление должны быть отображены во вкушении этих образов. Все, что отвлекает внимание от них, должно быть удалено в это время настолько далеко, насколько это только возможно.

Описание исхода

Из Исх 12,11 видно, что Пасха елась всю ночь с таким тщанием, чтобы к утру от нее ничего не осталось. А потому нам необходимо извлекать максимальную духовную помощь и прощение, дарованные во Христе, еще до утра Его пришествия, когда будет уже слишком поздно молить о какой бы то ни было помощи. Из Вт 16,7 также видно, что Пасха праздновалась всю ночь: “Испеки и съешь на том месте, которое изберет Господь, Бог твой, а на другой день можешь возвратиться и войти в шатры твои”. Когда был совершен впервые праздник Пасхи, Израиль в действительности вышел в ту же ночь из Египта. Вряд ли можно не заметить в описании этой Пасхи чувства усердия и тщательности, что так тяжело воспроизводятся в наши дни. И все же, либо мы все еще продолжаем обитать в Египте, либо выведены из него. В это время твое имя либо записано в книге жизни, либо нет. Либо не прощенные грехи остаются на тебе, либо нет. Это время существует для самого глубокого покаяния, для получения самого полного прощения, для доступа к самому близкому и беспрепятственному общению с Богом. Они ели Пасху стоя, опасаясь египтян так же, как мы опасаемся греха. Они ощущали присутствие Бога так же, как мы чувствуем среди своего собрания Самого Господа Иисуса Христа. Так и во времена Езекии народ праздновал Пасху первоначально приготовленную для того освященными священниками. Все в этой главе указывает на усердие, с которым необходимо было все делать. Им нужно было помазать косяки и перекладину двери кровью, препоясаться, обуться, держать свои посохи в руках и есть с поспешностью Пасху Господню. Им нужно было “взять” агнца, слово, которое в законе Моисеевом означает так же еще и насилие, и похищение. Так же и мы должны “восхищать” чувства жертвы Христа, дабы “восхитить”, почти силой, свое место в Царстве Его, ибо именно это значение имеет еврейское слово, переведенное как “выберите” в ст 21 = вытащить. Ведь и мы все также вытащены, ухватившись и держась за полу Христову, ибо только так, и не иначе, мы можем освободиться от своих грехов, от рабства и смерти Египта.

На вкушение Пасхи с препоясанными чреслами (Исх 12,11) Петр смотрел, как препоясывание “чресла ума” нашего ради заповеданного собрания вместе (1Пет 1,13). Обратите внимание на то, как 1-е Послание Петра перекликается с Пасхой. Сравните страх в гл 1,17 со страхом египтян; гл 1,18 - с золотом и серебром, взятым у египтян; гл 1,19 - с Пасхальным агнцем; тленное семя в гл 1,23 - с закваской; гл 2,9,10 - с исходом из Египта ночью, с исходом из тьмы рабства к свету Синая, где они стали Его народом.

Однако во всем это были не только страх и усердие. В Исх 12,11 сказано, что они ели Пасху “с поспешностью”. Это еврейское слово употребляется в Библии исключительно в связи с Пасхой и происходит от однокоренного ему слова, “крот”, что наводит на мысль

об упорном, постоянном и усердном копании. Исход из Египта происходил со тщанием, но без спешки. В Исх 12,33, где говорится о спешке египтян, стремящихся поскорее выслать народ Израильский, употребляется совсем другое еврейское слово, за которым скрывается страх египтян и паническое желание поскорее освободиться от этого народа. А потому и наш исход от всего плотского должен совершаться не в паническом страхе опоздать спастись, или же с чувством невозможности спасения, а в духе тщательного, постоянного и усердного углубления в заповеди Божии.

После Пасхи следовали семь дней, в которые подобало есть исключительно опресноки: “никакой работы не должно делать в них; только что есть каждому, одно то можно делать вам” (Исх 12,16). А это значит, что наша ежедневная работа должна ограничиваться заработком необходимого пропитания, чтобы все остальное время можно было посвящать всего себя размышлениям о путях Божиих и служению Ему. Жить в строгом соответствии этому - очень тяжелая духовная работа, вероятно именно по этой причине, празднование Пасхи называется “служением”, словом, которым обычно называется тяжелый рабский труд. Как будто тем самым говорится, что достижение нужного духовного состояния - дело, которое не легче того рабского труда, от которого они были освобождены. Так и во Вт 16,3 опресноки названы хлебами бедствия, которые в 1Кор 5,8 названы “опресноками чистоты и истины”, как будто чистота и истина без порока и лукавства в наших сердцах достигаются тяжелыми, “бедственными”, духовными переживаниями. А потому, чтобы совершить Пасху нам необходимо тщательно обыскать свой дом, тщательно исследовать свою душу, дабы в ней не нашлось чего-нибудь квасного, чего-нибудь, что возбуждает нашу гордыню, что побуждает нас не чувствовать свою ничтожность, мешает ощущать истинное смирение, что как-нибудь влияет на нашу искренность. Ибо гордыня обитает в нас от рождения, размеры которой не измеримо велики. Каждый раз, когда мы испытываем себя, необходимо находить в себе хотя бы немного квасного. Евреи исследовали свои дома в поисках квасного со свечами, а потому и нам необходимо заглядывать в каждый уголок своей души со светом слова Божия. Во времена Езекии и Иосии перед совершением Пасхи, по всей земле выискивали идолов, чтобы сокрушить их.

Праздник Пасхи был установлен для того, чтобы вспоминать о начале не только народа, но и каждого человека в отдельности. Пасха должна была напоминать “во все дни жизни твоей” об исходе из Египта (Вт 16,3), что было записано на 40-й год их путешествия, перед самым входом в Ханаан. Большинство из тех, кто вышел из Египта, к этому времени уже были мертвы. В этом стихе заключается главная заповедь для всех последующих поколений Иудеев, а потому Богу было угодно, чтобы во время Пасхи они сами ощущали себя, как будто это они вышли из Египта, а не их давно умершие предки. То же самое касается и нас: Христос умер за нас когда нас еще не было на свете, когда мы еще были грешниками. На кресте весь народ Божий был как бы искуплен из Египта, в перспективе спасен от греха. А потому на нашей вечери любви мы вспоминаем о закланном Агнце, закланном ради нашего спасения от греха, от державы диавола, упраздненной смертью Христовой на кресте. На вечери существует так много личного, о чем необходимо подумать, а потому при проведении вечери никогда не нужно спешить. Лучше потратить больше времени на размышления, чем, к примеру, на долгое чтение Библии, чтение, которое не имеет прямого отношения к хлебопреломлению.

Подробности из книги Левит

В книге Левит содержатся удивительные подробности о празднике Пасхи. Священники должны были положить на жертвенник огонь, а на огне разложить дрова (Лев 1,7), из чего можно догадаться, что огонь на жертвеннике сначала разжигался постепенно. А это похоже на образ жизни нашего Господа (и нас), когда каждая часть ее сгорает, умирая на

своем собственном кресте. Жертвоприношение рассекалось на части (гл 1,12), которые (что вытекает из употребления здесь в еврейском языке не к месту родительного падежа) были частями и приносящего жертву. Получается, что приносимая жертва была образом приносящего. Перед последним распятием плоти части жертвы омывались водой (словом). В Лев 1,15 (евр.) говорится, что при жертвоприношении птицы, священник должен был свернуть ей голову при помощи “гвоздя”, скорее всего деревянного колышка (ср. с крестом). Все это подразумевает Павел, когда в Рим 7 говорит о том, что находит удовольствие в законе Божиим во внутреннем человеке, внутри себя, как бы видя себя всего разделенным на части в жертвоприношении Богу. И всё это побуждает задуматься о серьезнейшем исследовании самого себя. Затрагивает ли огонь ревности по дому Божию каждую часть наших душ приносимых нами на пасхальном жертвоприношении? Снедает ли она нас? Отражают ли наши лица, слова и поведение наше самораспятие? Или же наоборот, наша несерьезность, наша неспособность к духовному сосредоточению, наше нежелание долго гореть на жертвеннике Господа, говорят о том, что мы не похожи на разложенного на жертвеннике по частям животного, говорят о том, что мы не имеем духа Христа? При исследовании себя в нас должны возникать мысли о нашем отношении к деньгам, к выходным, к дружбе, о нашем отношении к самой жизни, к изучению слова Божия и к желанию проповедовать. Очень легко пойти на попятную, полагая, что наше спасение целиком зависит от благодати жертвы Господней, а не от наших дел. Однако, прежде чем довериться этим чувствам, давайте вспомним, что каждый из нас нуждается в совершенствовании. Если мы сознаем это, тогда мы будем готовы каждый день совершенствоваться, тогда чресла ума нашего будут всегда препоясаны, а сердце трезвиться и бодрствовать. Тогда мы будем лучше понимать как вкушать Пасху в наш дни, которые подобны нечистым временам Езекии, будем способны радоваться всю ночь этой долгой жизни, твердо ожидая призвания выйти из этого мира туда, куда нас призовут. В празднике Пасхи есть нечто удивительное, ибо такое великое спасение достигалось через простые вещи - через помазание кровью перекладин дверей и через закланного и изжаренного агнца, съедаемого всей семьей среди дома. Для того чтобы помазать дверь средних размеров необходима была вся кровь небольшого агнца, а потому и нам необходимо во время вечера ревностно употреблять все стороны жертвоприношения Господа, видимых в священных образах Его Тела и Его Крови. Слова, “пейте из нее все”, напоминают о том, как Израиль поедал все части агнца, даже тогда, когда их нутро непроизвольно сопротивлялись к принятию некоторых частей его (Исх 12,9).

Пасха Езекии

Во времена Езекии и во времена Иосии были совершены праздники Пасхи, из которых и нам, если мы хотим чтобы наше хлебопреломление не было для нас осуждением, можно извлечь немалую пользу. Давайте поразмышляем над 2Пар 30.

Ст 21. “С великим веселием; каждый день левиты и священники славили Господа на орудиях, [устроенных] для славословия Господа”. То, что на Пасху пели псалмы сказано и в Ис 30,29, где прорекается о радостном времени спасенного Израиля, когда “у вас будут песни, как в ночь священного праздника”. Только один праздник отмечался ночью - Пасха, что говорит о том, что Израилю было знакомо веселое пение псалмов на этот праздник. А потому и действительность нашего спасения от грехов, или Египта, должна вызывать в нас истинное желание славословия и радости.

Ст 22. Левиты имели “доброе разумение [в служении] Господу” - т.е. у них было некое добротное знание Библии.

Ст 22. Семь дней они исповедовались Господу Богу (см. церковнославянский), тем самым признавая свои грехи.

Ст 23. Народом обладал неугасающий дух Пасхи, ибо “решило все собрание праздновать другие семь дней, и провели эти семь дней в веселии”. Так и мы часто выходим за дверь после вечера еще исполненные духом нашей встречи.

Ст 26. У них “было веселие великое”.

Очень подходит ко всем нам ст 19, ибо несмотря на то, что народ не был очищен так, как положено, а потому и не мог по закону праздновать Пасху, они дерзнули помолиться Богу с просьбой о милостивом разрешении совершить ее. Так и мы, хорошо сознавая всю свою недостойность спасения через распятие Христа, нашей Пасхи, закланной за нас, сознаем, что причащаясь образов Его Тела и Его Крови, стараемся не только следовать Его примеру, но и дерзаем спастись через Него, распиная наши похоти, распиная в себе каждую эгоистичную частицу. И мы не одиноки в нашем вечном недовольстве самими собой, ибо сказано, что во время Пасхи Езекии “много [было] в собрании таких, которые не освятились”, а также “многие из народа... не очистились” (ст 17,18), а потому и не могли совершить Пасху. Но по молитве Езекии и из-за того, что народ “расположил сердце свое к тому, чтобы взыскать Господа”, они, хотя и не по уставу, но все же ели пасху. Как видно, главным было то, что их сердца были расположены к Господу, их ум был препоясан, а дух бодр чтобы взыскать Господа. То же самое касается и нас. Если нами обладает такое же духовное состояние, то наши прегрешения будут прощены нам, и мы сможем радостно совершать наши вечера. Если мы расположим себя в правильном направлении, если наши сердца, наш ум и наша духовность будут склоняться в правильную сторону, тогда все наши отклонения будут забыты.

Всесожжение

Еще одно описание праздника Пасхи говорит о том, что во время нее также приносилась и жертва всесожжения. Кожа с закланного агнца сдиралась (2Пар 35,11), что является прямым пророчеством о бичевании Господа. Во Вт 16 сказано, что пасхального агнца нужно было сварить на месте избранном Богом, тогда как в Исх 12 наоборот говорится, что агнец не должен вариться, а быть изжарен, из чего можно сделать вывод, что на Пасху также совершалась еще и жертва всесожжения. И именно так совершалась Пасха при Иосии (2Пар 35,8,9,13.16), когда князья дали 300 волов (не агнцев) “для жертвы пасхальной... и испекли пасху на огне, по уставу; и священные жертвы сварили в котлах, горшках и кастрюлях” (евр.; см. церковнославянский). Жертва всесожжения является образом посвящения, она приносилась по усердию вместе с закланным агнцем. То же самое должно быть и на наших вечерах, каждая из которых должна возобновлять наше желание служить Богу, служить по-настоящему, а не только на словах и лицемерно.

Жертва всесожжения разделялась приносящим ее ножом, что является образом того, как мы должны раскрывать свои души перед Богом. А потому среди исследования себя ради того, чтобы целиком сосредоточиться во время вечера на Иисусе, необходимо также уделить внимание и испытанию самих себя. Ибо жертвоприношение агнца неизбежно должно вести и нас к самопожертвованию.

4-7-2 Хлебопремление как мирная жертва

Библия определяет понятие примирения с Богом, как мир, приходящий вместе с прощением. Бог не обещает нам мира в человеческом понимании. Он дарует нам постоянный мир, владычествуя всю жизнь в наших сердцах (Кол 3,15). Хлебопреломление напоминает нам о ставшем возможным мире через кровь креста, благодаря которому можно лучше понять, как “наказание мира нашего” было на распятом Христе (Ис 53,5). Мы помним о нашем примирении с Богом и празднуем его через заповеданную нам вечерю, что напоминает нам о ветхозаветной мирной жертве, служившей тем же самым целям.

Сразу бросается в глаза то, что при мирной жертве, как и при хлебопреломлении, присутствуют хлеб, вино и закланная жертва (Числ 15,9,10; 6,17), а также еще то, что в обоих случаях приносящий должен вкушать от приносимой жертвы. Как при мирной жертве, так и во время Пасхи (также образ вечера воспоминания) приносящий жертву должен был есть ее “пред Господом”. То, что мирная жертва приносилась “пред Господом”, постоянно подчеркивается в описании мирного жертвоприношения. Думаю, что всем нам необходимо более остро ощущать присутствие Отца и Сына на наших вечерах, ибо мы, воистину, предстаем “пред Господом”, сидя за этой трапезой. Бог приходит к людям, когда они приносят благоугодную мирную жертву (Исх 20,24), как Он явил это через заповеданное нам хлебопреломление.

Мы знаем, что 115-й хвалебный псалом воспевался на последней вечери, на которой и было установлено хлебопреломление. Удивительно, но в этом псалме очень многое говорится об этой последней вечери. “Чашу спасения прииму... Обеты мои воздам Господу пред всем народом Его (ср. с двенадцатью учениками). Дорога в очах Господних смерть святых Его (члены Тела Христова)... я раб Твой и сын рабы Твоей (Марии)”. Но сначала задумайтесь о первоначальном значении этого псалма. Давид, полный благодарности за милости, оказанные ему Богом (возможно, после греха с Вирсавией), задается вопросом: “Что воздам Господу за все (духовные) благодеяния Его ко мне?” И решает, что принесет Ему мирную жертву: “Чашу спасения прииму и имя Господне призову. Обеты мои воздам Господу пред всем народом Его... во дворах дома Господня”. Когда мы сидим за трапезой Господней “пред Господом”, нам необходимо четко сознавать благодеяния Божии, оказанные нам - утвержденное спасение, прощение грехов и мир с Ним. Нам нужно здесь, в ектесии, в доме Господнем, среди собрания народа Его, охотно вновь воздаем обеты свои, вкушая мирное жертвоприношение, жертву благодарения. Мирная жертва приносилась пред всем народом, “перед скинией собрания” (Лев 3,13), а потому и мы перед всеми воздаем обеты свои, данные Господу, а также утверждаем мир с Богом. Ну, а если мы все примирены с Богом, то должны быть мирны и между собой.

Мир и грех

Описание мирных жертв во 2Пар 30,22,23 напоминает изучение Библии и исповедание грехов (см. церковнославянский), что тесно связано с вечерей воспоминания. Осознание грехов при мирном жертвоприношении достигалось весьма необычным образом. Мирная жертва приносилась с квасным хлебом (Лев 7,13), хотя, как правило, было запрещено приносить при жертвоприношении любую закваску (Лев 2,11). И это исключение не было случайным, ибо еще до приношения наших тел Богу с закваской греха (ср. с 1Кор 5), нам необходимо осознать присутствие в нас этого греха, и только потом приносить мирную жертву. В описании жертвоприношения за грех в Лев 4,10,26,31,35 четыре раза подчеркивается, что жертва сначала должна быть подготовлена, а уж потом принесена (например, “и весь тук ее отделит, подобно как отделяется тук из жертвы мирной”). И здесь прослеживается тесная связь между двумя жертвоприношениями, ибо мирная

жертва приносилась в знак радости и благодарности за прощение грехов, и потому она совершалась по усердию, добровольно. Характерной чертой наших еkkлeсий является четко определенное время для вечери воспоминания, на которые нам всякий раз необходимо приходить с естественным чувством радости и примирения с Богом через кровь Христа. Если наша мирная жертва, если наше хлебопреломление совершается по усердию, с чувством действительной благодарности и чувством примирения с Богом, то его можно совершать и среди недели - просто из-за переполняющей нас радости и чувства примирения с Богом. Однако, многие ли из нас делают это? Здесь есть над чем задуматься.

Мирная жертва приносилась “в благодарность” (Лев 7,12), а “благодарность” в еврейском языке означает так же еще и исповедание грехов (Нав 7,19). И опять мирная жертва привязывается к исповеданию грехов. Во времена Езекии все, кто расположил свое сердце, после исповедания грехов (см. церковнославянский), принесли мирные “жертвы и благодарственные приношения” (ср. 2Пар 29,31 с Лев 7,12). Принесение мирной жертвы говорило о чистой совести и искреннем желании общения с Богом приносящего ее. Совершение хлебопреломления должно говорить о том же. Но как этого добиться субботней ночью, или же ранним воскресным утром? Мирная жертва приносилась также с опресноками (ср. с Пасхой, ясным прообразом вечери Господней). Среди чувства радости от примирения с Богом всегда должно присутствовать и чувство горечи греха. На мирную жертву, как жертвоприношение благодарения, намекается и в Евр 13,15: “Итак будем через Него непрестанно приносить Богу жертву хвалы”. А потому наше собрание воскресным утром должно быть собранием хвалы и благодарения за наше духовное примирение с Богом, за милостивое прощение наших грехов.

Мирная жертва почти всегда приносилась после жертвоприношения за грех, что опять-таки говорит о духовном примирении после получения прощения с Богом. В законе Моисеевом жертвоприношения всегда следуют в особо установленном порядке: жертвоприношение за грех, всесожжение, мирная жертва (например, Лев 9,2-4), что может быть прообразом новозаветной “троицы”: “благодать, милость, мир”. Так что мирная жертва является последствием получения благодати и милости. А потому наша мирная жертва, наша вечеря любви, является напоминанием о полученной по милости благодати. Само хлебопреломление не приносит с собой милости. Не дает оно и прощения грехов. Похоже, что в Пс 99,4,5 говорится о мирной жертве: “Входите во врата Его (мирная жертва приносилась перед входом в скинию собрания) со славословием (с исповеданием - см. церковнославянский), во двory Его - с хвалою. Славьте Его, благословляйте имя Его, ибо благ Господь: милость Его вовек”. Мирная жертва была также еще и жертвой благодарения (благословения), и приносилась в благодарность и хвалу Бога за Его милостивое отношение к человеческим грехам⁽¹⁾. Так и в Пс 106,17-21 провозглашается удивительная милость Божия в Его прощении людей. Святой Дух заповедал Израилю за это приносить “Ему жертву хвалы” (ст 22), или мирную жертву (ср. с Лев 7,12).

Из-за того, что мирная жертва ассоциируется с прощением грехов, при приношении ее уместно проявление различных чувств, смешанных с трезвой радостью и благодарностью. А потому нет ничего удивительного, что мирные жертвы приносились и в дни веселья, и в дни праздничных собраний (Числ 10,10). Обычно мирные жертвы приносились с радостью и весельем (2Пар 29,35,36; Вт 27,7). Так что наше примирение с Богом неизбежно должно вселять в нас радость, настоящую радость духовного единения с Богом, которая не всегда внешне выражается улыбкой до ушей и горячими объятиями. В 1Цар 11,13-15 рассказывается о принесении мирных жертв в знак спасения Богом Израиля, а также в знак обновления завета с Ним. А потому и нам нужно быть всегда готовыми признать, что в любое время, когда бы не пришел Христос, мы будем спасены.

Всякий раз, когда мы совершаем хлебопреломление, нам нужно вспоминать о том, что совершил Христос, как Он победил нашу греховность, а значит и желать обновления нашего завета, с радостью совершая заповеданную Им вечерю. Иногда мы особенно страдаем от тяжести своих проблем, возможно, вызванных все той же нашей греховностью, но мирные жертвы приносились в Израили и во дни поражения и печали (Суд 20,26; 21,4). Среди всех неурядиц этой жизни необходимо помнить, что самое главное в ней, это примирение с Богом, радость от сознания того, что ничто не стоит между нами. А потому и нам, как и Израилю, который приносил мирные жертвы в тяжелые для него времена, также нужно совершать хлебопреломление, несмотря ни на какие обстоятельства, даже, возможно и в одиночку.

Перед тем как мы приступаем к трапезе Господней, наше изучение Библии должно привести нас к убежденности нашей греховности. Время вечера нельзя тратить на пустые разговоры или умные дискуссии. И на это, возможно, указывает образ пресных лепешек помазанных елеем, смешанных с елеем и пожаренных на елее. Елей, дух слова Божия, должен быть на нас, вокруг нас и в нас так, как будто мы жаримся на нем. Этот образ в мирной жертве обязательно должен напоминать о хлебопреломлении. И наоборот. Ведь именно поэтому мы читаем и изучаем Писания перед тем как приступить к хлебопреломлению.

Значение жертвы

А сейчас давайте поразмышляем более подробно о том значении, которое представляла сама жертва в мирном приношении. Приносящий ее возлагал свою руку на голову ее, тем самым отождествляя себя с ней. В некотором смысле жертва представляла собой приносящего ее. Эта жертва не должна была иметь порока (Лев 3,1), и быть приятным благоуханием для Господа (Лев 3,16). Но как мы можем принести себя в жертву будучи без порока? Ведь каждый из нас знает о своих грехах. А ответ на этот вопрос лежит в том, что образы мирной жертвы являются образами Иисуса. “Он есть мир наш” (Еф 2,14), наша мирная жертва⁽²⁾, метонимическая фраза, означающая мирную жертву так же, как в 1Кор 5,21 Христос называется “грехом”, или же жертвой за грех.. Он - непорочный Агнец (1Пет 1,19), а потому, если мы во Христе, то и нам будет вменена такая же непорочность и чистота, не имеющая пятен, или порока (Еф 5,27). А потому нам необходимо знать, во Христе ли мы. Если да, то в глазах Бога и мы будем чисты так же, как и Он.

Мирная жертва должна была быть приятным благоуханием, и распятый на кресте Христос стал им: “Христос... предал Себя за нас в приношение (мирное) и жертву Богу, в благоухание приятное” (Еф 5,2). Если мы во Христе, то для Бога и мы являемся приятным благоуханием. И именно об этом говорится во 2Кор 2,15: “Ибо мы Христово благоухание Богу”. А если мы в Нем, тогда нам нужно страдать вместе с Ним, страдать по-настоящему. При принесении мирной жертвы из нее изымался весь тук, а курдюк отрезался аж “по самую хребтовую кость” (Лев 3,9). Беспощадное отделение плоти от духа во Христе (которое очень хорошо видно во время его искушения в пустыне) должно происходить и в нас тоже. Нам необходимо следить за собой, действительно ли мы отдаем свой тук “по самую хребтовую кость”. Действительно ли мы готовы страдать так же, как страдал Он, страдать при самопознании, страдать от неизбежного самоотречения?

Хлеб Божий

Мирная жертва была пищей (хлебом) огня - жертвой Господу (Лев 3,11), а потому мирная жертва была пищей Господа, Его хлебом. И приносящий жертву должен был есть этот хлеб Божий. А это подразумевает то, что когда только приносящий мирную жертву ел ее,

рядом с ним находился и вкушал ее также Бог. И это было видимо в образе того, что мирная жертва за Бога елась священником, а часть съедалась принесшим ее. Скорее всего они вкушали мирную жертву сидя вместе, бок о бок. Такая близость к Богу далека от нашего понимания, хотя мы и видим совершенную картину чудесного истинного общения нас с Богом.

Мысль о еде хлеба Божия, образом которого был Его Сын, а потому и мысль об общении с Ним, приводит нас к 6-й главе Евангелия от Иоанна, “ибо хлеб Божий есть тот, который сходит с небес и дает жизнь миру”, т.е. наш Господь Иисус (Ин 6,33). Не просто так некоторые раввины говорят о “поедании Мессии”, выражая тем самым свою надежду на общение с Ним в пришествие Его. Приносимая жертва Богу называется Его хлебом (например, Лев 21,6,8,21; Иез 44,7), являясь прообразом Христа. Ко всему прочему, когда Христос говорил о Себе, как о хлебе Божиим, Он имел в виду еще и манну. Хлеб Божий мог есть Израильтянами исключительно при принесении мирной жертвы. Когда Христос предлагал есть хлеб Божий, есть Плоть Свою и пить Кровь Его, Он подразумевал мирную жертву (Ин 6,51,53). Но не только, ибо здесь видно также и хлебопреломление. Многие Иудеи не смогли переварить эти слова Христа. Многие отошли от Него как буквально, так и духовно. Они не могли вместить мысль о том, что Христос был мирной жертвой, что Он предлагал им расположиться рядом с Богом, общаться с Всемогущим, стать причастниками жертвенной крови Его Сына. Но это-то как раз и предлагается Христом на Его вечерах воспоминания, предлагается общаться с Ним за Его трапезой, разделять с Ним Его хлеб. За трапезой Господней Бог действительно находится рядом с нами. Он видит нас. Он с нами и Он на самом деле желает нашего спасения, если мы только по-настоящему верим, что Он любит нас, что Он желает общаться с нами, желает чтобы мы знали, что Он находится рядом с нами.

Вера в это

Поверим ли мы во все это серьезно, или же не захотим напрягать себя и будем совершать хлебопреломление только потому, что мы Христиане? Или же мы уподобимся Израилю, который после принесения мирных жертв, встал из-за стола чтобы играть и ублажать свою собственную плоть (Исх 32,5,6)? Или мы хотим быть похожими на Израильтян, приносивших мирные жертвы тогда, когда они вовсе не были в мире с Богом (1Цар 13,9; 4Цар 16,13; Пр 7,14; Ам 5,22)? Как мы можем оставаться такими после того, как Бог открыл нам глаза на истинное значение хлебопреломления? Представьте себе Всемогущего Бога, восседающего на престоле величия, а рядом, одесную Его нашего Господа Иисуса, Которые во время хлебопреломления находятся рядом с нами, среди нас, видят наши сердца, знают наше желание быть непорочными и быть приятным благоуханием, быть таким же, как Он. Если такое желание воистину присутствует в нас, тогда Бог действительно вменит нам совершенство, на самом деле оправдает нас, вменит нам праведность, которая от веры. И тогда мы по-настоящему примиримся с Богом. Бог станет рядом с нами при хлебопреломлении, имея общение с нами, вкушая с нами за трапезой образы принесенной Его Сыном жертвы.

Примечания

1. В Пс 99 много общего с 2Пар 30, где рассказывается о принесении мирных жертв (See George Booker, *Psalm Studies*).
2. Если не таково значение Еф 2,14, тогда о чем говорит этот стих? Как может быть кто-либо “миром”, если только здесь не употребляется некоторая образность (например, метонимия)?

4-7-3 Хлебопреломление в Послании к Евреям

Предисловие

Иногда полезнее начать с вывода, а уж потом показать путь к нему. Лично я предполагаю, что Послание к Евреям является проповедью Павла перед хлебопреломлением в еkkлeсии Иерусалима, которая затрагивала не только некоторые вопросы норм веры и морали, но также и вопрос требования Иудеев вернуться к закону Моисееву. Чтение вслух “Послания” занимает около 45 минут. Несколько последних стихов его, похоже были приписаны позже. Павел просит принять “сие слово увещания”, которое, по его словам, было не очень многословным (Евр 13,22), из чего можно предположить, что обычно “слово увещания” было намного больше. Вспомните, как Павел в Трое “беседовал” во время преломления хлеба аж целую ночь (Деян 20,7-11). Нам не нравится когда брат безостановочно говорит и час, и два, однако очевидно в первом столетии (и в девятнадцатом тоже) мнение на этот счет было отлично от нашего. Позвольте сказать, что в продолжительной проповеди нет ничего вредного и неуместного, за исключением, пожалуй, только нашего неумения сосредотачивать свое внимание. Как мы уже говорили раньше, перед тем как отправиться в такое длительное путешествие спасения, нашим новым братьям необходимо основательно подкрепиться.

Также очевидно, что в первом столетии хлебопреломление совершалось по образу субботних собраний в синагогах. В Евр 13,17,24 о наставниках говорится так же, как о начальниках синагоги (ср. с Лк 8,49; 13,14; Деян 18,8). Каждую неделю в синагоге читалось что-то из Библии (ср. с нашим чтением Библии по Спутнику)⁽¹⁾, после чего прочитанное толковалось раввином, либо говорил еще кто-нибудь, у кого было “слово наставления” (Деян 13,15). Словосочетание “слово наставления” (или же увещания) встречается только в Деян 13,15 и Евр 13,22 и, очевидно, связано со служением в синагоге. Возможно, что и слова, “примите сие слово увещания”, где на самом деле вместо слова “примите” в оригинале стоит “потерпите”, также произносились после субботнего “наставления” в синагоге. А это также наводит на мысль, что Послание к Евреям было “словом увещания” при субботнем хлебопреломлении Иерусалимской еkkлeсии, будучи комментарием еженедельного чтения (возможно о Мелхиседеке), которое Павел использовал для решения постоянно возникающих споров о смерти Господа Иисуса. А в этом Послание к Евреям является идеальной проповедью, ибо все оно посвящено делу Христову.

Послание к Евреям (почти половина его) также содержит много цитат и ссылок, перемешанных с комментариями и краткими наставлениями (например, отлучение лжеучителей в гл 12,15,16), которые вращаются вокруг жертвы Христа и нашем отношении к ней. Как и это Послание наши проповеди должны основываться на Библии. Послание на самом деле построено так же, как и любая проповедь: сначала повторяется стих из прочитанного перед тем отрывка, после чего следует комментарий, содержащий ссылку на Христа. Еще и еще раз в Послании к Евреям повторяется напоминание о будущем вознаграждении слушающих, которое утверждено тем, что совершил Христос (гл 4,9; 5,9; 6,10,19; 9,28; 10,34; 11,40; 12,10). Несомненно это должно содержаться и в наших проповедях, ибо надежда на Царство дана Христом каждому из нас.

Очевидное

В Послании к Евреям многое очевидно говорит о трапезе Господней. Вино - образ Крови нового завета. О самом же новом завете также говорится и в гл 8,10,11, тогда как слово “завет” встречается в Послании 19 раз, а слово “завещание”, связанное с заветом - 7 раз. О Крови завете недвусмысленно упоминается в гл 7,22; 8,6; 9,1; 13,20. В гл 12,24-26 Кровь завета уподобляется голосу, обращающемуся к нам, голосу, являющему Бога, голосу, который способен поколебать и небо, и землю. И такова в действительности, если вдуматься, власть Крови Христа, образно видимая в вине.

Слово “кровь” повторяется в Послании к Евреям 22 раза, 6 раз встречается слово “тело”, из них 4 раза речь идет о Телe Христа, и 24 раза слово “жертва”. Хлебопреломление было установлено ради воспоминания о принесенной Господом в жертву Своего тела и крови. И этому посвящено все Послание к Евреям. Однако помимо этого Павел одновременно говорит Иерусалимской еkkлeсии о том, в чем она остро нуждалась - о том, что ради примирения с Богом следует избегать любых путей, кроме примирения с Ним через совершенную жертву Христову. О, если бы и мы обладали таким даром увещания - одновременно говорить о насущных проблемах, выстраивая и привязывая их к жертвоприношению Христа.

Причастие к Христу

В 1Кор 10,17,21 (в Послании, которое должно было быть известно Иерусалимской еkkлeсии) говорится о причащении к хлебу при хлебопреломлении, о причащении к трапезе Господней. Но о причащении Христу также говорится и в Евр 3,14, что опять-таки подтверждает предположение, что Послание к Евреям первоначально посвящалось трапезе Господней. То же самое греческое слово встречается в Евр 12,8 (обще), ибо мы являемся причастниками страданий Христовых. Мы соучастники Христовы (гл 1,9), потому что Он воспринял, стал соучастником нашего естества (гл 2,14). Однако мы являемся причастниками Христа, “если только начатую жизнь твердо сохраним до конца” (гл 3,14). Всё это объединяется вместе когда мы причащаемся образов Христовых на вечери воспоминания. В этих образах, как утверждает Павел, нам необходимо причащаться к страданиям Христа, как и Он воспринял наше естество, дабы вместе с Ним стать участниками “в небесном звании” (гл 3,1).

Устный стиль

Обращения, типа, “давайте”, типичны для проповеди, произнесенной устно, и побуждают слушающих ее откликнуться на дело Христово. Видите, помыслите, уразумейте Иисуса (гл 2,9; 3,1; 7,4; 12,3) - обращения очень подходящие для проповеди перед совершением хлебопреломления. “О сем надлежало бы нам говорить много” (гл 5,11) - более уместно устному наставлению. Слова, “и можно сказать” (гл 7,9; перевод еп. Кассиана) - еще один пример того же. “Сказав прежде, что “ни жертвы, ни приношения...” (гл 8,10) выглядят так, как будто делается ссылка на цитату из прочитано “прежде” свитка. “Главное же в том, о чем говорим, есть то...” (гл 8,1) - больше напоминает воспроизведение сказанного. “И, так сказать” (гл 7,9) - пример из той же области. В официальном Послании странно видеть слова, “некто негде” (гл 2,6), которые, однако, вполне уместны, когда проповеднику некогда заглянуть в Библию. Всё это больше походит на воспроизведение слышанной проповеди. “Слово утешения” было написано не многими словами. Или, как то читается в современном переводе: “Братья, я убедительно прошу вас терпеливо отнестись к этим словам увещания, ведь мое письмо достаточно коротко” (Евр 13,22)⁽²⁾. Из этого перевода гл 13,22, да и всех остальных современных переводов, видно, что Павла очень сильно поджимало время. На ту же мысль наталкивают и слова: “а над ним херувимы... о чем не нужно теперь говорить подробно... И что еще скажу? Недостанет мне

времени...” (гл 9,5; 11,32). Подобные слова были бы совсем неуместны в написанном Послании, а вот для записи слышанной проповеди, они вполне подходят. Один из комментаторов Послания к Евреям заметил, что “ритмичная структура предложений со звучными образованиями сложных форм” Послания говорят о том, как будто это запись того, что было сначала услышано (M. R. Vincent in his Word Studies Of The NT).

“Давайте же через Иисуса всегда приносить Богу в жертву хвалу” (гл 13,15; радостная весть) - призыв, который можно услышать на хлебопреломлении. “Да приступаем... приближаемся... с дерзновением к престолу благодати” (гл 4,16; 7,19) - слова приемлемые для молитвы людей, собранных пред Богом перед тем как “приступить” к причастию образов трапезы Господней (приход к Богу - гл 11,6). Уделение особого внимания ходатайству Христа (гл 7,25; 9,24) было бы уместно для сплочения собрания верующих в их молитве и исповедании грехов. Призыв наставлять, увещивать друг друга (гл 3,13; 10,25) имеет особое значение, если он звучит непосредственно перед хлебопреломлением, ибо Павел как бы говорит, что его увещание необходимо не только сегодня, в субботу, но и в любой другой день, когда мы можем сами наставлять и утешать друг друга.

Испытание самих себя

Однако в этой проповеди помимо жертвы Господней, есть и еще одна постоянная тема - это предупреждение о вероятном отступничестве (гл 2,1-3; 3,12; 4,1; 6,4-8; 10,30,38; 12,15-17,25,27), о вероятности не почитания крови Христовой (гл 10,26-30), что в точности соответствует 1Кор 11,26-30, где содержится предупреждение, данное в связи с хлебопреломлением. “То сколь тягчайшему, думаете (опять стиль более подходящий к устному обращению), наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия и не почитает за святыню Кровь завета, которою освящен, и Духа благодати оскорбляет” (Евр 10,29)? Стих напрямую связан с 1Кор 11,29, где содержится предупреждение об осуждении за неверное отношении к чаше Господней. Подчеркнутое выделение такой темы в 45 минутной проповеди не приветствовалось бы в западных церквях. Однако, чем больше мы вникаем в чудесное дело совершенное Христом, тем больше понимаем свою собственную слабость и никчемность, а также свою необходимость “держаться”, быть причастными Ему. Вот почему нам нужно испытывать себя при хлебопреломлении (1Кор 11,28). “Если только” - еще одна аналогичная тема (гл 3,6,14; 4,14; 10,23). Тут и там в этой проповеди мы находим краткие, специфические предупреждения, которые были несомненно очень необходимы тем, кто тогда слушал ее. Удивительно, что Павлу удалось все это вместить в 45 минут. И все же у него это получилось. Обратите внимание на то, что все наставления в Послании к Евреям, все утешения и предупреждения вырастают из главных, основополагающих начал, особенно относящихся к очищению. Так, например, то, что Христос является нашим первенцем, одним из нас, Павел обращает в наставление о единстве тех, Первенцем которых Он является (гл 2,11).

Слова, “смотрите, братия, чтобы не было в ком из вас сердца лукавого и неверного” (гл 3,12) были бы уместным призывом к испытанию самих себя перед хлебопреломлением. “Посему да приступаем с дерзновением... чтобы получить милость и обрести благодать” (гл 4,16) - уместно в том же случае. Напоминание о том, что Христос видит нас, что Он испытывает нас, должно было побуждать к более внимательному испытанию самих себя (гл 4,12). Павел напоминал слушавшим его об их первоначальном обращении (гл 3,6,14; 6,11; 10,22,32) точно так, как праздник Пасхи должен был напоминать народу о его духовном начале в Чермном море (ср. с крещением), побуждая его к испытанию самих себе. Он утешал напоминанием о том, что во власти священника Христа находится даже очищение нашей совести (гл 9,14; 10,2,22), что кровь нового завета может удалить с совести любой порок (ср. гл 10,22 с гл 9,20). Потому-то Павел и призывает с чистой

совестью приступать к образам трапезы Господней, призывает приближаться к Богу, призывает к общению с Ним. И опять мы здесь видим необходимость перед хлебопреломлением испытания самих себя.

Обосновав необходимость для испытания, Павлу было легче упрекнуть их, например, в том, что они “сделались неспособны слушать” (гл 5,11-14; 12,5). Однако в то же самое время Павел говорит и о своей уверенности в них, например, “мы надеемся, что вы в лучшем [состоянии]” (гл 6,9; 10,38,39). И это важная часть наставления, ибо очень важно, чтобы слушающие проповедь знали, что мы почитаем их за своих братьев и сестер и обладаем одной и той же с ними надеждой и возможностью на спасение в Господе Иисусе.

В Послании также делается ударение на добрых делах, которые возможны лишь на правильных основах веры (гл 4,11; 9,14; 10,24; 12,28), и это полностью соответствует выше изложенному предположению о том, что правильные основы веры также являются и основой правильного поведения. То, что Павел говорил о делах в ответ на учения об очищении, говорит о том, что он надеялся, что совершение хлебопреломления повлияет на будущее поведение слушающего его собрания. Возможно, что именно эта мысль скрывалась за его словами о том, что Христос приносит пред Богом наши дела так же, как в прошлом священник приносил жертвы (гл 5,1; 8,3,4; 9,9).

Значение личности

Каждая часть Послания к Евреям имеет что-то общее с остальными частями - так же как и наши проповеди должны все время содержать в себе нечто из прежних проповедей. Павел пытается донести до братьев и сестер мысль о том, что если они на самом деле откликнутся на его наставление так, как должно откликнуться, тогда они духовно соединятся с знаменитыми ветхозаветными верными. Тогда бы они приобщились “к духам праведников, достигших совершенства” (гл 12,23). Так Ноем двигало благоговение (гл 11,7), которое, как говорит Павел, должно двигать и нами (гл 4,1). Сара “знала, что верен Обещавший” (гл 11,11) так, как и мы должны это знать (гл 10,23). Как Моисей предпочел поношение Христова (гл 11,26), так и нам нужно носить Его поругание (гл 13,13). Хлебопреломление заменило ветхозаветную Пасху, а потому Павел говорит о вере Моисея в кропление кровью агнца при совершении Пасхи. Тем самым он утверждает, что если мы за Его трапезой берем чашу с такой же верой в Кровь Христову, то мы духовно объединяемся с Моисеем.

В Послании к Евреям много подобных параллелей. Наши “страдания” (гл 10,32) связаны со страданиями Христа (гл 2,9,10). Мы так же терпим (гл 10,32; церковнославянский), как терпел Христос (гл 12,2.3). Через подобные параллели Павел обобщает страдания Христа с нашим. Вероятно, нам никогда не достичь того, чего за 45 минут достиг Павел, однако стремиться к этому надо. А потому нам необходимо стараться избегать не относящихся к прочитанному комментариев, тогда как сами комментарии должны обязательно упоминать Господа Иисуса, затрагивать страдания Его и страдания наших братьев и сестер. Необходимо вдохновлять слушающих проповедь тем, что у них и у нас есть одна и та же надежда, которая была и у тех, о ком написано в Библии.

Заключительный призыв

Любая хорошая проповедь заканчивается громким призывом, основанным на жертвоприношении Христовом. В последней 13-й главе, сразу же после нескольких кратких важных наставлений, речь заходит о теле и крови Господа. В гл 13,10 Павел

сравнивает нас с питавшимися от жертвенника священниками - очень подходящий образ для трапезы Господней. В гл 13,11-15 содержится финальный аккорд всей проповеди, звучащий перед собранием, которое подготовлено приступить к образам трапезы. “Как тела животных... то и Иисус, дабы освятить людей Кровию Своею, пострадал... И так выйдем к Нему за стан, нося Его поругание... И так будем через Него непрестанно (а не только на этой вечери) приносить Богу жертву хвалы”. Обратите внимание на ударение, сделанное на Теле и Крови Христа, а также на призыв не продолжать испытывать себя дальше, а принести Богу хвалу. Да и всё послание, с начала до конца, говорит о Боге, о том, что дело Христово явило собой Бога, дабы привести нас к Отцу, чтобы навеки примирить нас с Ним.

Впрочем, можно подметить и еще одну примечательную особенность, а именно ту, что многие новозаветные Послания были написаны на основе проповедей, прочитанных перед хлебопреломлением. Если принять во внимание то, что большинство Христиан того времени были безграмотны, то логично предположить, что Послания Павла и Петра, читались во время собраний, которые происходили за трапезой Господней (Кол 4,16; 1Фес 5,27). Вспомните, как Павел писал Коринфянам о том, как он присутствует с ними на вечери “в собрании вашем” (1Кор 5,3-5). Многие Послания кончаются и начинаются так, как будто они должны были зачитываться перед трапезой Господней. Повеление в некоторых Посланиях молиться и приветствовать друг друга поцелуем, находим также и в описании первых вечерей Юстина Мученика. “Когда мы закончили молиться, то приветствовали друг друга поцелуем. После этого были принесены хлеб и чаша с вином” (Апологии I,65). Странное окончание 1-го Послания к Коринфянам 16,20-24 является очевидной ссылкой на одно место из Дидактики, где упоминаются слова, произносимые при хлебопреломлении в первом столетии: “Кто не любит Господа Иисуса Христа, анафема, маранафа... Аминь”. Согласно Дидактике председательствующий за трапезой Господней говорил: “Кто свят, пусть подходит. Кто нет, пусть покается. Маранафа. Аминь”. Очень может быть, что все Откровения является списком пророчеств первоначально произнесенных в собраниях еkkлeсий, ибо во всей книге встречаются места присущие литургии и обрядности⁽³⁾.

Примечания

1. See Joe Hill, 'An Ancient Bible Companion', *Tidings*, series 1994/5.
2. Еще одно место, где встречается такое же словосочетание - Евр 2,7,9, где говорится о том, что Христос “не много” был ниже Ангелов.
3. Эта мысль дальше развивается в *Early Christian Worship* by Oscar Cullmann.

4-7-4 Крест и хлебопреломление, как предвкушение суда

В этой жизни бывает время, когда чтение Библии проходит в пустую, когда искренняя молитва превращается в ничего незначащий набор слов, а желание присутствия на трапезе Господней пропадает. Когда пламя веры еле-еле горит, а огонь набожности еле-еле теплится. И на то нет никаких видимых причин. Это просто случается. Думаю, что каждый из нас может откровенно признаться в этом. Ведь это так? Все мы боремся с этим, начиная от братьев, живущих в жаркой Африке и кончая братьями рассеянными по бескрайней России, от малых собраний в Индии до колоссальных съездов Северной Америки, ибо все мы повязаны воедино одной и той же проблемой. Мы слышим произнесенные речи, читаем статьи, но это совсем не трогает нас. И подобное состояние немного оцепенения происходит с нами намного чаще, чем мы думаем. Недавно я читал о

проведенном опросе Англиканской церкви о том, что запомнилось людям после услышанной ими воскресной проповеди. Результаты шокирующие. И уж совсем жалкая картина предстает, когда читаешь их ответы на то, что им запомнилось из проповеди произнесенной неделю или месяц назад. Люди вообще не могли вспомнить ни одной из слышанных ими проповедей. Впрочем, в этом нам также не чем гордиться. Люди мира сего не помнят проповедей, потому что не живут по ним. А мы? Многим ли мы отличаемся от них, несмотря на все наши, воистину, Христианские занятия? И здесь, как мне кажется, заложено главное препятствие. Мы мало что помним, за что отдельное спасибо, совсем редко поступаем по тому, что услышали, или прочитали. Не стоит полагать, что наша забывчивость является грехом, ибо тогда к греху можно было бы причислить и чих, и кашель. Просто забывчивость является природной нашей чертой. Но, даже если мы понимаем это, нам все равно необходимо что-то, что смогло бы затронуть нас, потрясти до самой печенки. И благодарите, что нечто подобное, что тяжело выразить простым человеческим языком, все же существует.

4-7-4-1 Глас креста

Кровь Христа сравнивается с голосом, говорящим лучше вопящей крови Авеля (Евр 12,24; Быт 4,10). Точно так же заповедующий глас Яхве звучал “с крышки, которая над ковчегом откровения... при освящении жертвенника после помазания его” (Числ 7,89,88). Ковчег откровения был сделан из дерева ситтим, слова, корнем которого является “бичевать, пороть, прокалывать” - сплошные намеки на крест. И над этим деревянным ковчегом, после кропления кровью, говорил Яхве. Заметьте, как очистительная кровь неразделимо связана с местом суда во 2Цар 6,2 и Ис 37,16 - так, как будто перед нами предстает грядущий суд, решение которого зависит от нашего отношения к пролитой за нас Крови Господней. Распятый на кресте Господь Иисус был нашим “умилостивлением”, а точнее “очистищем” наших грехов, окропленной кровью крышкой ковчега откровения (в переводе 70-ти крышка ковчега откровения называется “очистищем”). “Там Я буду открываться тебе и говорить с тобою над крышкой... о всем, что ни буду заповедывать чрез тебя сынам Израилевым” (Исх 25,20-22). А потому Кровь Христа недвусмысленно ассоциируется с заповедующим голосом Бога. Так в Откр 19,13 имя Христа, "Слово Божие", неразрывно связано с тем, что Он одет в обгащенную крестной кровью одежду⁽¹⁾. То есть, Его Кровь приравнивается Его Слову. Кропление кровью, как по ветхому, так и по новому завету означает повиновение слову Божию (Евр 9,19,20). Так что кровь и слово Божие неразделимы.

Евр 12,25-29 идет еще дальше, сравнивая голос Крови Господней с голосом Божиим, поколебавшим землю при заключении ветхого завета, когда от этого голоса весь народ и даже Моисей, были в страхе и трепете (Исх 19,28; церковнославянский; Евр 12,21). Голос Крови Господней потрясает всё и вся, непоколебимым остается лишь одна надежда на Царство. Бог Своим гласом являет Свою праведность (Рим 3,25,26). Когда в 1Кор 1,18 говорится о “слове о кресте” (букв. о “слове крестном”), то тем самым выражается та же мысль, ибо когда мы слышим проповеданное нам слово о кресте, оно само начинает говорить нам. Павел возвещал Коринфянам “свидетельство Божие”, или же “Иисуса Христа, и притом распятого” (1Кор 2.1.2). Проповедь Павла была “в явлении духа и силы”, Божией силой и премудростью, будучи словом о Христе распятом (1Кор 1,17,23,24; 2,4,5). Воистину, что есть благовестие, если не проповедь креста Христовой (1Кор 1,17)? Всё здесь воедино связано между собой. Сам крест - свидетельство Божие. Именно по этой причине Павел утверждает, что сила креста совсем не зависит от силы и качества проповеди, высказанной человеческими словами, ибо наше красноречие и искусство вести полемику не нужно, а то и вредно для благовестия, ибо часто человеческая “культура” завуалирует самую суть благовестия. Незадолго перед

предстоящим распятием Спаситель, говоря о Свое приближающейся смерти, свидетельствовал об истине, ради которой Он и пришел в этот мир (ср. Ин 18,37 с Ин 12,27, где, опять-таки, причиной Его пришествия является крест). А потому Его смерть сама является свидетельством истины Божией. “Дела, которые Отец дал Мне совершить... свидетельствуют” (Ин 5,36), а потому, когда перед смертью на кресте было сказано, “совершилось”, тогда свершилось полное свидетельство. Когда Он был вознесен на кресте, видевшим это Иудеям стало ясно, что все Его слова об Отце были истинны, ибо они видели на кресте слово Божие, глаголавшее через Христа, видели на кресте всё, сказанное Господом за время Своего служения (Ин 8,28). Таким образом Кровь Господня была высказанным свидетельством для всех (1Тим 2,6). Смотри на крест и видя ишедшие воду и кровь, Иоанн пытается выразить свою мысль неуклюжими человеческими словами: “И видевший засвидетельствовал, и истинно свидетельство его; он знает, что говорит истину” (Ин 19,35). Годы спустя, он, помня об этом свидетельстве, писал о себе: “который свидетельствовал слово Божие и свидетельство Иисуса Христа и что он видел” (Откр 1,2). Ранее он также говорил о свидетельстве духа, воды и крови на кресте (1Ин 5,8). Похоже, что Иоанн тем самым хотел сказать, что смерть Господа, которой он был свидетелем, была свидетельством слова Божия и свидетельством Иисуса Христа. А поскольку он до сих пор верно свидетельствовал о всем виденном им, то такое же верное свидетельство будет и в Апокалипсисе.

В Ин 6 записано, как Господь учит о единстве веры, ведущей в жизнь вечную, о вере в Него, а также в Его слова, Кровь и Тело, ибо что слово Христово, в некотором смысле, и является Его Телом и Его Кровью, само проповедуя “слово о кресте”. Слово Христа уподобляется манне, а манна ассоциируется с Его смертью. Его слова, как и манна, дают жизнь (Ин 6,63), однако манна уподобляется Им Его Плоти, которую Он должен был отдать за жизнь (ст 51). И тут же Он говорит о приобретении жизни через поедание Его Плоты и питье его Крови, что, очевидно, является намеком на установленную Им трапезу Господню (ср. “хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя” с “сие есть тело Мое, которое за вас предается”). Есть его манну, питаться ею, выпить жертву крестную, жизненно важно, а то и просто необходимо, для понимания вечной жизни уже сегодня, дабы получить ее в будущем. Ибо ради жизни вечной необходимо пропитать себя и свою жизнь духом крестным, для чего Им и было предусмотрено хлебопреломление. Однако обратите внимание, как Господь на последней вечери взял этот хлеб жизни и, как гостям, передал его ученикам Своим. Принять хлеб означает принять и дар жизни, сокрытой во Христе Иисусе. Господь сказал, когда Его вознесут на кресте, *тогда* Иудеи узнают, что Он говорил исключительно чистую истину (Ин 8,28). И здесь крест является подтверждением всей истинности, “глаголанной” Господом.

Господь был словом, ставшим плотью, словом, сказанным нам Богом через пророков, а также через Его Сына (Евр 1,1,2). И в этом смысле Его откровение еще не закончилось. Ибо Господь Иисус продолжает говорить и сегодня голосом подобным шуму вод многих и острому с обеих сторон мечу, как то видел в показанном ему видении славы Господней Иоанн. Иоанн вдохновляет и возбуждает то, что они видели слово жизни, ибо Сам Господь Иисус был гласом, словом Божиим. Когда Иоанн пишет: “о том, что мы видели и слышали, возвещаем вам” (1Ин 1,3), то он тем самым не просто хочет передать нам слышанное от Господа. Он рассказывает нам о личности Иисуса, о том Человеке, Которого он знал, тем самым возвещая этим рассказом слово Божие. Ну, а если Сам Господь Иисус являл Собой слово Божие, то ничего нет удивительного в том, что с креста, на котором сфокусировалось всё то, кем Он был и есть, более громко прозвучал, обращенный к нам, глас Божий. Кстати, слово, ставшее плотью, должно быть видимо и в нас тоже. Ибо в нас самих существует свидетельство, являющимся свидетельством о слове и жизни Христа, о Его жизни вечной, живущей в нас (1Ин 4,12,13). Слово Господа Иисуса

не было свидетельством на бумаге, не было учением катехизиса, потому что Он Сам, Самим Собой все время являл слово Божие.

Но так же и мы должны собой являть слова Божии, свидетельствуя о них. Я не призываю не писать книг и статей, не говорю, что не нужно публично проповедовать... Просто я хочу сказать, что для людей самым сильным свидетельством являемся мы сами. То, как мы живем, как ведем себя являет и свидетельствует о слове и жизни Христовой, пребывающей в нас. Как слово Божие стало плотью, можно увидеть на примере Осии. Его жизнь и женитьба на блуднице предваряются тем, что это было началом “слова Господня” (Ос 1,2). Повеление жениться, было словом Божиим к Израилю, дабы на примере Осии показать Свою любовь к заблудшему Израилю. Образ женитьбы Осии был словом Господа к Израилю. Таким образом слово стало плотью. В Господе это становление было явлено в совершенстве, однако и нам, как и Осии, нужно являть собой слово Божие.

Примечание

(1) Об этом больше и подробнее, хотя и с другой точки зрения, написано у J.D. Crossan, *The Cross That Spoke* (San Francisco: Harper & Row, 1988).

4-7-4-2 Крест и испытание самих себя

Любой человек серьезно задумавшийся над крестом, обязательно придет к самокопанию, к самопознанию и испытанию самого себя, которое окончится неизбежным потрясением. В 1Кор 11 говорится как о хлебопреломлении, так и о предательстве. Иоанн, говоря о хлебопреломлении Христа с Иудой, цитирует пророчество: “ядущий со Мною хлеб поднял на Меня палу свою”. Вопрос, “не я ли?” должен стоять во главе угла на трапезе Господней. О том, что крест заставляет человека испытывать себя, говорится в нескольких местах Библии.

Когда Симеон держал на руках Младенца Иисуса, он разглядел в этом чудесном ребенке нечто ужасное, ибо предвидел, как Его душа будет пронзена (современный перевод) на кресте, “да откроются помышления многих сердец” (Лк 2,35). То же самое говорится и о дне суда (Мф 10,26; 1Кор 3.13; 4,5). В пронзенном Сыне Божиим должны открыться помышления сердец. Но тут возникает вопрос, открыться кому? Можно предположить (и это предположение будет правильным), что нам самим. Впрочем в Евангелии от Луки неоднократно подчеркивается, что Господу Иисусу были известны все помышления человеческого сердца (Лк 5,22; 6,8; 9,47; 11,17; 24,38). Разве не может быть так, что через крест Отцу и Сыну становятся известны помышления людские? Через крест Им видно, кем мы, ты и я, являемся на самом деле. “Светильник Господень - дух человека, испытывающий все глубины сердца” (Пр 20,27). Так что наше испытание самих себя являет нас Господу. А потому тем, что мы есть, являются наши мысли о трапезе Господней, что и как мы вспоминаем о распятом на кресте нашем Спасителе. Если за трапезой Господней я думаю о вкусе вина, о том, чем и как покрыт хлеб, если думаю о музыке или же о проповеди, против содержания которой бунтует все мое Христианское существо, если за трапезой, причащаясь образам Тела и Крови Христовых, я сижу как бесчувственный чурбан, совершая этот религиозный обряд лишь ради собственного душевного спокойствия, то это значит, что я просто не знаю Его. Тогда моя набожность лишь маска, а вера лицемерие. И это видит Он! Наш дух, наши мысли является светильником Господа, которым Он высвечивает нас насквозь. Нас являют наши мысли о кресте, на котором Он был распят. И не через чашу ли разгадал (распознал) Иосиф своих

братьев, будучи самым ярким прообразом Христа (Быт 44,5)? Из 1Кор 11,31,32 также видно, что наше осуждение самих себя перед хлебопреломлением, на самом деле является осуждением Господа: “Ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы. Будучи же судимы, наказываемся от Господа”. Когда мы читаем это место, то ожидаем, что после слов, “если бы мы судили сами себя”, Павел должен был написать, “наказываемся от Господа”. Но он не написал так, ибо наше осуждение себя, являет нас Господу и также является причиной нашего осуждения Им. Даже когда мы намеренно избегаем испытывать самих себя из-за инстинктивного неверия попасть в Царство, все равно наши сердца открыты пред Ним. Вероятно как раз из-за такой прочной связи хлебопреломления и осуждения, члены церкви первого столетия наказывались буквально Господом болезнями, а то и смертями, прямо за трапезой Господней (1Кор 11,29,30). Таким образом на собраниях еkkлeсии, и в частности за трапезой Господней, члены первых церквей исповедовались в своих грехах и молились за исцеление тех, которые были больны из-за них (Иак 5,14-16).

Все, видевшие крест, били себя в грудь (Лк 23,48). В Евангелии от Луки есть только еще одно место, где говорится о битье себя в грудь от отчаянного сознания своего греха, это место о смиренном мытаре (Лк 18,13). Разве это биеение в грудь не говорит о том, что “сие зрелище” убедило их в собственной греховности? Крест побудил их к раскаянию. Рассказ о кресте построен так, что главным в нем является реакция отдельных людей на виденное ими распятие. Те, кто бил себя в грудь очень похожи на сотника:

Сотник	Весь народ
видев	видя
происходившее	происходившее
прославил Бога	возвращался (раскаявшись)
и сказал	биа себя в грудь

Здесь видна параллель между прославлением Бога и возвращением (в покаянии, ибо слово “возвратиться” является однокоренным греческому слову “обращение”, которое, как правило, связано с покаянием), о необходимости которого очень много сказано Лукой (Лк 10,13; 11,32; 13,3,5; 15,7,10; 16,30; 17,3,4), как будто он понимал, что самым сильным толчком к покаянию является крест. В апокрифических “Деяния Пилата” 4,5 сказано, что “все толпы, собравшиеся на сие зрелище... возвращались, биа себя в грудь и проливая горькие слезы”. Однако рассказ о кресте заставляет не только отчаяться, но и поверить (Ин 19,35). Смирившийся человек, “ударяя себя в грудь, говорил: Боже! будь милостив ко мне грешнику!” Слова “будь милостив”, в Евр 2,17 переведены словом “умилостивление”, где говорится об очищении через крестную смерть Иисуса. Греховность человеческая побуждает его молить Бога пред крестом об умилостивлении. Он понимает необходимость креста, свою зависимость от него. А потому и нам нужно снова и снова возвращаться к кресту, ощущая и зная о той же самой необходимости.

Серьезные размышления о том, что было сделано Господом, должны оказывать на нас такое же серьезное влияние. Можно ли по-настоящему думать о Его муках, о кровавом поте так, чтобы это не трогало нас? Просто невозможно равнодушно и безучастно взирать на страдания Христовы. Во всех их есть нечто неотразимо притягивающее, почти мистическое. “Любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам” из-за

того что Христос “умер за нечестивых”, и потому что любовь Бога к нам была доказана (Рим 5,5,6,8). Как удар по скале произвел потоки вод, так пораженный Господь произвел воды Духа. Эта связь между пролитием крови Господней и изливанием любви в наши сердца возникает из-за того, что в верующем, вместе с приближением к жертве Господней и ростом пониманием ее, возрастает любовь и духовность. Явленная на кресте любовь Божия будет явлена и в том, кто по-настоящему знает и верит в нее.

1Кор 11,29 призывает перед хлебопреломлением рассуждать о Теле Господнем. То же самое греческое слово встречается и в ст 31: “Ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы”. Очень плохо, что перевод вуалирует связь между рассуждением и судом, ибо рассуждая о Теле Господнем, мы тем самым судим сами себя⁽¹⁾. Эти два понятия почти неотделимы друг от друга. Размышления и суждения о Его Теле, ведут к испытанию и осуждению себя. И здесь лежит ответ на часто возникающий вопрос: “Что нам испытывать, о чем рассуждать и кого судить? Свои собственные грехи, или все то, что связано с распятием и воскресением?” Если мы будем рассуждать о втором, тогда неизбежно будем судить и о первом.

В Ис 6,1-4 показано видение “Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном”, заполняющем краями ризы Своей, а также курением весь храм, когда “поколебались верхи врат”, на которых вешается завеса (подразумевается, что она должна была упасть - Ис 6,4). Обратите внимание на то, что в Откр 15,5-8, месте параллельном Ис 6,1-4, о завесе нет ни слова, доступ в Святое Святых открыт и дым славы наполняет весь храм. А это напоминает о том, как “завеса в храме раздралась надвое, сверху донизу; и земля потряслась” во время распятия (Мф 27,51). Слова о Господе, сидящем “на престоле высоком и превознесенном” у Исаии встречаются еще раз в Ис 52,13, где говорится о кресте Господа, на котором Он “возвысится и вознесется, и возвеличится”. В Ин 12,37-41 говорится, что видение в Ис 6 было видением славы Господа Иисуса, и сам Иоанн при этом цитирует Исаию как из 6-й, так и из 52-й главы одновременно, видя общность обеих глав, рассказывающих об одном и том же - о распятии Господа. А потому видение Господа в Ис 6, сидящего “на престоле высоком и превознесенном”, является видением Божией славы распятого на кресте Господа Иисуса, покрытого кровью и плевками Человека, вид Которого совсем не привлекал к Нему. Но главное в том, что когда Исаия увидел это видение, он тут же познал свою греховность: “горе мне! погиб я!” Однако то же самое видение и утешило его в надежде на прощение, вдохновив его предложить свидетельствовать Израилю о милости Божией. Так что и здесь видение креста убеждает в греховности и побуждает, вдохновляя к служению. Стоит также заметить, что видение из Ис 6 очевидно перекликается с видениями из Иез 1 и Откр 4, ибо и в них есть кое-что являющее славу распятого Христа, так как и они также вдохновляют таких людей, как Иезекииль и Иоанн, свидетельствовать своим духом, делами и жизнью среди отступничества. Еще раз слова, “высокий и превознесенный” встречаются в Ис 57,15, где говорится о Высоком и Превознесенном, вечно Живущем с сокрушенными и смиренными духом (ср. с Ис 53,5,10), т.е. с теми, кто сораспялся Господу. В этом месте Бог прежде всего говорит о Самом Себе - так же, как Яхве говорил о Себе ходящем по водам, Которого позже явил в хождении по водам Господь Иисус. В Новом Завете многое из применимого только к Самому Богу, также говорится и о Господе Иисусе, явившем Собой Отца. А потому и здесь мы видим тот же принцип. Высоким и Превознесенным в Ис 6 и 52 был Господь Иисус. В этих главах, а так же в главе 57-й говорится о Самом Боге, откуда Господь Иисус познал о глубинах креста, чтобы явить Собой превосходства Своего Отца. И потому-то Бог через Него и через Его крест может жить с сокрушенными. Получается так, как будто страдающий раб был превознесен на престол Божий, при этом все еще оставаясь способным сопереживать страдающим рабам. Та же самая мысль видна

и в Откр 4, где сидящий на престоле - закланный Агнец, ибо Его слава напрямую зависима от Его прежде пережитых страданий на кресте.

Откр 4,9 подобно видению из Ис 6 и говорит о грядущем суде. В видении же суда на престоле просматривается закланный Агнец так (Откр 5,6), как будто перед судом всем должно быть известно о жертвоприношении Господа. После суда праведные тут же воздают хвалу Господу Иисусу за Его жертвоприношение, понимая, что они навечно останутся перед Ним в неоплатном долгу за Его Кровь, пролитую на кресте (Откр 5,9). Таким образом крест неотделим от суда и вознаграждения на нем. Именно по этой причине день очищения некоторые называют “судным днем” (Sephardim).

Всё описание распятия построено так, чтобы выделить человеческую реакцию на крест, ибо ничто так не открывает сущность человека, как его отношение к распятию на кресте. В Евангелии от Марка, например, в описании распятия находим 5 отдельных составляющих, где третья, средняя часть, является описанием смерти Господа, окружена отношением людей к ней (прочитайте Мк 15,22-27, ст 28-32; смерть Иисуса - Мк 15,33-37; и после Мк 15,38-41; 15,42-47). Построение повествования о распятии в Евангелии от Иоанна похоже на Евангелие от Марка, отличаясь от него тем, что содержит в себе 7 составляющих: гл 19,16-18, ст19-22, ст 23,24; в середин ст 25-27; а затем: гл 19,28-30; ст 31-37; ст 38-42. У Иоанна в центре обращение Иисуса к Своей матери об усыновлении Иоанна. Для Иоанна это было квинтэссенцией всего, ибо для него самым главным было то, что Этот Человек оставлял Свою мать, и что Мария любила Его до самого конца... и что он, Иоанн, имел такую честь, быть там, все видеть и слышать, быть свидетелем происходящего.

В устрашающем рассказе о том, как левит разрезал свою наложницу на части и послал их во все колена Израильские, можно найти для себя важное наставление в совершении вечери воспоминания. Каждый, получивший часть ее тела, говорил: “Обратите внимание на это, посоветуйтесь и скажите” (Суд 19,30). Это было сделано для того, чтобы подобные слова вырвались из каждого сердца, побудив их затем к определенным действиям. Расчленение тела и рассылка его частей во все пределы Израилевы является ярким прообразом хлебопреломления, образным повторением того, древнего события. Задумайтесь о том, что являлось тенью будущих страданий Господних:

- расчлененное тело было “из Вифлеема Иудейского” (Суд 19,1);
- “убийство” было совершено с согласия священника;
- оно было совершено беззаконной Иудейской толпой;
- она была “выведена” к толпе так же, как был выведен Иисус (Суд 19,25);
- “делайте с ними, что вам угодно” (Суд 19,24) - по сути то же, что было сказано Пилатом;
- хозяин дома, как Пилат, хотел отговорить толпу.

Когда мы приступаем к образам Тела Господа “за нас ломимого”, трапеза Господня должна оказывать на нас точно такое же действие - на свет должны являться наши потаенные мысли, побуждающие нас к определенным действиям.

Примечание

(1) В Послании к Коринфянам Тело Христово предстает в образе еkkлeсии. Особенно в 12-й главе. А потому размышления о Телe Господнем перед хлебопреломлением не должны ограничиваться лишь Его буквальным телом. Нам нужно размышлять и о Его еkkлeсии. В 11-й главе 1-го Послания рассказывается о небратском поведении за трапезой Господней.

А потому, если мы не можем рассуждать, если не видим, если не понимаем Его естественного тела, тогда мы не сможем понять и Его братьев. А если так, то мы становимся виновными в Его крови, снова распинаем Его. Вот почему я снова и снова умоляю хорошенько все обдумать тех, кто использует хлебопреломление, как оружие для разделения Тела Господня. Тело, о котором нам нужно рассуждать при хлебопреломлении, очевидно, имеет прямое отношение к экклесии. Отказываясь преломлять хлеб с некоторыми членами этого Тела, мы ставим себя в опаснейшее положение.

4-7-4-3 Крест и суд

Итак, как сказал Иоанн, в 6-й главе книги Исаии Господь Иисус показан восседающим в славе на престоле. Однако в Мф 25,31 сказано, что Господь воссядет в славе на престоле только тогда, когда придет судить мир сей. Так что и здесь мы видим связь между крестом и судом. На престоле суда восседал (и восседает) Господь. “Господь царствует с древа” (Пс 95,10; в переводе 70-ти - образ судного дня а также дня смерти Господней). “Тростью будут бить по ланите судью Израилева” (Мих 5,10). В Мк 14,65 говорится: “били Его по ланитам”. Возможно, что именно в этом смысле “жезл” (одно и то же евр. слово, что и “трость” в Мих 5,1) успокаивал Мессию, ибо Он видел на Себе исполнение этого пророчества (Пс 22,4). Так и для нас самые мрачные минуты жизни могут обернуться большим утешением, если только мы посмотрим на них под правильным углом. Когда люди насмеялись над Ним и били Его, они тем самым готовили для себя осуждение в день суда. Умиравший Господь был Судьей Израилевым. И это объясняет то, почему когда мы предстает перед крестом, и не только за трапезой Господней, а в любое время, когда мы размышляем о Нем и Его смерти, мы в некотором смысле, являемся перед Ним на суд. Впрочем, воистину, любая встреча Бога или же Его Сына с человеком в некотором смысле является судом, если не осуждением, ибо яркость света Их неизбежно, по самой своей природе, высвечивает темные закоулки наших душ. На кресте мы видим самую что ни на есть суть славы Господа Иисуса. В Ин 12,31,32, где говорится о связи между Ис 6 и 53 с распятием, Сам Господь предсказал, что Его смерть будет судом миру сему, а также то, что когда Он будет “вознесен” (ссылка на Ис 6) от земли, то привлечет к Себе всех (ср. с тем, как “все” будут судимы: Ис 49,22; 62,10; Мф 25,32). Когда Он был вознесен, тогда Иудеи должны были познать свое осуждение (Ин 8,26-28). Так же полезно поразмышлять и над 1Пет 2,23, где сказано о том, что Господь умирая предавал Себя Судии Праведному (современный перевод). Однако в синодальном переводе это место выглядит так, как будто Отец видел весь этот мир недостойным ни Своего Сына, ни Его смерти. На греческом Ин 19,13 можно понять и так, как будто Пилат посадил Иисуса на место, называемое “Каменный помост”, перекликающееся с “делом камня сапфира” из Исх 24 (см. церковнославянский). В Евангелии от Петра 3,7 действительно написано: “и одели его в багряницу и посадили его на место суда, говоря: суди праведно, Царь Израильский”.

Выше мы предположили, что на кресте помещалось “седло”, место на которое мог бы для временного облегчения опираться распятый. Так некоторые описания распятий рассказывают о них, сравнивая распятого на кресте с посаженным на лошадь, а это уже наталкивает на сравнение креста с престолом. Так же примечательно то, что распятые, один по левую, а другой по правую сторону Господа, были один отвергнут, а другой оправдан. Покаявшийся злодей говорил другому: “Или ты не боишься Бога, когда и сам осужден?” Перед распятым Иисусом мы все осуждены справедливо (Лк 23,41), ибо буквально всем было очевидно, что на кресте был распят Праведник. Он был распят,

Праведный за неправедного, осужден за наши грехи. Каким-то образом покаявшемуся злодею удалось очень глубоко познать Иисуса, что видно из того, что он обращался к Нему, как к Господу, поняв, что через крест Он станет “Господом и Христом”. Злодей знал о грядущем суде, а потому и молил Господа помянуть его во благо. Скорее всего он тем самым намекал на Пс 105,4: “Вспомни о мне, Господи, в благоволении к народу Твоему; посети меня спасением Твоим”. На этого злодея должна была сильно повлиять очевидная связь между крестом и судом. Несомненно, что ему на ум приходили также и отчаянные мольбы Иосифа: “Вспомни же меня, когда хорошо тебе будет, и сделай мне благодеяние, и упомяни обо мне”, когда будешь у власти (Быт 40,14). Возможно, что этому злодею была известна молитва Господня, “да придет Царствие Твое”, и размышляя над ней, он пришел к выводу, что оно, благодаря кресту, действительно придет (“когда приидешь в Царствие Твое!”) Именно поэтому на кресте пред Ним он уже чувствовал себя судимым перед грядущим Царем грядущего Царства.

Нераздельность креста и суда также видна и в Зах 12,10, где говорится о том, как люди воззрят на пронзенного (распятого) Спасителя и будут рыдать о собственной греховности. Этот стих цитируется как в связи с исполнением этого пророчества на кресте (Ин 19,37), так и в связи с окончательным судом (Откр 1,7), ибо оба эти события неразделимы друг от друга. Как уже было замечено, крест разделяет людей на две категории: на ругавшихся над Господом воинов и уверовавшего сотника; на уверовавших членов синедриона и тех, кто смеялся над Ним; на оплакивающих Его женщин, которые не повиновались Его слову, и тех, о плаче которых не сказано ни слова, но которые стояли при кресте, видели происходящее и получали через то наставление; на народ, который бил себя в грудь и тех, кто ругался над Ним, спрашивая, придет ли спасти Его Илия. Задумайтесь на мгновение о плакавших и рыдавших женщинах, среди которых были и Его родственницы (Лк 23,27). Публичное оплакивание преступников на пути к месту казни были запрещены. “Родственникам (распятого) было запрещено оплакивать его” (Suetonius, *Tiberius* 61). О том же свидетельствуют Тацит (Анналы 6.19), Филон Александрийский (*In Flaccum* 9,72) и Иосиф Флавий (Иудейская война 2.13.3,253). Так почему же эти женщины подвергали себя такому большому риску? Видимо из-за власти креста. В любое время, когда нас охватывает бесчувствие, или же когда наши собственные страдания заслоняют боль и муку креста, каким-то образом размышления о кресте помогут избавиться от подобных чувств. Охватила печаль? Подумайте о кресте. Впрочем, вполне может быть и так, что большинство из тех плачущих и рыдающих женщин, увы, оплакивали Его не от чистого сердца, ибо Господь сказал им, что им нужно оплакивать самих себя за то, что они не слушают Его о том, что ожидает их и их детей в 70-го году.

Пророчество из Ис 63,1-5 одинаково может говорить как о кресте, так и о судном дне, ибо только так Раб Божий спасает и искупает народ Свой (и только Свой), когда Его одежды напоминают одежды Иосифа, одежды, которые послужили образом смерти и воскресения Господа... И это далеко не единственное пророчество, относящееся сразу и к распятию и к заключительному суду.

Похоже в Рим 8,34 также существует связь между смертью Господа и судом: “Кто осуждает? Христос Иисус умер...”, ибо это звучит так, как будто сама Его смерть является осуждением. Ветхозаветный суд, как говорит Господь, состоит из громового гласа, землетрясения и затмения солнца (Иоиль 3,16; Ам 1,2; Иер 25,30; Пс 45,7; Откр 10,3), и всё это ассоциируется со смертью Господа. Бог будет судить каждого по делам, будет судить знающих, что они “искуплены... драгоценною Кровию Христа, как непорочного и чистого Агнца” (1Пет 1,17-19). И здесь стоит серьезно поразмышлять о связи между судом и смертью Христовой, ибо от нашего “знания” креста зависит то, как мы будем судимы. Смерть Господа оказывает влияние на наши дела, и, как следствие, на судный

день. Мы будем судимы в зависимости от того, насколько сильно на наши ежедневные дела оказывает влияние крест.

Крест открывает помышления многих сердец (Лк 2,35) также, как они будут явлены и на суде (Мф 10,26; 1Кор 3,13; 4,5). О смерти Господа написано, что Он “моет в вине одежду свою и в крови гроздов одеяние свое” (Быт 49,11). Топтание винограда - образ суда, который используется здесь и в Ис 63,1-3, где говорится о том, что Господь топтал один точило во время Своей смерти. Впрочем, это место у Исаии одинаково подходит как для распятия, так и судного дня Господа Иисуса. А причина для этого в том, что Его смерть была осуждением этого мира.

Когда изумленные ученики спросили Господа о том, где и как будет происходить суд, Он ответил им: “Где будет труп, там соберутся орлы”. Возможно, самым позорным в кресте было то, что тело клевали стервятники, что часто случалась еще до наступления смерти распятого. Образ нагого тела, на которое слетаются орлы (верующие) - образ напоминающий о распятии. И несмотря на непривлекательность такого образа, в Библии не раз встречаются места, вызывающие в нас если не отвращение, то уж точно недоумение. Подумайте, например, как в Пс 77,65,66 Бог сравнивается с просыпающимся от пьяного сна исполином, которые поражает Своих врагов в тыл их. Когда я перечитываю это место, я каждый раз снова и снова протираю очки, чтобы по-настоящему понять, о чем здесь идет речь. То же самое относится и к Мф 24,28, где Господь, отвечая на вопрос Своих учеников о том, каким образом будет происходить суд, говорит, что в действительности судом для них станет Его распятие, и что им нужно прежде всего определить свое отношение к нему. Крест должен был собрать учеников всех вместе и дать им знание будущего приговора так же естественно, как естественно на труп слетаются орлы. Злодей на кресте хотел, чтобы Господь вспомнил о нем в судный день, а Господь ответил ему, что Он уже сегодня может объявить ему результат суда, а именно то, что злодей будет оправдан. Это выглядит так, как будто Господь уже тогда, среди поношений и мук, хорошо сознавал, что Он уже воссел на престоле суда. А потому и для нас Господь на Голгофе должен быть всегда судящим нас Судией. Очень может быть, что сказанное Господом синедриону о том, что они увидят пришествие суда Сына Человеческого (Мк 14,62), относилось непосредственно к Его кресту, ибо как еще они могли увидеть пришествие Его для суда?

Самой убедительной связью между крестом и судом является Ин 3,14-21, что больше походит на комментарий Иоанна, чем на слова Самого Иисуса. Параллели очевидны.

- дающая жизнь вера в вознесенную змею (в распятие) сравнивается с верой в распятого Христа;
- Бог возлюбивший мир - слова, в других местах сказанные о распятии (Рим 5,8; 1Ин 3,16; 4,10,11);
- Бог отдал Сына Своего (на крест - Рим 5,15; 8,32; 1Кор 11,24), дабы всякий верующий в Него имел жизнь вечную;
- Бог послал Своего Сына спасти мир (ср. 1Ин 4,10; Гал 4,4 с Ин 12,23,27; 13,1; 16,32; 17,1);
- свет пришел в мир (с Его смертью).

Всё это может прямо относиться как к Самому Господу Иисусу, так и к Его кресту. Здесь, в Ин 3, все эти слова предваряются сравнением Господа с змеей, вознесенной в пустыне. Сущность Господа, которая в действительности является сущностью Самого Бога, самым ясным и видимым образом была явлена на кресте. Только на нем были во всей полноте видимы каждому взору любого человека и Божия любовь, и Его слава грядущая в мир. И в

связи с этим Иоанн продолжает: “Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы; ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы, а поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его”. Если мы прежде всего видим “свет” креста, тогда нам становится более ясен и смысл суда мира сего. Господь говорил о Своей грядущей смерти, как о суде мира сего (Ин 12,31), тогда как здесь, Он сравнивал ее со светом, от которого прячутся люди, скрываясь от Него. Общность между светом мира сего и змеей вознесенной в пустыне, для Иудея должно быть была более очевидна, чем для наших современников. Сделанный Моисеем змей выставлялся на знамя, на котором также часто зажигали огонь (Ис 30,17; Песн 6,10). А потому под “светом” следует понимать не солнце, а нечто зажженное - лампу, или свечу. Свет, о котором говорил Господь, более похож на факел, горящий как знамя в пустыне. То же самое греческое слово встречается в рассказе о том, как темничный страж потребовал “огня”, зажженного факела, для освещения темницы (Деян 16,29). Сравнивая Себя с вознесенной на знамени змеей в пустыне, Иисус предлагал увидеть в Его распятии освещающий их души свет. И это объясняет то, почему Исаия сравнивает пришествие народов к знамени Христа, с пришествием их к свету мира сего (ср. Ис 5,26; 11,10,12; 18,3; 31,9; 49,22; 62,10 с Ис 42,6; 49,6; 60,3). В Лк 1,78,79 предсказывается, что Господь просветит сидящих во тьме, что и было исполнено Его смертью. Его пример на кресте стал светом, просветившим этот мир. Только при свете креста возможно настоящее испытание себя. Вероятно совсем не случайно, что огонь, у которого грелся Петр, назван тем же самым словом, что и “свет” (Лк 22,56). Как будто на Петре было показано, как свет страданий Христа, являет в человеке все самое тайное. А потому днем “света” является и распятие, и последний судный день, когда будут явлены на свет все наши дела (Лк 12,3). Таким образом испытывая себя перед крестом, мы тем самым уже судимся грядущим судом.

В Ис 45,20-24 говорится, как “все концы земли” обратятся к Богу праведному и спасающему (Иисусу) - очевидный намек на медного змея, воздвигнутого ради спасения. Именно поэтому “предо Мною преклонится всякое колено, и всякий язык будет исповедывать” свои грехи, радуясь тому, что “только у Господа... правда и сила”, и что только “Господом будет оправдано и прославлено все племя Израилево”. Это место цитируется в Флп 2,11, где говорится об отношении верующих к страданиям Спасителя. Однако это место также цитируется еще и в Рим 14,10-12 в связи с нашим исповеданием грехов пред Господом в судный день. Эта общность объясняется очень просто - перед крестом Господним мы преклоняемся исповедуя свои грехи, зная о том, что Его праведность вменена нам в предвидении того, когда мы, отчитываясь в своих неблагоприятных поступках, преклонимся перед Ним на суде. И то, и другое на удивление естественно. Нам просто нужно позволить, чтобы истинная вера в крест Его сама собой действовала в нас. На суде собой не похвалится никакая плоть - только Господом Иисусом (1Кор 1,29). Как и сейчас мы хвалимся “только крестом Господа нашего Иисуса Христа” (Гал 6,14).

Ср. Ис 45,23-25 с Рим 14,11,12, где говорится о нашем отношении к суду	В Флп 2 говорится о нашем сегодняшнем отношении к кресту Христову
ст 23: преклонится всякое колено	ст 10: преклонилось всякое колено
ст 23: будет клясться всякий язык	ст 11: всякий язык исповедал

ст 24: только у Господа	ст 11: что Господь Иисус Христос
ст 25: будет оправдано и прославлено	ст 11: в славу Бога Отца

Очевидно, что наше отношение к кресту уже сегодня определяет наше положение и на грядущем суде. Точно так же, как связь между крестом и судом образно показана в точиле. Этот образ, как образ суда Иисуса в топтании точила “за городом”, встречается в Откр 14,19 и Ис 63,1-6, что является ясным намеком на распятие Господа “вне врат” (Евр 13,12). Как говорил Господь, Его смерть стала судом миру сему.

Связь креста с судом дает хороший практический результат, ибо Господь говорит о нем, когда приводит три причины, по которым нам нужно отказаться от самих себя и взять крест, из которых самой важной является последняя: “ибо приидет Сын Человеческий во славе Отца Своего с Ангелами Своими и тогда воздаст каждому по делам его” (Мф 16,24,27). Взятие креста, делать то, что духовно для нас тяжело, так как по этим делам мы и будем судимы, являет то, насколько усердно мы несем крест, насколько мы отвергли себя. Перед крестом Христовым нам становится ясно, какими мы должны быть. То же самое будет явлено нам и на суде. Однако нам нужно быть такими уже сегодня. На кресте Господь Иисус “явился”, чтобы показать Собой то, Кем Он является на самом деле (Евр 9,26; 1Пет 1,19,20; 1Ин 3,5,8; 1Тим 3,16). Но то же самое греческое слово употребляется и в связи с явлением Господа Иисуса в Его пришествие (Кол 3,4; 1Пет 5,4; 1Ин 2,28; 3,2). И в этом состоит объяснение связи между крестом и Его пришествием, ибо каким Он был на кресте, таким Он явится и для суда. На кресте, чтобы спасти людей, Ему пришлось претерпеть плевки и ненависть человеческую, но точно таким же духом, несмотря на все свои слабости, должен обладать и весь народ Его.

Второе пришествие станет нашей встречей с Господом, Который умер за нас. Явление перед Ним будет подобно явлению нашему перед Его крестом. В Откр 16 рассказывается о втором пришествии, однако в этом рассказе тут и там проглядывается крест: “совершилось”, открыт доступ в храм небесный (Откр 16,17), землетрясение (ст 18), чаша вина (ст 19). Мы искуплены Кровью Иисуса, однако нашим искуплением также является и Его пришествие для произведения суда (Лк 21,28; Рим 8,23; Еф 4,30). По сути день распятия также еще является и днем суда. Точно также мы уже оправданы Кровью Иисуса, хотя полное, настоящее оправдание будет только на суде, как будто суд наш уже произошел на кресте, и мы оправданы верой в Господа так же, как будем оправданы в судный день. День суда приравнивается распятию Господом также, когда Он говорил о кресте и будущем суде, как о наступающем “времени” (Ин 5,25-29). Когда Господь говорил о “времени”, которое наступает, и которое “настало уже”, понятно, что Он тем самым хотел, чтобы мы осознали, что Его правильно понятое распятие, является судом этого мира и концом его для нас, верующих в Него, непричастного к греху. И то, что Господь Иисус был посажен Пилатом “в судейское кресло” (современный перевод), как будто Он был настоящим Судьей, еще раз подтверждает, что в Своих страданиях Господь был действительно Судьей этого мира⁽¹⁾.

Примечание

(1) For justification of reading the Greek *kathizo* as a transitive verb ['to sit someone down'], see I. de la Potterie, 'Jesus King and Judge According To John 19:13', *Scripture* Vol. 13 (1961) p.p. 97-111 and Wayne Meeks, *The Prophet-King* (Leiden: Brill, 1967) pp. 73-76.

4-7-4-4 Преломление хлеба и суд

Господь рассказал притчу о том, как некто, занявший первое место на браке (в экклесии), услышит упрек от Звавшего его, “и тогда со стыдом должен [будет] занять последнее место” (Лк 14,9). Мысль о том, что в пришествие Господа Иисуса один из Его званых окажется “в стыде”, среди прочего в Библии, относится к стыду осуждения, а потому, продолжает Господь, “когда зван будешь, придя, садись на последнее место”. Если “последнее место” кажется нам слишком постыдным и годящимся лишь для осужденных...тогда Он и отнесется к нам, сидящими сегодня за Его трапезой, как к “осужденным”. А что Господь подразумевал под браком? Может быть Он имел в виду преломление хлеба, вечерю Господню, Его трапезу, за которой мы сегодня выбираем себе места? Не нужно ли нам тогда (хотя это всего лишь часть наставления) присутствовать на ней с чувством осуждения, с чувством, что мы занимаем “последнее место”? И разве только в одном из собравшихся (и, что подчеркивается, только в одном) крест вызывает хоть какие-то внутренние чувства? Преломление хлеба на “браке” должно рассматриваться нами как образ, как тень грядущего “брака” Мессии в Царствии Его. И если мы искренне чувствуем, что зайдем в нем “последнее место”, тогда и сегодня за трапезой Господней мы постараемся занять место пониже, ибо когда мы находимся за трапезой, то наши сердца должны осуждать нас.

Господь Иисус четко сознавал связь между хлебопреломлением и Своим возвращением. Своему народу Он сказал (до и после последней вечери - сравните Евангелия), что им нужно совершать вечерю воспоминания о Нем не только “доколе Он придет”, но также и то, что Он Сам не будет вкушать от этой трапезы до Своего пришествия. А потому наше хлебопреломление является образом трапезы Господней в Царствии Его, ибо Он Сам использует образ ее, как признак нашего общения с Ним в пришествия Его. Раввины постоянно говорят о том, что пришествие Мессии должно произойти на Пасху. Раввин Иисус (Джошуа) первого столетия говорил, что “они были искуплены в эту ночь, и в эту же ночь они будут искуплены Мессией”. И на то существует много доказательств⁽¹⁾. Иосиф Флавий пишет, что именно по этой причине восстания Иудеев против Рима всегда проходили во время близкое Пасхе.

Все Иудейские праздники имеют некоторое отношение к преломлению хлеба. Писавший Послание к Евреям в благословляющем народ первосвященнике видел образ второго пришествия Господа с небес, благословляющего нас. И все они, хотя и по-разному, являются образом грядущего суда. Так в Мишне говорится, что “мир сей судится четыре раза в году”⁽²⁾. А из-за того что все хлебопреломление, вся трапеза Господня сосредоточена на кресте и вокруг креста, являющегося сутью осуждения этого мира, очевидно, что трапеза Господня является также и местом суда. Вся наша духовность заключается в нашем отношении к кресту, ко всему тому, что он значит. Как правило мне не нравятся альтернативные переводы, но в данном случае он уместен, ибо дает более ясное представление смысла 1Кор 11,29: “потому что каждый, кто ест или пьет (во многих рукописях нет “недостойно”), не различая тела (не судя о теле) Господа, тот ест и пьет в осуждение себе. Потому-то (потому что не различают, не судят) среди вас так много физически слабых и больных, а многие даже умирают”. Коринфяне не различали в хлебе Тела Господа, ибо они относились к нему, как к простой пище, удовлетворяющей всего лишь плотские человеческие потребности.

Трапеза Господня является осуждением нас самих себя. Это как бы предварительный суд. В 1Кор 11 говорится о том, как нужно вести себя на вечери воспоминания. Еще и еще раз в этой главе говорится о “собрании” братьев (ст 17,18,20,33,34). Когда о верующих говорится, как о “собравшихся” вместе, то часто по таким собранием подразумевается

собрание на суд. Сравните слова Господа: “Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них” (Мф 18,20), с словами о собрании всех нас на суд перед Ним (Мф 25,32). Также нам заповедано не “оставлять собрания своего” (Евр 10,25), и не забывать “о пришествии Господа нашего Иисуса Христа и нашем собрании к Нему” (2Фес 2,1). Собрание в церкви (Деян 11,26), собрание двух-трех вместе (Мф 18,20) - все это образы последнего собрания для заключительного суда (Мф 25,32). Заповедь испытывать себя (1Кор 11,28) включает в себя то же самое слово, что находится и в 1Кор 3,13, где говорится об испытании наших дел огнем в последний судный день. Если члены еkkлeсии преломляют хлеб недостойно, тогда они собираются “на осуждение” себе (1Кор 11,34). Именно поэтому нам нужно самим судить себя за трапезой Господней (1Кор 11,31). После испытания самих себя, мы обязательно придем к выводу о том, что “мы рабы ничего не стоящие” (Лк 17,10), и что негодны ни на что, кроме осуждения (ср. с Мф 25,30). Ведь именно по этой причине братья на самой первой вечери при преломлении хлеба, при словах Господа о предательстве Его, начали спрашивать, “не я ли” (Мф 26,22)? Они не сразу осознали, что предателями будут не они. И здесь возникает противоречие, ибо осудившие себя за трапезой Господней, не будут осуждены. Те же, кто уверен, что не будет осужден, вкушают вечерю с уверенностью в себе, но “на осуждение”. Иов знал, если он будет оправдываться, то его же уста обвинят его (Иов 9,20), ибо понимал, что осуждение себя, суд над собой происходит уже сегодня. Исаия также предвидел это и предсказывал о том: “Иди в скалу и сокройся в землю от страха Господа и от славы величия Его” (в настоящем времени). После чего он говорит о последнем судном дне Божиим: “И войдут [осужденные] в расселины скал и в пропасти земли от страха Господа и от славы величия Его, когда Он восстанет сокрушить землю” (Ис 2,10,11,19). В Ис 2,19 (в переводе 70-ти) словосочетание “расселины скал” является тем же самым, что и в Мф 27,51, в месте где говорится о распятии. Слова о распадении скал, типичны для описания суда (Наум 1,5,6; Зах 14,4). А так же сравните, как о том же говорится в проявлении Бога в 3Цар 19,11,12, где “веяние тихого ветра” сравнимо с гласом глаголавшего креста.

Зная об осуждении Божиим, а также лучше сознавая свое отношение с Ним, мы можем получить большую благосклонность, вкушая за трапезой Господней. Несмотря на то, что в это трудно поверить, в Гал 6,4 сказано, что мы можем сами “испытывать” свои дела и хвалиться ими перед самим собой. Несмотря на то, что испытание самих себя влечет за собой множество проблем, несмотря на то, что даже наша совесть иногда может обманывать нас (1Кор 4,4), все же мы, уже сегодня, можем себя судить, рассуждать о себе.

Общность преломления хлеба и судного дня в Новый завет перешла из Ветхого. Три раза в году все Израильтяне должны были “являться” перед Господом на праздники (Вт 16,16). Еврейское слово, переведенное здесь как “являться”, может также означать, “рассматривать”, “знать, узнавать”, “показывать”. И как раз именно в этом смысле народ “являлся” пред Господа, являя себя пред Богом и в тоже самое время познавая самого себя. В этом состояла суть всех праздников. Однако Яхве также предупреждает, чтобы они не являлись перед Ним “пустыми” (“тщетно, напрасно, праздно”). И в этом состоит очень яркий образ нашего явления перед нашим Господом на нашей Пасхе, ибо мы так часто являемся перед Ним “напрасно”, вместо того, чтобы действительно явить себя и Ему, и самим себе. Хорошо знакомый порядок проведения собрания, хорошо знакомые, а то и родные лица, знакомые гимны и псалмы... все это (что совсем не плохо само по себе) располагает “являться” нас пред Ним “тщетно”. Давид пишет о посещении на праздник дома Господня, как о посещении суда Его: “Возрадовался я, когда сказали мне: "пойдем в дом Господень"... куда восходят колена, колена Господни, по закону Израилеву, славить имя Господне (ср. с Господом Иисусом, прославившим Отца). Там стоят престолы суда (множественное число подчеркивает величие одного Божиего престола), престолы дома Давидова (т.е. Христа)” (Пс 121,1-5). Давид писал это очень хорошо сознавая, что Мессия

воссядет для суда на престоле в Иерусалиме в пришествие Свое. Не будет ли излишне самоуверенным предположение, что Давид в восходящих на Сион коленах Господних видел образ народа Божия, восходящего на сретение Господа и Его суда? Если так, то он видел в этом призыве исключительно одну только радость, нашу радость от призвания идти на суд, который должен закончиться для нас восхвалением Господа и веселием.

Еще один похожий образ находим в пророчестве об очищении Кровью Христа, показанном в “очистительной воде” (Числ 19,21). Однако это еврейское слово также переводится, как “нечистота” (Лев 15,24; Езд 9,11; Зах 13,1). Если человек прикасался к этой воде просто так, он становился нечист. Она очищала только в том случае, если человек пользовался ею по уставу (Числ 19,21). Именно по этой причине она описывается словом, имеющим двойное значение. И в этом виден точный образ нашего отношения к Господу: мы становимся нечисты, собираемся на осуждение себе, если не рассуждаем о Нем, и очищаемся, когда судим, когда думаем о Нем и о том, что Он сделал.

Очевидная связь между преломлением хлеба и суда в Его второе пришествие отчетливо видна в том, что нам заповедано совершать его “доколе Он придет”. Иудеи ожидали пришествия Мессии на Пасху, и Господь, похоже, не оспаривал этого. Слова Павла, “доколе Он придет”, были намеком на современную ему пасхальную молитву, произносимую о пришествии Мессии: “Да придет Господь, чтобы исчез этот мир. Аминь. Осанна дому Давидову. Кто свят, пусть подходит. Кто нет, пусть покается. Маранафа. Аминь”. Это место было переведено так: “доколе (подготовить все, чтобы) Он пришел”, “доколе (не достигнуто то, чтобы) Он пришел”⁽³⁾. Аналогичное построение фразы используется так же, когда говорится о втором пришествии (Лк 21,24; 1Кор 15,25; Рим 11,25). Таким образом каждая трапеза Господня приближает нас на один шаг к последнему пришествию Иисуса. А потому будет очень уместно ожидать, что Господь придет во время вечера любви, во время хлебопреломления. Однажды, в один из дней, когда мы духовно переживаем грядущий суд, он станет для нас уже не грядущим, а самым что ни на есть настоящим, реальным судным днем. Каждый раз, когда мы преломляем хлеб, мы “воспоминаем” вместе с Отцом Его Сына, а также необходимость Его второго пришествия.

Я уже когда-то писал о том, как часто Павел осмысливая сказанное Господом Иисусом, истолковывая Его слова. В Мк 4,22 Господь сказал: “Нет ничего тайного, что не сделалось бы **явным**, и ничего не бывает **потаянного**, что не вышло бы **наружу**”. Вдохновенными комментариями Павла на это место являются 1Кор 4,5: “Который и осветит **скрытое** во мраке и **обнаружит** сердечные намерения”; Рим 2,16: “Бог будет судить **тайные** [дела] человеков через Иисуса Христа”; и также, что важно в обсуждаемой нами теме, 1Кор 14,25: “И таким образом **тайны** сердца его **обнаруживаются**”. В 1Кор 14 говорится о поведении за трапезой Господней, что следует за рассуждениями Павла в 1Кор 11 и 12. Суть же его слов состоит в том, что если тайны сердца будут обнаружены на суде в последний день, то так же они должны обнаружиться и за трапезой Господней. Ибо здесь, за трапезой, мы предстаем перед крестом, перед которым выходят наружу потаенные мысли сердечные.

Примечания

(1) See Joachim Jeremias, *The Eucharistic Words Of Jesus* (London: S.C.M., 1973 ed.,) p. 206.

(2) Quoted in Leon Morris, *The Apostolic Preaching Of The Cross*, 3rd ed., p. 266.

(3) Joachim Jeremias, *op cit* p. 253.

4-7-4-5 Чаша Иосифа для гадания

Вся ветхозаветная история об Иосифе является яснейшим образом истории Иисуса Христа. Рассказ о приходе его братьев к нему и то, как они были приняты - одной из изумительных сцен грядущего суда. Странное поведение Иосифа объясняется желанием побудить своих братьев покаяться. Для того, чтобы они лучше узнали самих себя, он воспользовался своей чашей. Иосиф дает знать своим братьям, что именно через эту чашу он “разгадал”, узнал об их грехе. Он также подчеркивает, что украв чашу, они сделали худо (Быт 44,4,5). Несмотря на то, что они на самом деле не брали чашу, они сделали худо, когда продали его в Египет (Быт 50,20). Он был “украден” ими (Быт 40,15) точно так же, как они “украли” эту чашу. Именно по этой причине он обвиняет в воровстве всех братьев, а не только одного, предполагаемого “вора”, Вениамина (Быт 44,15). И братья в глубине души поняли, что имел в виду Иосиф, ибо вместо того, чтобы начать отпираться, доказывать, что это не они взяли чашу, они ответили: “Что нам сказать господину нашему? что говорить? чем оправдываться? Бог нашел неправду рабов твоих” (Быт 44,16). Очевидно, что они очень хорошо помнили, что сделали с Иосифом, думая, что никто и никогда не узнает об их грехе. И именно по этой причине *они все* согласились понести вину и стать рабами, несмотря на то, что очевидным виновником был только один из них, Вениамин. Чаша была найдена, и они поняли, что “Бог нашел неправду” всех их (Быт 44,10,12,16). Они осознали, что чаша обнаружила их “неправду” по отношению к Иосифу. Годы раньше, показывая Иакову одежду Иосифа, они говорили о ней, что “мы это нашли” (Быт 37,32)...

Эта чаша дала им осознать свою вину и принять заслуженное ими осуждение, а также показать свою собственную праведность, какой бы она не была (Быт 44,8). Эта чаша помогла понять им свое собственное настоящее, а не кажущееся положение. Обратите внимание на бросающуюся в глаза странность в Быт 44,9: “У кого из рабов твоих найдется, тому смерть, и мы будем рабами господину нашему”. Их вежливое “рабы твои” могло обернуться в действительное, самое настоящее рабство. Они смиренно обращаются к Иосифу, говоря, что “Бог нашел неправду рабов твоих; *вот, мы рабы* господину нашему”. Так вежливое и ничего незначащее, “рабы твои”, приобретает очень реальные и осязаемые формы. То же самое с нами может творить и чаша Господня. То, что “обыск” (Быт 44,12) проходил начиная со старшего и оканчивая младшим, говорит о том, как Господь признает виновными пред Собой, “начиная от старших до последних”. Всё это должно было дать им хорошую возможность для испытания самих себя. То же самое еврейское слово используется в Соф 1,12, где говорится, как Сам Бог осмотрит Иерусалим в поисках грехов.

Иосиф как бы хотел сказать им, что то, что они сделали с этой чашей, было сделано ему, что эта чаша была образом его самого. Естественно, это напоминает о том, как Господь торжественно взял чашу на вечери, говоря, что эта чаша есть Он Сам. Наше отношение к образам за трапезой Господней, является нашим отношением и к Нему Самому. Возможно, что мы слишком резко возмущаемся, когда православные и католики утверждают, что вино на самом деле претворяется в Кровь Иисуса. Конечно же, это не так, хотя Господь и говорил, что это вино *есть* Его Кровь, и что хлеб сей *есть* Его Тело. Эти образы для нас на самом деле являются Им Самим. Это образы, но образы не простые. Если мы к ним относимся равнодушно, если наше внимание сосредоточено при этом лишь на внешней стороне трапезы, то это означает, что таково и наше отношение к Нему Самому. Вот почему присутствие за трапезой Господней требует определенного настроения, ибо за ней происходит настоящая встреча с Иисусом. Если вечера Господня в

действительности является для нас вечерей с Ним (Мф 18,20), тогда чаша сия станет путем к познанию своей греховности, а значит, и к осознанию нашего спасения в Иисусе.

Слова братьев Иосифа точь-в-точь повторяются в Дан 10,15-17, где Даниил, распростершись перед Ангелом, образно переживает смерть и воскресение, переживая то же самое, что и братья Иосифа. Наши отношения с Господом в последний день будут такими же, как и при преломлении хлеба, наша “дерзость” в молитвах сегодня, будет явлена в “дерзости” предстояния на суде. Как Иосиф уверял братьев в своей любви к ним, так и Господь примет нас в радость Свою. Когда это произойдет на самом деле, то многие из принятых, не сразу поверят в оказанное им благодеяние (“когда мы видели Тебя...?”) Братья пред Иосифом печалились и сожалели о соделанном ими (Быт 45,5), чувствуя то же самое, что должны чувствовать отверженные (ср. с плачем и скрежетом зубов от ненависти к самому себе). Однако они были помилованы, и, как Даниил, позже могли беспрепятственно беседовать со своим господином (Быт 45,15). То же самое относится и к овцам, которые чувствуют, что будут отвержены на суде, которые осуждают сами себя сегодня... чтобы быть, в конце концов, оправданы. “Не печалиться” было сказано и покаившемуся Израилю в Неем 8,10,11.

Еврейское слово, переведенное как “гадает”, также означает “примечать” (Быт 30,27), так что чаша дала возможность “приметить” их. То, как мы относимся к образам трапезы Господней, дает возможность Господу приметить нас, приметить собираемся ли мы на осуждение себя, или нет. Наше испытание самих себя при преломлении хлеба, дает возможность и Господу испытывать нас, ибо дух человека, воистину, является светильником Господа (Пр 20,27). Он “примечает” нас благодаря нашему испытанию самих себя. Конечно, Он знает всё, однако это не исключает и этого способа для получения всей нужной Ему информации. Наши сердца открываются Богу через наше собственное испытание самих себя. И разве случайно, что однокоренным словом для “гадать” в еврейском языке является слово “змея”? Вознесение змея на знамя (ср. с вознесением Иисуса на кресте) было приметно всему народу. Крест открывает помышления многих сердец (Лк 2,35) так же, как они будут обнаружены в последний день (1Кор 3,13). А потому трапеза Господня и предназначена для того, чтобы мы за ней основательно испытывали сами себя, примечая в себе буквально все свои недостатки, что так тяжело сделать в простой повседневной жизни.

4-7-4-6 Закон о ревновании

Сама природа преломления хлеба приводит нас к сравнению его с ветхозаветным духом ревности, к Т-образному перекрестку нашей жизни. Коринфянам было сказано, что они своим хлебопреломлением возбуждают ревность Господа и поклоняются идолам (1Кор 10,22; перевод еп. Кассиана), что является явным намеком на “дух ревности”, о котором рассказывается в Числ 5. Сначала произносилось проклятие, после чего женщина пила воду наводящую это проклятие. Если она была преступна, тогда она пила эту воду “ко вреду ее”. Параллель, проводимая Павлом, создает образ невесты Христа, которая каждый раз при хлебопреломлении проходит испытание по закону о ревновании за трапезой Господней. А потому на вечере, перед тем как взять чашу, очень важно честно и без всякого снисхождения испытать всего себя - и не только последние несколько дней своей жизни.

Хлебопреломление приближает нас к кресту, который, в некотором смысле, является местом суда. Только два места есть рядом с престолом Господним - либо по левую, либо

по правую сторону от Него, и от нас зависит, по какую сторону от Него мы окажемся, сидя за трапезой Господней. Чаша вечери несет в себе двойное значение - либо благословение (1Кор 10,16; 11,25), либо осуждение (Пс 59,5; 74,9; Ис 51,17; Иер 25,15; Откр 14,10; 16,19)⁽¹⁾. Почему у чаши двойной образ? Вероятно, потому что Господь установил евхаристию для того чтобы тем самым явить перед человеком два пути в приобщении чаши Господней - либо она является для нас чашей благословения, либо чашей осуждения. А потому на каждом хлебопреломлении каждый из нас все дальше шагает по одному, из избранных им путей. Воистину, брак, вечеря Господня, является местом, куда приглашены и отверженные (Соф 1,7,8; Откр 19,7), и искупленные (Откр 3,20) - по образу имеющей двойное значение чаши Господней.

Не будет выходом из положение и отказ совершать хлебопреломление. Одним из образов трапезы Господней в прошлом было мирное жертвоприношение. Решивший принести мирную жертву, осквернялся, если не приносил ее во время, а также попадал под осуждение, если приносил ее будучи нечистым (Лев 7,18,20). Так что человек либо очищался, либо осуждался. Третьего не дано. Если кто-то ел мирную жертву будучи нечист, он должен был умереть, люди “не должны навлекать на себя вину в преступлении, когда будут есть святыни свои” (Лев 22,3,16). То же самое касается и нас, ибо и мы можем “навлекать на себя вину... когда будем есть” недостойно за трапезой Господней, причащаясь чаши Его. Либо мы совершаем хлебопреломление, либо нарушаем заключенный с Ним завет. Когда же мы совершаем преломление хлеба будучи нечисты, мы также нарушаем завет. Таким образом уже сегодня, уже сейчас через преломление хлеба, мы предстаем перед крестом и престолом Господа Иисуса. А это побуждает нас к нелицемерному испытанию самих себя. Если мы не испытываем самих себя и не знаем Христа, тогда мы не те, кем должны быть, “если, конечно, [мы] действительно смогли выдержать испытание” (2Кор 13,5; современный перевод). А потому испытание себя является контрольно-пропускным пунктом на нашем жизненном пути либо по дороге в Царство, либо по пути плоти. Если мы не испытываем себя, если не видим в себе Христа, то мы не выдерживаем испытание. У меня бы не хватило смелости высказать это в лицо любому из вас в проповеди перед хлебопреломлением... А вот Павлу хватило, ибо это важно, страшно важно и логично. В 1Кор 11,26 о хлебопреломлении сказано, как о заповеди, которую мы обязаны исполнять: “Ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придет”. Всякий раз, когда мы присутствуем за трапезой Господней, мы возвещаем миру сему смерть Его точно так же, как в Павле был видимый каждому предначертанный в нем, распятый Иисус Христос (Гал 3,1). Пасха также была предназначена, чтобы объявлять “что Господь сделал со мною” (Исх 13,8), искупая нас.

Когда народ возобновлял завет с Яхве (ср. с хлебопреломлением), то вновь подтверждалось согласие на осуждение при неповиновении Господу: “Проклят, кто не исполнит слов закона сего и не будет поступать по ним” (Вт 27,26). Если кто-то не повиновался закону, такой человек уже не мог избежать проклятия, осуждения себе.

Причащение хлеба и вина за нашей “пасхальной” трапезой является не только образом закона ревнования. Если Пасха совершалась нечистым, то такой человек был проклят. Однако человек должен был быть также истреблен от общества, если он не совершал Пасху, ибо на него также ложилось проклятие, если он совершал ее будучи нечист. А потому он никак не мог избежать этого праздника. Он обязан был совершать Пасху, и совершать ее в чистоте. То же самое касается и нас. Просто не преломлять хлеб, означает отказ от своих отношений с Господом. Ну, а если мы обречены причащаться за трапезой Господней, тогда нужно внимательно обыскивать все закоулки своего дома в поисках квасного, в поисках того малого, что порочно влияет на всю нашу духовную жизнь.

Хлебопреломление заставляет нас испытывать самих себя, приводя нас на распутье двух дорог. Это Т-образный перекресток, являющий собой последний суд, что видно на примере Иуды на самой первой вечери. Господь взял кусок хлеба, обмакнул его в блюдо (согласно еврейским традициям, с уксусом) и подал его Иуде. Это был особый знак оказанного внимания и любви, так что совсем не удивительно, если Петр и Иоанн наблюдали за этим не без чувства зависти и ревности. И после того, как Иуда принял этот кусок, после оказания ему такого знака внимания и любви, в него вошел сатана - он пошел и предал Господа славы (Ин 13.27). Иуда, в этом хлебе и вине, столкнулся с безграничной любовью Господа и с Его ни с чем несравненным самопожертвованием, оказанным Им для самого ужасного грешника, и это столкновение лишь утвердило злое намерение его незаконного сердца. Впрочем, к счастью для нас, любовь Господа и Его самопожертвование толкают и на другой путь. А потому мы можем спокойно выходить из-за трапезы Господней будучи вполне уверенны не только в своей греховности, но и в Его победе над ней, зная, что Его любовь останется непоколебимой, чтобы не случилось с нами на предстоящей неделе.

Испытание себя и, как следствие, осуждение себя, связывается с рассуждением о Теле Господнем, как будто рассуждение о Теле Господнем на кресте приводит к осуждению себя, а осуждение себя к рассуждению о Теле (1Кор 11,28,29). Нам нужно рассуждать о Теле Господа и испытывать, осуждая (одно и то же греческое слово) себя. Однако в Послании к Коринфянам Тело Господне это еkkлeсия, Тело Иисуса. Судить себя означает рассуждать, судить о Теле Господнем (1Кор 11,29,30). А значит, наше спасение зависит от того, как мы сегодня судим о своих братьях и сестрах, как мы судим о себе, членах Тела Христова, членах еkkлeсии. И здесь невозможно обойтись без любви.

Если мы, испытав себя, осуждаем себя сегодня, тогда Бог не осудит нас в судный день. Если мы отсекаем наши тела сейчас, Господу не нужно будет отсекал нас на суде (Мф 5,30). И в этом заключена жесткая логика. Если мы считаем себя невиновными, то осуждаем себя сами (Тит 3,11), если же мы сейчас осуждаем себя, то не будем, в конечном итоге, осуждены. Вот почему греческое слово, переведенное в 1Кор 11,28 “испытывает”, является однокоренным словом “искусные” в 1Кор 11,19 (а также в 1Кор 16,3; 2Кор 13,7; 2Тим 2,15). Осуждая себя, мы более достойно, более искусно начинаем судить о том, какими мы предстаем пред Богом. Именно поэтому существует такая прочная связь между нашим осуждением себя за трапезой Господней и осуждением на суде, на котором, хотя мы и будем осуждены, но спасемся по милости Господней (Иак 2,12; 3,1). Если мы не можем, или не хотим судить себя как должно ныне, тогда нас ожидает должное осуждение в судный день. А из этого следует неизбежный вывод, что уж лучше постараться испытывать и судить себя сегодня, чем быть осужденными в последний день. Однако то, что так легко понимается и сознается на духовном уровне, очень часто тяжело осуществить на душевном. Наше сегодняшнее осуждение себя в первую очередь необходимо не Господу, а нам самим. Когда неразумные девы поняли, что им не хватает масла (духовности), им, не в пример разумным, которые позаботились об этом заранее, было уже слишком поздно делать что-нибудь (Мф 25,13). В преддверии грядущего суда, прежде чем нас испытает огонь судного дня (1Кор 3,13), нам нужно самим испытывать и судить себя за трапезой Господней (1Кор 11,28).

Примечание

(1) Очень часто двойственность значения видна и в еврейском языке. Например, одно и то же еврейское слово может означать как “благословение”, так и “проклятие”, как “блудники”, так и “освященные”.

4-7-4-7 Хлебопреломление: практические советы

Итак, со знанием всего выше изложенного, приступим к преломлению хлеба. Многие из читающих эти строки живут вдалеке от своих единоверцев, либо редко встречается с братьями за трапезой Господней. Если это так, то совершайте, по возможности, хлебопреломление в одиночестве. Из своего собственного опыта, когда я оказывался в подобной ситуации, знаю, насколько сильно искушение не делать из хлебопреломления еженедельной привычки. “Это можно сделать завтра, или на следующей неделе... Скоро будет собрание, и вот тогда я преломлю хлеб...” Когда бы Господь не начинал говорить о Свое смерти, Его ученики быстро переводил разговор в иное русло. При внимательном чтении описания распятия в Евангелиях создается впечатление, что пришедшие поглазеть на это страшное зрелище, скоро уходили от креста прочь, не имея сил долго наблюдать за происходящим. То же самое происходит и с нами, ибо и мы стараемся отложить встречу с образами сущности креста, но даже когда мы находимся за трапезой Господней, наши мысли все равно норовят забрести куда угодно, лишь бы подальше от распятия, ибо мы готовы думать о вкусе вина, о том, чем и как покрыт хлеб, о музыке или же о проповеди, с содержанием которой я не согласен... Подобные мысли сплошь и рядом заслоняют образ креста.

Когда ты живешь вдалеке от остальных Христадельфиан, никто тебя не спросит, преломляешь ли ты хлеб каждую неделю? Когда мы все же встречаемся друг с другом, то ведем себя так, как будто это само собой разумеющееся дело нашей духовной жизни, чего может и не быть на самом деле. Однако, если следовать всем выше изложенным доводам, тогда преломление хлеба становится жизненно важно для нас частью благодати Божией, дарованной нам для нашего же духовного роста. Наши встречи с опущенными от стыда лицами со своим распятым Спасителем за трапезой Его, должны трогать нас до самых внутренностей. Это не просто обряд, выделяющих нас из массы людей как Христиан, это жизненно важное действие, являющее нашу духовность. А потому я просто спрашиваю тебя, совершаешь ли ты хлебопреломление каждую неделю? Несмотря на то, что на самом деле не дано заповеди преломлять хлеб каждую неделю, само общение с Господом заставляет спросить себя, а что мне мешает общаться с Ним за Его трапезой как можно чаще?

Но в любом случае, совершайте хлебопреломление так, как должно, а не просто ради успокоения совести, ради отдания долга, потому что так принято в вашей среде. Нужно знать о том, что среди всех групп верующих распространены похожие обряды, общеприняты одни и те же образы (например, хлеб = Телу, вино = Крови), причащение которым на торжественных собраниях приносят утешение, успокоение и некое удовлетворение. На первый взгляд мы ничем не отличаемся от остальных верующих, ибо и у нас присутствует та же самая обрядность, однако с другой стороны мы сильно отличаемся от всех остальных, ибо, по благодати дарованной нам, только мы являемся истинными поклонниками Божиими. Наше хлебопреломление значит гораздо больше, чем простой религиозный обряд, даже, несмотря на то, что на первый взгляд он и является таковым. Нам необходимо быть выше обрядности. Израиль совершал Пасху (ср. с преломлением хлеба), однако пред Богом это никогда не было Пасхой. Коринфяне одновременно причащались чаше Господней и чаше бесовской, преломляя хлеб и с Ним и с идолами (1Кор 10,21). Им было сказано, что они не могут делать этого. Они пили чашу Господню, но не перед Господом. Они вкушали вечерю Господню, однако на самом деле это было не так (1Кор 11,20). Вечерю Господню они превратили в простую вечерю. Они вкушали ее, но вкушали ее для себя. И то ж самое происходило на духовном уровне (1Кор

11,20,21). Так, например, со временем “Пасха Господня” в Новом Завете превратилась в “праздник Иудейский”. Они превратили Его Пасху в свою точно так же, как дом Божий в свой дом (Мф 23,38). Господь назвал закон Божий, данный им через Моисея, их законом (Ин 15,25). А потому и мы можем лишь создавать видимость преломления хлеба, не совершая его на самом деле. Возможно, все мы грешны в этом. Но не нужно коснеть в этом грехе. Израилю был задан риторический вопрос: “Приносили ли вы Мне жертвы и хлебные дары в пустыне в течение сорока лет” (Ам 5,25)? Из-за того, что они одновременно приносили жертвы Молоху, их жертвы и дары Господу не почитались за таковые. А потому я снова спрашиваю тебя, на самом ли деле ты совершаешь преломление хлеба, или нет?

А из всего этого следует, что мы не только должны совершать хлебопреломление, но должны находить время и духовный настрой для совершения его так, как должно. Обряд преломления хлеба в этом подобен обряду крещения, ибо совершая внешнюю часть обряда невозможно, хотя и желательно, помнить о всех внутренних, глубоко духовных высоких составляющих его. Впрочем, хотя это и невозможно, стремиться к этому надо.

Позвольте мне напомнить о некоторых очевидных нормах поведения при преломлении хлеба.

- Не вваливайте с шумом за трапезу Господню, если опоздали на нее. Займите свое место, по возможности, не беспокоя других. Всегда приходите со своими детьми, но постарайтесь проследить, чтобы они никому не мешали. Если приходится совершать преломление хлеба в одиночестве, постарайтесь ни на что не отвлекаться, а также приложите все усилия, чтобы никто и ничто не могло прервать ваше пребывание за трапезой Господней.
- Если вы комментируете прочтенной из Библии, если читаете проповедь, или же просто наставляете себя чем-либо из Библии, сконцентрируйтесь на Господе Иисусе и Его кресте. Его можно увидеть в любом месте Писаний. Не используйте это время для выставления на суд общественности своих собственных изысков, и не увлекайтесь изысканиями других.
- Не начинаете сразу же по окончании заключительной молитвы говорить (или думать) о повседневных житейских делах.
- В виду важности происходящего, будьте трезвы и серьезны. Не позволяйте легкомыслию вкратиться на вечерю. Находясь за трапезой Господней, мы находимся перед крестом Его, образно присутствуем на суде Его.
- И все же, по возможности, радуйтесь, выражая радость в музыке, или же еще в какой иной форме, однако так, чтобы эта радость не уводила в сторону от цели собрания. Сложные и многословные воспевания псалмов и гимнов, принятые на Западе, сами по себе не плохи, однако уделение им уж слишком пристального внимания может увести нас в сторону от главного, от Главы, от нашего Спасителя Господа Иисуса, от нашей благодарности Ему за Его любовь к нам.
- Не сдерживайте своих духовных порывов на вечери. Наше плотское “я” заставляет чувствовать стыд, а то и лицемерить, когда в нас происходят изменения. Пусть искренняя набожность и чистая совесть будут выше этого. Нам, наконец-то, необходимо понять, что вечеря Господня, для по-настоящему набожного сердца, является ничем иным, как сильным духовным потрясением. И в этом нет ничего плохого. Братья, не стесняйтесь своих слез за трапезой Господней!

И еще - не отделяйте преломление хлеба от всей остальной жизни. Оно должно естественно происходить после размышлений о любви Господа. В час, когда мы находимся за трапезой Господней, наше настроение, в принципе, не должно отличаться от

любого другого часа нашей жизни, ибо мы все, в любое время судимся, осуждаемся и утешаемся огромной и сильной любовью Отца и Сына, которая уже одна, по своей природе, стоит нашего постоянного (а не только час в неделю), пристального и сердечного внимания. Если наши повседневные мысли и чувства отличаются от мыслей и чувств при преломлении хлеба, тогда трапеза Господня превращается в обычное представление, разыгрываемое по заранее известному сценарию, с заученными словами и с разыгрываемыми на публику чувствами, которые не имеют ничего общего с миром, в который нам приходится возвращаться после вечери. С такой трудностью столкнулись Коринфяне. Их нежелание делить между собой принесенную еду за трапезой непосредственно перед их собранием за трапезой Господней, являло, что они не в состоянии причащаться образом Тела и Крови Господа так, как это было угодно Богу.

4-7-5 Важность преломления хлеба

Совершенно верно то, что преломление хлеба у Христиан стоит во главе угла, однако из-за того что в этой вечери есть нечто особенное, то существует тенденция создавать вокруг хлеба и вина мистическую ауру. А это приводит к тому, что значение этой трапезы и смысл ее не приносят той благодати, которую они могли бы приносить. Впрочем существует и другая крайность, когда, ставшее слишком привычным хлебопреломление, становится обыденным событием, когда притупляется чувство важности его.

В этом занятии мы постараемся рассмотреть основные аспекты преломления хлеба.

Вечеря воспоминания

Суть новозаветного хлебопреломления хорошо помогает понять сравнение его с праздником Пасхи, который был установлен для того, чтобы напоминать всему Израилю о том великом спасении, которое было совершено Богом в Чермном море. Египет - образ греха - был полностью побежден в водах моря. На этом празднике верующие Израильтяне всех возрастов, должны были говорить: “Это ради того, что Господь сделал со мною, когда я вышел из Египта” (Исх 13,8). Наши вечера воспоминания имеют то же двойное значение: вспомнить о своем собственном спасении, а также о спасении всего сообщества. Именно по этой причине за трапезой Господней должно присутствовать сознание общения с Богом, с друг другом и уже с почившими. Наше крещение является образом перехода через Чермное море (1Кор 10,1), а потому не будет ошибкой, если мы на вечери воспоминания вспомним о своем собственном крещении, о своем спасении от рабских уз греха и немощи. Павел говорит о чаше “благословения, которую благословляем” (1Кор 10,16), где он, возможно, употребляет слово “благословение” в Библейском смысле прощения (Деян 3,25,26). А потому, хотя прямо и не сказано о прощении через хлеб и вино, вечеря воспоминания все же напоминает нам о нашем прощении и спасении. Мы спасены в перспективе крещением и тем, что было сделано Господом на кресте, когда, также в перспективе, были прощены все наши грехи. Нам следует избегать учения католиков и православных о том, что хлеб и вино сами в себе имеют очистительную силу, ибо они всего лишь предназначены для того, чтобы напомнить нам о том, что уже было сделано нашим Господом. Именно поэтому первые Христиане совершали преломление хлеба в веселии, а не с грустью и беспокойством вспоминая о тех высоких стандартах, которых нам поставлены в Иисусе (Деян 2,46).

Потому что мы *вспоминаем* свое спасение, на вечери воспоминания не должно быть место для чувства вины. Иоаким Иеремия (Joachim Jeremias) дает целую серию цитат из

раввинской и исторической литературы о том, что произошло, “когда настал час, Он воссел” на вечери⁽¹⁾. Во всех же Евангелиях написано, что Иисус на последней вечери не воссел, а возлег со Своими учениками (Мф 26,20; Мк 14,18; Лк 22,14; Ин 13,12,23,28), возлег точно так, как было принято возлежать и на празднике Пасхи. Равви Леви писал, что “рабы ели стоя, однако за пасхальной трапезой все должны были возлежать, что служило образом перехода от рабства к свободе”. Тем самым подчеркивается, что наше преломление хлеба является образом освобождения от рабства. А это значит, что во время освобождения не стоит беспокоиться о том, что мы выходим в путь с грузом вины за плечами, ибо мы празднуем спасение и искупление от уз, которые были сняты с нас во Христе, в Пасхе нашей.

Испытание самих себя

Если хотите, можете подчеркнуть в своей Библии две фразы в 26-й главе Евангелия от Матфея. “*И когда они ели...*”, они начали спрашивать Его: “не я ли, Господи?” (Мф 26,21). “*И когда они ели, Иисус взял хлеб...*” (Мф 26,26). Если верить греческой грамматике, то вопрос, “не я ли, Господи?”, звучал на протяжении всей вечери. Нам всем знакомо, как Иисус взял хлеб, благословил его и преломив, раздал Своим ученикам, ибо то же самое происходит и на наших вечерах. Иными словами, все их собрание, среди прочего, было пропитано духом испытания самих себя, дабы узнать, не я ли являюсь возможным предателем своего Господа. Так, несмотря на всю радость и уверенность, о которых так часто говорится в церквах, эти уверенность и радость произрастают как раз из совершенно противоположного, из испытания самих себя о возможном падении и возможном предательстве Господа. На важность испытания самих себя косвенно намекается и в Ин 13,10: “омытому нужно только ноги умыть”, что является, в свою очередь, намеком на очистительное омытие левита (Числ 19,19). Тем самым Господь сравнивал находящихся за трапезой Его с очищением левитов, ибо видел Своих в образе священников. Ко всему прочему нужно помнить, что Господь произнес эти слова незадолго перед преломлением хлеба в ответ на нежелание Петра причащаться трапезы Господней, если она означала омовение, очищение. Своим ответом Господь дает понять, что крещение может быть только одно, а потому человеку нет необходимости креститься еще раз, однако ему необходимо снова и снова омывать свои ноги, что, как я полагаю, является образом преломления хлеба, в котором Петр не хотел принимать участия. Таким образом, несмотря на то, что через хлеб и вино и не получается чудесное прощение, все же между вечерей воспоминания и прощением существует неразрывная связь, примерно такая же, как между прощением и крещением. Не совершать преломление хлеба, как и отказ креститься, означает отказ от прощения в Крови Иисуса.

Если всё это правильно понято и осознано, тогда испытание себя перед преломлением хлеба не ограничится воспоминанием нескольких грехов, совершенных на прошедшей неделе, от которых мы каким-то образом надеемся очиститься через хлеб и вино. “Если бы мы судили сами себя (преломляя хлеб), то не были бы судимы” (1Кор 11,31). Наше испытание самих себя должно привести нас к выводу, что мы должны быть осуждены, и если мы по-настоящему осудим себя сегодня, тогда не будем осуждены в судный день. Из сути, сказанного Павлом в 11-й главе 1-го Послания к Коринфянам следует, что все наше внимание должно быть сосредоточено на жертве Христа. Однако заповедь испытывать самих себя основана на указании Израилю перед Пасхой выискивать в своих домах закваску (Исх 12,19). “Посему станем праздновать не со старою закваскою, не с закваскою порока и лукавства” (1Кор 5,8). На первой вечери ученики спрашивали, “не я ли, Господи?”, что также является прообразом заповеданного испытания себя за трапезой Господней (Мф 26,22). Испытание самих себя, основанное на памяти жертвы Господней и желании избавиться от старой закваски “порока и лукавства”, приведет нас к выводу, что

если мы действительно знаем Христа и Его победу, совершенную ради нас, то мы также обязательно осознаем и свои собственные слабости, которые были также преодолены Христом. Однако, еще раз напомним, что такое понимание приходит лишь с правильным осознанием победы Господней. Пасха была праздником, возвещающим всему окружающему миру о том, что Бог сделал Израилю. Точно также и наша вечеря является возвещением смерти Господа. А потому на наших вечерах должно присутствовать также и открытое возвещение другим о том, какую духовную свободу даровал на кресте нам Господь. Именно об этом необходимо говорить всем нам в те полчаса, которые отделяют нас от завершения преломления хлеба и мира сего.

Если мы по-настоящему знаем Христа, если мы радуемся достигнутому Им спасению, мы захотим совершать хлебопреломление как можно чаще. “Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди”. Не приходится сомневаться в том, что хлеб и вино за трапезой Господней делают Его присутствие более реальным. Чем сильнее Израильтяне верили в то, что Бог освободил их из Египта, тем сильнее они стремились совершать Пасху. Так и наше отношение к преломлению хлеба отражает нашу уверенность в спасении и прощении. Ни большие расстояния, ни всевозможного рода обязанности и заботы, ни некрещенные члены семьи не смогут встать на пути искреннего верующего перед совершением хлебопреломления, даже, если оно совершается и в одиночестве.

Важность преломления хлеба

Стоит отметить, что освобождение Богом из Египта было обусловлено целым рядом вещей, одной из которых была заповедь совершать Пасху ради воспоминания о том, что Бог сделал им. А потому именно поэтому так часто написано, “храните сие... на веки... соблюдайте сие служение”. А потому перед крещением (ср. с пасхальным спасением) необходимо объяснять, почему нам необходимо совершать хлебопреломление. То, что вечеря воспоминания является возвещением смерти Господней (1Кор 11,26), является намеком на вторую, из четырех, чаш Иудейской Пасхи, называемой “чашей возвещения”. Из нее пили после чтения 112-го и 113-го (первые 8 стихов у евреев) псалмов, в которых возвещается об освобождении Яхве Израиля из Египта. А потому наше преломление хлеба является нашим возвещением миру сему о том, что мы по-настоящему верим, что мы были спасены от этого мира и находимся на пути, ведущему к Царству. Да не будет, чтобы наше преломление хлеба превращалось в простой обряд, либо привычку. Через хлеб и чашу спасения мы возвещаем не только о своем собственном спасении, но и о спасении всех истинно верующих.

Соблюдение Пасхи было настолько важно, что тот, кто “не совершит Пасхи, - истребится душа та из народа своего, ибо он не принес приношения Господу в свое время: понесет на себе грех человек тот” (Числ 9,13). Из Числ 9,10, а также из примеров совершения Пасхи во времена Езекии и Иосии, можно прийти к выводу, что лучше совершить Пасху, даже если не все делается по уставу и в некоей нечистоте, чем совсем не совершать ее. И об этом стоит помнить, когда приходит ощущение, что ты недостойн причащаться образом Тела Господня, или же когда у человека есть некоторые проблемы с вином. Моисей, при заключении завета, обязал народ словами: “вот кровь завета” (Исх 24,8). Те же самые слова повторил и Господь на первой вечери, устанавливаемой Им евхаристии (Мк 14,24). Вот, насколько это важно! Хлебопреломлением мы показываем, что мы храним завет, что мы являемся особым народом Израиля Божия среди языческого мира. Позже “кровь завета” в Иудаизме превратилась в кровь обрезания (ср. с Быт 17,10), а потому очень может быть, что Господу было угодно выявить сравнение между обрезанием и преломлением хлеба. Ибо именно это приходило на ум первым Его слушателям⁽²⁾. Вот насколько необходимо и важно причащение трапезе Господней.

“Истребится душа та из народа своего... понесет на себе грех человек тот” - слова, которые могли бы быть написаны и в Исх 12,15, где говорится о человеке употребляющим в пищу вместо пресного хлеба квасной, и в Быт 17,14: “Необрезанный же мужского пола (отказавшийся обрезаться)... истребится душа та из народа своего, [ибо] он нарушил завет Мой”. Обрезание было ветхозаветным крещением. Долгий период времени, проведенный человеком без преломления хлеба, говорит о том, что этот человек больше не находится в завете с Богом. Из-за неправильного поведения за трапезой Господней многие Коринфяне были “неможны и больны и немало” из них умирало (1Кор 11,30), возможно, будучи наказанными через апостолов, обладавших силой поражать отступивших верующих болезнями, а то и смертью. Вот насколько важно было, чтобы вечера проходили благопристойно и чинно. Внимательный ученик Библии заметит общность между хлебом и вином, приносимыми ежедневно во всесожжение по закону Моисееву, с преломлением хлеба за трапезой Господней. А эта общность явно говорит нам о том, что дух трапезы Господней должен нас сопровождать с утра до вечера. Уверен, что не найдется ни одного верующего, который бы не сожалел об утрате духовного подъема и возвышенности чувств, которые он испытывал во время преломления хлеба.

Хлебопреломление называется трапезой Господней в 1Кор 10,21, но в Ветхом Завете “трапезой” называется также и жертвенник (Иез 41,22). Питаясь с этого жертвенника, мы причащаемся ему, а также Господу Иисусу (1Кор 9,13; 10,18; Евр 13,10). Если мы не причащаемся этих образов, то мы тем самым заявляем, что не имеем в Нем части. Если же мы являемся причастниками Его, то тем самым являем, что не принадлежим миру сему, ибо невозможно одновременно вкушать за трапезой Господней и за трапезой этого мира (1Кор 10,21). Пасха, прообраз хлебопреломления, приправлялась горькими травами, дабы напоминать Израилю о горькой жизни в Египте (Исх 1,14). Наша трапеза Господня должна также напоминать о том, что возвращение в мир является возвращением не к свободе, а к рабству и горечи.

Несмотря на то, что прощение не является чудом, полученным на вечерах воспоминания, сама вечеря, сама трапеза Господня является жизненно важной частью прощения грехов любого верующего. Когда Петр не хотел участвовать в преломлении хлеба, Господь напомнил ему, что любой крещенный, действительно, считается омытым, а потому и чистым, но все же нуждается в периодическом омытии своих ног. А это был явный намек на преломление хлеба (Ин 13,10). Об очищении также говорится и в Ин 15,2, где рассказывается о том, как Отец очищает на лозе всякую ветвь, приносящую плод, чтобы она более принесла плода. Разве это не говорит о влиянии на нас причащения хлеба и вина на вечера Господней?

Трапеза Господня - предупреждение

Безусловно, нехорошо не собираться вместе. Если мы любим своих братьев, то будем искать возможность видеться с ними. При этом нам необходимо преодолевать свой естественный эгоизм, свое желание уединения. Разве не об этом говорится в Евр 10,25? На первый взгляд можно прийти к выводу, что оставление собрания приравнивается здесь к произвольному греху, который лишает нас от спасения.

Будем держаться исповедания упования неуклонно	Неуклонно (не возвращаясь в Иудаизм, что следует из всего Послания)
Будем внимательны друг ко другу, поощряя к любви	Не будем оставлять собрания своего

Будем увещевать [друг друга]	Как есть у некоторых обычай (под “некоторыми” подразумеваются те, кто оставил Христианство)
	Если... произвольно грешим, то не остается более жертвы за грехи
	Некое страшное ожидание суда и ярость огня
	Отвергшийся закона Моисеева
	Кто попирает Сына Божия и не почитает за святыню Кровь завета - те, кого ждет осуждение, те Христиане, которые пожалели о своем обращении и вернулись в синагоги, тем самым совершив, по мнению Павла, одно из богохульств.

Разве не пугают те страшные вещи, о которых написано в правой колонке, и которые ожидают уверовавших в Господа Иисуса, но по каким-то своим причинам оставивших свое собрание по воскресеньям? Разве вас не пугает произвольный грех против Господа Иисуса? А ведь это как раз и является главным, чему посвящено все Послание к Евреям, ибо оно было адресовано евреям-Христианам, которые, под воздействием Иудеев, стали оставлять веру в Христа и возвращаться к Иудаизму. Под оставившими собрание можно, а может быть и нужно, понимать тех, кто совсем оставил Христианство. Во 2Пет 2,15 также говорится об “оставлении”, но уже заблудших с прямого пути, и тоже, евреев. А потому предполагаю, что “оставление собрания своего” больше говорит об отвращении от Христа и возвращении к заблуждениям, чем простое непосещение церкви, как часто думаем и говорим мы. Писавший Послание горько сожалеет, что “некоторые” оставили собрание (Евр 10,25). А это напоминает другие места в том же Послании к Евреям, где говорится о тех, “некоторых”, которые вернулись в Иудаизм. “Смотрите... чтобы не было в *ком* (то же самое греческое слово) из вас сердца лукавого и неверного, дабы вам не отступить от Бога живаго.... чтобы *кто* из вас не ожесточился, обольстившись грехом... Ибо *некоторые* из слышавших возроптали (из тех евреев, которые оставили надежду в пустыне на Царство)... (А потому надо опасаться, чтобы) не оказался *кто* из вас опоздавшим... чтобы *кто* по тому же примеру не впал в непокорность” (Евр 3,12,13,16; 4,1,11). Да и на самом деле, после слов о “некоторых” оставивших собрание, в Евр 10,28 говорится о том, “*кто* нарушал закон Моисея” (современный перевод), где употребляется то же самое греческое слово. Так что в Послании пример с евреями в пустыне, отворотившимися от духа Христа в Моисее и надежды на царство, приводится как предупреждение тем “некоторым” в еkkлeсии, кто решил оставить надежду на Царство Божие. И позвольте настоять на этом. Я ни в коем случае не хочу сказать, что нам нужно кое-как относиться к нашим собраниям. Вовсе нет! Просто я считаю, что я прав, настаивая на том, что если кто-то по каким-то причинам не посещает наши собрания, не стоит обвинять его в предумышленном грехе и пугать страшным судом, о котором говорится в 10-й главе Послания к Евреям. Ведь это место говорит как будто о том, что “если кто не почитает воскресного дня, если кто перестал собираться с нами, то это значит, что он перестал собираться с Богом и Его Сыном”. Ну, что ж, бывает.

Для некоторых посещение воскресных собраний по каким-то причинам бывает затруднительно, однако, как говорит Павел, есть только один хлеб, есть только одна чаша,

причастниками которых должны быть крещенные в одно Тело. Даже отлучение от общения является всего-навсего лишь местным раздором между тобой и еkkлeсией, ибо когда бы ты не причащался к этому одному хлебу и к этой единственной чаше, ты причащаешься одного Тела Иисуса - даже, несмотря на то, что кто-то говорит, что это и не так. Можно не поддерживать отношения с еkkлeсией, а еkkлeсия может не поддерживать отношений с тобой, но ничто не может отлучить нас от Тела, Крови и любви Иисуса. Никто не имеет права говорить, что ты уже не член Тела Господня. Стоит более внимательно отнестись к 18-й главе Евангелия от Матфея, на которую частенько ссылаются в таких случаях. Если брат согрешит против тебе, сначала поговори с ним, потом вовлеки в разговор церковь, и только после этого, если он продолжает грешить, “да будет он ТЕБЕ, как язычник и мытарь”. Я специально выделил слово “тебе”, чтобы привлечь внимание к тому, что здесь говорится о твоём личном отношении к брату, а не об отношении всей еkkлeсии. А какое было отношение к язычникам и мытарям Иисуса? Он общался с ними, сидел с ними за одной трапезой, стараясь спасти их.

Но на этом Мф 18 не заканчивается. Петр спрашивает: “Господи! сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня?” Иисус ответил, до 70 x 7, т.е. почти до бесконечности. Своим ответом Господь дает понять, что ты, конечно, можешь перестать общаться со своим братом, пройдя через положенную Им процедуру, однако намного будет лучше, если ты все же простишь его. Это подобно прелюбодеянию по закону Моисееву. Перед мужем стоял выбор: он мог провести жену через закон ревнования, сделав ее бесплодной, мог побить ее камнями, развестись с ней, или же просто простить. Перед всеми нами поставлен высокий уровень, к которому нам и нужно стремиться. Цитирующие Мф 18 с целью исключить кого-нибудь от общения, по-моему, находятся на духовном уровне ниже, чем прощающие до 70 x 7 раз. Однако милостивый Господь примет в последний день и их.

Собрание

И вот по этим и другим причинам братья и сестры проходят пешком многие мили под жгучим Африканским солнцем, тратят на дорогу многие часы на морозе в Восточной Европе, проезжают на машинах сотни километров в Северной Америке, и все это лишь ради того, чтобы собраться вместе за трапезой Господней. Но почему? Почему не совершить хлебопреломления просто дома? Ответ на это находится в том, что преломление хлеба (наподобие Пасхи) служит для того, чтобы напомнить о спасении дарованном всему Телу Христову, к которому принадлежит и каждый из нас в отдельности. Об этом надо обязательно помнить и тогда, когда хлебопреломление совершается в одиночестве. Именно по этой причине, те, кто преломляют хлеб одни, стараются делать это в одно и то же время, что и их собравшиеся вместе братья. “Хлеб, который преломляем, не есть ли приобщение Тела Христова? Один хлеб, и мы многие одно тело” Христово (1Кор 10,16,17). Хлеб является образом тела Христа, однако в Новом Завете еще и еще раз говорится о том, что Тело Христово составляют верующие. Являясь частями Тела Христа, мы общаемся друг с другом. Павел показывает это на ветхозаветном примере: “Посмотрите на Израиля по плоти: те, которые едят жертвы, не участники ли жертвенника” (1Кор 10,18)? Мы являемся живыми жертвами, положенными на жертвенник, на Христа (Рим 12,1; Евр 13,10). Жертва, положенная на жертвенник, уже почиталась и сама как сам жертвенник. Христос был распят на кресте, как и все верующие в Нем, так что, в определенном смысле, Христос и верующие на кресте стали одним и неделимым целым, каким целым они и являются по ныне, о чем и говорит образ живого Тела, Тела Христа. А потому желание живого общения с Ним означает желание общения и с членами Его Тела. Нам нужно “рассуждать” о Телe Господнем (1Кор 11,29), а также судить себя (то же самое греческое слово, что и “рассуждать”) за трапезой Господней

(1Кор 11,31). Рассуждая о Теле Господнем, мы рассуждаем о себе, ибо являемся членами Его Тела. А это влечет за собой испытание самих себя при преломлении хлеба, как каждого в отдельности, так и всего Тела, Христа.

“Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них” (Мф 18,20) - слова, обещающие особую близость Господа, когда мы собираемся вместе. Каждый, хоть раз приложивший настоящие усилия, чтобы побывать на собрании, знает эту истину. Наше сообщество имеет одну особенность, а именно ту, что многие живут относительно далеко друг от друга, а потому об этом истинном благословении собрания Господнем им известно не понаслышке. Близость общения, которое достигалось за пасхальной трапезой в Израильских семьях, собранных вокруг закланного агнца вместе с чувством любви и благодарности к Богу, объясняет почему Израильтяне неоднократно предупреждались, чтобы они не совершали Пасхи с теми, кто не состоит в завете с Богом. Утверждения, что наше общение происходит только с Богом затуманивает суть преломления хлеба и ведет к совершению его с еретиками, что противоречит прообразу совершения Пасхи.

Господь совершил вечерю воспоминания как Пасху, однако при этом введя некоторые изменения. “Он был узан [учениками] в преломлении хлеба” (Лк 24,35) потому, что Иисус, чужак и странник, первым начал произносить молитву, тогда как в то время было принято, что пищу благословлял хозяин дома. Иоаким Иеремия (Joachim Jeremias) приводит доказательства того, что “во времена Иисуса за пасхальной трапезой каждый пользовался своей чашей”⁽³⁾. В Мк 14,23 однако говорится, что на вечери Господней все пользовались лишь одной чашей: “И, взяв чашу, благодарив, подал им: и пили из нее все”. Ни у кого из них не было своей чаши, чтобы пить из нее. Господь дал им пить из Своей, Собственной чаши, тем самым сделав их причастниками ее, причастниками чаши страданий и конечной радости. Мысленно представьте себе, подумайте о том, как спокойно и решительно Господь взял чашу (Лк 22,17), зная, что она собой представляет. Павел говорит о той же самой “чаше”. Подобное изменение в установленном порядке совершения Пасхи говорит о том единении, которое принесла Его смерть, Его Кровь и Его жизнь среди тех, кто причащается им. Кстати говоря, именно по этой причине я всегда был против того, чтобы за трапезой Господней пользовались своими чашками, ибо это похоже, пусть на несознательное, но возвращение к Иудейскому преданию. Я уже писал о ясно видимой связи между смертью Иисуса и нашим единством. Так вот, лучшим напоминанием об этом единстве является трапеза Господня. Нежелание причастия за трапезой с кем-либо из братьев или сестер - вещь серьезная. Очень печально, но факт, хлебопреломление чаще используется нами не для единения, а наоборот, для отлучения кого-нибудь. И к сожалению, это действительно так. Из сравнения Лк 22,20 с Мк 14,24 видно, что Господь как будто хочет сказать, что эта чаша, разделенная между ними, и “за многих изливаемая”, изливалась не только за них. Пасха совершалась с тем, чтобы напомнить о спасении всего народа, а значит и каждого в отдельности поклоняющегося Богу. А поэтому будет совершенно не верно настаивать на совершении хлебопреломления в одиночку, или же совершать его не думая об общем искуплении не только каждого отдельно, но и всего народа в Нем.

Единство верующих при преломлении хлеба видно и в Деян 2,42, где мы читаем о том, что заключившие новый завет постоянно пребывали

в учении Апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах.

Очень может быть, что это является описанием порядка совершения служения на первых вечерах Господних, которые начинались с проповеди Апостолов, после чего происходило “общение”, или же совместное принятие пищи, названное “вечерей любви” в Иуда 1,12,

после чего следовало само хлебопреломление (по установленным порядком совершения Иудейской Пасхи), заканчивавшееся молитвами, которые могли включать в себя и пение псалмов. Совершение такой трапезы было признаком обращения и причастия к Телу Христову. что было очень важно.

Тело ломимое?

Размышления о том, что хлеб представляет собой Тело Христово, заставляют задаться вопросом: “Если сбылось Писание, кость Его да не сокрушится, почему на вечери мы творим воспоминание о Телес Его ломимом?” Прежде всего нужно понять, что выражение “преломить хлеб”, или “есть хлеб” является идиомой простого принятия пищи (Ис 58,7; Иер 16,7; Плач 4,4; Иез 18,7; 24,17; Вт 10,18; Иов 42,11). Слово “хлеб”, так же как у арабов слово “соль”, обозначает любую пищу. А потому словосочетание “преломление хлеба” не всегда стоит понимать в строгом значении этих слов. При этом нам необходимо также избегать общераспространенного заблуждения, что вспоминая о Телес и Крови Христа, мы вспоминаем лишь Его настоящее тело и кровь. Подобное “воспоминание” годится лишь для тех, кто думает что простой хлеб и простое вино могут сами по себе обладать какой-то мистической силой. Брат Роберт Робертс в “Крови Христа” пишет, что “не буквальная кровь для нас драгоценна и полезна, но то, что связано с ней, с ее пролитием”. То же самое можно сказать и о теле Господнем. Его кровь и тело ничем не отличались от тела и крови любого другого человека.

То, что мы стремимся найти образность в Его ломим Телес, уже говорит о том, что в Его буквальном теле, которое не было ломимо, нужно видеть нечто большее, чем простые плоть и кровь. Да и на самом деле в 1Кор 10,16,17 хорошо видно, что наше причастие “Телес Господня” через хлеб является образом всего Телес верующих, тогда как Его естественное тело не дает никакого спасения. Так же и Пасха совершалась не ради воспоминания о пролитой крови самого первого пасхального агнца, а ради спасения, совершенного Богом для всего Израиля посредством этого агнца. Христос “грехи наши Сам вознес телом Своим на древо” (1Пет 2,24), и вознес Он их не Своими, допустим, руками и ногами, а Своим духом, Своим сознанием того, что это так оно и есть. Вот еще несколько мест, где под “телом” подразумевается не буквальное тело, а дух и душа: Мф 5,29,30; 6,22-25; Ин 2,21; Рим 7,4; 1Кор 6,19. Из того, как описана последняя вечеря Лукой видно, что Господь, говоря о Своем Телес и Крови, приравнивал их к целой Своей жертве: “Сие есть тело Мое... сие творите в Мое воспоминание (вспоминая Его, всю Его жизнь)... сия чаша [есть] Новый Завет в Моей крови, которая за вас проливается” (Лк 22,19,20). В Кол 1,20 Кровь креста - одно и то же, что и Он Сам (Иисус). В Рим 7,4 тело Христово равносильно смерти этого тела так, как будто Он Сам был Своей смертью, ибо крест для Него был Его духом самоотдачи, по которому Он жил. Чаша с вином олицетворяет обещание (“завет”) спасения, который был утвержден Кровью Христа. Обратите внимание на то, как спокойно Иисус говорит о Своем Телес, “которое за вас предается” и о Своей Крови, “которая за вас проливается”. “Пролитие” Его жизни, Его души происходило всю жизнь, и “проливалась” даже тогда, когда Он произносил эти слова, закончившись на кресте, на котором Он “пролился” совершенно полностью, излив всего Себя, всю Свою душу, все Свое “тело”. И именно об этом мы вспоминаем при преломлении хлеба. Пасха состояла из агнца и хлеба. Хлебопреломление у Христиан состоит из вина и хлеба. Таким образом агнец был заменен Иисусом на Его Кровь (вино), олицетворявшее Его Самого.

В Ин 19,36 недвусмысленно говорится о том, что “кость Его да не сокрушится”, что является прямой ссылкой на пророчество Пс 33,21, где во всем псалме прорекается о всех нас, о любом праведнике. В предыдущем стихе говорится о том, что Господь избавляет праведника от скорбей, прорекая о любом верующем, не говоря уж о Господе Иисусе

(Деян 12,11; 2Тим 3,11,12). Из всего это возникает умопомрачающий вывод, что все мы, составляющие Тело Господне, в действительности сораспялись с Ним.

Если мы правильно совершаем преломление хлеба, мы рассуждаем о Теле Господнем (1Кор 11,29). Греческое слово, переведенное, как “рассуждать”, означает “судить” так, как судит судья, рассуждая, различая, сомневаясь, размышляя о совершенном преступлении. В предыдущем стихе говорится о испытании себя перед преломлением хлеба, так что испытание себя ведет к рассуждению о Теле Господнем, а размышление о Теле ведут к испытанию себя. Размышление о Его смерти ведет Его народ к открытию помышлений многих сердец (Лк 2,35). Поэтому целью проповеди должно быть сосредоточение наших помыслов на Христе, на рассуждении о Его Теле, на Нем Самом, на Его духе так, чтобы наши мысли были заняты лишь закланным Агнцем так же, как то было и в пасхальную ночь в Израиле.

Так же стоит поразмышлять о том, как написавший Послание к Евреям видел в плоти Господней образ храмовой завесы. Ибо вполне возможно увидеть в Его раздираемом гвоздями, распятом на кресте теле, образ “раздирания” Его плотского естества, явленного в буквальном разрыве завесы в храме. Разрыв же завесы было не простое образование дырки - завеса разодралась основательно, с самого верха до самого низа. А потому и на смерть Господа нужно смотреть как на основательный разрыв, на окончательное и полное Его отделение от плотского естества, вспоминая об этом при преломлении хлеба - образе Его плоти.

Образ Царства

Господь сказал, что Пасха “совершится в Царствии Божием” (Лк 22,16), что подтверждает и упоминание брачной вечери Агнца в Откр 19,9. О том же “большом ужине” в начале тысячелетия говорится и в притче, записанной в 14-й главе Евангелия от Луки. Каждый раз, когда мы ныне садимся за трапезу Господню, мы в лицах изображаем вечерю, которая состоится при возвращении Господа. А поэтому очень важно уже сейчас делать так, чтобы на наших встречах за трапезой Его не было ни горечи, ни разделений! Поэтому, если мы действительно по-настоящему пропитываемся духом трапезы Господней, наши вечера должны проходить благочинно и благопристойно. В назначенное время образы Тела Его и Крови должны быть поставлены так, чтобы они были видимы каждому проходящему на встречу. Перед началом собрания нужно соблюсти, по крайней мере, 5 минут тишины, чтобы все могли сосредоточиться на трапезе Господней и на Царстве, ради чего и происходят все наши собрания. Быть приглашенным за трапезу Царя, воистину, является большой честью (ср. с 2Цар 19,28). Помните, что мы лишь подтверждаем заключенный завет. “Кровь завета” - намек на кровь ветхого завета, которой окропился народ после обещания полностью быть послушными Господу (Исх 24,7). Торжественность этого далекого по времени события, должна повторяться еженедельно нами и сегодня.

Примечания

(1) Joachim Jeremias, *The Eucharistic Words Of Jesus* (London: S.C.M., 1973 ed.), p. 48.

(2) See A.J.B. Higgins, *The Lord's Supper In The New Testament* (London: S.C.M., 1952) p. 33.

(3) Joachim Jeremias, *op cit* p. 68.

4-8. Крест в Евангелии от Иоанна

Очень легко не заметить то, что любое Евангелие по существу является толкованием, более полной проповедью благовестия, взять хотя бы, Иоанна. Цель данного занятия - показать как много прямых и косвенных упоминания распятия находится в Евангелии от Иоанна. Зачастую его слова истолковываются на простом, поверхностном уровне, хотя почти каждому понятно, что за этой простотой, под их поверхностью скрывается очень глубокое духовное значение. В 1Кор 1,18 говорится о благовестии “слова крестного” (см. церковнославянский), Иоанн благовествует о том же самом, говоря о кресте во всем своем Евангелии. Он совершенно правильно помещает крест в самом центре своего благовестия, что также являет то, как часто, сознательно и несознательно, он думал о нем. Было бы совсем неплохо, если бы все наши разговоры и писания были также пропитаны тем же самым “словом крестным”. Все ниже изложенные предположения и выводы, сделанные на их основе, станут более понятны, если посмотреть на них вместе взятых, целиком, а потому будет полезно перечитать ниже изложенные комментарии дважды.

Гл 1,1. *В начале было Слово (логос), и Слово (логос) было с Богом, и Слово (логос) было Бог* (перевод еп. Кассиана).

Главным словом (логос) Евангелия является благовестие о распятом Христе. Сущность креста видна везде, ибо он был “началом” нового творения. Позже Иоанн называет распятого Господа Иисуса “верным свидетелем”, а потому и новым началом “создания Божия” (Откр 3,14). “Началом” было не только начало свидетельствования Господом, сотворение нового начала началось когда из Него истекли кровь и вода. Об этом более полно мы уже говорили в “Явлении Бога на кресте”, что было сказано, что Сам Яхве был полностью и совершенно явлен в смерти Его Сына на кресте. Бог на кресте был с Ним и был в Нем, примиряя во Христе с Собою мир. В этом смысле слово (логос) Христово и крестная смерть “было Бог”. Отец был с Сыном (см. комментарии на гл 16,25,32).

Гл 1,3. *Все чрез Него начало быть*

“Начало быть” - греческое “произошло” в гл 19,36 (ср. с Лк 24,12), где говорится о кресте (“ибо сие произошло...”) Всё в новом творении произошло ради креста.

Гл 1,5,9. *И свет во тьме светит... Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир.*

Из гл 3,19-21 и гл 12,32-46 (см. ниже) можно для начала предположить, что смерть Иисуса, “света мира”, на кресте погрузила этот мир во тьму. Господь был “начало (нового) создания Божия” (Откр 3,14). Каждый, приходящий в мир верующий, просвещается светом распятого Христа.

Гл 1,10,11. *Мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал... и свои Его не приняли.*

Новое творение началось с креста. Иудейский мир, не принявший Господа, полностью явил себя при распятии.

Гл 1,13. *Которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились.*

Господь умер потому, что был предан “в их (человеческую) волю” (Лк 23,25), однако рождение нового творения было совершено по воле Божией. Эти слова часто

ассоциируются со смертью Господа (например, Деян 2,23; Лк 22,22; Мф 26,42; Ин 4,34; 5,30; Евр 10,9,10; Гал 1,4; 1Пет 3,17,18). Мы были рождены по воле Бога, потому что смерть Господня исполнила эту волю. Слова Иоанна о пришествии Господа исполнить волю Бога говорят о Его пришествии умереть на кресте. Рассказ Иоанн о том, как из Его пронзенных ребер истекла кровь и вода, является очевидным образом рождения, ибо в пронзенных ребрах, в Телe Господнем, он видел рождение еkkлeсии.

Гл 1,14. *И Слово стало плотью, и обитало (как в скинии) с нами (и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца).*

Сущность слова (логоса) Божия во Христе была явлена не только в рождении Господа, не только в Его служении (два самых распространенных комментария среди нас), но лучше всего - в Его смерти. Евангелие от Иоанна буквально нашпиговано ссылками на Моисея. Здесь мы видим укрывшегося в расселине скалы, видящего славу Яхве и слышащего Его имя, Моисея. Говоря о Своей грядущей смерти, Господь вынужден был сказать: “И Я открыл им имя Твое и открою, да любовь, которою Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них” (Ин 17,26). Второе откровение имени произошло на кресте. Намек на откровение славы Божией в Исх 34 виден также и в Ин 12,27-28: “Душа Моя теперь возмутилась; и что Мне сказать? Отче! избавь Меня от часа сего! Но на сей час Я и пришел. Отче! прославь имя Твое. Тогда пришел с неба глас: и прославил и еще прославлЮ”. Второе прославление имени произошло в смерти Сына на кресте. А отсюда, как и из других подобных мест, видно, что имя Яхве было тесно переплетено со смертью Господа, над которым была надпись: “Иисус Назорей, Царь Иудейский”, первые буквы которой на еврейском языке составляли имя ЯХВЕ.

На слова Иоанн о том, что он видел славу Сына Божиего, можно смотреть так же, как на его собственное “видение” распятия, о котором написано в Ин 19,35: “И видевший засвидетельствовал, и истинно свидетельство его; он знает, что говорит истину, дабы вы поверили”. Похоже тем самым он хотел сказать, что он видел Господа на кресте, действительно видел! Он повторяет то же самое в 1Ин 4,14: “И мы видели и свидетельствуем (как и в Ин 19,35), что Отец послал Сына Спасителем миру” на кресте. Когда слово “Единородный” встречается вместе со словом “Бог” или “Отец”, тогда речь идет о смерти Господа (например, Ин 3,16). Любовь Божия была нами познана в том, что Господь положил Свою душу за нас (1Ин 3,16), а также она открылась нам “в том, что Бог послал в мир Единородного Сына Своего, чтобы мы получили жизнь через Него” (1Ин 4,9). Получается, что послание Богом Своего Сына произошло через Его смерть (см. комментарии к гл 3,14-18). Мы получили жизнь через крест. Когда Он висел на нем, окровавленный и оплеванный, моля о прощении Своих врагов, тогда Сын Божий входил в этот жестокий человеческий мир. Свет во тьме светит, и тьма не объяла его ни тогда, ни сегодня. Тогда Слово - сама любовь, благодать, суд и милость Яхве - стало плотью, и обитало с нами. Обычный перевод “обитало” можно понять и так, что Иоанн говорит о том, что Слово жило среди нас, однако это не охватывает всего значения сказанного. С явной мыслью о своем Евангелии, Иоанн начинает свое 1-е Послание, с того, что они “слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши (снимая и бальзамируя?), о Слове жизни, - ибо жизнь явилась, и мы видели и свидетельствуем (ср. с Ин 19,35), и возвещаем вам сию вечную жизнь, которая была у Отца и явилась нам, - о том, что мы видели и слышали, возвещаем вам, чтобы и вы имели общение с нами” (1Ин 1,1-3). Явление Сына Божия лучше всего было видно в Его смерти (ср. 1Ин 3,5,8; 4,9 с Ин 3,16; Евр 9,26; 1Тим 3,16; Ин 17,6,26). И Иоанн заявляет, что они видели это и теперь возвещают об этом всему миру. Никто, из видевших крест, не может не свидетельствовать о нем другим.

Иоанн говорит, что он видел “славу Его”. В других местах Иоанн связывает славу Христа, со славой, явленной Им на кресте (Ин 12,38-41; 12,28; 13,32; 17,1,5,24). Впрочем правда и то, что Иоанн видел славу Его еще и при преображении, однако, даже тогда они “увидели славу Его” (Лк 9,32), когда “Моисей и Илия... говорили об исходе Его”. Никогда Его слава не была далека от Его смерти. Полнота благодати и истины - еще один из многих намеков на провозглашение имени Яхве Моисею (Исх 34,6), а имя Божие наиболее полно было явлено Господом исключительно на кресте. Закон Моисеев был упразднен на кресте, уступив место благодати и истине, произошедшим чрез Иисуса Христа (Ин 1,17). Через Его смерть, изможденное тело (Тело!) благодати и истины полностью заменило закон. Дальше Иоанн говорит о том, что Сын явил Собой невидимого Бога (Ин 1,18), что является еще одним намеком на крест. Возможно, что здесь подразумевается опять Моисей, который в страхе и трепете был покрыт Богом перед явлением ему славы Яхве. Возможно, что Иоанн тем самым хотел сказать, что и нам нужно иметь подобающее благоговение перед славой, явленной нам на кресте (обратите внимание на употребление Иоанном грамматических времен). Все, заключенное в Слове Божиим, стало плотью в распятом теле Господа Иисуса. Вся сущность Яхве, всё Его откровение людям, явилось на кресте. Именно поэтому, когда был вознесен Сын Человеческий, люди познали истину слов Божиих (см. комментарии к гл 8,21-28).

Господь был полон “благодати и истины”. Однако в Флп 2,7 сказано, что Он “уничжил Себя Самого”, или “опустошил”, “истощил”, “умалил” (см. примечание в переводе еп. Кассиана). И в то же самое время Он был полон качествами Яхве, полон “благодати и истины”. На кресте Он опустошил Себя Самого, будучи совершенно полон благодатными и истинными качествами имени Бога.

То, что Слово стало плотью на кресте, объясняет почему об очищении еще и еще раз говорится образным языком так, как будто простым языком не удастся рассказать о том, что произошло на самом деле. В распятом Господе Иисусе Христе все мысли, все слова, все речи... стали реальны и осязаемы в Нем Самом. В размышлении о кресте открывается намного больше, чем можно выразить простыми словами. Там, на кресте, Слово, все слова стали плотью.

Когда Пилат, кивая на испачканного кровью, пылью и плевками Спасителя, с насмешкой произнес, “се, Человек!”, в его словах можно увидеть то, как Слово стало плотью. Один из комментаторов пишет: “Заявление о том, что “Слово стало плотью”, стало видимым в самых удаленных последствиях”⁽¹⁾. В этом сыне Человеческом, в этом Сыне Божиим видно всё человечество таким, каким оно должно бы быть на самом деле, быть угодной Богу “плотью”, быть Человеком, угодным Богу.

Гл 1,29. *На другой день видит Иоанн идущего к нему Иисуса и говорит: вот Агнец Божий...*

Три подчеркнутых слова, “видит”, “говорит” и “вот” (“се”) повторяются в Ин 19,26, где также явлен Агнец Божий, но уже принесенный в жертву на кресте.

Гл 1,51. *Отныне будете видеть небо отверстым и Ангелов Божиих восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому.*

Это пророчество о том, что должно было происходить “отныне”, и, похоже, говорит о кресте. Небо, или же Святое Святых, было отверсто после того, как во время смерти Господа, разодралась завеса в храме. Путь в Святыню был открыт пролитием Крови Господней. Здесь также присутствует очевидная схожесть с видением Иаковом лестницы,

касавшейся неба. Тем самым Господь хотел сказать, что Он станет лестницей, соединяющей небо и землю, когда небо будет Им отверсто в недалеком будущем. А это должно было произойти на кресте. Не зря Он говорит, “будете видеть...”, что является еще одним намеком на то, что Иоанн присутствовал при распятии. Они вполне могли “видеть” невидимое духовным зрением Яхве, видеть Ангелов, восходящих и нисходящих во время служения Господа. Иоанн пишет о том, как Господь видел себя дверью (Ин 10,9) так же, как и Иаков, видевший “врата небесные”. Камень, на котором он спал, был взят (вознесен), помазан елеем и положен краеугольным камнем дома Божия, Вефиля, что стало пророчеством о смерти Господней и о Его воскресении (Еф 2,20-22).

Гл 2,4. *Еще не пришел час Мой.*

Очевидное упоминание “часа” распятия, когда должно было пролиться истинное вино, кровь, предварительно явленное образным превращением воды в вино. Распорядитель пира (ср. со старейшинами Иудейскими) “не знал, откуда [это вино]” (гл 2,9) точно так же, как они не знали откуда пришел Господь, и куда Он идет после смерти (Ин 7,27; 8,14; 19,9).

Гл 2,11. *Иисус явил славу Свою.*

Так же, как крест должен был стать бóльшим явлением Его славы (см. комментарии к гл 1,14).

Гл 2,13,17. *Приближалась Пасха Иудейская, и Иисус пришел в Иерусалим... При сем ученики Его вспомнили, что написано: ревность по доме Твоем снедает Меня.*

Иисус “пришел в Иерусалим” точно так же, как Он пришел в него на Свою последнюю Пасху. Псалом очевидно рассказывает о распятии, когда повествует о соделанном Господом - как будто ученики позже осознали, что это, предыдущее посещение Иерусалима, было прообразом последнего пришествия Господа в Иерусалим.

Гл 2,19. *Иисус сказал им в ответ: разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его.*

Гл 3,13-14. *Никто не восходил на небо, как только сшедший с небес Сын Человеческий, сущий на небесах. И как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесу быть Сыну Человеческому.*

Эти слова сказаны сразу же после разговора о рождении свыше. Мы уже говорили, что Иоанн очень хорошо видел рождение верующего из пронзенных ребер Господа, что позволяло ему родиться свыше (см. комментарии к гл 1,1 и гл 1,13). Во 2Кор 5,17 также говорится о новом творении, ставшем возможным благодаря смерти Господа. “Вознесение” - то же самое греческое слово, переведенное как “возвышение” Господа после Его воскресения (Деян 2,33; 5,31). Несмотря на то, что в словах, “никто не восходил на небо”, используется другое греческое слово, суть сказанного та же самая. Как правило, Иоанн говорит о “восхождении” Господнем в Иерусалим, чтобы в последний раз совершить в нем Пасху (Ин 2,13; 5,1; 7,8,10,14; 11,55; 12,20; см. церковнославянский). Иоанн утверждает, что только Господь Иисус восходил на небо, что может относиться как к Его восхождению на крест, так и к Его вознесению. Его сошествие может быть намеком на описание Иоанном снятия тела с креста.

Гл 3,14-18. *И как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесу быть Сыну Человеческому.*

Всякий, верующий в Него (верующий в то, что Он на кресте победил грех, а не просто верующий в то, что Он когда-то жил), не погиб, но имел жизнь вечную. Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную. Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него. Верующий в Него не судится, а неверующий уже осужден, потому что не уверовал во имя Единородного Сына Божия.

А потому вера в Него в больше степени относится к обращению верующего к кресту, пониманию его и веры в него. Он был и остается Своим крестом. На кресте мы видим самую что ни на есть сущность Его. Иисус совершил “Собою очищение грехов наших” (Евр 1,3), которое произошло на кресте Его Кровью. То есть Он Сам был и Своей Кровью и крестом. А потому вера в Него является верой в распятого Христа (Ин 3,15,16). Любовь Божия этого мира была настолько велика, что Он предал Своего Сына на смерть. То, что Бог послал Своего Сына в этот мир, особенно хорошо видно на кресте (см. комментарии к гл 1,4). Хотелось бы знать, достаточно ли внимательно и пристально мы взираем на крест?

Гл 3,19-21. Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы; ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы, а поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны.

Пришествие света в мир равносильно пришествию Сына Божия на кресте (см. комментарии к гл 1,5,9). “Народ, сшедшийся на сие зрелище, видя происходившее, возвращался”, отвращаясь от него (Лк 23,48). Наше естество точно так же отвращается от зрелища креста. Что-то, сидящее в нас, заставляет блуждать наши мысли за трапезой Господней. Перед крестом являются наши дела. Таким образом за трапезой Господней, сосредоточившись на Его смерти, мы вынуждены испытывать самих себя. Ставшие явными наши дела обличаются перед крестом. Погубив Сына Божия, Израиль явил всему миру то, как он ненавидит свет, как они “возненавидели [Его] напрасно” (Ин 15,25). Иоанн развивает эту мысль в 1Ин 2,9,11, утверждая, что ненависть своего брата является находением во тьме, а это значит, если мы входим во свет славы Божией, воссиявшей на кресте, то мы будем любить братьев своих. Крест является сильнейшей причиной для любви братьев, ибо она является одной из причин, почему Господь умер именно на кресте (Ин 17,26). Свет креста - это свет всех людей в мире Божиим (Ин 1,4). Позже Господь, сравнивая Себя со светом мира, призывал следовать за Собой, что заставляет вспомнить о призыве следовать за Ним, взяв крест свой. А потому последовать за светом, равносильно следованию за распятым Христом (Ин 8,12).

Гл 4,10-14. Иисус сказал ей в ответ: если бы ты знала дар Божий и Кто говорит тебе: дай Мне пить, то ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую. Женщина говорит Ему: господин! тебе и почерпнуть нечем, а колодезь глубок; откуда же у тебя вода живая?... Иисус сказал ей в ответ: всякий, пьющий воду сию, возжаждет опять, а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную.

Из скалы, по которой ударил Моисей (или “поразил” ее - одно и то же еврейское слово) вытекло много воды. Крест предоставляет очень много вдохновения, являясь неиссякаемым духовным источником обновленной жизни. Крест не может не оказывать на человека влияния, ибо и из нас начинают течь воды живые, ибо и мы становимся такой же поражаемой скалой так, что и мы, благодаря Его распятию, можем даровать другим ту же самую обновленную и вечную жизнь.

Гл 4,21-23. *Иисус говорит ей: поверь Мне, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу... Но настанет время и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе.*

Время (= час) Господа пришло на кресте (Ин 2,4; 7,30; 8,20; 12,23,27; 13,1; 16,32; 17,1; 19,27). Однако Господь всю жизнь Свою прожил с мыслью о Своей смерти, о чем более подробно мы говорили в 1-1-4-2. Этот час, это “время”, настанет и настало уже. Только после распятия, когда завеса в храме разодралась, положив конец поклонению по закону Моисееву, истинные поклонники стали поклоняться Богу в духе и истине. “Истинное” поклонение Отцу совсем не означает, что раньше Ему поклонялись “ложно” ибо “истина” может противопоставляться и тени существовавшего поклонения до него (ср. с истинной лозой и с истинной манной).

Гл 4,32-34. *Но Он сказал им: у Меня есть пища, которой вы не знаете... Иисус говорит им: Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его.*

Дело Отца было совершено на кресте - отсюда последнее удовлетворительное, “совершилось!” (Ин 19,30). Однако эта “пища” не была оценена при жизни Господа. Дело причастия к кресту Христову должно быть нашей пищей нашим питьем, дабы затмить давление на нас естественного, природного материализма. Ведь именно об этом здесь и говорил Господь. Его друзья уговаривали Его уделить внимание человеческой природе, тогда как Его дух, несмотря на усталость и на сильнейшую жажду, был полон крестом. Когда Он разговаривал с Самарянкой, Он ясно видел пред Собой эту “пищу”. Он видел связь между крестом и обращением этой женщины, а потому эта “пища... творить волю [Божию] и... дело Его” была одновременно крестом и обращением Самарянки. Крест является главным фактором обращения всех людей, а значит и нашей сораспявшейся жизни и силой обращения.

Гл 5,25-29. *Истинно, истинно говорю вам: наступает время, и настало уже, когда мертвые услышат глас Сына Божия и, услышав, оживут... ибо наступает время, в которое все, находящиеся в гробах, услышат глас Сына Божия; и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло - в воскресение осуждения.*

Как мы уже говорили в комментариях к гл 2,4 и гл 4,21-23 наступающее время, или же час является временем (часом) смерти Господа. Тогда был услышан глас Сына Божия. Мы уже говорили о персонификации гласа Крови Господней. Те, кто по-настоящему услышал этот глас, воскреснут к жизни. То, что во время Его смерти “гробы отверзлись; и многие тела усопших святых воскресли” было прообразом этого события. См. также комментарии к гл 16,25.

Слова Господа о Себе, как о хлебе, как о манне должны пониматься так, как их понимал и Сам Господь: “хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира” (Ин 6,51).

Гл 6,33-58. *Ибо хлеб Божий есть тот, который сходит с небес и дает жизнь миру...*

Жизнь, данная миру, является не только вечной жизнью. Жизнь, путь ее и образ ее, была явлена нам как единственно возможная крестная жизнь. В Писаниях часто встречается парадокс, когда жизнь приходит через смерть, чему ярчайшим примером является крест Господа и Его воскресение. Однако Его смерть не только открыла нам путь к вечной жизни в пришествие Его, она дает нам уже сегодня жизнь духовную, ибо все, что бы мы

ни делали, все, о чем бы мы ни думали, должно происходить в духе креста. Любое повседневное дело должно делаться с чувством креста. И, в этом смысле, крест дает жизнь уже сегодня.

Я есмь хлеб жизни.

Несколько раз Господь говорит о Себе, как о манне, как о хлебе. Однако за жизнь мира Он отдал Свою плоть. Крест стал сущностью Человека Иисуса. Именно по этой причине Он спокойно взял хлеб и твердо сказал: “Сие есть Тело Мое”. Тогда на кресте Он должен был представлять Собой распятое, закланное тело. В смерти и жизни Он был, есть и будет Самом Собой.

Приходящий ко Мне не будет алкать.

Упоминание о народе приходящем к кресту на “зрелище” так же, как о тех, кто приходил к вознесенному змею.

И верующий в Меня не будет жаждать никогда.

Только в личном восприятии креста мы можем найти совершенно бесконечное вдохновение. Не удивительно, что Господь настаивал на том, чтобы мы, преломляя хлеб, вспоминали о кресте, по крайней мере, раз в неделю.

Все, что дает Мне Отец, ко Мне придет; и приходящего ко Мне не изгоню вон, ибо Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца.

Воля Отца была полностью совершена на кресте (см. комментарии к гл 4,32-34). На кресте Он сошел с небес и там же явил Яхве так, как никогда и нигде Он ни был явлен. Тьма, покрывшая землю, говорит о ветхозаветном явлением Яхве.

Воля Пославшего Меня есть та, чтобы всякий, видящий Сына и верующий в Него, имел жизнь вечную; и Я воскрешу его в последний день.

Слова сильно напоминающие о вознесенном в пустыне змее. Воля Бога состоит в том, чтобы мы взирали на крест с верой, приходящей вместе с истинным пониманием и принятием такого великого спасения. Вот почему крест должен всегда находиться в центре всей нашей жизни, в центре наших помыслов, в центре всего нашего вероучения.

Никто не может прийти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня; и Я воскрешу его в последний день.

То, что привлекает, является крестом. Только крест был и остается притягивающей к себе силой.

У пророков написано: и будут все научены Богом. Всякий, слышавший от Отца и научившийся, приходит ко Мне.

Мы научены Богом явлением Его сущности на кресте. Мы смело можем говорить о том, что “видели Бога”, что стало возможным через Его явление на кресте.

Это не то, чтобы кто видел Отца, кроме Того, Кто есть от Бога; Он видел Отца.

Мы видим Бога в распятом Христе так же, как Моисей видел Бога в славе, прошедшей перед ним. Здесь же Иоанн, по сути, видит прообраз распятия.

Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня имеет жизнь вечную. Я есмь хлеб жизни. Отцы ваши ели манну в пустыне и умерли; хлеб же, сходящий с небес, таков, что ядущий его не умрет. Я хлеб живой, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира.

Точно так же, как манна составляла ежедневную пищу народу Божию, так и крест должен быть нашей повседневной пищей. И тут нужно спросить себя, как мы, каждый в отдельности и все вместе, относимся к этому? Мы обладаем вечной жизнью на кресте в том смысле, что мы видим эту истинную жизнь, рожденную на нем. Жизнь в сораспятии, в медленном и болезненном распятии себя для других. Долготерпение несправедливости и вечного непонимания, жизнь в бесконечном, никому не нужном прощении и заботе о других... Мы знаем, что это единственно правильный путь жизни, и что нам следует жить исключительно так. Любая другая жизнь ведет к смерти. Эта же жизнь - жизнь "вечная", ибо точно такая же жизнь будет продолжена в Царстве Небесном. Вероятно, именно поэтому Иоанн позже писал о вечной жизни "во" Христе (ср. 1Ин 5,11,20 с гл 3,14,15).

Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье.

Нет ничего более важного для человека в жизни, чем Кровь и Плоть Сына Человеческого. Его жизнь, явленная в Его смерти, является единственной вечной пищей для настоящего верующего.

Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем... Сей-то есть хлеб, сшедший с небес. Не так, как отцы ваши ели манну и умерли: ядущий хлеб сей жить будет вовек.

Очевидный намек на хлебопреломление. Когда мы причащаемся образов Тела и Крови за трапезой Господней, то тем самым показываем наше искреннее желание полного приобщения ко всей Его жизни и смерти. Это образ полного приобщения нашей жизни к Его жизни, завершившейся смертью на кресте. А потому хлебопреломление не может быть чем-то, что не является составной частью всей нашей жизни, ибо видимо показывает как дух Сына Человеческого пребывает в нас и в нашей жизни.

Гл 7,3-8. *Выйди отсюда и пойдешь в Иудею, чтобы и ученики Твои видели дела, которые Ты делаешь. Ибо никто не делает чего-либо втайне, и ищет сам быть известным. Если Ты творишь такие дела, то яви Себя миру... На это Иисус сказал им: Мое время еще не настало (время умереть на кресте), а для вас всегда время. Вас мир не может ненавидеть, а Меня ненавидит (из-за распятия на кресте), потому что Я свидетельствую о нем (особенно на кресте), что дела его злы. Вы пойдите на праздник сей; а Я еще не пойду на сей праздник, потому что Мое время еще не исполнилось.*

Крест в совершенстве явил, Кем был Иисус на самом деле. На нем было явлено Его величайшее "дело" и на нем же Он явил Себя миру. Вот почему нам нужно благовествовать миру Христа распятого. Крест во всех отношениях стал совершенным откровением Иисуса.

Гл 7,19-19. *Говорящий сам от себя ищет славы себе; а Кто ищет славы Пославшему Его, Тот истинен, и нет неправды в Нем... За что ищете убить Меня?*

Это слова, как и в Ин 17, о предстоящей смерти Господа. Крест был и остается возвещением славы Божией, единственной и неповторимой правдой жизни. Его искали убить, потому что Он говорил истину (Ин 8,40). На кресте Господь не говорил о Себе, Он все также продолжал говорить о славе Отчей. Совершенство и Божественность, проступавшие в Его облике, затмили собой человеческое естество Назарянина, сына плотника, Палестинского Иудея.

Гл 7,33-34. *Иисус же сказал им: еще недолго быть Мне с вами, и пойду к Пославшему Меня; будете искать Меня, и не найдете.*

Его переход к Отцу, был отшествием на крест (что особенно хорошо видно в Ин 13,1,3). Позже Иудеи, в поисках Его, вспомнят все то, что происходило на Голгофе, но не найдут Его. Тогда было время принять крест, однако позже пришло время, когда они уже не могли принять его. Это время не может быть временем их земной жизни, ибо Он не мог изгнать приходящего к Сыну. А это значит, что здесь речь идет о судном дне, когда они будут рыдать, оплакивая свое собственное осуждение, вспоминая крест и отчаянно желая стать причастниками этого спасения. Тогда они будут искать Его, но уже не смогут найти.

И где Я, туда вы не можете пойти (перевод еп. Кассиана; см. также церковнославянский).

Ожидаемое, “и где буду Я” (как в синодальном переводе) умышленно изменено на “и где Я”, ибо Он уже был с Отцом, так как Он всегда был с Отцом, так же, как Он всегда жил с мыслью о кресте, живя в духе самопожертвования.

Гл 8,12. *Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни.*

См. комментарии к гл 3,19-21. “Светом” был поднятый вверх, вознесенный факел - так же, как был вознесен на кресте и Он. Однако Он видел Себя вознесенным светом мира не только на кресте, но и в жизни. Дух креста должен быть светом, единственным светом, озаряющим нашу жизнь.

Но это еще не всё. Если “свет” особенно относится к славе Божией, явленной через распятие, тогда это должно нам помочь правильно понять написанное в Ин 12,35-50. Ибо здесь Господь говорит о том, что только тот, кто ходит во свете, может познать, Кто Он есть на самом деле, а также “дело”, которое должно “совершиться” на кресте. Только в свете креста мы можем познать, Кем Господь является на самом деле... и это знание, в свою очередь, заставляет пристальнее всматриваться в свет креста, что помогает нам яснее видеть путь, по которому следует идти в этой жизни.

Гл 8,21-28. *Опять сказал им Иисус: Я отхожу, и будете искать Меня, и умрете во грехе вашем. Куда Я иду, [туда] вы не можете придти.*

Иисус “отходил” на крест. Он был и есть путь жизни крестной, которая является единственно истинной жизнью как сегодня, так и во веки веков. “А куда Я иду, вы знаете, и путь знаете” (гл 14,4) - еще одно подтверждение общности между Его “путем” и крестом.

Тут Иудеи говорили: неужели Он убьет Сам Себя, что говорит: "куда Я иду, вы не можете прийти"... Потому Я и сказал вам, что вы умрете во грехах ваших; ибо если не уверуете, что это Я, то умрете во грехах ваших.

Когда они вознесли Сына Человеческого, тогда узнали, "что это Я" (ст 28; см. перевод еп. Кассиана и церковнославянский). Если бы они не увидели величайшего явления "аз есмь" ("Я есмь"), явления Самого Яхве, они бы умерли навеки. А это значит, что вечная жизнь зависит от отношения к кресту. Именно поэтому главным в проповеданном благовестии должна быть тема очищения. Уверовавшие же в него должны чувствовать, что они спасены, должны знать о своем спасении в день суда. Вероятно по этой причине в Ин 20,27-29 Господь говорит о вере Своего народа, как о вере, основанной на размышлении о ранах, оставленными гвоздями, на Его руках и ногах.

Итак Иисус сказал им: когда вознесете Сына Человеческого, тогда узнаете, что это Я и что ничего не делаю от Себя, но как научил Меня Отец Мой, так и говорю.

Крест должен был подтвердить все то, о чем Он говорил. На кресте слова Иисуса стали плотью (гл 1,14). В вознесенном Иисусе мы видим всё, сказанное Иисусом, всё, сказанное Богом, соединенное в одном теле.

Гл 10,4-18. И когда выведет своих овец, идет перед ними; а овцы за ним идут, потому что знают голос его.

Понятие следовать за Иисусом, неизбежно напоминает о несении креста. Почему? Из-за голоса (слова) Иисуса. Вся суть нашего изучения Библии во взятии креста. Ибо на кресте мы видим Слово Божие ставшее плотью.

Сию притчу сказал им Иисус; но они не поняли, что такое Он говорил им.

Обычное непонимание, когда Господь начинал говорить о Своей смерти.

Вор приходит только для того, чтобы украсть, убить и погубить. Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком.

"С избытком", давая жизнь, истекло из скалы множество воды, по которой ударил Моисей. Слова, "Я пришел", похоже на Его "пришествие" на кресте - так, как будто оно уже произошло.

Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец... А наемник бежит, потому что наемник, и нерадит об овцах.

Господь явил Свою заботу смертью на кресте. Любая забота (радение), явленная пожилому человеку, больному или же бедному, станет отражением креста, в котором нам нужно видеть настоящую и полную заботу.

Я есмь пастырь добрый; и знаю Моих, и Мои знают Меня. Как Отец знает Меня, [так] и Я знаю Отца; и жизнь Мою полагаю за овец. Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести: и они услышат голос Мой, и будет одно стадо и один Пастырь.

Главное, что объединяет нас - крест. Среди нас не может возникнуть разделение, если мы смотрим "на сие зрелище".

Потому любит Меня Отец, что Я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять ее. Никто не отнимает ее у Меня, но Я Сам отдаю ее. Имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее. Сию заповедь получил Я от Отца Моего.

Гл 10,27. Овцы Мои слушаются голоса Моего, и Я знаю их; и они идут за Мною.

Господь знает Своих овец по тому, что они следуют за Ним, взяв крест Его, а значит и свой. Несение креста обнаруживает как самого человека, так и его отношение к Господу, при этом также являя Самого Господа и Его отношение к тем, кто идет за Ним.

Гл 11,50-52. И не подумаете, что лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб. Сие же он сказал не от себя, но, будучи на тот год первосвященником, предсказал, что Иисус умрет за народ (ср. с Ин 18,14).

Иисус прежде всего умер за Израиль. Только благодаря кресту не погиб весь народ. И в этом состоит огромная милость Божия, ибо осуждение на смерть своего Спасителя, на самом деле стало для них спасением. Будь мы на месте Отца, мы осудили бы, прокляли их. А Отец сделал так, что их осуждение стало для них спасением. Подобная милость была непостижима для них. Весь народ, а точнее большинство из них, погибли. Из чего становится видно, что победа Господа зависит от нашего отношения к ней, даже несмотря на то, что Им уже так много сделано, все еще необходимо человеческое принятие ее. Очевидно, что здесь Иоанн хотел показать связь со сказанным им раньше, о том, что Господь был вознесен “дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную”.

И не только за народ, но чтобы и рассеянных чад Божиих собрать воедино.

И еще раз. Основанием нашего единства является постоянное, личное ощущение креста.

Гл 12,23-28. Иисус же сказал им в ответ: пришел час прославиться Сыну Человеческому.

Обнаженный, окровавленный и оплеванный Сын Божий был прославленным Сыном Человеческим. Точно так же, когда мы безумны Христа ради, тогда мы видим Его славу.

Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода.

И здесь также говорится о силе обращения, о плоде многих обращенных через крест потомков (как в Ис 53,10-12).

Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную.

Здесь Он говорит о нашей смерти в связи со смертью Его. Крещение - начало нашего отождествления с Его смертью, как главный принцип всей остальной вечной жизни.

Кто Мне служит, Мне да последует.

Обычно Господь говорит о следовании за Ним со взятым крестом. Истинное служение не может быть без креста. Не может быть так, что бы служение, истинное служение, служило для угождения плоти, собственного “я”. Легко “служить”, особенно в экклесии, без несения креста.

И где Я, там и слуга Мой будет.

Мы можем кое-что узнать о духе крестном. Духом мы можем быть там, где был и есть Он. Жизнь с крестом за плечами, полное самопожертвование и самоотдача приведет нас туда, где Он, где бы Он ни был.

И кто Мне служит, того почитит Отец Мой. Душа Моя теперь возмутилась; и что Мне сказать? Отче! избавь Меня от часа сего! Но на сей час Я и пришел. Отче! прославь имя Твое. Тогда пришел с неба глас: и прославил и еще прославлю.

Второе прославление произошло на кресте.

Гл 12,31-41. *Ныне суд миру сему; ныне князь мира сего изгнан будет вон. И когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе.*

Крест обращает людей, а потому главным в проповеди должно быть благовестие креста.

Сие говорил Он, давая разуметь, какую смертью Он умрет. Народ отвечал Ему: мы слышали из закона, что Христос пребывает вовек; как же Ты говоришь, что должно вознесену быть Сыну Человеческому? кто Этот Сын Человеческий? Тогда Иисус сказал им: еще на малое время свет есть с вами; ходите, пока есть свет, чтобы не объяла вас тьма: а ходящий во тьме не знает, куда идет. Доколе свет с вами, веруйте в свет, да будете сынами света.

Он уже говорил о Себе, как о свете мира сего, как о вознесенном факеле, как о вознесенном на знамени змее, и говорил Он это “давая разуметь, какую смертью Он умрет”. Однако, в то же самое время Он также подразумевал, что Он уже является светом мира, при котором нужно ходить людям. А это значит, что Он являл Собой, Своей жизнью дух Своей смерти. И это тот вознесенный свет, которым мы должны жить. Жизнь теряет всякий смысл, если не ведется на принципах креста, ибо тогда мы не знаем, куда идем. Для людей жизнь, не освещенная светом креста, подобна длинному темному тоннелю, состоящему из рутинной ежедневной работы и семейных забот.

Сказав это, Иисус отошел и скрылся от них. Столько чудес сотворил Он пред ними, и они не веровали в Него, да сбудется слово Исаии пророка: Господи! кто поверил слышанному от нас? и кому открылась мышца Господня? Потому не могли они веровать, что, как еще сказал Исаия, народ сей ослепил глаза свои и окаменил сердце свое, да не видят глазами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их. Сие сказал Исаия, когда видел славу Его и говорил о Нем.

Здесь Господь, говоря о кресте, пользуется сразу двумя цитатами из Исаии, из глав 53-ей и 6-ой. Он был вознесен в славе для того, чтобы одновременно убедит Исаию в его греховности и вдохновить на проповедь благовестия. Однако из Ис 53,1 видно, что Израиль отказался верить слышанному о чудесах Господа. Господь видел Свою смерть, как совершенство всех значений сотворенных Им чудес, по крайней мере тех, о которых рассказывает Иоанн. А это влечет к исследованию всех чудес, каждое из которых обязательно что-нибудь да рассказывает о духе креста, и каждое из которых имело свое конечное, совершенное (завершенное) исполнение на кресте. В Ин 4,34 (см. комментарии) Он говорит о Своей смерти, как о совершении “дела” Своего служения. Если человек понимает крест, тогда он видит глазами и понимает сердцем, чтобы обратиться.

Гл 13,34-35. *Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, [так] и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою.*

“Как Я возлюбил вас” - еще один пример того, как Господь говорит о Своей грядущей смерти так, как будто Он уже принес ее Себя в жертву. “Возлюбив Своих сущих в мире, (Он) до конца (до самой смерти) возлюбил их” (гл 13,1). В гл 15,12-13 говорится о том же самом: “Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих”. Только крест способен возбудить любовь друг к другу таких разных в прежней жизни людей. Любовь настолько сильна, что она сама способна обращать людей.

Гл 14,3-6. *И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтобы и вы были, где Я.*

Он шел не на небо, а на крест. На нем Он приготовил нам место.

А куда Я иду, вы знаете, и путь знаете. Фома сказал Ему: Господи! не знаем, куда идешь; и как можем знать путь?

И в этом наша типичная проблема - мы знаем крестный путь... в теории, на практике же он нам не известен, а точнее, мы не хотим знать его.

Иисус сказал ему: Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня.

Мы уже говорили, что этим “путем” был путь на крест, на котором можно обрести воистину настоящую жизнь. Жизнь на крестном “пути” приводит к Отцу точно так же, как она привела к Нему и нашего Господа. На кресте в совершенстве был явлен Отец, а это значит, что живя в духе распятого Христа, мы обрящем Его на нем. Если мы будем соблюдать заповеди Его, Отец с Сыном придут к нам (гл 14,23), а мы придем к Ним. Крест способствует обоюдному общению между нами всеми. Обратите внимание на то, что теперь “крест” заменяется на “путь”. Ученики спросили, куда Он идет? Нужно ли было Ему ответить, что Он идет умереть на кресте? Он ответил, что Он “есмь путь”, чтобы они смогли понять, что всю Свою жизнь Он нес крест, а потому, естественно, она и должна была закончиться ни как-то иначе, а именно на кресте, ибо Он должен был пройти Свой “путь” до конца.

Гл 14,21. *Я возлюблю его и явлюсь ему Сам.*

Почти во всем Новом Завете любовь Христова ассоциируется с Его смертью. Осмысливая любовь Сына Божия к себе лично, постигаешь и Его откровение на личном уровне. Вот почему так важно размышлять каждому из нас о кресте.

Гл 15,8. *Тем прославится Отец Мой, если вы принесете много плода.*

Прославлением Отца являются наши плоды. Однако Иоанн очень часто говорит, что прославлением Его стал крест Христов. А из этого вытекает, что верное понимание креста влечет за собой и духовное плодоношение. Слава Бога - Его имя и все те качества, которые связаны с ним, которыми мы будем плодоносить, если будем соответствовать духу креста. И в этом смысле, как сказал Господь Иисус, Он Своей смертью прославился в

нас (Ин 17,10). Видя и разумея славу Его на кресте, мы тем самым прославляем Его (Ин 17,24,10).

Гл 15,24-25. *Если бы Я не сотворил между ними дел, каких никто другой не делал, то не имели бы греха; а теперь и видели, и возненавидели и Меня и Отца Моего. Но да сбудется слово, написанное в законе их: возненавидели Меня напрасно.*

Эта напрасная ненависть вылилась в распятие Невинного. Здесь Он опять, говоря о Своей грядущей смерти, говорит о ней в прошедшем времени, ибо только в ней можно было ясно увидеть Отца и Сына, что перекликается с повторяющейся мыслью Иоанна, что на кресте было явлено то, что хотел увидеть Моисей - откровение Самого Яхве.

Гл 16,2-3. *Изгонят вас из синагог; даже наступает время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу. Так будут поступать, потому что не познали ни Отца, ни Меня.*

Незнание Отца и Сына стало причиной смерти Господа (Деян 13,27,28), ну, а потому что они убили нашего Господа, нам также следует ожидать гонений. Иоанн подчеркивает, что Господь был распят потому, что Его не знали (Ин 8,19,28; 15,21). А это проливает свет на Ин 17,3: “Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа”. Знание Отца и Сына означает разумение креста. А это - жизнь вечная, такая же, как вода живая, истекшая из пораженной скалы, такая же, как хлеб жизни, та Плоть, которая была дана на кресте ради жизни мира сего.

Гл 16,25. *Доселе Я говорил вам притчами; но наступает время, когда уже не буду говорить вам притчами, но прямо возведу вам об Отце.*

Как уже сказано в комментариях к гл 2,4; 4,21-23; 5,25-29 наступающим “временем”, или же “часом”, было время креста. На нем мы слышим благовестие слова о кресте, или же “слова крестного”. На кресте не было иносказания. На кресте во всей полноте и совершенстве был явлен Отец⁽²⁾. Он продолжает: “Вот, наступает час (время), и настал уже, что вы рассеетесь каждый в свою [сторону] и Меня оставите одного; но Я не один, потому что Отец со Мною” (гл 16,32). Ученики рассеялись, когда распинали Господа. Возможно они пришли “на сие зрелище”, но от страха, через час-два, разошлись. Но Он не был один, ибо на кресте вместе с Ним был Отец точно так же, как написано Иоанном в начале Евангелия с мыслью о кресте: “и Слово было с Богом” (перевод еп. Кассиана). Филипп недавно, как и Моисей, просил Его показать Отца (гл 14,9,10), и Господь ответил, что они ясно увидят Отца на кресте. Возможно, что именно так и нужно понимать слова молитвы Господа, написанные в гл 17,24, чтобы ученики могли видеть и духовно понимать происходящее на кресте: “Отче! То, что Ты даровал Мне, - хочу, чтобы, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою, которую Ты даровал Мне, потому что возлюбил Меня прежде основания мира”. “Где Я”, слава Его, дарованная Ему Отцом, Агнец, закланный “прежде основания мира” - все эти слова прямо связаны с крестом.

Гл 21,17-23 - заключительная часть Евангелия, с настойчивым призывом перестать беспокоиться о слабости своих братьев, а следовать за Господом, неся крест до самого конца. Последующее изучение подробно исследует написанное, так как похоже, что в этом эпилоге Иоанн дает нам зрелое и полное обобщение значения креста.

“Следуй за Мной”. Следование за Христом невозможно без несения креста, что очевидно из Мф 10,38; Мк 8,34; 10,21: “Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною”. Чтобы следовать за Христом необходимо оставить всё, отдать

свое имение другим и нести крест (Мф 19,21,23,27,28). Однако есть и менее заметные, но говорящие о том же самом места.

Человеку, следовавшему за гробом своего отца, было сказано вместо этого следовать за Христом (Мф 8,22) так, как будто следование за Ним должно было привести его к месту погребения. Те верные женщины, которые буквально последовали за Ним и крестом, следовали за Ним “и тогда, как Он был в Галилее” (Мк 15,41), как будто их следование за Ним на Голгофу началось еще с Галилеи. За обгаренным кровью Спасителем следовал Его народ (Откр 19,13,14). “Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную. Кто Мне служит, Мне да последует; и где Я (в мучительном решении Гефсимании), там и слуга Мой будет” (Ин 12,25,26). В Евангелиях часто говорится, и особенно в Евангелии от Луки, как Господь обращается к ученикам Своим, следующим за Ним (Лк 7,9,44; 9,55; 10,23; 14,25; 23,28; Мф 9,22; Ин 1,38). Как мы уже заметили выше, Петр думал, что следование за Господом было не таким уж и трудным занятием, ибо он буквально следовал за Иисусом по всему Израилю первого столетия. Но он так думал, не обращая внимание на неразделенность следования за Ним и взятием креста. Как и мы с удовольствием хотим следовать за Господом, но так, чтобы не полагать жизни своей. В Мф 16,22-25 рассказывается как Господь указал Петру на его глубочайшее заблуждение. Петр следовал за Иисусом даже после предсказания распятия (ибо Иисус, “обратившись, сказал Петру”). Он думал, что следует за Иисусом. Однако ему было сказано: “Прочь! *За Мною...* если кто хочет *за Мною* пойти, да отречется от самого себя и возьмет крест свой и следует *за Мною*” (перевод еп. Кассиана). Петру совсем не хотелось, чтобы Господь умер на кресте в Иерусалиме, ибо хорошо понимал, что следование за Ним означает то, что и ему придется умереть точно так же. Петру необходимо было отойти прочь, чтобы потом снова последовать за Господом, но на этот раз так, чтобы действительно следовать за Ним. Господь как будто сказал: “Не думайте, что сможете не дать Мне умереть, я все равно умру. Лучше подумайте о том, как следовать за Мной, взяв крест”. Иоанн пишет, что следовать нас за Иисусом заставляет Его голос, слово Его, зовущее нас (Ин 10,4,27). Все наши изучения Библии должны призывать нас к самопожертвованию. Петр любил слово Господа (см. “Петр - ученик Библии”), однако, как то было явлено при преображении Христа, он не глубоко вникал в него. А потому и не услышал призыва взять крест. Он просто осознал, что Иисус является Мессией, однако, как видно из написанного, осознание это произошло лишь инстинктивно, а потому и решил, что Мессия не должен ни умирать, ни страдать. Признание Господа за Христа и попытка остановить Его идти на смерть в Евангелии от Марка соседствуют бок о бок, из чего можно предположить, что Марк записывал свое благовестие в соответствии с проповедью Петра (обратите, например, внимание как Петр определяет цель жизни Господа в Деян 1,21,22; 10,36-42 - точно так же, как Марк в Евангелии). Да, Петр четко понял, что Иисус Назорей был Мессией, однако он совершенно не сознавал, сути значения Мессианства, ибо совсем не видел связи между царственностью Мессии и претерпением крестной смерти. Он не хотел, чтобы страдал Иисус, ибо знал, что то, что касается Господа, касается также и его. По той же самой причине и нам не хочется слишком много уделять внимания страданиям Господа, ибо это “с лишком” для нас. По этой причине мы отворачиваемся от познания креста. По этой причине ученики, следовавшие за Господом по дороге в Иерусалим (а раз следовали, значит следовали взяв крест), “ужасались” (Мк 10,32). Слова, “прочь! *За Мною*”, были те же самые, что были сказаны “сатане” при искушении приобрести Царство без страданий на кресте. Вполне может быть и так, что “сатаной” в пустыне был тот же самый Петр, или же тот “сатана” действовал по его указке. Потому-то Господь и назвал его сатаной. И вот что интересно, только у Марка (что равносильно Петру) написано, что Господь искушаем был в пустыне сатаной (а не дьяволом), и он же пишет о том, как Петр позже стал сатаной Господу.

И все же Петр, надо отдать ему должное, многое усвоил из упрёка Господа и главное то, что следование за Ним означает отречение себя, что становится очевидным из его вопроса, обращенного к Господу незадолго до смерти: “Господи! почему я не могу идти за Тобою теперь? я душу мою положу за Тебя”. Ибо теперь он видел, что следование за Господом было равносильно положению души, жизни за Него. Он слышал, что Господь полагает Свою жизнь за них (Ин 10,15,17), а потому думал, что и он может сделать то же самое, что и Господь. Но нет, у него не получилось повторить этого ради братьев своих. Тогда он еще не целиком сознавал тяжесть креста Христова. Господь сказал ему, что он пока неспособен последовать за Ним, что ему сейчас легче отречься от Него, чем пойти за Ним, однако Он также пообещал, что настанет время, когда у него хватит сил позже пойти за Ним до конца (Ин 13,36,37). Петр думал, что он уже достаточно силен, ибо “следовал” за Христом до двора первосвященника (Мф 26,58), однако к своему ужасу и отчаянию вскоре понял всю правоту предсказания Господа. После “обращения” Петра, Господь более подробно поведал о его смерти: “*Когда состаришься (станешь более зрелым духовно?), то простреши руки твои, и другой препояшет тебя, и поведет* (так же, как был веден Христос), *куда не хочешь* (Петр до самой последней минуты не хотел такой смерти). *Сказал же это, давая разуметь, какую смертью [Петр] прославит Бога*” (так же, как и смерть Христа: Ин 7,39; 12,28; 13,32; 17,1). “*И, сказав сие, говорит ему: иди за Мною*” (Ин 21,19). Взять крест, Петр, и жить с ним нужно прямо сейчас. И они, с идущим за Иисусом Петром, пошли дальше. Однако он все еще никак не мог полностью жить крестной жизнью. Как жена Лотова он обернулся назад, отвернувшись от Господа, и увидел идущего Иоанна, который на последней вечери приклонился к груди Иисуса (можно ли предположить, что упоминание такой подробности указывает на ревность Петра?) Он тут же начал вопрошать Господа об участии Иоанна. Петр хотел отвлечь свое внимание от собственной незавидной доли сораспятия, и найти утешение в том, в чем так легко находят утешение все человеки - в жизни другого. Господь ответил ему, что даже несмотря на то, если Иоанн будет жить до Его возвращения, жить не познав смерти и не следуя за Ним, Петру все равно необходимо пройти через всё это. А потому: “*Что тебе [до того]? ты иди за Мною*”. Это было тем же самым наставлением, которое было дано Господом притчей о нанятых работниках рано утром и около 11-го часа. Петр был склонен замечать недостатки в других (Мф 18,21), сравнивая себя с ними (ср. Мф 19,21 с ст 27 и Мф 26,33). Но та же самая привычка присуща и многим из нас! Вместо того, чтобы стремиться жить так, как заповедано, жить, следуя за Господом, идя вслед за распятым на кресте Христом, мы больше ревнуем другим, нас больше интересует их духовность, чем своя собственная. Вспомните, что за Господом, куда бы Он ни шел, всегда следовало множество народа, который не понимал того, что последуй они за Ним до конца, им придется пройти через смерть на кресте и последовать за Ним в воскресенье жизни.

Евангелие от Иоанн, на первый взгляд, заканчивается довольно странно. Синоптические Евангелия оканчиваются так, как мы почти всегда и ожидаем - вознесением Господа, Его заповедью проповедывать и радостью учеников, желающих исполнить эту заповедь. Евангелие же от Иоанна заканчивается совершенно неожиданно, как будто оно не дописано. Христос следует Своим путем, за ним идет Петр, за Петром - Иоанн. Петр спрашивает Господа об Иоанне, и Он отвечает ему, чтобы тот не думал о нем, а продолжал идти за Ним. Иоанн вставляет предупреждение, чтобы этот ответ Господа не был неправильно истолкован. И здесь Евангелие заканчивается. Однако, когда к нам приходит понимание, что призыв следовать, идти за Ним означает призвание жить жизнью крестной, ежедневно, ежеминутно следовать за Назарянином до самого конца, тогда картина, нарисованная Иоанном, предстает в ином свете: Господь Иисус следует Своим путем, за Которым идут, несмотря на всю свою слабость и недостойность, все последовавшие за Ним. Евангелие от Иоанна, являясь его собственным на удивление человеческим благовестием, заканчивается описанием следования за Господом всех Его

учеников, которые, все-таки, идут за Ним, позади Петра. Осознание своих собственных слабостей, понимание невозможности своего более близкого приближения к проповеданному нами Христу, должно отражаться в каждом свидетеле Господа. Евангелие от Иоанн, воистину, заканчивается призывом следовать за Господом с крестом за плечами. И Петр понимал это, когда писал о том, что “вы к тому призваны (т.е. в этом заключался весь смысл жизни Христа), потому что и Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его” (1Пет 2,21). Так что следование за ним означает приобщение Его страданий и смерти. А потому нет ничего удивительно в том, что Петр не сразу понял сути того, что означало следовать за Христом. То же самое касается и нас, ибо смысл, самая суть призвания идти за Господом, за крестом, никогда не может быть полностью осознана при обращении.

Это занятие могло бы быть продолжено исследованием мыслей Иоанна о кресте в книге Откровение, в конце которой он дважды говорит, что “видел и слышал сие”, и что, когда он понял то, что “услышал и увидел”, то пал, чтобы поклониться (Откр 22,8). Точно так же он видел и слышал то, что происходило на кресте (Ин 19,35). Он чувствовал то же самое, когда смотрел на распятого Христа и когда увидел чудо, которое было угодно Богу сотворить с ним самим, ибо всё стало возможным, благодаря этому обнаженному, ломимому и мучимому Телу.

Под конец Евангелие от Иоанна делает удивительное ударение на кресте. Большая часть Евангелия посвящена последней неделе жизни Господа, а главы с 13-й по 19-ю полностью посвящены Его смерти. Я подчеркнул все стихи в Евангелии от Иоанна, в которых он говорит о кресте, и оказалось, что из 897 стихов, подчеркнутыми оказались 317. А это значит, что Иоанн упоминал о кресте через один-два стиха. При этом нужно помнить, что его Евангелие является всего лишь записью, конспектом того благовестия, которое он, как правило, проповедовал. Не остается сомнений в том, что главным в нем было сознательное и не сознательное благовестие креста. А значит, что таким же должно быть и наше благовестие. В своих Посланиях, написанных Иоанном к обращенным им верующим, он также призывает жить духовной жизнью с памятью о кресте и об очищении полученном на нем. А это значит, что и мы должны жить в том же самом свете, ибо любая другая жизнь означает жизнь во тьме.

Примечания

(1) Rudolph Bultmann, *The Gospel of John* (Philadelphia: Westminster, 1971) p. 659.

(2) Более подробно об этом изложено в *Явление Бога на кресте*.

4-10 Взятие креста

Несколько раз Господь Иисус говорил о взятии креста и следовании за Ним. После крещения вы посвящаете себя именно такой жизни, а потому вам, по крайней мере, стоит попытаться взять крест. Не приходится сомневаться, что в первом столетии Его слова вызывали в верующих больший ужас, чем сейчас, ибо они видели муки людей, несших крест, чтобы потом быть на нем распятым. Господь же предлагал им сделать это самим. Мысль о взятии креста предполагает сознательное и добровольное согласие жизни на кресте. Поэтому взятие креста не просто пассивное отношение к ударам судьбы.

“Возьми крест свой, и следуй за Мною” - заповедь взять крест вместе с Христом, ибо в греческом языке здесь стоит определенный артикль, *этот* крест. Одно и то же греческое слово используется для “взятия” креста и “взятия” Христом грехов на Себя. Один из словарей (Strong’s) говорит, что это слово подразумевает “искупление”, а это значит, что наше взятие креста связано со взятием Христом наших грехов, что спасительная сила креста зависит от нашего ежедневного “взятия” его. Если же наши грехи взяты Им, тогда и нам необходимо взять крест свой.

Само собой разумеется, что мы не можем буквально взять крест, а потому взятие креста должно толковаться как отношение к жизни, как обязательное исполнение заповеди отрешиться от всего, что у нас есть (Лк 14,27,33). Христос также предлагает нам “взять” Его иго, дабы научиться от Него (Мф 11.29). Получается, что взятие креста, взятие Его ига является научением от Него, познанием Его. Ощущаем ли мы боль от нашего познания Христа? А ведь она должна быть, ибо крест является образом боли, а взятие его есть взятие ига, познания Христа.

Когда было сказано о взятии креста

Задумайтесь о том, когда Христос говорил о взятии креста.

1. В Лк 9,23-26 Он говорит к народу, последовавшему за Ним из-за чуда умножения хлебов и рыбы, о том, что за Ним не стоит следовать из-за хлеба и рыбы, но взяв крест свой.
2. Богаты молодой человек был готов повиноваться во всем, за исключением лишиться своего имения. А потому Христос и предложил ему совершить очень трудное для него, взять крест - в его случае - отрешиться от своего богатства.
3. В Мф 10,38 заповедь взять крест свой дается Христом в связи с теми трудностями, которые возникают в семейной жизни, при решении человека следовать за Ним, ибо многие хотели последовать за Ним, не порывая со своими семьями. Христос же предложил им взять крест свой.

Во всех этих случаях люди хотели следовать за Христом, но... только до тех пор, пока это было им удобно. Им совсем не по нутру была мысль что-то сознательно делать против своего прирожденного естества и против окружавшего их мира. Взятие же креста требует как раз именно этого, ибо только так можно соединиться с Христом, приобщиться Ему. Очень легко служить Богу не меняя ничего в выбранной жизни. Легко повиноваться Божественным уставам и постановлениям, если они не расходятся с твоими взглядами на жизнь. Живя так, очень легко обманывать себя, думая, что мы ведем активную духовную жизнь, тогда как на самом деле мы никогда не шли против ветра, никогда не брали своего креста. Израиль в глазах Божиих был высохшим виноградником, ибо приносил духовные плоды только для себя (Ос 10,1; см. также “От молока к твердой пище”, 2.13).

Вопреки врожденному естеству

Хороший тому пример Соломон. Ему нравилось созидать, строить (Еккл 2,4-6; 2Пар 8,4-6), а потому строительство храма Божия стало ему в радость. Когда же дело дошло до исполнения самых простых и ясных заповедей, не умножать себе лошадей и жен, Соломон просто пренебрег ими. Так и Израильтяне были огорчены потерей своего храма, ибо они говорили: “Дом освящения нашего и славы нашей... сожжен огнем, и все драгоценности наши разграблены” (Ис 64,11). Но это был не их дом, а дом Божий. Они оплакивали свою потерю, потому что храм и все, что связано с ним, нравилось им самим. Они не оплакивали храма, как места поклонения Богу.

Павел, напротив, утверждал что доказательством того, что ему было заповедано благовествовать Евангелие, было то, что он благовествовал его против своей воли, ибо, как он говорит, если бы я проповедовал Евангелие добровольно, т.е. если бы ему самому хотелось благовествовать, то он бы имел награду в этой жизни (парафраз, вытекающий из смысла сказанного в 1Кор 9,17). Трудно представить, что Павел заставлял себя проповедовать, что он благовествовал против своего врожденного естества. Однако вспомните его плохое зрение, отталкивающую внешность, а также чувство стыда за то, что он в молодости гнал и преследовал Христиан. А потому ничего нет удивительного в том, что для него проповедь Христа было делом, к которому он должен был принуждать себя. Очень может быть, что причиной, почему он пошел в Аравию после своего обращения, стало нежелание исполнять заповедь благовествовать Иисуса Христа (Гал 1,17,18). Несколько раз он говорит о своем страхе перестать благовествовать, а значит и потерять дар спасения. Он даже просил молиться за то, чтобы он более смело проповедовал Евангелие. Также нужно помнить, что Павел был ревностным Иудеем, что он любил народ свой. Похоже, что раньше он проповедовал обрезание среди язычников, делая из них прозелитов (Гал 5,11). И все же Павел, Еврей от Евреев, был призван быть Апостолом язычников. Возможно, было бы лучше, чтобы “специалист” проповедовал Иудеям, так и продолжал бы благовествовать евреям, тогда как рыбак Петр из наполовину языческой Галилеи, благовествовал бы язычникам. Но нет. Каждый из них был послан в противоположном направлении. И даже более того. Похоже, что Господь поставил Петра, Иакова и Иоанна на место книжников, на место законоучителей. Петру была дана власть, с согласия на небе, связывать и разрешать на земле (Мф 16,19), что было в области законников, которые связывали и разрешали, с согласия Бога, различные законы и постановления (даже а Новом Завете “связывать”, похоже в Мф 23,4 означает, “постановлять”). Они затворяли “Царство Небесное человекам”, ибо имели ключи от него (Мф 23,13). Теперь, в новом Израиле Господа, такой властью был наделен Петр. Необразованный рыбак должен был занять место ученых книжников, которое гораздо больше подошло бы Павлу. Другое раввинское представление, связанное с Иаковом и Иоанном, с сынами громовыми (Мк 3,17), когда молодые книжники стояли по левую и правую стороны учителя в синагоге на субботнем служении (отсюда и их желание встать по правую и левую руку Наставника в Царстве). Всем этим необразованным людям предстояло встать на замену ученых книжников, к которым они всегда относились с благоговейным трепетом и почтением... Теперь же им предстояло пойти против них, против своего прирожденного благоговения.

Всё это лишь подтверждает то, что Павел заставлял себя проповедовать, ибо благовестие было против его врожденного естества, однако это было именно тем, к чему Его призвал Христос - к проповедованию Евангелия (1Кор 9,17). Отказываясь получать материальную поддержку для своей работы от коринфян, он унижает себя для того, чтобы возвысить их - точно так же, как и Христос на кресте (ср. 2Кор 11,7 с Флп 2,8,9). Таким образом его отказ от вполне оправданного облегчения своей жизни, был своего рода взятием креста. Господь Иисус во время Своего земного служения запрещал многим желающим проповедовать о Нем, т.е. разглашать о Нем по своей собственной охоте (например, Мк 8,26). Молчание о делах Господа было делом против их естественного желания. Трудно найти какое-нибудь другое объяснение, почему Господь повелел Иаиру не говорить о воскрешении его дочери (Лк 8,56), ибо у него было естественное желание рассказывать об этом всем и каждому, так как все знали, что она умерла (Лк 8,53). Тем же, кто был более склонен к молчанию, наоборот, было сказано идти проповедовать (например, Мк 5,19). Возможно, что и Павел принадлежал к этой категории людей. Он предупреждал Тимофея, чтобы тот не думал, что человек может получить венец славы, добиваясь ее незаконным путем (2Тим 2,5). Может только с виду казаться, что мы продвигаемся на духовном пути к венцу - примерно так же, как тот, кто быстро построил свой дом на песке. Но не он, а тот,

другой, который преодолевая свое естественное нежелание трудиться, всерьез принял все сказанное Господом будет принят в последний день, даже, несмотря на то, что, как кажется, он и не закончил своего строительства (по одному из переводов: “который строил дом свой на камне” - AV). Давайте также не забывать и об Амесе. Оправдывая себя и свое пророческое служение, он, наподобие Павлу, утверждал, что был призван Богом против своей воли. Он не был ни пророком, ни сыном пророка, и все же Господь взял от овец быть пророком Израилю, что совершенно было против его воли и желания (Ам 7,14,15).

Настоящий крест?

Совсем не трудно перенести все это и на нашу жизнь. Давайте задумаемся над возможными вариантами.

- Молодому брату нравится путешествовать, как и многим молодым людям. Поэтому он и разъезжает по всему миру, заодно проповедуя. Он может говорить, что делает это ради исполнения заповеди благовествовать по всему миру, однако на самом деле он всего лишь делает то, что нравится ему.
- У кого-нибудь из братьев или сестер совершенно нет желания связывать себя супружескими узами с кем-нибудь из мира сего. Можно подумать, что они достигли духовных высот, о которых говорится в 1Кор 7,32, решив ради Господа оставаться в одиночестве, однако, на самом деле они поступают так, лишь потому, что поступили бы так в любом случае.
- Брату, например, из Китая нравится писать письма братьям из Англии, потому что ему нравится иметь друзей в Англии и совершенствовать свое знание английского языка так же, как и многим другим китайцам. При этом он может утешать себя мыслью, что он пишет эти письма из-за того, что поддерживает общение с братьями во Христе, и в то же самое время не желая общаться с такими же своими братьями из Китая.
- Некоторым нравится находиться среди большого количества людей, а потому они с удовольствием посещают собрания еkkлeсии, с удовольствием встречаются с людьми. Для одинокой же сестры, жизнь которой оказалась поломанной в результате нескольких фатальных для нее встреч, да еще с четырьмя детьми на руках, посещение собрания тех, кого она считает счастливыми, беззаботными и незнающими в жизни никаких проблем, становится настоящим взятием креста. Она бы с большей охотой предпочла остаться дома, в своем мире, и совершить хлебопреломление в одиночестве.
- Некоторые утверждают, что они женятся, или выходят замуж, чтобы исполнить заповедь Божию, “плодитесь и размножайтесь”, хотя на самом деле подчиняются своему инстинктивному желанию делать то, что делали и делают все остальные человеки. Большинству родителей нравится уделять время и средства своим детям, и то, что многие родители Христиане чувствуют желание делать то же самое, не всегда означает, что они делают это по духовному, или Божественному побуждению.
- Часто говорят о том, что наградой праведного может быть его собственная праведность, его самодовольство. Особенно это заметно при пожертвованиях. Однажды Л.Г. Сарджент отчеканил о “самодовольстве нравственного пресыщения от жертвования”. То, что мы жертвуем, и иногда очень много, не является истинным признаком жертвования настоящей любви Бога и Его Сына, что угодно Богу (ср. с 1Кор 13). Вспомните, как часто и много Израиль приносил жертв своим идолам, что на самом деле служило лишь для удовлетворения своих собственных желаний.

- В каждом из нас глубоко в душе живет чувство гнева и агрессивности, которое так часто вырывается наружу под предлогом защиты Истины (с большой буквы!), когда мы обманываем самих себя, думая что нас снедает “ревность” Божия. Только представьте себе хорошо натасканного в Библии молодого, горячего и агрессивного брата, спорящего о Троице с ничего не смыслящим в Библии католиком, или же негодующую сестру, которая набрасывается на брата лишь из-за того, что тот в молитве вместо “Отче наш” сказал, “Отец наш Небесный”. В таких, довольно нереальных примерах, извинением для выпуска душевного пара, является любовь к чистоте истины. Настоящим же духовным достижением была бы защита чистоты истины без проявлений какого бы то ни было гнева.

И подобные примеры, покопавшись в глубине души, может найти каждый из нас. Однако ясно, что мы призваны взять крест Господа Иисуса. Только бы образ креста и дух Его всегда присутствовали в нас! Тогда бы мы сильнее желали служить Господу, служить с полной самоотдачей, не притворяясь, что и мы страдаем так же, как Он. Подобно Давиду нам необходимо понять, что не может быть жертвоприношения, которое бы нам ничего не стоило. Жертвоприношение только тогда имеет смысл, если заключается завет с Богом (Пс 49,5).

Мне кажется, что Господь призывает каждого из нас делать что-то такое, что нам особенно тяжело делать, что идет вразрез самому нашему врожденному естеству, вразрез всем привычным укладам нашей жизни. Это может объяснить то, почему Он иногда приказывал некоторым исцеленным говорить (возможно тем, которые от природы были молчаливы, или чем-то опозорили себя среди людей), тогда как другим приказывал молчать о Его делах (тем, кто уж больно общителен). Так, например, когда Господь попросил Петра еще раз попытаться закинуть сеть, эта просьба была против врожденного естества Петра. Он был рыболовом, он ловил рыбу всю ночь, а потому знал, что было совершенно бесполезно пытаться поймать ее снова. Он знал, что плотник ничего не может смыслить в рыболовстве. Просьба Господа раздула в нем естественную гордость специалиста, присущую человеку любой профессии. Если бы Господь Иисус приказал Петру не ловить больше рыбу, то, думаю, он охотно бы повиновался Ему. Он же попросил совершенно противоположного, попросил не в подходящий момент, а потому для Петра выйти еще раз в море и закинуть сети стало самым настоящим взятием креста. Точно так же, более подходящим кажется, что Павлу было бы лучше проповедовать Иудеям, а Петру язычникам (вспомните, что язычники подошли с просьбой к Филиппу, к уроженцу Галилеи языческой - Ин 12,20,21). Однако Господу Богу было угодно, чтобы они делали совершенно противоположное, противоположное их врожденным, естественным наклонностям. Он приказал серебряникам восстанавливать стену Иерусалима, набивая мозоли на свои чувствительные пальцы каменными глыбами (Неем 3,8,31). У Варака победоносное войско составляли “укоренившиеся в земле” простые жители, а также “владеющие тростью писца” (Суд 5,14), т.е. люди не имевшие никакого отношения к войне. Павел был послан к язычникам, Петр к Иудеям, тогда как мы думаем, что гораздо лучше было бы все наоборот. Из всех Двенадцати одному Иуде были доверены общие деньги, тогда как лучше было бы доверить их профессионалу - бывшему мытарю Матфею. Нееман был готов совершить нечто необычное и великое, ему же было сказано сделать самое трудное для него - просто окунуться в Иордане. Аврааму было приказано сделать то, что ему было сделать труднее всего - принести в жертву своего единственного и, главное, любимого сына.

Из Исх 38,23 видно, что Аголиав был специалистом по тканям, однако он был привлечен работать также и по металлу (ср. с Исх 35,34) примерно также, как в восстановлении храма участвовали и серебряники. Так что они делали не только то, что им было присуще

делать по жизни, но и то, что было против их привычного естества. И Веселеил, и Аголиав делали не только то, в чем каждый из них был мастером, но и то, в чем мастером был другой.

“Побеждающему”

В последних, адресованных нам словах, Господь несколько раз во 2-й и 3-й главах Откровения, повторяет: “побеждающему...”, “кто победит...” Многие, кому непосредственно были адресованы эти главы, исполняли несколько, приемлемых для них заповедей, тогда как другими, не столь удобными для них, они пренебрегали и в теории, и в жизни. Есть все основания полагать, что и у нас, как у каждого отдельно, так и у всего нашего сообщества, существует та же опасная склонность. А потому обращение, “побеждающему”, относится и ко всем нам тоже. Побеждающий, как и “те, которые соблюдают заповеди Его”, будет “вкушать от древа жизни” (Откр 2,7; 22,14). Победить значит соблюсти заповеди, победить самого себя, наше естественное нежелание повиноваться законам Божиим.

Каждый из нас по природе слабovolен и нерешителен, что мы стараемся скрыть любыми подходящими, на наш взгляд, способами. Очень многие из нас (как и тысячи людей во всем мире) живут с пониманием того, что необходимо полное и основательное изменение самого себя, пытаюсь сделать это, но снова и снова терпя неудачи в попытках взять крест свой. Лично для меня это является самым настоящим мучением души. Я так часто думаю, говорю и решаю измениться... но каждый раз, когда доходит до дела, я опять терплю полное поражение. Можно, конечно, сказать, что мы все такие. Однако, лично для меня то, что “мы все такие”, слабое утешение. Не должно это успокаивать и вас, ибо и вам возможно известно то, что чувствую я. Нам необходимо испытывать душевные муки из-за того, что мы не можем сделать то, что решили делать, подражая своему Господу Иисусу, делать то, что послужило бы нашей признательностью Ему за Его любовь, явленную нам. Отречение от привычек и привязанностей без которых, как кажется, мы не можем обойтись, и есть взятие креста. Господь высмеивал фарисеев за то, что они дают десятину даже с растений, забывая при этом про настоящую милость и любовь. Как будто Он хотел сказать, что легко проявлять свою набожность давая десятину с мелочей; гораздо труднее делать то, что, действительно, нужно делать - являть собой любовь, милость и справедливость. Мы легко можем стать большими специалистами в манипулировании заповедями Божиими и соблюдать то, от чего можно было бы отказаться, не замечая, а точнее, не обращая внимание на то, на что нужно было бы обратить более пристальное внимание.

Так и крест призывает нас ежедневно жить с ним и на нем. То, что было написано о распятии Господа и суде над Ним, было прежде всего адресовано верующим в Евангелие первого столетия, которым предстояло пройти гонения и муки за свою веру. Повествование Иоанна о допросе Господа начальниками Иудейскими, которые обвиняли Его в том, что Он был лжепророк, было написано так, чтобы вдохновить и поддержать обращенных Иоанном (как называют их теологи, “Иоаннову общину”), дабы подготовить их встать перед судом Иудеев, а потому их жизнь была не только подготовкой, но и самой жизнью крестной⁽¹⁾. Им также предстояло говорить миру и свидетельствовать об истине, исполняя эту великую заповедь Господа, взяв крест свой и Его.

Понимаете ли вы то, о чем я говорю? Слышите ли вы призыв нашего Господа служить Ему, следуя за Ним, взяв крест свой? Десяти минут достаточно, чтобы, покопавшись в себе, обнаружить ужасной ширины пропасть, отделяющую наши духовные стремления от естественных, природных склонностей и привычек к устоявшейся жизни. Если дух

крестный появляется в нас, то одного этого уже достаточно, чтобы у нас появилось более тесные отношения с Тем, Кто также жил в таком же духе, а значит появились радость и спокойная уверенность в том, что и мы станем причастниками Его воскресения. Крест находится в пределах нашей досягаемости. Крест не просто страшное историческое событие, имевшее место много лет назад и длившееся всего несколько часов, о котором не хочется вспоминать, оправдывая себя тем, что это слишком ужасное зрелище для нас. Посмотрите, как Павел говорит о нем, также призывая нас жить на кресте, как жил и он. В Мк 10,44,45 записано повеление Господа: “и кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом. Ибо и Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих”. О том же самом говорит и Павел в 1Кор 9,19: “Будучи свободен от всех, я всем поработил себя...” И еще в 1Кор 10,33: “так, как и я угождаю всем во всем, ища не своей пользы, но [пользы] многих, чтобы они спаслись”. Павел, этот очень человечный человек, взяв крест свой, являвшимся также и крестом Господним, стал также виновником спасения всех людей. Он также, как и распятый Господь, поработил себя всем. Можно, конечно, найти себе извинение в том, что у Иисуса, не то что у нас, Отцом был Сам Бог и прочее... Однако всякая ценность таких извинений пропадает, когда мы читаем слова Павла. А потому крест находится для нас, как и для Павла, в пределах досягаемости.

Примечание

(1) For more on this see R. Kysar, *John* (Minneapolis: Augsburg, 1986) p. 273; R. Schnackenburg, *The Gospel According to St. John* (New York: Seabury, 1983) Vol. 3 p. 238.

4-11 Христианский экстремизм

Неоднократно Господь приказывает нам взять крест и следовать за Ним. Жизнь в самораспятии, в ежедневном взятии на плечи креста и несении его туда, где ты будешь пропят и оставлен на мучительную смерть... Жизнь с чувством преступника, идущего на место казни... Эти чувства могут быть полностью потеряны нами так же, как можно легко не заметить насколько была непривлекательна мысль смерти на креста в первом столетии. Для Римлян крест был нечто ужасным, само слово “крест” вызывало у них чувство омерзения. Крест существовал у них исключительно для рабов. Посмотрите на то, что писали в то время⁽¹⁾.

- Цицерон писал: “Само слово “крест” несовместимо с понятиями Римского гражданина, с его мыслями, зрением и слухом. Поскольку он совсем не совместим и не касается его жизни... но даже самое упоминание о нем, является не достойным Римского гражданина и свободного человека... ваша положение [т.е.. Римское гражданство] защищает человека от... ужаса креста”.
- Сенека старший в полемических записках пишет о дочери господина, вышедшей замуж за раба, что приравнивается им к “распятию”. Таким образом слово “распятый” и слово “раб” в то время были синонимами. Над отцом этой девушки смеялись: “Если тебе захочется повидаться с родственниками твоего зятя, пойди на крест”. Нам трудно представить, в каком унижении находились рабы того времени. Крест был символом позора и ужаса.
- Ювенал в своем сатирическом сочинении пишет, как жена приказывает мужу: “Распни раба”. Муж спрашивает: “Но что он сделал, заслуживающего смерти? Нельзя спешить, когда от тебя зависит человеческая жизнь”. Она отвечает: “Глупец! Как ты можешь называть раба человеком?”

Чувство позора, связанное с крестом, было также знакомо и Иудеям. Любой, повешенный на дереве, почитался проклятым Богом (Вт 21,23). Юстин Мученик в “Разговоре с Трифоном-иудеем” влагает в уста Трифона следующее возражение против Христианства: “Мы знаем, что Христу должно пострадать... но то, что Он был распят, что умер такой бесчестной и позорной смертью, смертью проклятого по закону, для нас является доказательством того, что мы совершенно правы в том, что не принимаем Его”⁽²⁾. Тот же Юстин пишет в “Апологии”: “Они утверждают, что наше безумие состоит в том, что мы помещаем распятого Человека на второе место после вечного Бога”. Римляне также высмеивали следование за распятым Человеком. На карикатуре того времени был изображен распятый человек с головой осла, ибо осел был символом рабства (вспомните въезд Господа на осле в Иерусалим). И внизу саркастическая подпись: “Алексаменус кланяется Богу”.

И после этого “слово о кресте” обратило такое множество народа в первом столетии?! “Иудеи требуют чудес, и Еллины (язычники, Римляне) ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие” (1Кор 1,22,23). Павел превозносит Христа за то, что Он “смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной” (Флп 2,8). Братья и сестры того времени должно быть постоянно испытывали насмешки и много раз подумывали об изменении своего благовестия. Однако историческая реальность распятия, извечная ценность и важность “учения искупления”, как мы называем это сегодня... все эти вещи сами по себе побуждали людей к благовестию. Мы не можем изменить свое благовестие только потому, что оно очевидно не привлекательно. Новый Завет говорит о кресте не как о чем-то ужасном и отвратительном, а как о победе одолевшей грех и смерть, как о вещи, заслуживающей похвалы, как о том, о чем нужно благовествовать всему миру в радости и надежде (Гал 6,14). Можно смотреть на окружающий мир и думать, что наше благовестие никоим образом не сможет изменить его, ибо мы проповедуем ему то, что совершенно ему неприемлемо. Однако благовестие распятого Царя и Спасителя в первом веке было таким же неприемлемым для мира, как и сейчас, и все же тогда их проповедь перевернула весь мир! Большинство людей, в принципе, хотят откликнуться на благовестие, хотя в суеете ежедневной жизни, в толкотне на улице и в общественном транспорте мы зачастую не задумываемся над этим. Нашему Отцу Небесному также угодно, чтобы мы обращали людей простым и откровенным свидетельством. Нам не нужно беспокоиться о том, будет ли услышана наша проповедь или нет. В благовестии о кресте в первом веке также не было ничего привлекательного, ибо оно было неестественно, отвратительно и даже омерзительно. Однако, как нам известно, люди во всем мире полагали жизни свои за веру, что говорит об обращающей силе принятого ими благовестия. Наше благовестие обладает точно такой же силой. Если мы не только знаем его, но и верим в него, тогда мы будем поступать так же, как поступали и они.

Свидетельство

Распятие совершалось на показ, публично. Квинтилиан писал: “Когда бы не распинали преступника, всегда выбиралось людная дорога, чтобы многие прохожие смогли увидеть его и испугаться... ничто иное (чем распятие) не производит лучшего воспитательного воздействия” (quoted in Hengel).

Известно, что противников Христианской веры не устраивало то, что верующие так тесно отождествляли себя с распятым Христом, что Его смерть и позор отражались в них: “они говорят о себе, как о Человеке умершем за преступление на кресте, таким образом совершая определенные служения в церкви за своих испорченных друзей”⁽³⁾. Так мы видим насколько глубоким было их понимание учения об отождествлении с Христом, ибо

видели в распятом на кресте Господе образ всех их. Снова и снова в словах и делах Павла видны осознанное и неосознанное им самим переживание того, что было пережито и его Господом. Благовествуя, он поработил себя всем, став немощным для немощных, чтобы приобрести немощных (1Кор 9,19,22). О своем причастии к смерти Господа он также говорил и в другом месте (ср. 2Кор 13,4; Флп 2,7 с Мк 9,35). Так и наше благовестие, как и проповедь Павла, должно являть людям распятого Христа (Гал 3,1). При этом помните насколько было отвратительно благовестие о кресте таким гражданам Рима, как Павел, для которых омерзительным было даже само слово “крест”. И все же он являл собой людям распятого Христа, не взирая на человеческие чувства, вызываемые в нем крестом. Наше благовестие распятого Христа, также включает в себя нечто неприемлемой для мира сего. Так обращение старейшины Африканской деревни и его проповедование добродетелей человеческих, может повлечь за собой лишение им занимаемого высокого положения в обществ. В Индии братья, принадлежащие к высшей касте, общаясь с братьями низшей касты, тем самым показывают, что почитают их выше себя. Европейцы отказываются от работы, которая несовместима с духом Христовым. Во всех подобных случаях мы выказываем себя безумцами Христа ради, ради креста Его. Но мы же одновременно тем самым и свидетельствуем о Нем, да так сильно, как подчас не можем и представить себе. Само распятие подразумевает публичность, чтобы все могли видеть его. Вот почему мы никоим образом не можем скрывать свое обращение от других. Пытающиеся спрятать его кончают потерей веры. И об этом предупреждал Господь, когда Он говорил, что зажженную свечу не ставят под сосудом, но ставят так, чтобы она светила всем. Если мы спрячем свою свечу под сосудом смущения или мирского стыда, она погаснет. Я не говорю о том, что если человек не проповедует, он будет осужден. Господь говорит о том, что если свет веры не светит другим, то он гаснет. Если у тебя есть истина - пользуйся ею, или же потеряешь ее. Только жизнь на кресте может явить такой свет всем окружающим нас. Именно поэтому я часто колеблюсь перед крещением желающих креститься, сомневаясь, стоит или нет говорить о возможных преследованиях даже в их семьях. Ибо понимаю, что бывают такие случаи, когда есть очень веские причины не показывать своей веры людям. Однако, в конце концов, настоящую жизнь в вере нельзя спрятать.

Всё, что я хочу сказать, что в благовестии распятого Христа есть нечто совершенно важное и исключительное. Он умер за нас, чтобы мы уже не жили для себя, а жили для Него. Из-за того, что мы отождествляем себя с Его смертью и воскресением, этот мир распят для нас. Крест - образ нашего самопожертвования. Мы не религиозные фанатики, однако Его смерть на кресте и Его жизнь оказывают на нас глубокое внутренне воздействие. Мы отказываемся от преходящих удовольствий мира сего, от пьянства, наркотиков и прелюбодеяний, ибо во всем и всегда мы являем Того, Которого мы познали и в Кого поверили. Наша речь, наше поведение, наша одежда, все наши пути “во Христе” должны благовествовать миру о нашем естестве и жизни в Нем. Мы должны быть безумны Христа ради для мира сего, ибо вера крестная является и сегодня таким же отвратительным безумием, каким она была в первом столетии. Наше понимание искупления, наше понимание креста помещает нас отдельно от различных Христианских сект. Позвольте заметить, что именно и исключительно в этом мы обладаем “Истиной”, ибо только у нас есть истинный Христос. Одно это должно побуждать нас к свидетельствованию.

Бескомпромиссность призыва

Несмотря на “соблазн креста”, Павел все же благовествовал его, “ибо (он) рассудил быть... незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого” (1Кор 2,2). Павел не заботился о том, чтобы его благовестие было приятно слушающим его. Бывает, конечно, и

так, что благовестие Божие тешит наш слух, но это не имеет никакого отношения к тому, что требует от нас благовестие Христа и крест Его. Это примерно так же, как и учение Библии о месте женщины, которое сильно противоречиво, ибо во многом зависит от жизненных обстоятельств. Это, конечно, не означает, что Библия, или верующие, выискивают противоречия, просто я хочу подчеркнуть, что крест является основной, недвусмысленной и бескомпромиссной частью благовестия.

Господь также бескомпромиссно призывал людей. И в этом плане Он был требовательным Господом. Господь Иисус говорил много “странных слов”, которые отпугивали народ всерьез следовать за Ним. Он все время говорил о приговоренном к распятию на кресте, несущем этот крест на место распятия, и что они должны были сами взять этот крест. Среди чудесных рассказов о цветах и птичках, Он говорил им о необходимости вырвать глаз свой, или же отсечь руку или ногу... Ну, а если они не захотели бы сделать это, тогда им лучше было бы привязать к шее жерновный камень и броситься в море (Мк 9,42-48). После исцеления прокаженного, Он тотчас отослал его, “строго выговорив ему” (Мк 1,43; перевод еп. Кассиана). Все три синоптические Евангелия рассказывают о том, как Он приказал своим уставшим ученикам накормить несколько тысяч человек, когда им самим нечего было есть (Мф 14,16; Мк 6,37; Лк 9,13). Он неласково ответил человеку, которому сильно хотелось пойти за Ним, но только после того, как Он похоронит своего отца. Слова, “предоставь мертвым погребать своих мертвецов” (Мк 8,22) были грубы и отвратительны, ибо вызывали в воображении картину, как одни мертвецы тащат в свои могилы других мертвецов. И Тот же самый Иисус, сразу после этого, продолжил говорить о Своей ни с чем несравнимой и безмерной любви. В 5-й главе Евангелия от Марка рассказывается о трех просьбах Иисуса (“и просили Его все бесы”) и “Иисус тотчас позволил им” (ст 12,13). Жители страны Гадаринской “начали просить Его, чтобы отошел от пределов их” (ст 17), и Он согласился исполнить все три просьбы. Однако, когда исцеленный с неподдельным и искренним желанием “просил Его, чтобы быть с Ним... Иисус не позволил ему” (ст 18,19). Он являл Себя и говорил о Себе Иудеям почти провоцируя их (только вспомните о Его исцелениях в субботу и предложение пить Его Кровь). Он намеренно хотел встряхнуть их. Похоже, что Он пользовался преувеличениями лишь для того, чтобы подчеркнуть, как многого Он ожидает от призванных Им. Поэтому Он говорил об отсечении рук и ног, если они соблазняют тебя. Желаящему последовать за Ним, Он сказал, что “Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову” (Лк 9,58). Возможно, на ту ночь это и было правдой, однако то, что за Ним следовали женщины, служащие Ему именем своим, говорит о том, что это было скорее исключение, чем правило.

Непривлекательная сторона Бога

Непривлекательная сторона Отца и Господа Иисуса, наоборот притягивает настоящего верующего. Вознесенный Иисус привлек к Себе очень и очень многих. Когда Господь погубил Ананию с Сапфирию, “великий страх объял всю церковь и всех слышавших это”. Вероятно тогда многие подумали о Его жестокости, ведь эти двое продали свое имение и оставили себе, скорее всего, совсем немного, тогда как большую часть (чтобы не вызывать подозрений) посвятили Господу. А Он взял и убил их. Однако сразу после этого “верующих... более и более присоединялось к Господу” (Деян 5,14). Непривлекательная сторона Господа привлекает к Нему, а не отвращает от Него. И то же самое относится к проповеди креста. К Нему сильно привлекает то, что Он одновременно был и добр (например, как Его удивляла слабая вера людей), и непоколебимо требующий. Вспомните, как Он увидел богатого молодого человека и полюбил Его, но в то же самое время потребовал от него продать все, что тот имел, и раздать нищим. Отдать деньги не на служение, а нищим, многие из которых вполне справедливо не заслуживают никакой

помощи? Это было серьезное требование. Господь больше ни от кого такого не просил, и Он хорошо знал, что Его требование касается самого больного места этого молодого человека. Если бы Господь предложил ему отдать все его состояние Ему, он возможно и согласился бы. Отдать же нищим... И все же Господь потребовал от него именно этого, и потребовал из-за большой любви к нему.

Многих волнуют и озадачивают вопросы, почему Бог призвал этого мужчину, а не ту, как кажется, прекрасную женщину? Почему Бог допускает смерть детей и животных и, если верить Библии, без всякой надежды? Почему многие из хороших людей живут не познав истины? Почему так много и так сильно страдают люди? Почему Бог позволяет рождаться психически больным, а другим сходить с ума по своей собственной вине? Лично для меня подобные вопросы пока остаются без ответа. Избитые ответы не удовлетворяют⁽⁴⁾. И все же, эта непривлекательная сторона Бога, притягивает к Нему. Во всех непредсказуемых случаях жизни я вижу всезнающее провидение Божие, тогда как мы остаемся простыми людьми, кичащимися своим невежеством. Такие непривлекательные стороны Бога обращают людей и еще обратят в великий день заключительного суда. Бог судит народы и зачастую жестоко, чтобы люди познали Его, познали Его как Яхве (например, Иез 25,11; 28,22; 30,19). Яхве превозносится в суде над людьми (Ис 5,16). Его суд являет людям Его имя, Его качества. “Кто не убоится Тебя, Господи, и не прославит имени Твоего?... Все народы придут и поклонятся пред Тобою, ибо открылись суды Твои” (Откр 15,4). В некоторых местах Ветхого Завета (например, Ис 25,3) подразумевается, что остаток арабов, врагов Израиля, покается и примет истину Яхве, но только после того, как переживут суд Его. Когда наступит час суда Божия, Его станут бояться и воздавать Ему славу (Откр 14,7), “ибо когда суды Твои [совершаются] на земле, тогда живущие в мире научаются правде” (Ис 26,9).

Высочайший уровень

И так, леденящий кровь и ужасающий душу призыв креста каким-то образом привлекает людей также, как это было в первом столетии, привлекает, несмотря на неприглядность благовестия. В природе человека есть нечто, что толкает его к крайностям, ибо нам нравится решать непосильные задачи, нравится подчиняться кому-то выше себя, нравится стремиться к назначенной перед нами цели. И нам необходимо четко различать эти наклонности в себе, чтобы правильно откликаться на призыв креста. То, что мы призваны к таким высотам, то, что от нас так многое требуется является доказательством того, что мы действительно обрели настоящую веру, веру Божию. Ибо мы воистину всегда готовы ради веры положить жизнь свою, порвать свои отношения с мирскими приятелями, для которых наше поведение может показаться ханжеским и противоестественным из-за того, что мы отказываемся участвовать в разврате и одурманивании мира сего, из-за того, что мы остаемся честны по работе, даже если это грозит потерей денег или самой работы... И все это из-за того, что мы хотим жить взяв крест, жить так, как жил наш Спаситель, вечной жизни Которого мы хотим приобщиться уже сегодня. “Тело распятого на кресте выглядело бесформенно”⁽⁵⁾. Мы также должны “быть подобными образу Сына” Божия (Рим 8,29), быть подобными Ему по виду, который был “обезображен паче всякого человека” так, что все отворачивались от Него (ср. Ис 52,14 с Флп 2,7). Всё это должно отображаться и в нас, ибо и в нас должны быть те же чувствования, что и в Нем (Флп 2,5).

Мне кажется, что на высокий уровень, к которому мы призваны, на жесткие и неуклонные требования Господа от нас, в нашем сообществе мало уделяется должного внимания. Первые люди, слышавшие слова Господа, также видели как Его распяли. “Когда житель их селенья взял крест и пошел с ним по дороге в сопровождении небольшой кучки Римских воинов, они знали, что он уже больше никогда, никогда не вернется домой”⁽⁶⁾.

Призыв взять крест означает гораздо большее, чем простое долготерпение ударов судьбы повседневной жизни. Крест не был просто тяжким бременем, он был орудием смерти. И это необходимо понять! Он был, и остается, призывом полного отречения себя. Крест - образ полнейшего самоотречения. Если ты взял его, то уже не остается пути назад. Как Господь, так и Павел очень много и настойчиво требуют от нас. Это настолько высоко и недостижимо, что кажется странным. А странность эта, на мой взгляд, возникает из-за разницы взглядов и понятий между Христианами первого и двадцать первого столетий. Задумайтесь о том, что было привычно и нормально в ранней церкви, однако сегодня отвергается как духовный фанатизм.

- Есть много свидетельств о том, что “жизнь в одиночестве всячески приветствовалась и поощрялась в ранней церкви, даже иногда не завися от учения Павла”. В 1Кор 7 дается совет, лучше посвятить себя Господу и жить одиноко, чем обзаводиться семьей. Среди нас же большего уважения заслуживают как раз семейные, чем одинокие. Любые слова, высказанный в защиту одиночества воспринимаются как экстремизм.
- Обращенные с радостью продавали свои земли и имущества, собирали деньги и разделяли их среди беднейших членов. Многие ли обладатели собственности сегодня хотя бы задумывались поделиться ею со своими братьями? Мы даже неспособны оставить свое состояние “для служения” или “более богатым братьям”.
- Мужья и жены часто на несколько дней воздерживались от близости друг с другом ради более серьезной молитвы и поста. Христиане наших дней в среднем на молитву тратят около десяти минут в день и вряд ли кто из нас постится.
- Старейшины так много времени проводили в молитве, что просили других делать за них необходимые повседневные дела, лишь бы продолжать так же усердно молиться (Деян 6,2-4).
- Более молодые братья, “посланники церковей”, тратили все свое время на исполнение возложенных на них поручений, путешествуя по полной опасностей вселенной того времени.
- Ревностные братья в Фессалониках оставляли все свои дела, настолько они были уверены в близости второго пришествия.
- Предположительно Евангелие от Марка (как минимум) знали наизусть все обращенный. Большинство сегодняшних Христиан едва ли помнят 50 стихов Библии.
- Похоже, что каждый из верующих обращал кого-то (1Кор 3,10-15).
- Вдовы, как правило, не выходили замуж, если же и выходили, что не было запрещено (1Кор 7,39,40), то они, по словам Павла, впадали “в роскошь в противность Христу” (1Тим 5,11), так как отступали назад от более высокого, определенного для них духовного уровня - оставаться в одиночестве (1Кор 7,40). Нам такое поведение кажется, по крайней мере, странным, однако эта “странность” ни что иное, как учение Духа.
- Верующие того времени постоянно подвергались преследованиям, мучениям, узам и далеким изгнаниям до тех пор, пока они не соглашались на то, что сегодняшние “верные” назвали бы “формальным отречением от веры”

Я не являюсь активным сторонником ни одного из выше приведенных примеров, однако в целом, они создают картину сообщества, которое имело представление о значении креста.

Нам свойственно проводить разделительную черту между еkkлeсией первого столетия и нами, думая, что тогда были одни, сегодня же совсем другие духовные ценности. Точно так же мы думаем и о ревности верующих не столь далекой от нас исторической эпохи. Нам не обязательно страдать так, как страдали они, не обязательно переживать все то, что

переживали они, однако нам необходимо всегда, до самого конца, жить крестной жизнью Христа. Когда раздражены - хранить молчание, от всего сердца прощать братьев-клеветников... ибо это также является жизнью на кресте. Не приходится сомневаться в том, что чем больше читаешь Новый Завет, тем больше видишь, как много требуется от нас, и то, что не многие достигают этого высокого уровня, не должно останавливать нас. И все же, по примеру учеников Христа, которые, как только Господь начинал говорить о кресте, меняли тему разговора, прячась от настоящего распятия своего Господа, свойственно и нам отворачиваться от настойчивого призвания креста. Вспомните, как Петр попытался остановить Господа, когда Тот говорил, что собирается идти в Иерусалим, чтобы быть распятым там. Господь ответил: “Прочь! За Мною, (Петр)... если кто хочет за Мною пойти, да отречется от самого себя и возьмет крест свой и следует за Мною” (перевод еп. Кассиана). Тем самым Иисус как бы говорит: “Давай, Петр! Возьми крест свой, и следуй за Мною. Не останавливай Меня умереть на кресте только потому, что если Я умру на нем, то и тебе надо будет умереть такой же смертью”. Нам также может не нравиться мысль о кресте (ведь каждый из нас сталкивается с трудностью глубокого размышления о нем на наших собраниях за трапезой Господней) просто, потому что мы понимаем, что он непосредственно касается и нас, тех, кто “во Христе”, сегодня являющих Того, Кто умер тогда такой ужасной смертью. В Ин 21 написано, как Господь предсказал Петру, что тот умрет с простертыми руками (намек на распятие), после чего тут же приказал ему идти за Собой. Очень часто идти за Господом, следовать за Ним, означает следование взяв крест. Петр пошел за Ним. Иисус шел впереди, Петр следовал сзади. Однако он отвернулся от Иисуса, ибо заметил, что за ним следует Иоанн. Его вопросительное, “Господи! а он что?”, было встречено словами, возвращающими его назад, к тому, что действительно было и остается важно: “что тебе? Ты за Мною следуй” (перевод еп. Кассиана). Петра так легко и быстро “отвернуло” от призвания креста, на этот раз, следование за ним его брата. Впрочем, эта проблема хорошо знакома и нам всем. Я не проповедую фанатизм, или же культовый экстремизм. Вовсе нет! Просто я стараюсь привлечь внимание к той жизненно важной необходимости сораспятия, которое требуется от нас после крещения в смерть Господа, которое мы каждый раз подтверждаем, когда берем чашу за трапезой Его (обратите внимание на то, как “крещение” и “чаша” являются одним и тем же образом страданий Господа в Мк 10,39). Просто мне хочется заострить ваше внимание на всех этих вещах, чтобы мы не отворачивались от них, прячась за маской внешней набожности, или же за разбирательством поведения других, как это пытался сделать Петр, по отношению к Иоанну. Если мы способны распинать себя, хотя бы иногда, мы уже сегодня станем способны познать и воскресение, причастниками которого мы также являемся. А это приносит ни с чем несравненную радость и мир в вере.

Примечания

- (1) These quotes are from Martin Hengel, *Crucifixion In The Ancient World*.
- (2) Quoted in Maurice Goguel, *Jesus The Nazarene*.
- (3) Quoted in Bill Farrar, *The Preaching Of A Crucified Saviour*. I am indebted to this work in many ways.
- (4) Лучшее, что я могу предложить “Справедливость Божия” в Добавлении к “Основы Библии”.
- (5) Martial, *Liber Spectaculorum*
- (6) Leon Morris, *The Cross Of Jesus*.

4-12 Отражение любви Христовой

Бог, Чья духовность на много порядков выше нашей, пытаясь донести до нас всю суть любви Христовой, говорит о ней прилагательными превосходной степени. Павел молился за верующих Ефеса, чтобы они, укорененные и утвержденные Духом во внутреннем человеке, “могли постигнуть со всеми святыми, что широта и долготы, и глубина и высота, и уразуметь превосходящую разумение любовь Христову” (Еф 3,18,19). Но как можно уразуметь то, что превосходит разумение? Мы можем только знать, что любовь Божия действует в нас, в нашем внутреннем человеке, дабы мы могли постичь Христа, обитающего в сердцах наших, а также любовь Его, чтобы видеть проявление ее в других. И в этом помогает нам Библия, на страницах которой рассказывается о тех, кто достиг таких высот любви, которые во многом похожи на любовь Христову. Если мы сможем постичь любовь этих людей (которая была всего лишь тенью, образом любви Христовой), то мы сможем немного приблизиться к постижению широты, долготы, глубины и высоты той любви, которой нам пока вряд ли удастся прочувствовать “в полном объеме”.

Любовь Моисея

Взять хотя бы Моисея. Израильтяне ненавидели его, они “отринули его” (Деян 7,39), а из-за того, что они раздражили его, он не смог войти в землю обетованную. Он так много сделал для них, они же отвергли “этого человека”, “сего Моисея”, как они называли его (ср. Исх 32,1,23 с Деян 7,35). И все же, когда Бог решил погубить Израиль и сотворить новый народ, но уже от Моисея, он настолько ревностно начал молиться за них, что достиг того, что мало кому удавалось достичь молитвой - отменить (а не просто отложить на какое-то время) столь решительное намерение Бога. И особенно, задумайтесь над тем, что сделал Моисей, когда согрешил Израиль, сделав себе двух золотых тельцов! Он сказал им, что еще раз взойдет на гору, “не заглажу ли греха вашего” (Исх 32,30). Моисею хорошо было известно, что очищение греха было невозможно без пролития крови (Лев 17,11; Евр 9,22, а также случай с Финеесом, который отвратил ярость Божию от сынов Израиля, убив Зимри и Хазву - Числ 25,8,13). И все же он надеялся на то, что Бог “изгладит” грех (буквально, “покроет”), ибо думал очистить их, положив свою собственную душу за них, за тех, кто ненавидел его и уже обратился сердцами своими обратно в Египет. Он опять взошел на гору, на что потребовалось около дня, и на вершине ее сделал чудесное и вместе с тем высокодуховное предложение Ангелу: “Прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал” (Исх 32,32)⁽¹⁾. Без воды и хлеба он умолял об этом Яхве 40 дней и ночей (Вт 9,17; 10,10). Это была не одноразовая молитвы, высказанная сгоряча. Имя, изглаженное из книги Божией, однозначно означает потерю верующим места в Царстве Его (Исх 32,33; Флп 4,3; Откр 3,5; 17,8; 21,27; 22,19). Это предложение не было сделано сгоряча. После многих часов восхождения на гору, Моисей решил, что он должен сделать это - отказаться от своего места в Царстве Божием с тем, чтобы оно было занято прощенным за ужасный грех Израилем. Насколько же это возвышено! Одно дело просто положить свою жизнь, другое - положить ее, отказавшись от жизни вечной. И он умолял об этом Бога, принять его предложение, чтобы простить всего лишь один грех народа, который ненавидел его, который, очевидно, ублажал лишь свою плоть. Ну, а если настолько сильной была любовь Моисея к грешному Израилю, насколько сильнее была к нему любовь Христова?! Ну, а если Христос так сильно любит грешный Израиль, то подумайте (постарайтесь представить себе) как Христос любит нас, которые, по крайней мере, пытаются не отвратиться от Него, желающего, чтобы мы со всеми своими слабостями следовали за Ним до конца.

Впрочем, изгладить из книги Божией написанное в ней имя, могло пониматься Моисеем, как исключение его из числа тех, кто войдет наследовать обетованную землю, ибо позже в “книге” были описаны уделы ее (Нав 18,9). Подобная мысль подтверждается в Иез 13,9: “и в список дома Израилева не впишутся, и в землю Израилеву не войдут”. Иезекииль скорее всего писал эти слова с мыслями о Моисее, а это значит, что изгладить из книги Моисея означало для него не войти в обетованную землю. Израиль тогда должен был быть стерт с лица земли в пустыне, с ним хотел погибнуть и Моисей. Моисей не хотел спасения без них - он хотел разделить с ними их осуждение. Это - верх самоотречения. В последние дни своей жизни Моисей произнес большую речь, записанную во Второзаконии, уже хорошо зная, что он должен умереть, не войдя в обетованную землю. Во Вт 9,18 он говорит, что его молитва, записанная в Исх 32,32, была услышана, а именно, что они войдут в землю, а он нет. Отсюда и его страстное желание, чтобы они шли и наследовали землю, дабы его жертва не оказалась напрасной. И в этом просматривается провидение Божие, которое действует даже через грех. Моисей был исключен из числа тех, кто наследовал землю за свое необдуманное и поспешное высказывание, однако, как раз то же самое означало, что его молитва была услышана. Его имя на этот раз было изглажено из книги так, что он не смог войти в землю. На мольбу Моисея все же позволить ему войти в обетованную землю, нужно смотреть как на проявление слабости, примерно так же, как на молитву нашего Господа в Гефсимании. Однако, несмотря на слабость, он все же достиг того, что хотел - он пожертвовал своим местом в царстве (в земле) с тем, чтобы они могли войти в нее (хотя он, конечно же, войдет в грядущее Царство). Именно по этой причине Моисей так сильно подчеркивал, что он не войдет в обетованную землю ради Израиля, по вине его (Вт 1,37; 3,26; 4,21). Он понимал, что его грех возымел свои последствия, однако главной причиной того, почему он не входит в землю обетованную, было все же его самопожертвование. Вот почему “Моисей потерпел за них” (Пс 105,32).

Во всем этом смерть Моисея была прообразом смерти Господа. В Ис 53,8 написано, что на кресте “Он (был) отторгнут от земли живых”, или же от народа Израильского, “за преступления народа (Божия, а значит и Его) претерпел казнь”. Без всякого сомнения эти слова относятся к самопожертвованию Моисея, которое было совершено ради возможности наследования ее Израилем. Господь принял смерть грешника, ибо и Он, как и Моисей, предпочел поношение наше, ради того, чтобы спасти нас. По вдохновению Давидом были написаны слова молитвы Моисея за Израиль (Пс 24,11 = Исх 32,30,31). Так и у Павла существует много ссылок на Моисея, основной сутью которых является призыв подражать Моисею в молитвах ради спасения других.

2Тим 2,24,25	Моисей
Раб Господа	Так часто назывался Моисей
Не должен ссориться	Как Израиль ссорился с Моисеем (Числ 26,9)
Быть приветливым со всеми	Дух Моисея
Быть учительным	Как был Моисей (Исх 18,20; 24,12; Вт 4,1,5,14,31,22)
Незлобивым	Как Моисей
Кроток	Моисей был человек кротчайший из людей (Исх 12,3)

Наставлять противников	Как во время восстания Аарона и Мариам
не даст ли им Бог покаяния (т.е. прощения)	“не заглажу ли греха вашего” (Исх 32,30) - молился, заглаживая их грех 40 дней и ночей.

Также обратите внимание на то, что:

2Тим 2,19 = Числ 16,5,26

2Тим 2,20 = Числ 12,7

2Тим 2,21 = Числ 16,37

2Тим 2,22 = Числ 12,2; 16,3

2Тим 2,26 = Числ 16,33

А это уже кое-что. Высокая степень самопожертвования Моисея ради своего народа, страстность его молитвы, являющейся прообразом несравненного ходатайства и самопожертвования нашего Господа, являются отличным примером для всех нас. Эти высоты существуют не только для того, чтобы любоваться ими, а для того чтобы мы не молились без полного привлечения своего сердца, умоляя Бога, чтобы Он “был с” братом “х” и сестрой “у”, а также с братьями в стране “z”, чтобы мы не возносили свои молитвы в полудреме за несколько минут перед сном. Ибо наши молитвы ради спасения других должны быть продолжительными, коленопреклоненными и набожными (в прямом смысле этого слова).

Любовь Давида

Все это естественно приводит к любви Саула Давидом. Саул был врагом Давида, приводя его в полное отчаяние, упрямо преследовав Давида всевозможными доступными ему способами. И в этом также виден прообраз того, насколько сильно был ненавидим наш Господь Иудеями. Однако, когда Саул был убит за свои грехи, любовь Давида излилась из него да так, что всему его народу стало ясно, что такую любовь никак нельзя было назвать показной (2Цар 3,36,37). Давид оплакивал Саула плачевной песнью (2Цар 1,17), как и вся 2-й книга Царств полна всяческих примеров любви Саула Давидом. Однако Давид показывал свои чувства к Саулу не только после его смерти - в конце концов, не так уж и трудно любить уже умершего человека. В Пс 34 Давид размышляет над своими чувствами к Саулу: “чего я не знаю, о том допрашивают меня; воздают мне злом за добро, сиротством душе моей (духовно). Я во время болезни их (Саула и его семьи) одевался во вретнице, изнурял постом душу мою, и молитва моя возвращалась в недра мое. Я поступал, как бы это был друг мой, брат мой (Ионафан - 2Цар 1,26); я ходил скорбный, с поникшею головою, как бы оплакивающий мать” (Пс 34,11-14). Поникшая голова человека, оплакивающего свою мать у ее могилы - сильное сравнение. Давид не мог лучше подобрать образа, чем оплакивание человека своей матери, плача о том, что он уже никогда, никогда не сможет ее увидеть. “Как бы оплакивающий свою мать”. Однако Давид на этом не заканчивает: “А когда я претыкался, они радовались...” Похоже, что на этом месте Давид осознал, что он действительно достиг высокого уровня истинной любви своих врагов. Он оплакивал Саула так, как человек оплакивает свою мать у ее могилы, плача над человеком, который совсем не заслуживал этого. А ведь это было всего лишь очень слабой тенью безграничной и все проникающей любви Господней Израиля. И

насколько же больше Он любит нас, которые, по крайней мере, стараются хотя бы немного возместить жестокосердное безразличие Израиля?

И наконец, подумайте о том, как благодаря Давиду, благодаря тому, что он построил на свои средства жертвенник Богу и предложил Ему поразить себя и свою семью, было остановлено поражение Израиля (2Цар 24,16,17 - язва, посланная Господом, была тем наказанием, которого Давид просил для себя и своей семьи). Израиль был поражен за то, что не дал выкупа при исчислении (Исх 30,11-16), однако Давид, в духе Христовом, готов был умереть за них. Похоже, что он действительно искренне чувствовал, что их грех был и его грехом также (2Цар 25,17). И его чувство вины было принято так, как будто он на самом деле согрешил, и благодаря его духу самопожертвования был спасен, недостойный этого спасения, весь народ Израильский.

Любовь Иеремии

В Библии очень много сказано о душевных страданиях Иеремии за Израильян, которые строили замыслы, чтобы убить его, составлявшие “замыслы против (него), [говоря]:... отторгнем его от земли живых, чтобы и имя его более не упоминалось”, от которых он в отчаянии хотел убежать (Иер 11,19; 9,2). Однако, вместо этого: “О сокрушении дочери народа моего я сокрушаюсь... О, кто даст голове моей воду и глазам моим - источник слез! я плакал бы день и ночь (в молитве) о пораженных дочери народа моего”. Можно еще и еще перечислять подобные места у Иеремии. Он принес в этот мир новый образец печали и любви к Израилю, который совершенно не был понятен народу его. “Да не будет этого с вами, все проходящие путем! (по дороге мимо оплакивающего?) взгляните и посмотрите, есть ли болезнь, как моя болезнь, какая постигла меня” (Плач 1,12)? Бог трижды запрещал ему молиться за Израиль (Иер 7,16; 11,14; 14,11), однако народ все равно продолжал просить его об этом (Иер 21,2; 37,3), возможно как раз потому, что они знали, что ему хотелось молиться за них. И, наконец, после всего, сделанного ими Иеремии, Иудеи попросили его: “помолись о нас Господу Богу твоему... И сказал им Иеремия пророк: слышу, помолюсь Господу Богу вашему по словам вашим” (Иер 42,2,4). Иеремия пошел против воли Божией, которая была ясно высказано ему в том, чтобы он больше не молился за народ сей - так сильно он любил Израиль. Любовь Иеремии, настоящее глубокое чувство, обладавшее всем его существом, было направлено к народу, который вел себя жестоковейно по отношению к Господу, Богу своему. Любовь же Иисуса Христа намного, намного сильнее любви Иеремии.

Любовь Халева

Халев, будучи язычником, прилепился к колену Иудину и стал начальником его. Ему было милостиво даровано наследие в земле Израильской. За его высокую духовность ему в наследие был дарован Хеврон, из которого он удалил, с невиданной в Израиле ревностью, всех прежних обитателей его. И он же, позже, пожертвовал город, отдав его, ибо Хеврон стал одним из священнических городов, в котором поселились левиты. Он пожертвовал своим местом в царстве для других (Нав 14,12) - а это признак такой любви, которой не многие обладали.

Любовь Павла

Павел был в духе Моисея, когда говорил, что он готов “быть отлученным от Христа” за своих Иудейских братьев. Он был готов пожертвовать своим спасением за них, хотя и знал, что Божии законы действуют совсем по другим принципам. Он подчеркивает, что то, что он говорит, является не просто словами: “Истину говорю во Христе, не лгу (еще

раз подчеркивает он), свидетельствует мне совесть моя в Духе Святом” (Рим 9,1-3). Святой Дух подтверждал, что можно было верить его совести, которая без обмана говорила о том, что Павел достиг высокого уровня любви народа, который не только хотел его гибели, но, что хуже всего, желал с корнем вырвать все то, что составляло смысл, дело всей его жизни. Влияние Иудеев проникло в еkkлессию Коринфа, после чего члены ее стали насмехаться и уничижать Павла, полагавшего свою жизнь за них. И все же снова и снова он называет их своими братьями, сравнивает их с безвинной Евой в Едеме, которую намеревался обольстить хитрый Иудейский змий, тех, которые так грубо и разнообразно унижали его, он сравнивал с чистой девой. Его любовь была выше этого. И снова, и снова, как это ни может показаться надоевшим, хочу сказать, что любовь Израиля и Коринфян Павлом, любовь Израиля Иеремией и Моисеем, а также любовь Саула Давидом - вся эта столь возвышенная и сильная по человеческим меркам любовь, является всего лишь слабой тенью той огромной любви Христа к Израилю, ради которого прежде всего Он и умер (Гал 4,4,5). Ну, а если такова любовь Его к тем, кто отверг Его, насколько же сильнее Он любит нас, которые стараются следовать за Ним.

Большая любовь

Любовь Христову мы можем ясно и во всей полноте увидеть на страницах Нового Завета. В частности самую что ни на есть суть любви мы видим на кресте. Он возлюбил “Своих сущих в мире”, возлюбив нас, до самого что ни на есть конца (Ин 13,1). Он знал, что Своей смертью Он явит любовь большую, чем мог бы явить любой из людей. Он открыл имя Божие и Его качества, “да любовь, которую Ты возлюбил Меня, в них будет” (Ин 17,26). “Живите в любви, как и Христос возлюбил нас и предал Себя за нас в приношение и жертву Богу” (Еф 5,2). “Любовь познали мы в том, что Он положил за нас душу Свою: и мы должны полагать души свои за братьев” (1Ин 3,16). Из всего этого следует, что смерть на кресте была ничем иным, как самой любовью Христовой, определением Его любви, любви явленной самораспятием, сознательным делом того, против чего протестует самое естество человека. А вы обратили внимание, что во всех случаях говорится о том, что и нам нужно показывать такую же точно любовь к своим братьям? Здесь нет и не может быть выбора. Жизнь без любви означает отрицание и неприятие самой сущности креста. Павел утверждает, что смерть Господа, “[в жертву] за грех”, была нужна для того, “чтобы оправдание закона исполнилось в нас” (Рим 8,3,4). Но в том же самом Послании Павел определяет “оправдание закона” одним словом - “любовь” (Рим 13,10). Любовь, с точки зрения Бога, является соблюдение заповедей Его (1Ин 5,3). В чем тут дело? Как смерть Господа на кресте может исполнить *в нас* оправдание закона, оправдание любовью? Да очень просто, ибо человек не может спокойно взирать на крест, чтобы он не вдохновился Его жизнью, жизнью исполненной истинной и искренней любовью. Определение Павла, что любовь является исполнением закона, совсем не оторванное от жизни теологическое умозаключение, выражающее то, что на кресте исполнились все ветхозаветные образы и т.д. Крест исполнил закон в том, ради чего был установлен весь закон - ради любви. Именно поэтому крест и смерть Господа Иисуса на нем сейчас для нас служат сильнейшим вдохновением жизни в любви, которая исполняется в исполнении всего закона.

Иисус Христос умер так, как Он умер для того, чтобы любовь Божия, настоящая любовь во всем ее полном значении, могла быть видима со всех сторон во всем ее проявлении, чтобы раз увидевший, не мог уже никогда забыть ее. Любовь, проявляемая нами за трапезой Господней, - наименьшее из того, что мы можем сделать в этом плане, ибо это является всего лишь началом любви. “Любовь Христова объемлет нас” не для того, чтобы мы жили для себя, а для того, что бы мы жили ради Умершего за нас, являя это своим отношением к братьям (2Кор 5,14 и контекст). Один из комментаторов пишет о греческом

слове, переведенном здесь как “объемлет”: “Суть этого слова здесь не “обязывать”, не “понуждать” и не “заставлять” (см. современные переводы), а в ограничении узкими рамками, наподобие узкой дороги, огражденной по бокам стеною”⁽²⁾. Мы не обязаны кресту, он не заставляет и не понуждает нас, ибо мы все просто объаты им ради одной единственной цели. Перед нами лежат только два пути - один путь к смерти, другой к жизни, и мы, благодаря кресту, находимся на узком пути к жизни. В этом заключается утверждающая и преобразующая сила креста, если только мы уделяем ему достаточно много внимания. На кресте во всем объеме была явлена многогранная любовь Божия и Христа. На нем было открыто имя Божие, чтобы любовь, которую Бог возлюбил Христа, была и в нас (Ин 17,26).

Вероятно вам будет интересно знать, что мне нравится перечитывать Евангелие за один-два приема. Однажды меня поразило то, что как только Господь начинал говорить о Своей приближающейся смерти, Его ученики тут же стремились переменить тему разговора! То же самое происходит и с нами, ибо существует нечто, что отвращает нас от настоящей важности креста. Проповеди перед преломлением хлеба зачастую уходят далеко в сторону от главного, да и сами мы очень быстро возвращаемся к своим повседневным делам и заботам, не успевая выйти из-за трапезы Господней. Нам всем известно, что мы все виновны в этом. Исаия рыдает над тем, что несмотря на чудо искупления Бога через крест, вряд ли кто поверит в него, рыдая над тем, что люди будут отвращаться от распятого Христа (Ис 53,1,3). Его предсказание полностью исполнилось. Народ во второй половине той пятницы приходил, чтобы посмотреть на крест, но после нескольких минут этого зрелища возвращался по домам, бия себя в грудь (Лк 23,48). Мне кажется, что большинство из них так и умерло в неверии, ибо остались равнодушны к тому, что видели в тот день. То же самое происходит и с нами. Мы совершаем хлебопреломление, и продолжаем заниматься своим обычными делами, возвращаемся к своим мелочным заботам, духовность которых часто, да и то в лучшем случае, чуть-чуть заметна в нашем поведении. А потому давайте попробуем не отвращаться, попробуем не менять тему, попробуем видеть любовь Христову, взирать на нее, чтобы преобразоваться в тот же самый образ, от славы в славу, как от Духа Господа (2Кор 3,18).

Для меня являются одними из лучших мест в Библии те места, в которых Павел выражает, хотя и по вдохновению, свои чувства, дабы и мы могли постичь их: “Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь... ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем... Ибо любовь Христова объемлет нас... (дабы) уразуметь превосходящую разумение любовь Христову... ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего: для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор... А я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, и я для мира” (Рим 8,37-39; 2Кор 5,14; Еф 3,19; Флп 3,8; Гал 6,14). Подобные места обнаруживают духовные высоты Павла, которых он достиг, размышляя о настоящей любви Христовой, а написаны они для того, чтобы я также мог получать духовное наслаждение от того, что Павел, невзирая на богодухновение, сам постиг глубокое понимание высоты, глубины и широты той любви, которой все мы связаны. И эта высота духовного наслаждения, смею вас уверить, доступна всем нам.

Совершенство любви

Главная и основная цель всего нашего существования как Христиан сводится к тому, чтобы мы жили и думали под воздействием любви Христовой, а так же той любви, которую она неизбежно порождает и в нас. Такова конечная цель Божиего благоволения. И я верю, серьезно верю в то, что Бог действует в нашей жизни через незначительные

разочарования, через удары судьбы, которые мы ежедневно получаем и еще будем получать, действует так, чтобы Его воля, в конце концов, исполнилась в нас. Чувство горечи и эгоизма могут быть настолько сильны, что мы вполне можем умереть так до конца и не осознав Его воли, или же умереть не поняв ее из-за своей собственной лени и нерадивости. И все же, благодаря Его безграничному милосердию, мы будем приняты в Царство так же, как будут в него приняты (что очевидно) Иаков и Давид, которые незадолго перед смертью проявили духовную незрелость. Существует достаточно много стихов говорящих о том, что знание любви Христовой, познание настоящего значения креста, на котором во всем совершенстве и полноте была явлена эта любовь, являются верхом нашего пути во Христе.

- Суть всех заповедей - “есть любовь от чистого сердца” (1Тим 1,5). Это - окончательная цель всего. Все заповеди “закключаются в сем слове”, в любви (Рим 13,9).
- “Более же всего [облекитесь] в любовь, которая есть совокупность совершенства” (Кол 3,14). Любовь - это законченное духовное совершенство.
- “Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает, и любовь Его совершенна есть в нас” (1Ин 4,12). Это - совершенство. Возрасти до пребывания в себе любви Божией, до любви друг к другу является тем совершенством, которое благоволит Бог увидеть в нас.
- Если любовь становится в нас совершенной, то “мы имеем дерзновение в день суда”, потому что “совершенная любовь изгоняет страх” нашего осуждения (1Ин 4,17,18). Такие слова толкают действовать! Страх осуждения на суде у большинства из нас является отсутствием в нас совершенной любви. А потому, если уж пока живем, давайте пользоваться возможностью совершенствоваться в любви!
- Пережитые нами скорби помогают развить терпение, а затем и твердую надежду на спасение, что, в конечном счете, развивает совершенную любовь, “потому что любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам” (Рим 5,5). Во 2Пет 1,5-7 в хронологическом порядке описан тот же процесс, в котором после братолюбия следует самое последнее - любовь. После чего Петр говорит, что это и есть познание Господа Иисуса Христа (ст 8). Естественно, это совсем не означает, что мы не можем являть настоящую любовь будучи все еще духовно несовершенны, просто нам необходимо стремиться к той “любви”, которая происходит от Христа, и которую, в конечном итоге, желает видеть в нас Сам Бог.

Все это объясняет почему всегда и так упорно настаивается на важности подражания любви Христовой: “Более же всего [облекитесь] в любовь” (Кол 3,14). “Более же всего имейте усердную любовь друг ко другу” (1Пет 4,8). Именно по этой причине Иоанн так часто говорит о том, что если мы отражаем собой любовь Божию, тогда мы уверены в своем спасении, потому что мы усвоили суть благовестия и смысл креста нашего Господа Иисуса Христа. Не хочу вдаваться в подробности, объясняя вам, как лучше и полнее являть любовь Христову в своей жизни. Вы и так это знаете. Ибо, если вы действительно всерьез взираете на нее, то и любовь Христова, и крест Его сами объемлют вас.

Примечания

(1) Довольно трудно здесь объяснить смысл еврейской фразы. Слова Моисея могли также означать: “Если Ты не хочешь позволить им войти в царство, тогда не давай и мне наследия в нем, ибо я не хочу быть там без них”. Другой бы на его месте решил, что без этого сброда отступников и изменников ему было бы легче дойти до царства и войти в него.

(2) Marvin Vincent, *Word Studies Of The N.T.*